

Н. Е. Сулименко

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК:
К ИЗУЧЕНИЮ СЕМАНТИКИ
ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**

Учебное пособие

Саратов
2016

УДК 81
ББК 81.2

Суляменко Н.Е.

Современный русский язык: К изучению семантики имен прилагательных. Учебное пособие / Н. Е. Суляменко — Саратов: Издательство «Высшее образование», 2016 — (Высшее образование). — 249 с. — Док. опубл. не был. — Доступ с сайта ЭБС ИРБНюска

Пособие содержит материалы, положения и выводы по семантической характеристике имени прилагательного, изучаемого в курсе современного русского языка. Оно предназначено для студентов, аспирантов и преподавателей русских

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ИХ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	6
1.1 Лексическая семантика: некоторые когнитивно-дискурсивные аспекты	6
1.2 Семантика русского прилагательного: на пути к когнитивному истолкованию	15
2. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ИХ СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВОМ ИСТОЛКОВАНИИ	45
2.1 Типы качественной семантики в системе именной прилагательных: семантика грамматическая, словообразовательная, лексическая	45
2.1.1 К семантической характеристике качественных и относительных прилагательных	68
2.1.2 Деривационные отношения в семантической характеристике качественных прилагательных	73
2.1.3 Деривационные отношения в лексико-семантической характеристике относительных прилагательных	79
2.2 Тип лексического значения как категория семантики и типы лексических значений именной прилагательных	86
2.2.1 Некоторые нерешённые вопросы типологии лексических значений	89
2.2.1.1 Синтагматический аспект типологии лексических значений прилагательных слов	89
2.2.1.2. О статусе текстовально обусловленного значения	90
2.2.1.3 О некоторых синтаксических параметрах типов лексических значений слов	93
2.2.1.4. О несвободных лексических значениях слов	99
2.2.1.5. Свободно номинативное значение слова и контекст	110
2.2.1.6 Экспрессивно оценочное значение слова в ряду смежных значений	116
2.2.2 Типы лексических значений именной прилагательных разных ЛП	118
2.2.2.1. Способы выделения несвободных значений и их границы у синонимичных слов	118
2.2.2.2. Основные типы несвободных значений качественных прилагательных	130
2.2.2.3. Основные типы несвободных значений относительных прилагательных	142

2.2.2.4. Возвращаясь к характеристике типа свободно-номинативного значения качественных прилагательных	160
2.2.2.5. Парадигма относительных прилагательных, объединяемых типом свободно-номинативного значения	162
3. КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ	179
3.1. Имена прилагательные в коммуникативном пространстве текста	179
3.2. Функциональная обусловленность разнотипных значений имён прилагательных и их текстовые функции	188
3.2.1. Функциональный критерий в типологии лексических значений	188
3.2.2. Текстовые функции разнотипных по лексическому значению качественных прилагательных	191
3.2.2.1. Коммуникативный потенциал качественных прилагательных со значением свободно-номинативного типа	196
3.2.2.2. Коммуникативный потенциал качественных прилагательных со значением фразеологическое свободное типа	202
3.2.2.3. Коммуникативный потенциал качественных прилагательных со значением лексически связанного типа	205
3.2.2.4. Текстовый потенциал качественных прилагательных как результат кодификации значений разных типов	209
3.2.3. Текстовые функции разнотипных по лексическому значению относительных прилагательных	216
4. НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЛКОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ	227
4.1. Прилагательные в нормативном толковом словаре	227
4.2. Прилагательные в диалектном словаре	232
5 НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО	241
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	249

ВВЕДЕНИЕ

Семантические свойства имени прилагательного № выиски в лингвистике одностороннего истолкования несмотря на длительную традицию разработки данной части речи. Причины этого кроются как в смысле общенаучных и лингвистических предпосылок, так и в отставании при изучении собственно лексиколингвистических основ семантики имен разных лексико-грамматических классов и разрядов.

Различное понимание существования языка, отмеченное Ю.Н. Карауловым (язык – система, язык – способность, язык – совокупность текстов), обуславливает диспарадигмальность в исследовании его категорий и единиц, актуализируя биологическую природу языка в свете антропоцентрического подхода к нему как к виду, требующему обязательности интегративных ситуаций в характеристике имени прилагательного. Это предвзывает отказ от ограничиваемости поуровневого рассмотрения семантики слов, от жесткого противопоставления дифференциальных и недифференциальных признаков, типологической и собственно лингвистической информации, семантики и прагматики и т. д.

С реализацией указанных устремлений связана композиция данной работы, первая часть которой посвящена именам прилагательным в их когнитивно-дискурсивной интерпретации, вторая – именам прилагательным в их системно-структурном истолковании и третьей – коммуникативно-дискурсивным аспектам лексической семантики имени прилагательного. Название этого раздела, на первый взгляд кажущееся табулогичным, парадоксальным, оправдано тем, что термины дискурс в современной лингвистике имеют и когнитивный, и коммуникативно-прагматический смысл. Ср. одно из последних определений: «дискурс следовательно бы определять как коммуникативно-когнитивное событие социокультурного характера» [Минченко 2008:57]

Кроме того, в книге затрагиваются некоторые лексикографические и лингвометодические проблемы осознания лексической семантики имени прилагательного (разделы четвертый и пятый)

Искренняя благодарность О.К. Павловой и Е.М. Савошкиной за помощь в подготовке текста к публикации.

1. ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ИХ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

1.1. Лексическая семантика: некоторые когнитивно-дискурсивные аспекты

Термин «дискурсивный» прибрёл в исследованиях последнего времени, учитывая, что не только наличие, но и виртуальную реальность, двойственный смысл с одной стороны, он в соответствии с традицией рассмотрения дискурса образует в коммуникативному пространству, к речи, с другой стороны – в когнитивном аспекте языковых единиц и явлений (такое использование термина дискурс мы находим в работах Ван Дейка, Ю.С. Степанова, Н.С. Кубряковой и др. др. когнитивности отечественной и зарубежной школы). Интегральный подход к языку предполагает описание лексической семантики русских имён прилагательных в единстве их системно-структурных, когнитивно-дискурсивных и коммуникативно-дискурсивных характеристик, что не исключает необходимости их разделения в исследовательских целях, определения их композиционную структуру текста.

Спорные проблемы когнитивной лингвистики, касающиеся границ языкового детерминизма, гипотезы лингвистической относительности, креативной природы лингвистической деятельности, содержательной сущности концепта и возможности его языковой объективации, теории дискурсивных практик и семантики возможных миров, способов категоризации и концептуализации явлений, методов концептуального анализа и др., имеют своим проявлением в построении современной теории лексикологии, создавая известные трудности в понимании семантической системы словаря данного языка. Некоторые из указанных проблем, имея выходы на слово в словаре и тексте, и будут предметом нашего внимания.

А.В. Кривошеин, разделяя идею о многообразной функции языка, связанной с биологической природой человека, считает, что «языковая детерминация предстает как необходимость, обусловленная структурным детерминизмом человека как живой системы» [Кривошеин 2007: 5].

В самом деле, если учесть оборачиваемость метода и рассмотреть человека и его язык не как систему, а как среду бытования иной системы – культуры с её системой норм и ценностей, природы с её многообразными свойствами и проявленными – а также теорию фракталов, принцип повторяемости в синергетике, то не может не сказаться влияние языка на систему более широкого порядка, что мы и наблюдаем в комплексном картине мира и самого мира под влиянием языковых изменений, лексико-семантических новаций разного рода.

М.В. Невский, наоборот, упрекает когнитивологов в излишнем лингвистическом детерминизме, и проматривающую между этими популярными явлениями связь он называет Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004, 2006]. Решая вопрос о том, действительно ли язык отражает мир или же в определённом смысле творит и создаёт его – не обязательно предполагает наличие лингвистического детерминизма. Отчасти ответ на этот вопрос дан и в философии виртуальной ре-

альности, в концепциях семантики возможных миров, и в неоднозначных наблюдаемых над прототипической функцией языка, над процессами коннотации тех феноменов, которые лишь позднее были открыты наукой и постфактум стали объектом метаязыковой рефлексии носителей языка (например, слова «экзистенциальность» и «амальгуриальность», фразеологизмы «открыть небо», «открыть море» и т.п. др.)

Отрицательные концепции языка также не имеют однозначного истолкования, и на устойчивость термина «языковая картина мира» указывали и Б.А. Среброшук, и Е.С. Кубрякова, и Г.В. Колчанская на том основании, что отражает не язык, а сознание человека. С позиций синергетики, сложные неравновесные системы, каковой является и естественный язык, не могут быть жестко детерминированы, они обладают способностью к самоорганизации, от локальной автономности в среде своего бытования, создавая в ней зоны информационных «углублений», хотя как открытые системы и черпают из ней вещество, энергию и информацию. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением Е.С. Кубряковой и ее единомышленников о том, что «в окружающей среде человек и должен выдвигать в первую очередь объекты с четкими контурами и/или вполне определенными сенсорными параметрами, отчего в условиях своего когнитивного формирования на основе сенсорных моторных репрезентаций» [Кубрякова 2004: 7]. Видимо, не случайно специализированным логическим способом интерпретации фразеологических единиц выступает тип свободной-комбинативной значения слова как прототипической в построении смысловой структуры многозначного слова и всей семантической системы словаря данного языка. Именно с ним связываются области информационных ситуаций смысла и синергетизм, целостность образа как первичной одеревянной формы концепта, обнаруживающего себя в этимологических признаках, внутренней форме, в прямой направленности на предметы окружающего мира, в максимальной степени свободы внешне-вещных связей всех видов и прагматического использования слова в данном значении. Если прибегнуть к экспозиционному взгляду на язык и синергетической аргументации, именно области «углубленной» информации и провоцируют программу действий с объектами и определяют направления констеллирования, привлечения внимания к значимым в определенной среде бытования человека и типа культуры свойствам объектов, особенности их лексической интерпретации. Антропный характер языка обуславливает наличие интереснейшего момента в формировании разных типов лексического значения как основных, так и дополнительных. Это отчётливо присутствует в комплексном определении лексического значения слова и в типологии лексических значений, отражающей разные виды дискурсивных практик, которые впервые были предложены В.В. Виноградовым. В то же время возникает вопрос, как объяснить исходный синергетизм в древнерусском языке слов типа «доброе», «обогатилось» и вообще многих понятийных этнических концептов, а также гипотезу когнитивности о последовательной дифференциации с помощью языковых средств исходно прагматических образов по мере развития знаний. Думается, что исключая активность правописательного мышления предопределила те констеллированные процессы, которые позднее объективировались в языке и

дали толчок к развитию смысловой структуры слова. Не случайно термин многих наук – утратив метафоры обыденного языка, а путь аналогий – один из важнейших в становлении нового знания. Отмечается сравнительно недавно способность животных к дифференциации и обобщению различных типов ощущений уже давно замечена языком и даёт себя почувствовать в процессах осмысленного речевого маркирования. Так, глагол *знать* в МАС-2 в одном из своих значений отмечен с оттенком *суметь что-либо сделать, владеть техникой и. т. п.* (знаю-знаешь). В тексте В. Толкаевой он конкретизирован как *суметь выловить и считать гудобными: «...летом он делал себе садик из трав, которые растут под ногами: полорожник, крапива, стебли одуванчиков, корни лопуха. Эти травы знает животное, а люди их не едят»* (Живая на дороге). Текстовое маркирование лексического семантики связано с прагматической направленностью языкового и лингвистического знания, создающей основу для семантического вывода. Иначе говоря, на всё концептуальное содержание имеет словесную, вербальную форму кодирования, часть его может передаваться текстовым способом на основе механизма выводного знания. Ср.: «*Значение языкового выражения включает общее, лингвистическое знание и то, как оно структурируется, употребляется в языке, то есть языковое знание. Между этими типами знания не существует четкой границы»* (Лейкер 2004: 17).

Когнитивные стратегии семантического вывода отчётливо выступают при производстве новых слов и значений и их понимании, когда языковой интуицией используется для перевода имплицитных признаков когнитива в явное поле сознания. Ср. такие новообразования, отмечаемые лингвистическими словарями, как: *аномалия* (о мировой интеллигенции и т. п. в публицистическом дискурсе), с тем же типом дискурса связаны переводные значения слов *магнитик* (нефактор, доверия и т. д.), *донор* (о регионах и др.), *Большой* (экономика и др.), *траншейный/честный* (об экологии), *аввал* (о кризисе), *придворный* (маркореволюционный) *власть* и т. д.; *комплиши* *гормонить*, *гормон*, *мутант*, *отморозивший*, *шестёрка*, *бутор*, *урам*, *окушивать*, *жулка* и мн. др. возникли в разговорном дискурсе как ответ на вызов *исключённый* (в том числе и в минимальную сторону) среды с использованием типовых моделей регулярной многозначности, заложённых в языке.

Лингвистическая деятельность говорящих предполагает новые степени языковой свободы, допускающей прототипическим значениям и открытости в контексте новые значения. Согласно постулату синергетики, выход самоорганизующейся системы на новый уровень самоорганизации, вызванный требованиями среды, предполагает отказ от некоторых прежних дифференциаций в угоду большей дифференциации на более высоких этапах усложняющейся системы. Применительно к лексической системе можно говорить о последовательном выходе тоталитарного дискурса, преобладающего насильственного порядка, идеологических крайностей, исключённого диалогизма и закрытости, отчётливых и в лингвографических студиях. С этим связана свобода использования разноплановой лексики, либерализация лексических норм, введение разнообразных элементов лингвистической информации в толкование слова и многое другое. Халатность «языкового корня» обещает новую ступень самооргани-

зации языка, в первую очередь его лексической системы как наиболее открытой воздействию среды.

Зона комбинаторности системы, её приспособленность и динамика концептуализации системы прежде всего связаны с необходимостью статистически маркированных значений, обуславливающих мотивы введения данного слова и его востребованности в языке. Возможность отклонения от жесткого детерминизма при создании лексико-семантических новаций согласуется с синергетическим законом о потенциальной множественности путей развития системы, находящейся в точке бифуркации и её «облуживание» по линии возможностей в поисках аттрактора, на который выдает система для своего обновления.

Е.С. Кубрякова справедливо упрощает диалектическое противоречие концептуальной структуры в слове и в концепте в языке, «испаривающегося в сознании уже в виде семантически-идеинтой» [Кубрякова 2004: 10]. Это очевидно для выражения концепта с помощью словообразовательного аффикса типа -нч, -нши, определяющего человека по месту его жительства, и других, маркирующих структуру производных слов, однако не вполне очевидно для члена одного семантического поля, лексико-семантической группы типа земляники и вакары. Известно, что способом вербализации концепта на лексическом уровне может быть не только слово в одном из своих значений, но всякая по-настоящему однозначная, а также синонимическая пара слов, конкретные сочетания отдельных слов, словообразовательные ряды и т.д. Здесь мы выходим на ещё одну не до конца решённую проблему – о соотношении концепта и способа его лексической презентации, концептуальном и семантическом признаках. Они то отождествляются друг с другом, то разводятся в концептуальном анализе. Члены синонимического ряда, объединяясь ядром концепта, маркируют разные концептуальные признаки с помощью свойственных языку механизмов интерпретации этих различий, но это не значит, что за членами ряда стоят разные концепты.

Проблема языкового детерминизма тесно связана с определением границ универсального и идеологического в слове и сознании за ним концепта. Так, концепты типа красота, счастье, свобода признаются универсальными духовной культуры в отличие от концептов – сигналов определенной культуры (ср. прилагательный в лингвострановедении термин слова-реализм). По замечанию И.Г. Серовой, крайняя степень культурной специфичности предстаёт как лакунарность [Серова 2007: 16] (ср. исследование Е.В. Бердичевой по проблеме лексической лакунарности в межкультурной коммуникации [Бердичева 2007]). Но известна различная лексическая разработанность и концептуально-универсальность в разных языках и культурах (А. Вежбицка, С.Г. Воркава и многие другие). Своей определением концептофермы Д.С. Лихачёв тоже связывает с этноспецифичностью концептов, а всё же обращён термин «этносфера русской культуры» Г. Хазратова. А рассмотрение гештальта как первоначальной структуры любого концепта (Н.Н. Болдырев, В.В. Колосов), нейтральной формы как его зародка, учёные о логосистеме В.М. Верещагина и В.Г. Костомарова не позволяют почувствовать реальность абстракции, скрывающейся за термином «универсальный концепт». Учёт многообразия культур, «светящей слого-

ности, обогащающей картину мира, ориентируя на принцип толерантности в межкультурной коммуникации лишь в первом приближении объясняет, почему такие концепты типа жизни, смерть, свобода, справедливость, законность, считающиеся универсальными, можно воссоздать через анализ различных дискурсов.

Сами эти дискурсы рождаются от культуры к культуре, не случайно положительная этноцентристская культурная норма не признаётся равной всех перед законом, и концептуальная связанность предпочитается концепт несправедливости, связанной с ценностями православной культуры.

Как замечает Н.Г. Белаянская, «этноспецифический характер концептов, выявленных в многочисленных сопоставительных лингвистических исследованиях, отражает неинтеримность и уникальность образа мира, создаваемых при участии языка» (Белаянская 2006: 123). Это связано с различиями прототипического доклада, единицы УПК, составляющей образную основу концепта, эксплицируемого словом того или иного языка. По определению Р.И. Павлаченко, концепт – это то, что «каждый думает, воображает, предполагает, знает об объектах мира» (Павлаченко 1983: 280). Здесь важно то, что определение отсылает к феноменам не только наличным, действительным, но и возможным мирам, вводит в область виртуальной реальности, создаваемой воображением, специализированный способ её представления в языке – исследование значения слов, лексически – в фразеологических связных, упрямых или на то, что мы думаем о мире» (Н.Д. Арутюнова) хотя интерпретируемые начало свойственно всей лингвокультурной деятельности, включая создание новых комбинаций, прямых значений слов.

В силу единства лексического и грамматического в слове и отсутствия особых лексических маркеров дифференциации референциальных значений на внутрисловном уровне, грамматическими их дифференциация служит собственно лексическим задачам, что отмечается исследователями по словарной грамматике и оказывается возможным ввиду концептуальной общности феномена, стоящего за словом как единицей языка и позволяющего преодолеть ограниченность шуровского анализа языковых значений. Приведённое выше определение концепта содержит указания на различные типы знаний о мире, имеющие лексическую объяснительность. На когнитивной основе определяется устройство структуры лексического значения в других авторах. Например, В.Н. Телия не только ссылается на различные виды ментальных репрезентаций, но и предлагает серию когнитивных операторов, объясняющих неслучайность выделенных разных видов сем в этой структуре (Телия 1996). Концептуальное пространство лексикализируемого, оно включает базовые и небазовые концепты, подвергнувшись разной степени лексической разработке, области концептуальности ступенчатой и разрозненной. Концептуальная картина мира включает в себя как концепты естественных объектов, служащих прототипами тех или иных свойств, категорий, так и концепты второго шарада – артефактов, созданных в итоге рефлексии над свойствами естественных объектов. Возможно, языковые концепты являются результатом интерпретационной деятельности как обыденного сознания, так и научного, философского, эстетического, религиозного

и т. д., результатом различных дискурсивных практик носителей языка. С этими их свойствами связывается расширение концептуального пространства. Хотя слово и представляет редуцированный до усреднённого языкового значения концепт, его слои репрезентируются различными лексическими значениями слова, связанными с различными старыми познаниями мира, а известно, что знание — интерпретация мира человеком [Падучева 1996:6]. Одно из предзнаменаний этой неоднотипности можно видеть в фиксации разного типа знаний о мире, включая и знания о языке. Об этом, в частности, свидетельствуют области специальной лексики в кругу слов фразеологически связанного значения и общие лексемы, представляющие разные сферы человеческой субъективности, — в кругу лексически связанных, ориентированных относительно прагматической сферы субъекта значений. Этот тип лексического значения наиболее чётко выражает идею антропоцентризма, будучи образным прежде всего к артефактам, продуктам человеческой деятельности конституирующим абстрактных явлений по человеческой мере. С привлечением сравнительно-этимологической аргументации этот тип значения можно квалифицировать как омонимный, полисемантический, что сложные самоорганизующиеся системы ведут себя подобно живым системам. Принципиальная непотопляемость содержания концепта связана с беспристрастностью человеческого опыта по освоению и преобразованию мира, динамика контакта отчасти объясняет отсутствие его тождества с когнитивализированным лексическим значением как редуцированным концептом, связанным знаком. Текстовые ссылки выявляются на основе актуализируемых в конкретном речевом акте, в лексической сочетаемости концептуальных признаков, как предусмотренных, так и не предусмотренных системным лексическим значением. Эта активность между текстом и кодом создаёт предпосылки переводимости языковых текстов, передачи сложного или стилистического концептуального содержания. Лексическая основа соответствующих дискурсов и дискурсивной семантики, о которой всё чаще говорят лингвисты в связи с общенаучной тенденцией укрупнения исследовательских объектов, объясняется когнитивной природой дискурса как одного из возможных миров со своим ключевым и опорными словоупотреблениями (Ю. С. Степанов)

Таким образом, в свете интегральных концепций языка, положения о принципиальном единстве семантики и прагматики, лингвистической и эвристической информации становится возможным говорить не только о лингвистической природе языкового значения, но и о лексической системе языка как части концептуальной системы его носителя, о чём в полной мере свидетельствуют данные ассоциативных экспериментов, отражённые в прямой и обратной версиях РАСа. Ср., например, информативную многозначность ассоциативного поля ключевого слова-стимула, имени человека.

ВОРОН. чёрный 57; гниль 6, петля 4; ворона, карает, старый 2; белый, богатырь, галка, вороной москвич, гол, грязный, грязь, деревянный, золотник, зло, злой, играет на трубу, клещи, клещ, коня, красна, лес, посылить, пасмурная погода, птичка, синий, смерти, страх, чернота, чёрный ворон, чёрный цвет, Эдгар По 1

Или **КРУТОЙ**: пареня 18; охота 10; поворот 9; туша 6, подыма 5; берег, мот, мужик, характер, человек 4; образ 3; мал, деловой, дурак, маршрут, резкий, спуск, зипо 2, безупречный, башкоман, а себе, Валя, вырак, глухой, забортникот, женщина, колотот, облод, парки, подросток, пестный, прикинутый, рок, самодойт, характер человека, шапка 1 [РАС 1996]

Имена прилагательные, будучи полнозначными словами с их номинативной функцией в логической системе языка, отвечают его вероятностному, дискретно-континуальному характеру, но допускаемому жесткого размежевания в объяснении таких видов целостных структур, как личность, мнение, оценка. Это выводит объяснение в приращиваемой номинативности стоящего за словом концепта, который используется в таких видах деятельности человека, как повествовательная, эмоциональная, волевая, представляющих нерасторжимое единство человеческой субъективности. Конкретносфера, конкретизуемая пространство той или иной культуры представляет собой систему коннотаций и значений человека о мире, отражающих его номинативный опыт на доязыковом и языковом уровнях [Маслова 2005: 69]. Здесь уместно вспомнить о языковых переходах во внутренней речи объясняющих единство повествовательной сферы человека.

Компромисс между качественными и относительными прилагательными связан, видимо, с тем, что оценочные значения выступают в языке специализированным средством выражения мнения благодаря явной или скрытой в них оценке, далеко не всегда требующей логической, рациональной аргументации (ор , например, частое использование М. Горьким междуменическим прилагательного странный в речи Климка Самыкина, обнаруживающей у него, по словам автора, «общую слабость интеллекта»). Нищие, с позиций синергетики, прилагательное страный (и случайный) толкуется в тексте философской направленности. Так, «встронный принцип широко обсуждается в физике, которая склонна объявлять многие «встронные» законы природы и «случайные» константы, также, как квантовая постоянная Планка, их необходимостью для повествования человека во вселенной» (М. Эпштейн Философия тени) Повиние предмета через его признаки очевидно выступает в синергичном нестолковании имен существительных. По наблюдениям В.А. Масловой, В.Н. Даль называет дурака такими прищательными: глупый, тупой, непонятливый, безрасудный, маломудрый, безумный, вредный «Синергично очевидно, – замечает исследователю, – что любой человек в ряде случаев может стать носителем некоторой из этих прищательных» [Маслова 2005: 154]. Как видно, всё зависит от выражаемого мнения, не требующего рациональной аргументации; для него можно лишь отступиться от обиденного эталона культуры, стандартных представлений, жесткой логики здравого смысла. Субъективная модальность способность к выражению разного рода оценок как промежуточной личностей, космологической картины мира (этических, эстетических, сенсориных, гомоинстинктивных, рационалистических и др.) выступает необходимым свойством семантики качественных прищательных. Не случайно в относительных прищательных как обозначения качества предмета в своем вторичных, переносных значениях тоже выступают выражать скрытую или явную оценку, будучи иногда небывающими

ми в оценочном отношении (железный характер, детская правдивость, непосредственность, жеманная деликатность — это хорошо или плохо?)

Иногда прилагательные выступают как средство лингвистической объективации anomalies, выносящих свою специфику в русскую культуру и языковую картину мира.

Политическая anomalies и anomaliesного получает различное толкование в толковых словарях в зависимости от того содержания, которое вкладывается в политические нормы. Концепция жесткого детерминизма действует более узкое поле нежели anomalies как отклонения от нормы, общей закономерности или направленности (БАС-2, МАС-2, Толковый словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой). Представление о вариативности нормы, вероятностном, неясном характере закономерностей, более соответствующее современному стилю мышления, вылился за собой и более широкое допускание дифференциальной понятийной anomalies, условности её границ с нормой. Ср. в этом плане определение лексических значений слова в БАС: «Anomalия. Уклонение от закономерности anomalies, отступление от обычной нормы или общего правила, направленность. Anomalный. Отклоняющийся от нормы, от общего порядка, необычный. А. состояние».

Ещё более дифференцированное толкование слова anomalies находим в словаре В.И. Даля: «отр. условные от обычного, вследствие с обыкновенным, отступившие в каком-либо явлении природы, языка, искусства, уклонение, отступ, причуда, необычайность, странность. Оно открывает путь к анализу не только количественных, но и качественных характеристик культуры, не только количественностей, но и качественных потенциал в развитии того или иного явления, в его проявлениях (ср. известное выражение: где опасность, там и счастье)

Совокупность anomaliesных значений отмечает «проблемные» точки ментального пространства носителей языка, раскрывает особенности картины мира современного, отражаемые в лингвистическом словаре (Новые слова... 1997).

Условно случаи anomalies можно разделить здесь на те, которые фиксируют отступ от среднего уровня и доходят до высшей или нижней границы нормы, и те, которые выламывают, продолжают эти границы. Последнее особенно обнаруживает такой масштаб anomaliesных значений разных сфер бытия, как «парад-» (аномальный, минимал): псевдоисторический, псевдодокументальный, псевдоинтеллектуальный, псевдокультурный, псевдонационалистический, псевдоуниверсальный, псевдоэкологический, псевдоспортивный, псевдогуманитарный, псевдоэстетический, псевдофилософский, псевдофальшорный. Отметим в этих новообразованных anomaliesных значениях с объектом не столько знания, сколько мнения говорящего субъекта, со своей точки зрения установленное соответствие того или иного явления субъективно понятию нормы. Не случайно подавляющее число номинаций относится к кругу оценочных anomalies и их признаков, квалификация которых связана с объектом оценки (социальных, эмоциональных, этических, эстетических, политических, интеллектуальных). Эти субъективные оценки и выдвигаются за объективные

особоты вещей, лишьши раз подчёркнула дискретно-континуальный характер поля аномальности в его отношении к норме

Градиент автоматных значений даёт себе почувствовать и в лексикографической разработке сложных слов с первой частью сверх- и даже, причём их семантика иногда обнаруживает сверхоткрытый размах видов аномальности. Ср например сверхбарыня: «Прибыль, названного представляющая срединно, сверхблагополучный «В высшей степени благополучный», (сверх. (В высшей степени; чрезвычайно + благополучный) и сверхвозможное (сверх. (Выходящий за пределы) + возможное).

Вызывая к крайним точкам связано не только с той особенностью российской ментальности, которую называют максимализмом, но и с крайними состоянием сознания обитателя, обусловленным спиральными паттернами внутри страны, сдвиганием графика, казуал мэйна и психологичекой, удержив беды ценностей и аномализированностью, понижом немца; тем казуумом, который стал выходить за пределы и крайностями ориентации (наложение системы в точки бифуркации, в «раздумье» о путях своего дальнейшего развития)

Последичею поэтому значение носитель языка обращается к сфере ориентационного, к яростным познаниям сознания, просторности пограничных и полусторонних миров: «Азиатизм культуры развивается в топонимии, которая культурных зон» (Лебедев 1999: 19) Азиатизм как фактор сверхоткрытых культур претерпевает свои модификации в различных культурно-культурных условиях. Мы наблюдаем поиск новой сверхоткрытости в моделях общекультурного синтеза современного гуманитарного знания, в установлении общечеловеческого планетарного самосознания, в сверхоткрытой глобальной культуре, в междисциплинарном научно-гуманитарном синтезе в единстве пространственно-временного культурного континуума, в действии жизни с мёртвыми. По словам Г.С. Лебедева, культура – это материализованные воле мёртвых, продолжающиеся в современной жизни»

В новационных необычных для носителя языка значениях и новых способах осмысления известного выступают по существу все продуктивные способы словообразования и менее всего аномальные новообразования, причём среди последних обращает на себя внимание взаимодействие из восточных языков, комбинация азиатических реалий, включаемая и шире зрения русскоязычного говорящего (ср например, акима, аграм, амерцад, амерцедеской, угу и др.) Среди внутренних новообразований много восходящих из жаргонной сферы, особенно в процессах семантической деривации (плетать, плутовать, плутовка, прощание, колесо, плетать, выдвигать, багтрадел, багтражный, крутить (динамо), крутой, кружок и др.), но есть и слова с пометкой «новизна» (заукурить, заукуреть/также заболеть, заболеть)

Очень активны сложения, слова, образованные сложно-суффиксальным способом, что отражает тенденцию не только к дифференциации значений, понятий, но и к интеграции междисциплинарных знаний, к поискам простоты в осмыслении мира. Разного рода аномалии представлены и аббревиатурными (ВШЕ, ДШЕ, ВОМЖ, НЛО и др.)

Конечно, недостатком, фактором необычный способ выражения, сам по себе создает эффект новизны, современности, актуальности. Эти качества по-возможности многократно умножаются, когда они становятся компонентами классной, представляющейся в чем-то аномальными для современной языковой личности.

Литература

1. Белинская Н.Г. Модель эстетической семантики в когнитивной научной парадигме // Международная конференция по когнитивной лингвистике – Тяньцзинь, 2006
2. Вердирева Н.В. Лексическая заумность в межкультурной языковой коммуникации. Автореф. канд. филол. наук. – СПб., 2007
3. Крайченко А.В. Гипотеза Сепира – Уорфа в контексте биологического познания // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007, № 1.
4. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных языках // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006 № 3
5. Кубрякова Е.С. Язык и мышление – М., 2004
6. Лебедев Г.С. Труд в тошнотном // Пограничные сознания. Казань. Альманах под общей редакцией Д.С. Лихачева. – СПб., 1999
7. Лешев Р. Конструктивные семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики, 2006 № 3
8. Милейко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Структурность и творчество в тексте – Пермь, 2008
9. Маслова Н.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2005
10. Новые слова и значения. 80-е годы. – СПб., 1997.
11. Павлюков Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. – М., 1983
12. Падучева Е.В. Феномен Всеобщей // Всеобщая А. Язык, Культура, Понимание. – М., 1996.
13. Русский ассоциативный словарь. Книга 3 – М., 1996
14. Серова Н.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики, 2007 № 1.
15. Телия В.Н. Русская фразеология – М., 1996

1.2. Семантика русского прилагательного: на пути к когнитивному использованию

С именем А.Х. Востокова связаны традиция рассмотрения имени прилагательного как самостоятельной части речи, выделенной из общей категории имени, а понятия прилагательного как родовидового понятия предмета и действия. В истории русских грамматических учений В.И. Виноградов отмечает его огромные успехи в развитии самостоятельной научной отечественной науки о грамматическом строе русского языка» [Виноградов: 1978: 49]. В указателе

книги книги «Русский язык (грамматическое учение о слове)» более 50 размах относится к работам А.Х. Востокова и прежде всего к его «Русской грамматике», авторе которой В.В. Виноградов считает одним из наиболее заслуженных старших грамматистов [Виноградов 1972: 194].

Семантическая характеристика книги прелативных как единиц лексического уровня языка невозможна без обращения к категориально-грамматической и категориально-лексической (тип лексического значения) основе их указательного значения. Более того, недостаточная проявленность значения качества как категориально-грамматического не позволяет почувствовать семантическую специфику ПТ прелативного и то общее, что делает входящие в них слова словами одной части речи. Этот пробел оказался особенно значимым в интегральных концепциях языка, в его когнитивно дискурсивных версиях. То, что было представлено в рамках узкого-грамматического направления и в отечественной традиции разработкой содержательных основ данной части речи, получает новую интерпретацию в свете антропоцентрического подхода к языку.

На пути к ней особую роль сыграли труды А.А. Потебни, А.М. Пешковского, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградова, и мн. др. Так, на генетическую близость прелативных и существительных, сморщивая исходящий язык, большую определенность древних существительных указывали А.А. Потебня и Л.П. Якубинский (генетическая параллельность относительных прелативных, была возможность образования степеней сравнения типа безразличия, сохранение чувственных образов в названиях цветов, то есть следов того времени, когда световое мышление так же конкретно, как язык (голубой – цвет шейного оперения голубя), детали были соединены типа «время – время» (ср. время – человек). По словам В.М. Жирмунского, «древнее имя могущее обладать и кридеть, и качеством в сущности не было еще в полном смысле ни предметом, ни качеством, ни существительным, ни прелативным. Оно было более текуче, не обладало в полной мере той субстанциональностью, которая свойственна имени предмету при коммуникативном стрессе [Жирмунский 1946: 210]. На «лексическую нерасчлененность предметных и качественных значений древнего имени указывал также С.Д. Кацнельсон [Кацнельсон 1949] Развитие количественных высказываний из голофрагм деевой речи, наличие лексико-семантической сакрализования при усвоении семантики качественности, когда одним и тем же словом называется кридеть и его признак (известно, что в отечестве повторяется тенденция процесса филогенеза), подтверждают отмеченные закономерности (ср., например, исследование [Васильева 2004]).

Дилемма книга и ой системы, особенно актуальна в процессах формирования категориальной основы книги прелативных описан А.А. Потебней: «По мере того, как связь прелативного относительного с его переобразованном существительным становится в сознании более и более отвлеченною, увеличивается его отвлеченность, безотчетность, качественность, ибо качественность прелативного есть лишь другая книга его безотчетности» [Потебня 1977: 327]. Важно указать А.М. Пешковского на потенциальную множественность любого относительного прелативного, поскольку это явление

прилагательное, и на вторичность для его значения оттенка предметного отношения, что позволяет разграничить в структуре инфы прилагательных разные типы языковой семантики (лексическую, словообразовательную) [Петиковский 1956: 83]. Ведь известно, что существует разрыв между разрядами инфы прилагательного «лексико-семантического и экспрессивно-стилистического» [Сороменный... 1952: 77], а граница между ними «во большей части проходит внутри одного и того же слова, будучи обусловлена дифференциацией его значений» [Николаева 1972: 204]. Таким образом, для семантики инфы прилагательных и их разрядной характеристики определяющим выступают категориально-грамматическое значение качества и категориально-лексическая их характеристика, определяемые такими лексическими значениями. Не случайно А.М. Петиковский писал о слове *оконный* как идеальном выражении идеи качества, более того семантика местоименных слов рассматривается в качестве смыслового источника для квалификативных слов подсвободных (Н.Ю. Шведова, А.В. Кравченко и др.), а в детской речи «таким-таким» служит сигналом к употреблению прилагательных слов [Воспитана 2004: 78].

По аналогии со словом, отражающей строение слова в теории слова [Золотова 2005] местоименные прилагательные можно считать смысловым источником и для инфы прилагательных именительных, и для тех, которые связаны с глаголом (причастные формы, отглагольные прилагательные), с существительным (двудельные субстантиваты, отглагольные прилагательные), со словами категории состояния (рад, герад, должен), числительным (двудельные-квалитативы). Их объединяют и семантические признаки, и особенности формообразования.

Диалектика вещи и её свойств, качества раскрыты в статье «Прилагательное» электронной энциклопедии «Кругосвет», которая передаёт типологическую концепцию Т.М. Николаевой [Николаева 1983]. В ней можно увидеть не только вещь, но и события, явления окружающего мира, на интерпретацию частерочной природы прилагательных как слов одного лексико-семантического класса. Это обуславливает особую важность учёта лексико-семантической характеристики при изучении инфы прилагательного. Субстантивация природы определяемого получает когнитивное истолкование: существительное обозначает всю совокупность признаков, носителями которых является предмет. Они составляют суть предмета и определяют его связь с другими предметами реального мира: «У одного имени таких связей обнаруживается довольно много поскольку по каждому признаку оно организует вокруг себя целую сеть отношений. Например, *дверь* обозначает, с одной стороны, материальную часть помещения (взаду с поломом, полом, стенами); с другой стороны *дверь* предназначена для прохода внутрь и наружу и по этому признаку полость на *окрестности* *комнаты*, *окно*; с третьей стороны, её основная функция состоит в *закрытии* помещения (с целью сохранения содержимого), и поэтому она входит в один ряд с *коммертом*, *крышкой* и др. Прилагательное же описывает отдельные свойства объекта (*красный* *забор*, *каменный* *вершок* *земной* *матрешки*, *зеленый* *скамья* и т. д.). Как правило, это статичные признаки, не изменяющиеся во времени, в отличие от глаголов, которые описывают дей-

стия и процессом, протекающим во времени (*краснеть, солиться, улетучиваться*). Это смысловое противопоставление было подробно зафиксировано Т. Гивонем в виде шкалы временной стабильности:越是 существительные считаются максимальными стабильными, а глаголы – максимальными изменчивыми во времени. Прилагательные занимают на этой шкале промежуточное положение. Как самостоятельный грамматический класс имена прилагательные выделяются далеко не во всех языках. К типично адъективным языкам (т. е. языкам с отдельным классом прилагательных) относятся английский, французский, русский, суахили. В тех языках, где прилагательные не выделяются в отдельный класс, они принадлежат по своим характеристикам то к существительным, то к глаголам. Известную близость к ним обнаруживают явления субституции в русском языке, предикативное использование кратких форм и др. В статье много отсылки со ссылкой на типологию Р. Диксон *предметы* и *лица* области универсальных значений, по-разному кодируемых прилагательными в языках разных типов: размер, физические свойства, возраст, цвет, скорость, оценка, трудность, сладость, квалификация, человеческие свойства. «Для языков настолько естественно для прилагательных, что обычно выражаются адъективно т. е. при помощи прилагательного, практически во всех языках мира». Многие из параметров качественных прилагательных как бы «встроены» в структуру области, другие «приспосабливаются» при использовании предмета. Очень важно указание на неуниверсальный характер деления прилагательных на качественные и относительные, на редкие случаи перехода качественных в относительные при необходимости назвать постоянное свойство предмета «красные ягоды – красная реакция, цветное платье – цветные метилки». Справедливо отмечается, что «сравнение их (качественных прилагательных – Н. С.) означает связные глагольные образы с переносом на непосредственные сущности по «предельным» признакам достигнутом языком: все эти прилагательные описывают свойства предметов, которые воспринимаются человеком. Причем в некоторых случаях восприимчивые объекты сами воздействуют на человека, как, например, *яркий свет, громкий плач, резкий запах*. Также признаки проявляются активно и являются агитивными. Иногда человеку самому необходимо определенным образом воздействовать на объект, чтобы тот проявил свое свойство. К таким свойствам относятся *пластичные, или широкотелые* признаки. Чтобы понять, что глина твердая, ее надо попробовать размять; красная структура проявит свое свойство, только если попытаться ее расколоть. *Крепкие зубы* – это такие (свои) зубы, которые выдерживают интенсивные нагрузки и при этом не ломаются. *А прочные зубы* – это зубы искусственные, изготовленные из прочных долговечных материалов. Теперь становится понятным, почему бывает *красные нервы* и не бывает *прочные нервы*. Здесь мы видим и дискурсивный, действительный подход к истолкованию семантики качественных прилагательных, и объяснение на когнитивной основе мотива разрешений и запретов на их сочетание, сложившихся в языке.

Как видим, имя прилагательное, называя признак предмета, сохраняет от «близкую» зависимость от имени существительного отсюда не только по своим формальным характеристикам (формам словоизменения, синтаксической пози-

ции и т. п.) Целостность, многообразность значений производящего имени порождает комплексность соответствующих значений относительных прилагательных, сопровождаемая словарной пометой «Относительный» и «Дальнейшая семантическая дифференциация происходит уже на собственном лексическом уровне с выделением «базисного» признака, отражающего сущностную особенность человека в тех сторонах жизни, обозначенной исходным существительным, которые важны прежде всего для операций (в широком смысле слова) с ним. Поэтому принятые в характеристике ЛТР прилагательных термины «субъективно- и объективно-характеризующий» [Шрайм 1979] в значительной мере условны. Это особенно отчетливо просматривается в моделях регулярной многозначности относительных прилагательных, описанных Ю.Д. Адраскиным Ср., например

1. «золотистый» X₀ (золотые операции),
2. «золотистой» X₀ (золотой песок),
3. «золотой из X₀» (золотое кольцо),
4. «золотистый X₀» (золотой привок, угольные кони, урановый рудник)
7. «предназначенный для X₀» (золотая операция) [Адраскин 1974: 311]

В семантике относительных прилагательных ассоциативно-дережизационная связь с производящим именем существительным особенно прозрачна (хотя она не исключена и для качественных прилагательных). Однако для первых важна двойная мотивация именем (приравн. и слова), ибо в семантике такие производящие образуются оппозицией, и имеют значение также определяемые допускают возможность прихода с помощью имени прилагательного, и это тоже сигнал замещения от существительного, как и первичная для классов прилагательных атрибутивная функция. Видимо, одной из причин редукции многих значений относительных прилагательных в истории языка являлась способность им широта общего значения предметного отношения и включение их в категорию имени прилагательного с реализацией значимых качества, образы для всех разрядов (ср. выход из употребления сочетаний домовая крыша, столбная нога и др.). Рассмотрев относительные прилагательные с пространственным и временным значением, В.М. Павлов отметил «на случаях постоянного и типичного отношения на них выделяется выражение признака, характерных для типа предмета (стальные часы)» [Павлов 1960: 68]

Таким образом, традиции разработки семантики имени прилагательных во многом определялись представлениями о связи логических категорий вещи и признака, о соотношении языка и мышления. Особую значимость имели исследования, ориентированные на выделение концептуальных категорий и теория номинации. В лингвистике относительно давно выделялись частой речи значения и те концепции, которые сложились в системно-структурной парадигме и представляли интегральному подходу к языку, приближая его. Особо следует отметить противопоставление М.В. Пановым имени существительных как слов с нейтральным значением словам других частей речи на базе выделенной совокупности различительных признаков

Ср приводимую из слогов

«Супрареализм»

и \overline{GA} , \overline{GA} , \overline{GA} , \overline{GA}

Глагол в GA

Присоединение

и \overline{GA}

Дискретность в GA

Наречие в GA,

т.е. в не указан Р просодической группы, А — инфинитив группы (Панов 1960)

Исключительно важным значением для квалификации частей речи в современной парадигме и для дискуссии, ей предшествовавшей, развернувшейся на страницах сборника «Вопросы теории частой речи» [Вопросы 1968] явился статья Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке» [Щерба 1974] с указанием автора на существенный характер классификации слов по частям речи и на то, что граница отдельных категорий неопределенна. Тем самым подчеркивалась дискретно-континуальный, вероятностный характер частей речи, наличие в них переходных случаев. Полюсом их структура представлена в работах А.Е. Супруна, В.Г. Адмони, а исследованных по функциональной грамматике И.Т.Д.

Интегральный подход к языку и его функциям проливает свет и на семантику слова прилагательных, что, в частности, обнаруживает и исследованы по словарной грамматике, продемонстрировавшие ограниченность неуровневого подхода.

Исключенная идея Н.В. Виноградова о связи лексического и грамматического в слове получила свое дальнейшее развитие не только в его лексическом учении о слове, но и в работах по словарной грамматике (Н.Ю. Шведова, А.А. Колесникова, В.Г. Руденко, А.Л. Шарандина и др.), по когнитивной лингвистике (Е.С. Кубрякова), учитывающих сопоставление лексического материала при описании собственно грамматических явлений, а синхронические труды это взаимодействие обозначено термином «лексико-синтаксическая координация» (С.Г. Ильинко), в трудах по функциональной грамматике (школы А.В. Бондарко) оно рассмотрено в аспекте функционально-семантических полей и экстралингвальных ситуаций.

Семантическое пространство языка вообще и русского в частности, невозможно описать без учета различных способов грамматического выражения элементов этого пространства, охватывающего доступ к ментальным структурам, к способам категоризации мира и его представления в ментальных репрезентации тех или фрейма, пропозиция, образных слов, метафорических и метакинетических моделей и т.д. В связи со сложным в словарной грамматике пересекается понятие словоформы и словозначения, поскольку последнее предполагает строго определенный состав грамматических форм своего выражения.

В аспекте словарной грамматике рассматриваются факты неравномерного наполнения грамматических формами слов одной и той же части речи, одного и того же в разных лексико-грамматических разрезах в пределах части речи, поступок об обязательности грамматического оформления лексического

значения, ведется поиск объективных методов выделения с учетом грамматической формы и описания лексических значений слова и его смысловой структуры; признается возможным в грамматическом значении словоформы как формальном средстве выражения лексической семантики, ключевая роль дефектной парадигмы в шифровке лексической семантики; предпринято логико-лингвистическое исследование свернутой формы суждения, роли «внутренней формы» как первичной предпосылки в построении концепта, стоящего за словом, и его смысла, чем создаются условия для дальнейшего движения мысли, рассмотрены вопросы совместимости лексических и грамматических значений, избирательности последних, с лексической точки зрения, многообразие способов выражения лексической семантики и др. Удачным представляется метафорический синоним лексической грамматики – «шифровка грамматики» (В.Г. Руденко, А.Л. Шарандан), «кодированные грамматики», «постольные формы» и «китогрфы грамматики» [Шарандан 2001: 15] рассматриваются в качестве своеобразного шифра для кодирования лексической семантики. «Морфологическая структура слова – это способ представления слова в тексте, это своего рода «родословные слова», позволяющие увидеть «жизнь» языковой единицы, начиная с момента ее «рождения» в слове» [Шарандан 2001: 60]. Ср.: «Грамматика кодирует не только семантические (онтологические) различия, но и различия, интуитивно самой организаторской дискурса, построения текста и высказывания как его главной единицы» [Кубрякова 2004: 147].

Эти наблюдения согласуются с представлениями о единстве концепта (при различии его концептуальных слоев), стоящего за многозначным словом, о возможности многопользования в языке слова, о peculiar словарной грамматики, принципе семейного сходства, теории прототипа, поскольку «родословные» отходы не предполагают повторения всего набора «семейных черт», семантических признаков у разных значений полисеманта и шифруются их грамматическими маркерами. «Жизнь» слова предполагает отражение в нем разнообразных дискурсов, типовых ситуаций, в которых отличалась его семантика.

Наименший принцип объясняет прототипическую для частростей классификации роль значения свободно-исключительного типа, где отмечается полная совместимость лексических и грамматических характеристик слова (сильная синтагматическая помехи), чего может не наблюдаться (и чаще всего не наблюдается) в связанных значениях такого типа. Вместе с тем ориентируя на прототип не позволяет рассматривать его признаки как обязательные для всех лексем входящих в ЛТК или ЛПР, поскольку индивидуальная семантика слов накладывает свои ограничения на совместимость с грамматическим значением так, как исключительной, абсолютной, предельной степени качества создает дефектные парадигмы ступеней сравнения для слов типа *малой, средней, большой, комплексной* и т. п. даже в их основных, свободно-помехивных значениях что лишней раз свидетельствует не только о предметно-логической, но и о системно языковой (включая грамматическую) обусловленности лексических значений любого типа. Вместе с тем изменчивость количественного признака иногда выступает в словарном расчленении значения *глухой* – «! Не мно-

ный членов слова, либо *слабым* [БАС]. И это тоже можно рассматривать как явление разрядной семантики слова.

Э. В. Кузнецова и другие подчеркивали полиморфность ЛПР и ЛСТ слова, их сложмерность. Если углубиться в семантические характеристики этих разрядов, казалось бы, группировок слов, можно заметить, что полиморфными оказываются семантика ЛСТ, доступная и недоступная семантикой разряда, и семантика словосамостей в структуре многозначного слова. Так, для разряда качественных прилагательных характерен синтаксический стемологичный, синтаксический, автономический, отрицательный способ толкования лексических значений, согласующий с системой таких лексических парадигм, как разномыслие, доступным изменчивость и выражающим субъективно-характеризующим свойством качественного признака. Ср

В МАС-2:

какой –

«5. *верен* Подверженный, подвергнувшийся, подвергнувшийся (о вере, вкляче);

кряжкий –

«1. Такой, который трудно сломать, разбить, порвать и т. п. // *какой*, не *рыжий*. // Не мягкий, не дряблый; *твёрдый*

2. *Здоровый*, *сильный*, *выносливый* // *Производительный* с силой. К. удар, К. покатки

3. *Сильный* духовно, *стойкий*, *непоколебимый*

4. *Низкий*, *верный* // *Низменный*, *глубокий* (о чувствах, мыслях)

5. *Достигающий* очень *высокой* ступени (о вере, морозе)

6. *Насыщенный*, *максимальный* // *Резкий*, *твёрдый* (о запахе, в тиске о чём-либо с тесным запахом)

7. *разн.* С большими средствами *достаточно* *высокий*»

В БАС:

густой –

«1. Частый, плотный (противоп. *редкому*)

2. *Насыщенный*; не *воднистый* (противоп. *водному*)»

Подобные типы лексических парадигм встречаются у относительных прилагательных только в случае развития их значений в сторону грамматически маркированного разряда качественных прилагательных. Ср в БАС

каждый –

«1. Относящийся к *каждому* (в 1-м значении)

2. *перен.* *Танцевальный*, *волшебный*, *забавливательный*, *комический* –

«1. *Свойственный* комедии К. *роль*, К. *сюжет*.

2. *Смешной*, *забавный*, *... нечто смешное*, *к...*, *...к волшебной*, при к. обстоятельстве.

Доступные семантикой ЛПР типы лексических парадигм, как видим, проектируются в смысловую структуру имен прилагательных и формируют модели регулярной многозначности, описанные Ю. Д. Апресяном применительно

к разным частям речи «Регулярная полисемия прилагательных представлена, главным образом, относительными прилагательными».

Кроме этого относительного значения (возвратная основа) у них усматриваются еще следующие значения:

1. «адаптированный X-ом (возвратная операция),
2. «содержащий X (золотой песок),
3. «сделанный из X (железные колеса),
4. «аккумуляторный X» (железные банки, угельные клети, урановый рудник),
5. «аккумулятивный X-ый» (железные рамы),
6. «аккумулятивный во время X» (возвратные преступления),
7. «предназначенный для X» (возвратная операция)» и так далее (Агроскин 1974: 211).

Как видно, это преимущественно количественное моделирование грамматической роли и позиции слова данного ЛПР на атрибутивной ориентации в выражении неотчуждаемого признака. Не менее регулярны в модели множественности качественных прилагательных, по своему направлению активно ориентированную систему значений, связанных с интерпретацией «мощных» признаков, обращенную к разным областям и сферам восприятия и деятельности человека, создающую основу для метафорического переноса в связи с речитивной по преимуществу функцией слов этого ЛПР. Отчасти с этой выраженной субъэквивалентной ориентацией связаны дефектные грамматические парадигмы лица, рода, числа, падежа для некоторых из них, отмеченная А.Л. Шарандиным. По его словам, «неполнота характер этих категорий отражает ту языковую семантику, которая определяет содержание соответствующих» (Шарандин 2001: 174). Более того, автор считает принципом выделения ЛПР понятие дефектности грамматической парадигмы. Оно, вообще говоря, согласуется с понятием ущербности типов лексических парадигм, свойственных лексико-грамматическому разряду (они, как было показано, германоразнообразнее у ЛПР качественных прилагательных, чем у относительных, с преимущественным для последних применением специализации в выражении категориального признака)

Каждая часть речи и ее система предстает как дискретно-континуальная структура с ядром и периферией. Как известно, основным признаком в выделении частей речи как структурно-семантического типа полизначных слов, обладающих двумя типами аналитической семантики – лексической и грамматической является номинативная функция, и по мере углубления предметной функции в слове нарастает признаковая семантика класса слова, что осуществляется в слове двумя основными типами речемыслительной деятельности – номинатив и предикатив (выделение классов предметов и приписывание им признаков), тем-речитивного значения в условиях линейного разворачивания речи. Создается своеобразная граница предметности и признаковости в системе частей речи с максимумом первой в именах существительных субстантивах по преимуществу и постепенно ее убыванием и нарастанием по мере удаления от субстантив-прототипа признаковости в относительных прилагательных, затем в количественных прилагательных, глаголах и наречиях. Само это перемище-

изме угла зрения помогает понять и различные переходные, амбивалентные значения в слове как частой речи. Черты осмысленного сходства с некоторыми оскрипками и у таких комбинаций, как *блес*, *белосне*, *белое*, *бурманское* и др., выражающих идею близки. С когнитивной точки зрения становится понятной область конденсированной основа разночлостеречных слов, имеющих одну и ту же корневую морфему. Всё это признает свет на явления прототипической семантики как способа периметрической акцентуализации мира и на возникающие прототипические эффекты по мере удаления от прототипа.

Когнитивно-дискурсивный подход снимает многие вопросы классификации слов по частям речи, позволяет провести новую интерпретацию многих хорошо известных традиционных положений. В интегральных конденсациях когнитивного фокуса внимание сдвигается с системно-структурных характеристик в сторону коммуникативных когнитивно-дискурсивных свойств языковых единиц, и сторону речемыслительной деятельности и языкового поведения говорящего субъекта. В этих оригинальных наиболее сигнологичных предельных реализациях слов и их значений на предметных и прилагательных, идентифицирующих и предиктивных, референтных и ситуационных, ведущих (имена аргументов) и присваиваемых (прилагательных) (С.Д. Кацнельсон, П.Д. Арутюнова, М.В. Покотил, Т.Б. Ахимова и др.), получают своё объяснение отношения вещи и признака, прилагательного и существительного, спорный вопрос о референтности прилагательных, о прототипичности их значений и отличии от прототипа и т.п. Само обозначение мира – значение слова и их отличие от предметных наводит на мысль о вторичности признака по отношению к обозначаемым вещам, субстанциям (это как бы первичные знаки, а обозначения свойства как бы выходят «вне знаков», «вне – языковых» к нему, обозначая только какую-то часть предмета). О разных степенях знакомости пишет, опираясь на Ю.С. Степанова, и Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2008].

Этот круг вопросов так или иначе затрагивается в новом издании книги Е.С. Кубряковой «Части речи в когнитивном освещении» [Кубрякова 2004]. Так, сто воспримается действительность внешней и внутренней реальности, значимость вещи и её признаков в процессе восприятия, в личном взаимодействии человека с миром – вещи ведут себя по отношению к объектам особенно их объективным характеристикам, в которых заложены условия деятельности с ними. Но и существование органов чувств должна была происходить в таком направлении, которое могло бы обеспечить человеку правильную ориентацию в этом мире и создать всё для способности верно отражать окружающую среду и для эффективного взаимодействия с нею [Там же 90, 93]. Предмет, вещь воспримается перцептивно как совокупная целостность признаков, как единство целого и части, в основе на это противопоставление и формируются категории предмета и признака – атрибута. По замечанию Е.С. Кубряковой и её зарубежных коллег, «в обозначениях стабильных существей прилагательное не так уж сильно отличается от существительного, «они дают свойства стабильности, более определенной референтности и даже сенсорной чувствительности, стабильные признаки (цвета, формы, вкуса, веса и т. п.) «вычлениваются из объекта, а объект «отстоит» от признаков; предмет и признак вычленируют друг друга –

не может быть объекта без признака, а признаки не существуют автономно или самостоятельно [Там же: 258, 259]. В синтаксисе же признаковая присут-ствует в семантике абстрактных именных групп, где признак понимается как субстанция (вспомни глагол *голосилась* *всё* и т. д.). Таким образом, чувственные признаки, связанные с протосинтаксическим действием, образны, ощущаются даже в семантике абстрактных именных групп. Явления обратного порядка, субстанциализация, итеративности сем в словосочетаниях, использование неопределённых прилагательных в качестве эл-емента для сравнения (не стой, как каменный – ориентация на конкретный признак надёжности) также свидетельствуют о близости субстанции и признака. Пафос этих утверждений – не столько в разделение существительных и прилагательных, сколько в их объединение, это объединение, в частности, оправдывает закон обратности синтаксических отношений и логично и возмож-ность воспринимать семантику прилагательного не только со стороны семантиче-ского реализуемого слова, но и со стороны ключевого для него существительного. Но даже если считать, что именные существительные как наборы свойств, прилагательные всё равно отличаются от существительных, ибо фиксируют ка-кое-либо одно свойство» [Там же: 137]. Принимая данные положения, следует уточнить понятие стабильности, отграничив его от смежных понятий – посто-янности, неизменяемости признака, которые значимы для относительных прила-гательных с их объективно-характеризующей функцией, не допускающей по-вторения признака со стороны субъекта, его временной актуализации (ор-такие невозможность образования степеней сравнения, кратких форм, ограни-ченность состава и типов парадигмы, омонимичность при исключении субъектив-ных моментов, связанных с метафоризацией, и т. д.). Качественные прилагательные с их выраженной субъективно характеризующей функцией также не могут не называть концептуально установленными стабильными признаками, что и делает их элементом семантической системы словаря, однако им присущи не то «эпифоральность атмосферальности» (Т.В. Булыгина), то «эпифора пред-метивности» (С.В. Постникова). Верно и то, и другое. Качественные прилагательные, наиболее близкие к своему признаковому картину, предикту по про-изношению, – глаголу, не могут не проявить этой близости в семантике и функционировании, прежде всего при употреблении краткой формы, знамени-ющей актуальное свойство, близкое к состоянию. Именно предиктивные слова специализируются на передаче того знания, во имя которого строится высказывание с его интенциональностью, эгоцентризмом, перцептивностью и време-ной праярусочностью, которую обеспечивает и краткая форма качественных прилагательных, правда, в обязательном употреблении с глагольной связкой: «Всё прилагательные синтаксисом способны функционировать как в позиции от-ребутанного компонента словосочетания... так и в позиции предиктивного компонента предложения, то предметные синтаксисом предиктивным для вы-полнения субъектно-объектных ролей» [Игрова 1984: 42]. Другое дело, что предиктивная функция для прилагательных выступает в качестве вторичной. Вместе с тем, проявление конститутивных признаков предложения (модальность, синтаксическое время и лицо) в семантике кратких форм, обязательность пре-сутствия этих элементов отнюдь не коммуникативную значимость признака.

форм это называется их многообразием их функций в пределах высказывания, в использовании кратких форм в разных функциональных подсистемах языка и разных типах текстовых фрагментов (демонстрационном, описательном, информативном, по типологии С.Г. Ильенко) А.В. Бондарко различает собственно количественность, или основную количественность, бесотносительную и компаративность, и компаративность, то есть количественность с указанным компаративным признаком [Бондарко 1996: 6]. Не случайно изучение когнитива указывает на иерархичность для него функции обозначать «предельный, неразличимый с количественной стороны признак и лишь вторичность функции «выражать значение средней, нормальной степени проявления признака» [Верещагин 1994]. Системное этих двух функций когнитив обнаруживает фрагмент переводного текста, говоря о психологии, без всякого количественного прилагательного мы обозначаем знание в виду психологического свойства обозначенного существа (Тиллотер Э. Очерки психологии). Закон предела количественных изменений в качественное объясняет, почему обозначение неопределённого количества, выражение его континуитетного, неопределимого значения столь важным в семантике качественных прилагательных и требующий градуирования признака и лексическими, и грамматическими способами. Возможно, неопределимость как черта русской ментальности (Н.Д. Арутюнова, Т.М. Николаева) довела за собой утрату местоименных форм прилагательного в истории языка, а необходимость указания на конкретный признак предмета производилась отстойково, например указательным местоимением этот, такой. Именные же формы специализировались на выражении ситуативно известного предикативного признака. Уместно здесь вспомнить о разных типах качественности, названных А.В. Бондарко: атрибутивной и предикативной при общем рассмотрении качественности как единства качественной и количественной семантики [Бондарко 1996: 3] Если предикативная качественность устанавливается в этих предложениях, имеет явно выраженный дисперсный характер, то атрибутивная качественность объединяет признак и его носителя в составе сложного комплекса. Понятие их единства А.В. Бондарко отмечает в комбинации типа красивца и озорника, а синcretизм дисперсности и неопределённости, наличие скрытой предикативности – в высказываниях типа «Умный человек так не смеётся (при комбинации условно-следственных отношений)

Ср.: «Красавица

1. Красавца женщина.. Красавица собой и (простореч.) из себя // Простореч. В обращении к девушке, женщине

2. О нем -, чём-либо очень красивом (преимущественно в качестве прилагательного) Красавица-река (ИАС)

Конституируемые признаки лица, обозначенного существительным, определяются с помощью относительного с ним количественного прилагательного Национальный корпус русского языка даёт текстовые фрагменты, содержащие прилагательные и существительные в однородном ряду, что свидетельствует о высокой семантической близости «этого» и «ей» признака. «Не этот выдумавший с тобою изобретательство искусство, а настоящий, озорной, летящий, беснуемый, аз-

куртский: только в одном в описании, не куряк выжить и в пашу мне
приведется к Марю [Аппензон Юрий. Древний язык восток (1966)]. Общий
принцип априорности, свойственный языку, а также упомянутое выше свойство
русской ментальности (стремление к качественной неопределимости, конкрет-
ностью) не позволяет поместить в центральную зону категории качествен-
ности «чисто» атрибутивные прилагательные, поскольку неградуированный
принцип (тип прямоугольный или овальный, складной или вязкий, белый
или черный, женский или детский и др.), как это представлено в [ГФГ
1996:23], как и объяснить структуру сложного обобщения постоянными по-
родами в направлении «от объективной ориентации содержащей порождае-
мых действительными семантическими обобщениями признаков к субъективной»
[Там же. 34]. В иной связи совершенно справедливо усматривается информа-
тивная функция качественности прилагательных разных разрядов, хотя в соб-
ственно единичных прилагательных качественная аргументация интраструкту-
ра, признако-смысловые отношения качества и оценки скрыты, индифферен-
циальны, хотя и они субъективны, поскольку язык – человеческое установление.
Но случайно возникает вопрос о скрытых категориях в семантике (критиче-
ского); применительно к прилагательным большой/маленький это категории
размера, количества, определяющие вектор реализации соотносительного потен-
циала данных слов в разных их значениях и национальных употреблениих
[Борнштейн 2008]. Характерно, что понятие нормы во многом определяется
свойствами предмета с точки зрения «антропоцентричности» и «фи» человека и
возможностей использования «Для многих линейных предметов, особенно ар-
тефактов, – пишет А.В. Крамченко, – норма определяется удобством манипуля-
ции этими предметами человеком – ...«(не) большой в области толсто-го
носко-голова... Для многих предметов – натурфактов (дерево, волос, сосулька)
нормой чаще всего является некоторая среднестатистическая величина. Для
таких предметов – артефактов (стена, доска, бумага) норма чаще всего опре-
деляется условиями функциональной утилитарности» [Крамченко 2004: 45].

Таким образом, человеческий фактор действителен в семантике и отно-
сительна, и качественных прилагательных, последние из которых в своем
первичном значении также связаны с порождающими возможностями челове-
ка по освоению мира: отсюда их деление на эмпирические и рациональные
(А.Н. Шрайв) и исключение образно-визуальных моментов при объективности
относительных прилагательных. Правда, при интегральном подходе к слову с
позиций антропоцентризма между эмпирическими и рациональными каче-
ственными прилагательными нет существенного различия, поскольку они от-
ражают две взаимосвязанные ступени в интентуализации мира. Но у ка-
чественных прилагательных протонитическом, доминантным признаком вы-
ступает периферичность, признак субъективной характеризации объекта
выделенным на всех уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтакси-
ческом. Для этого разряда характерен номинатив с исключительным субъектом,
что связано с доминантностью периферичного признака, его периферичностью и
процессах дискретизации социокультурного опыта.

Метафора, обособляя один из признаков исходной сущности, отнекаясь от их совокупности, является универсальным средством концептуализации абстрактных сущностей, позволяя сопоставить уже известную информацию, закрепленную в исходном значении, с новой, мир физический и дуальный сущностей. Но случайно в зоне лексического связанного значения, образующего к миру абстрактных сущностей, к тому, что человек думает о мире (Н.Д. Арутюнова), к миру психической реальности, качественные и относительные прилагательные связываются в своей характеристиках, ср.: тяжёлый (о чувствах, переживаниях), лёгкий (о науках, знаниях и т. п.), тайный (о человеке и его характере), сердечный (о человеке, его характере), нормальный (о работе, жизни) и т. п. Тем не менее, интерпретационный момент, как мы видели, присутствует в семантике обоих разрядов даже в свободно-произвольном значении исходных и тех слов, определяя пределы предметов это мироздания (ср. сопоставимость со словом типа человек и его фактически возможностям первичный, прототипический значений прилагательных тяжёлый, лёгкий, высокий, глубокий, крупный, первичный, режисёр и др.) Словарные толкования часто фиксируют позицию наблюдателя, учитываемого данные всех сенсорных каналов. Так, словарным наблюдениями и интерпретации [Дорогурова 2008] обнаруживают прилагательные тяжёлый (учитывается возможность быть услышанным, скрыть информацию от посторонних ушей и т. д.); близкий (находящийся в пределах физической, психологической, социальной досягаемости наблюдателя) и др.

Следовательно, человек думает о мире, воспринимаем и как действительный, палочный мир, и как мир той или иной культуры, мир виртуальный, мир психологической реальности. Сама по себе референтная адресованность слова вне её интерпретации человеком той или иной культуры не проявляет существа различий между качественными и относительными прилагательными и разными типами их лексически значений (ср. нормативность для русского языка осязаемый типа «осязаемый солданик» и «осязаемый солданик», «осязаемый друг» и «осязаемый друг»), т. е. картина мира носителей языка предстаёт как картина, система значений различных миров, просперуруемых и на единицы языка различного уровня. Постоянно идущие в сознании переходы от визуального – к миру – перцептивного мира к вербальному, следовательно также психическое процессы, как воображение, эмоции, оценки, абстрактное мышление, во многом объясняют взаимодействие слова, обозначаемого предмет, с первичной средой его бытования – именем существительным. На базовом уровне категоризации и относительные, и качественные прилагательные связываются в своей образности к миру «вещей», по раннему маркеру эту образность в типе основного, свободно-произвольного значения: как через керенную общность с производным именем и синтаксическое модальное связи с кругом прилагательных имён (для относительных прилагательных), или только вторым способом (для большинства качественных). Как бы то ни было, связь прилагательного с существительным оказывается более тесной, чем предполагалось до сих пор, и не только по формальным признакам. По наблюдениям В.М. Павлова, в лингвистических исследованиях, в словарях толкованиях учитывается сопоставитель-

ность качественной определенности предмета и отдельного его качества-свойства, при этом в случае устойчивости и постоянства признака, утрачивающего статус свойства, могут приобретать статус качества [Павлов 1996: 13]. Трудно, однако, согласиться с цитируемым автором в том, что номинация ориентационных признаков, значимой принадлежностью, образованной от собственных имен еще имеет качественных предосновий и выводится «за пределы средств выражения качественного признака» [Там же: 19]. Статус качества, фиксируемый словарными толкованиями, может интерпретироваться и в терминах семанто маркерования (актуализация, поглаголка, усиления яркости и т.п. со-мы). Соответственность качественной определенности «предметов» и отдельных его качеств особенно очевидно представлена в таких несобственных значениях

В кругу прилагательных фразеологически связанным значением с первым для них актуализуемой функцией связывается значение качественное и относительное, что фиксируется словарной пометой «осн.» и «вл. взаимозав.»: **превратный** (выжит. Спец. Повторный), **свободный** (удар, вектор, член и др.), **кварковая** (бомба), **лучистая** (спец.) энергия, **ловкий** (в спец. терминологии) акция, **рабфа**, **тропическая** (малыраж, ладорадка), **поглаголка** (заук). Образность имен прилагательных в «осн.» в процессах его конкретизации происходит не непосредственно, а обуславливается языковыми механизмами интерпретации признаков зависимостью от имени существительного, выделительным указанием на присутствие познающего мир субъекта и его деятельность с объектом. По словам А.В. Крамчина, «осн. присущи как бы две оси бытия: ось соотнощего наблюдателя и ось позиционного деятеля» [Крамчина 2004: 82]. За репрезентацией слова во внутреннем левонтоме, его эпиграмой интонг всегда значительная совокупность знаний о слове как языковом знаке с его интерпретацией, но также и набор знаний об объекте называемом данным словом» [Кубрякова 2004: 65]. Эти две типа знаний проецируются и в различение качества как категоризацией основы прилагательного и качественности как семантики одного из его ЛПР. Надлеж, означение или нарочитое перенесение этих типов семантики служит одной из причин помехения в разряд качественных прилагательных таких тех, которые выступают традиционно относительными (например, повторенные назывший признака по интервалу, но второго сделав предмет [Алтон 1986: 146-147]). Связь с именем существительным, зависимость от категории предметности проявляется у прилагательных в том, какие свойства предмета открываются, осознаются говорящим в деятельности с объектом как выделенной в восприятии целостностью. По словам А.А. Петелин, «грамматической арабрут... есть название признака, представляемого данным в субстанция, обозначенной другим словом» [Петелин 1958: 105]. Думается, что интерпретационный компонент значения имени прилагательного как номинация качества предмета может быть связан с семантикой не только определяемой субстанция, но и той, которая породила само прилагательное. В этих ориентациях получает утверждаемый ответ дискутируемый вопрос о референтности имен прилагательных «референтивная самостоятельность выступает как следствие перцептуальной отдельности и выделенности некоторых объектов (лиц, предметов, физических тел), а также их частей (эт-

рибутов) [Кубрякова 2004: 226]. С помощью инфы прилагательных проводится параметризация аргументов в построении высказывания: «прилагательные детализируют или ограничивают, уточняют или специфицируют то есть модифицируют представления об актанте, внося свой вклад в их идентификацию и отнесение» [Там же: 227]. Ср. в другой работе: «Среди общереферентных высказываний... выделяются два вида, высказывания только сообщенные (Человек смертен) и высказывания, где одновременно с актом сообщения производится акт выделения релевантной для сообщения части знания» [Лебедева 1986: 82]. Как видно, в выполнении функций выделения и сообщения активно участвуют инфы прилагательных. На комплексном, референциально-прагматическом статусе прилагательных слов настаивает и С.В. Постникова, исходя из разряда прилагательных в современном немецком языке [Постникова 1992: 12]. Ее аргументы связаны с включением в понятие «Придатность также «сферности» мысли, в том числе качества и отнесения. Когнитивный подход требует включения таких структур знания – концептов – в понимание референтности инфы прилагательных, что связано с относительной автономностью ментальных репрезентаций (представлений, понятий и т. д.) и их языковой привязки. В ряду основных концептуальных привязок качества это выделяются

- 1) предметная «принадлежность»,
- 2) его автономность и связанная с ней широкая сфера прикладности,
- 3) открытость по отношению к категории эмоциональной оценки.

В ряду других признаков отмечены «стативность, внутренняя присущность (ингерентность) по отношению к предмету-концепту, постоянность/временная ограниченность, проявляющаяся в латентных, интуитивно-корректных в контексте смысла» [Там же: 16].

Когнитивному рассмотрению в литературе подвергаются не только сами прилагательные, но и атрибутивные комплексы (АК) с их движением на классификационные ассоциативные свободные типы, но несущие печать национально-культурной специфики (темный лес, золотая осень, малиновый лес, белое озеро пустыня) и ряд других типов. Среди них – номинативные АК (молочной чашки, вечный двигатель, ночная кукушка), свободные, но не выдерживающие тест на предикцию и близкие к ФЕ. Кроме того, отмечены АК классификационного типа (светлой отец, черной вояка, розовые очки, белый дом, сарафанное радио) и АК атрибутивного типа (деревянные лодки, искусственные цветы, фальшивые деньги) [Юрина 2005]. Во многих из примеров видна двойная детерминация семантики прилагательного существительным: со стороны производящего и со стороны ключевого слова, определяющего тип лексического значения прилагательного уже на уровне лексической системы в её отношении к системе ФЕ. Думается, однако, что печать национально-культурной специфики несут все типы АК того или иного языка. Новым когнитив в атрибутивных комплексах создаётся только в случаях метафорического пересмысления всего АК или его субкатегорного компонента, но не атрибутивного. Поэтому вряд ли справедливо относить сюда обороты типа белый гриб (это, по О.С. Админой, ограничительный АК, общий для разряда количественных и относительных прилагательных), красная волчица, синий цвет, белые ночи, белая гвардия, белая

горючих. Ср. возможность образования на базе компонентов этих АК самостоятельных номинативов типа «облаков» (о белоснежных облаках), «боровик» (белый гриб), «горючий» (Бред), «пеленающие» от лица горючки, «почушка» (почная рубашка), «вешающие» от лица веша, что говорит в пользу самостоятельности системного значения производного, если оно не предельно во фразеологизме. По справедливому замечанию В.М. Павлова, в языке представлены разные «среды существования лингвистических объектов», и между лексемной целостностью и синтаксической расчлененностью есть «проблематичная инстанция» – функция предикативного аргумента, поэтому «делать прямое заключение от наблюдаемой восприимчивости к лексемному статусу любого более или менее частотного словосочетания вряд ли правомерно» [ТДН 1996. 53, 41]. Здесь следует обратить внимание ещё и на то, что аналогия к атрибутивно-субстантивному сочетанию связана с участием относительных прилагательных в формировании видовых «классов», тоже являясь качественно определённым (виновное покрытие, автомобильная шина и др.). Но здесь мы уже сталкиваемся с явным, философским пониманием качества как целостности, качественной определённости вещи, которая переопределяется с процессом на вещь.

Когнитивные аспекты компаративных колористических сочетаний рассмотрены в [Гольдберг 2007]. Для когнитивная лингвистическая семантика являясь прилагательных (АП) статья представляет интерес по ряду причин. Она содержит словосочетания русского и английского языка, выходящие в своей основе за привычные прилагательные, и выводы по итогам анализа данной АСТ могут быть распространены на семантику всего АПР, позволившую уточнить представления о тех процессах, которые связаны с познанием человеком универсума. Кроме того, становится очевидной роль тональности и конкретизация объектов и их прототипических признаков, а также её культурная обусловленность, выступающая при сравнении языков.

Для русской культуры в качестве прототипической названа белая разновидность бумаги, в отличие от цветной, розовая лезв в отличие от серебристо-чёрной и др.; для английской – красная разновидность помидора, розы и отличие от белой, белая простыня в отличие от цветной; для французской – выделение в качестве прототипической более чем одной разновидности объектов одного класса (красное яблоко и зелёное). Примечательно, что в качестве эталонов сравнения принадлежат прототипические объекты, наиболее значимые для человека в смысле его утилитарной или эстетической деятельности: чёрный, как слива, мясистая, съедобная, красный, как рак (в таком виде эти продукты употребляются в пищу), белый, как снег. Таким образом, в качестве эталонов сравнения качественно прилагательное принимает название прототипического представителя класса объектов, обозначающих ключевые существительным, что означает самобытность и тождественность как существительным, так и самим прилагательным «молоко – белая жидкость, выделенная грудными железами...», «сёрный – цвета сажи, угля». Это естественно, если помнить, что вещь и её признак связаны отношениями целого и его части при конкретизации явлений. Видно, для идентификации и отграничения от сходных объектов (молоко от других жидкостей, ворона от других птиц, о чём пишет В.Б. Гольдберг), в

качестве точек референции для ориентации человека в мире используются не только цветные признаки, но и многие другие, воспринимаемые с помощью органов чувств человека: тактильные, звуковые, обонятельные, слуховые, кожные признаки, получаемые с помощью зрения, – наиболее важными. Все эти признаки передаются респондентами ЛСТ обширными качественными прилагательными, за которыми стоит различные образные схемы, а сами эти категории имеют прототипическую значимость, ориентированную на образцы, отражающий первичную «заинтересованность» человека в интерпретации класса определяемых. На стереотипный перечень в словарях задаёт представления о норме качества, сложившиеся в данной культуре и создающие лакуны в межкультурной коммуникации. В основе значения многих прилагательных лежит (по предположению, высказанное «в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталонной индустриального свойства» [Там же: 200]) (ср.: сладкий – вкус сахара, мёда и т. п.; чёрный – цвета сажи, угля...). Последние особенно очевидно в квалификации И.В. Гольдберг тёмных и посветловатых конкордантных признаков, устанавливаемых с опорой на максимизацию операции сравнения, аналогиче «Образ тёмного, хорошо известного из сферы опыта, превращается для нового осмысления признаков объекта, попавшего в фокус внимания наблюдателя» (ср.: глубокая река и глубокая тарелка). Поскольку эталон выводится в сопоставлении, служащий действительным способом презентации концепта, стоящего за словом, выводится и эталонная стереотипная культура и их концептуальным признакам вполне оправданно. Эталон оказывается значимым при наличии не только явного, но и скрытого сравнения, лежащего в основе развития развитыхших лексических значений имён прилагательных, и «знание об объективных признаках эталона, его культурной семантике и оценке» [Там же: 73] вообще значимо для развития полисемии слов этой части речи (ср.: золотое кольцо – золотые волосы – золотые руки – золотой характер). Прототипический эффект возникает прежде всего в сфере означаемых значений прилагательных в системе языка, а также в случаях ситуационального употребления означенного, свободно-комбинативного значения (ср. как женщина, каменистая скала и др. у М. Горького). Более широкий смысл имеет и приводимое автором выделение трёх типов посветловатых абстрактных объектов, названных эмпирического признака (ср.: глубокая мысль, характер, чувство); объекты, вышедшие из употребления (красный товар – слово ценный) или не соотносимые по данному эмпирическому признаку с тем или иным объектом сравнения (квадратная голова, опрокинутое лицо, выжатые глаза). В осмыслении того или иного признака или объекта присутствует «ослабшим интерпретации знания об эталоне в когнитивном контакте объекта сравнения» [Там же: 79]. К числу когнитивных операций, лежащих в основе названного механизма, автор относит сферы других актуализации и составлений аналогичных элементов двух фреймов – эталона и объекта сравнения, проецирование знания о признаке эталона на фрейм объекта сравнения, обогащение ментального пространства объекта сравнения новым смыслом, формирование интегрированного ментального пространства. В процессе концептуальной интеграции (Ж. Фаскуле и М. Торнер) различных ментальных пространств, в формировании метафорического (мета-

языческого) блока как самостоятельной структуры значительная роль принадлежит такой когнитивной операции, как семантический вывод (инференция), общий в организации семантики качественных и относительных прилагательных. Конкретным интеграция рассматривается не как конкретный семантический прогноз, а, скорее, как общий принцип продуктивного творческого мышления (Ирвинсона 2004). Эта мысль перекликается с замечаниями О. Мандельштама о поэтическом творчестве «как школе спорейших ассоциаций» и с географическим эффектом используемого им каскада разнообразных по источнику метафорических моделей в описании одного жилища.

Такие мыслительные репрезентации, как прономина, лежат в основе значимой собственно относительных прилагательных как производных слова, хотя и им свойственен комплексный характер значимой, характеризующий на интеграция признака объекта, обозначенного производным именем (ср.: горючий, медленный, августовский, квартирный, степной, сельский и т.д.). С этой замаскированной количественно связано и использование в лексикографии пометы «относящийся к...», и недоумение лингвистов по поводу того, что относительное прилагательное меняет своё значение чуть ли не с каждым новым определителем. Двойная мотивация значения относительных прилагательных (слова и слова) объясняет необходимость сопоставления «вышей», обозначенных существительных, хотя бы по одному из свободных им признаков. Чаще всего это отношения части и целого (прибрежная линия, цветочная поляна, степь, амальгамовая корка), принадлежности (заповедная территория детского сада), предизначенности (домашняя утка, мушкетёрское ядро, молочная бутылка) и многие другие виды метонимических отношений, возникающих при регулярном помещении «вышей» в определённую, общую для них ситуацию и закрепляющихся в культуре. Это естественно, если видеть диалектику вещи как осознания признаков и признака как одного из признаков окружающей вещи. Если две величины (существительные слова и слова) сопоставляются с прилагательным, они с неизбежностью соотносятся между собой. Производные позволяют принимать в качестве определённых имен существительного лишь определённый, хотя и достаточно широкий круг существительных, так или иначе ассоциируемых с производным. Важнейшим способом фиксации его значения выступает корневой морфема, хотя и той не сводится значение существительного (в глаголах – ср.: издрезанные штаны) и целом.

Итеративные связи членов атрибутивно-субстантивного комплекса говорят об обратности синтагматических отношений обнаруживая себя в наличии обратного порядка, семантического ступенчатости, дивиденда, субстантивации.

Производная с участием качественных прилагательных передается преимущественно таким синтаксическим способом, при котором специализированным средством объективации и код ланной мыслительной структуры служит краткая форма.

Для характеристики относительных прилагательных очень существенно замечание Е.С. Кубриковой о способах формирования и оформления новых значений «с помощью производных слов, которые должны быть рассмотрены в свете возможных операций с концептами и над концептами» независимо от

того, оказываются ли эти структуры в процессе прямого взаимодействия человека с миром или в процессе оперирования сложными ментальными концепциями нашего сознания» (Кубрякова 2004: 22). При этом выход за рамки семантико-ролевого опыта при формировании абстрактного знания неизбежен для развития концептуальных структур, объективируемых во тавтологически-словными но и качественными прилагательными в их необходимых значениях. В этом смысле приведенный выше термин «интертекстуально» представляется не вполне уместным при квалификации абстрактного знания.

Естественная классификация какой-либо предельно и классификация слов по частям речи, объединяют единицы с неравным статусом, что допускает возможность отклонений от прототипа, создания прототипического эффекта, но не снимает вопроса о прототипическом значении той или иной категории. «Словно качество представляет собой свой части речи, своего лексико-семантического ряда и, наконец, тех образных для части речи грамматических значений, которые эту часть речи отличают» (Кубрякова 2004: 67). Прототипическим для прилагательного выступают значения качества предмета как его акцентуального признака, присущего предмету или открывающего в нём. Наиболее полно характеризует прилагательное как часть речи и выступает облучшим представителем прилагательное качественное, именное наиболее полный набор признаков части речи, постепенно вырождающиеся в прилагательном относительном. Особенно отчётливо это вырождение признаков выступает в зоне фразеологического связанного, периферийного для части речи значения, на переходе от лексической системы к системе ФЕ. Правда, категориально-грамматическое значение слов здесь корректируется интернально-лексическим, связанным с неоднотипностью лексических значений в семантической системе словаря. Неодинаковое положение отдельных слов в составе части речи на лексическом уровне подтверждается вырождением типов парадигм и состава их членов у относительных прилагательных, что лексикографически подчёркнуто неодинаковыми способами семантизации слов разных разрядов, включением таких способов только в случае развития значений в сторону грамматически маркированного разряда качественных прилагательных. Прототипический эффект в этих случаях возникает на базе включения в процесс концептуализации структур во-образности, осязания, земной, что создаёт множественность, подвижность качественного признака, при этом действует принцип «семейного сходства», когда смысловая структура слова передаёт и сохраняет отдельные черты прототипа. Здесь видимо следует подчеркнуть, что понятия прототипа на грамматическом и лексическом уровнях не тождественны, ибо для организации смысловой структуры слова, в которой стоит разное слово концепта, прототипическим может оказаться исходное значение и качественное и относительное грамматического. Участие среды в формировании и постоянном подкреплении (и изменении) содержательной стороны слова в значительной мере определяет адекватность его лексического элемента, глобальную интертекстуальность языка. Об этом в разной связи писал В.В. Виноградов. Когнитивные основы лексических значений слов и их многозначности в разных терминах уже были отмечены В.В. Виноградовым. Так, он отмечал скрытые концептуальные сущно-

сти, стоящие за словоупотреблением: «Вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу выйти на поверхность» [Виноградов 1972: 17]. Он видел «единство строевых элементов, стоящего за словом. «Язык обобщается вместе с развитым идей, и одна и та же языковая оболочка слова обрывает побегам новых значений и смыслов... Изучение изменений в принципах сочетания словесных значений и изучение их может привести к широким обобщениям, к открытию семантических законов — вне связи с общей проблемой истории общественных мировоззрений, с проблемой языка и мышления» [Там же: 16 – 19]. Это напоминает высказывание О. Мандельштама о слове как пучке смыслов, которые торчат из него в разные стороны. Рассмотрев семасиологические взгляды М.М. Погребовского, В.В. Виноградов отмечал их дифференцированность и конкретность по отношению к семантическим закономерностям языковой значимости слова, объединённых социально-исторической общностью, принадлежностью к одной профессиональной среде, например, к торговой сфере (понятие армяком, рынок), к военной системе (к понятию меры и веса), к языку обидов, перес, к языку юр и крещи и т. д., к военной терминологии, к общественно-политической лексике и т. п.» [Виноградов 1978: 193]. Ср. ещё «Одна и та же лексика в разных эпохах обозначает разные предметы и разные понятия. С другой стороны, каждая социальная среда характеризуеться своеобразными своими обозначениями. Поэтому одно и то же слово как указание на предмет включает в себя разное содержание в речи разных социальных или культурных групп... функциональные и социально-бытовые связи вещей отражаются на исторической судьбе названий» [Виноградов 1972: 16 – 19].

Возвращаясь к мысли о прилагательном и их связи с существительным следует отметить роль корня слова как зердына конкретности, как стимула в развитии ассоциаций по горизонтали, в межсловной деривации, и по вертикали, на внутрисловном уровне (ср. явление отраженной полисемии в кругу относительных прилагательных и дательное развитие как качественных антонимов). Когда Л.В. Щерба писал о том, что содержание слов «особый, всеобщий, всеобщность» в конкретном смысле тождественно, но воспринимается сквозь призму разных общих категорий, он также имел в виду роль языковой категоризации в дифференциации глубинной семантики, роль контекста, индифференцируемого не только структурой многозначного слова той или иной части речи, но и структурой семантического поля, деривационных рядов и гибрид. Подобная концептуальная общность, видимо, и была одной из причин утверждения о «фактивности» семантического критерия при определении частей речи (А.А. Лозинский).

Схожесть понятий, отражаемых в языковой картине мира, связана и с разрядной семантикой имен прилагательных, но образуется состав лексико-семантических групп слов, объединяемых классификационной функцией как первичной для относительных прилагательных с их тематической ориентацией, с одной стороны, и единично-характеризующей функцией как первичной для второго разряда с его возможной релятивной ориентацией, с другой

Известно, что В. В. Виноградов считал существо различий в семантике количественных и относительных прилагательных языково-семантическим и экспрессивно-стилистическим. Учитывая, что граница между этими разрядами проходит внутри одного слова, перед нами явление семантической деривации, тесно связанное с контекстуальной общностью стоящей за словом ментальной репрезентации, то есть явлением концептуальной деривации. Выход субъекта познания за рамки своих физических возможностей, связанный с процессом не только наблюдения, но и концептуализации, осмысления, выхода в ментальное пространство объясняет представимость в семантике разрядов не только прототипически, но и абстрактных, вторичных сущностей – признаков, моделируемых по типу наблюдаемых в физическом пространстве в связи с «фокусировкой» внимания субъекта познания на определенном аспекте познаваемой сущности [Михайловская 2007: 127]. В случае относительного прилагательного такой познаваемой сущностью становится видовой равнозначность класса предметов, вербализуемая скрепленным словосочетанием (серпичные зацели, равнинная трубка, каменистое здание, оловяная рама, вичная скорлупа, дрожжевая вода, морское судно, паровозыльные пролеты, аэровокзал, московский опыт и т. д.). Их познание оказывается возможным лишь на основе метасемантической связи признака, называемого прилагательным, и того концепта, который стоит за провозглашением и который послужит основой для наименования этого признака. Таким образом, механизмы профилирования семантики относительного признака тесного связаны и с выбором признака качества, стоящего за провозглашением словом (например, Москва – определяющий покус и Москва – жители города), и с мотивацией со стороны определяемого. На этой основе строится выходящее завыше, даже в случае его недостаточной определенности, диффузности, или критичности (московский опыт – приобретенный в Москве или москвичами, мой или региональный?) Концепт выступает основой категоризации мира и языка как неотъемлемой части этого мира, основой любого вида знания: обыденного, научного, языкового, при этом собственно языковое знание, являясь «систематической частью общей концептуальной системы телесного формирования» (то тем же языком, что и другие типы знания). Вместе с тем, отмечая специфику языковых категорий как формы языкового сознания и форматов знания особого типа, отличая их прототипом от прототипа категория неязыковых (естественных) объектов, автор относит количественные и относительные прилагательные, как и другие языково-грамматические разряды или классы слов в пределах части речи, к категориям скрытой грамматики, имеющим прототипическую структуру: «Это представляется вполне логичным, поскольку лексико-грамматические категории по большей части отражают категоризацию действительных для языка объектов – слов. В контекстуальности перехода лексических значений в грамматические проявляется связь категорий бытия и сознания (ср. в этом аспекте идею словарной грамматики – Н. С.), которая обеспечивает выделению репрезентации языковых значений, формирование, передачу и познание значений в процессе коммуникации, то есть одновременную реализацию когнитивной и коммуникативной функций языковых единиц и языка в целом» [Болдырев 2007: 24]. Видно, с одновременной реализацией этих функ-

при этом, с необходимостью уточнены связи категорий бытия и сознания сепараты и явления водрами переходов от образного к вербальному коду и обратно, на чем во многом основан и механизм выводящего языка. Ср. вытекающие Ч. Стенсона. «Нужен такой смысл слова значение, при котором язык означал бы меньше того, с чем он ассоциируется» [НЗП 1945- 182] Следует подчеркнуть, что лексико-грамматические разряды качественных и относительных прилагательных только категории окрестной грамматики, и являются в институционации мира носителями данной культуры и в их коммуникативной деятельности. Как уже было сказано, прототипическое строение языка прилагательного связано и с ведущей ролью разряда качественных прилагательных как «приблуген по преимуществу», и с различием эталонов, на которых ориентирована семантика разрядов и лексико-семантических групп в их пределах прототипического значения относительных прилагательных во многом является «отражающими», как и другие, и мотивируется концептом с его различными проявлениями и словами, стоящим за производимым словом. Отсюда значимость внутренней формы, внутренней морфемы как ведущая концепта.

Согласно когнитивным представлениям, концептуальная структура, стоящая за производимым словом, имеет вид триады (Ю.Г. Павлиця В.С. Кубрякова, Л.В. Бабина, а также авторы работ по словообразованию, ориентированному на «этикетку», а семантические модели столь же реальны для каждого сознания, как и образы, имеющие статус концептуальных единиц (Л.В. Давыдов). При исследовании процесса концептуальной деривации, определяющего восстановление концептуальной структуры (произведения), лежащей в основе производного слова, Л.В. Бабина использует термин «концепт-фрейм»: «Он представляет собой ту часть структурированной области человеческого знания соотносимой с производимым словом (или словами), которая попадает в фокус внимания при создании концепта, репрезентируемого производимым словом, и определяет в той или иной степени структуру последующего. При этом интерпретация производного слова может предполагать как обращение к той же структурированной области, то есть фрейму, соотносимому с производимым словом, так и к другой» [Бабина 2007: 87-88]. Последнее замечание особенно важно при интерпретации семантики производных прилагательных. И далее: «Участки фрейма, являющиеся выделенными и определенными концепты, передаваемые производимым словом, могут рассматриваться как «суб-фреймы» [Там же: 91]

В кругу коммуникативно релевантных знаний выделяют ситуативно связанные и ситуативно не связанные знания (например, [Шуркова 2007: 103]). Последние ориентированы на прототипические когнитивные модели (слыши или слышны), репрезентирующие типичные соотношения между их участниками и обстоятельствами, на коммуникативные ожидания, базированные на представлениях о нормах, эталонах, обеспечивающих автоматизм действий человека. Имена прилагательные фиксируют определенные стабильные узоры фреймов, отражающие эти представления об эталонах, различных для качественных и относительных прилагательных, несмотря на общность стоящего за словом концепта. Для качественных прилагательных это опора на круг «фрейм», обо-

значенных ключевым для них существительным, для относительных же она ещё и опора на концептуальные признаки, обозначенные производным словом. Для качественных прилагательных последний показатель факультативен, то есть профилирование их семантики осуществляется не совсем так, как у относительных: у последних концептуальные признаки во многом абстрагированы корневой морфемой, обеспечивающей преемственность семантики производного слова. По отношению к производному, то есть концептуальную деривацию на межязычном уровне; у качественных прилагательных она осуществляется по преимуществу на внутриязычном уровне и обнаруживает себя прежде всего в процессах семантической деривации, которые для относительных прилагательных часто оказываются «отраженными». Концепт производного составляет фон, создающий базу для перемещения фокуса внимания в процессах словопротекства. Видимо в этом смысле нужно понимать и истинную единичность семантики ЛПР прилагательных, и противу того, почему качественность есть лишь другое имя благоусловности, если различить качественность и категорию качества. Оба же концептуальные содержания слова-имени прилагательного по-разному представлены в различных концептуальных областях (доменах) с опорой на когнитивный механизм выделения концептуального признака и культурные представления о норме качества, характерной для того или иного домена. Само собой разумеется, что культурные модели полностью прилагательных, как и любая быдленного сознания, являются в процессах имплицитной, выводного знания, различны для языков разных этносов, аспекты на некоторые универсальные моменты, связанные с универсальными телесными мышлениями и концептуализируемого мира, на глубинных ценностных предпочтениях, верованиях и когнитивные устоями различаются от культуры к культуре и имеют экспликацию в языке.

Тематическая привязанность исходно относительных прилагательных в романтических – качественных также связана с принципом когнитивной доминанты, когнитивного выделения тех или иных концептуальных признаков. Для относительных прилагательных важен их классификационная функция, участие в выделении специализированных разновидностей предметов одного класса, определяемых на базе выводного знания при закреплении исходной информации в производном слове (автономный завод – изготовитель автомобилей, зимнее пальто – сделанное из шерсти, вечернее событие – промышленное мероприятие и т. д.) тогда как для качественных – оценочно-характеризующая функция в представлении предметов разных классов, обычно не поддерживаемая синкретизмом значений корневой морфемы исходного слова. Может быть, отчасти поэтому столь свободны и изменчивы ассоциации, связанные с качественными признаками. Ср., например, состав глагола дескрипторе в стимуле белый соответственно в «Русском семантическом словаре» под ред. С.Г. Бархударова (1) и в РАС (2):

(1) уют, бесцветный, вода, жидк., льда, молочный, подслащенный, горохов., проталина, светлый, снег, каменный, стуба, белый, бледнеть, голубой, красный, лужа, невыразительность, поле, прозрачный, пурга, серый, стальной, цвет,

жарен, бежин, бледный, доска, крупа, мал, паводок, полутон, прошеет, розовый, свет, туча, шестой, ясный

(2) снег, чёрный, прес, Бом, амет, гудак, лют, свет, замк, чистый, медведь, шарлат, язык, лебедь, дон, красный, кня, злос, Андрей, жарен, дом, лалет, гроб дым как снег, сорной, шарф, альбинос, белог, кот краснкой, неча, паша, пух, ошар, синий, слон, танец, тёмный, шесток, человек, шар, шибберг, белокожный, бумаж, Валера, врач, валя, воздух, выстрел, гвоздь, голубой, градь, дыши, мал, знон, жёлтый, и чёрный, кня, кариш, ком, коммат, корабль, король, костюк, крест, красна, круглый, лёд, лето, мёртвая, мелодий, молоко, мрак, не бывает, не чёрный, негр, нежный, неосветный, неперочный, неудобно, обложка, олень, очень белокожный, парашют, парус, пёс, песок, шесток, шитье, шкушубок, шкелье, прекрасно, шрифта, шрифт, простыня, пустой, рамона, розовой, ручка, святой, связука, садок, смерти подобный, собака, сорочка, степь, степь, ступ, твёрдый, теплоход, торжественный, туман, флаг, фрок, алясок, дождный, чисто, чтение, шенок, жарен, абсан

Многообразная информация, привнесённая в словарные статьи, значима и в отражении системно-структурных характеристик слова, особенно при ориентации (1) на длинные толковые словари, и в отражении когнитивно-прагматического уровня в структуре языковой личности, её связанной с миром и предметами предметной

Если любому качественному прилагательному свойственна выпяченность односторонности, естественно наличие таких слов данного разряда, у которых односторонний признак оказывается выделенным при нейтрализации всех других. «От противного» это подтверждается некоторыми утверждениями рекламного текста. «Прилагательные – только информационные (лучшие паразиты, антипаразиты мебель). Рекламные слова (лучшие, качественные) будут удалены (охла-да-ли). При ориентации на эстетический предмет, уже предположительной когнитивные коннотации ведут его устремлённости к идеальному, употреблении общепонятного прилагательного оказывается искусственным «Вла-го страна рядом со словом музыка звучит прилагательное «качественно» (Поташев-ли). Ср другой тип текста. «Впервые читала это слово в ту пору, когда второго прилагательного при качественном определении «эпиграфийный» не требовалось (вазелье-стали) Повзвешенье, что гидрологизация совместного дискурса достигалась отказанием от игры употреблении относительных признака только в соседстве с качественно-оригинальными определениями аллодири языком поэта, прочный металлической старая и под. Сама односторонность (скрытая и явная) часто связана с известным безразличием к деактивному статусу передаваемого признака Развитие качественных значений у относительных прилагательных связано с нейтрализацией самих предметного отношения и актуальной объективной сем исходного значения Когнитивная функция исходно качественных прилагательных состоит в выражении и такой ментальной структуры, как влияние субъекта (количественного и индивидуального) с опорой на традицию количественного признака (фрок такая глубокая, что...), тогда как относительные прилагательные выражает только влияние концептуального признака объектов того или иного класса. Относительность и модальность

категориям, И.В. Назарова отмечает те области знания, которые подвержены градуированию. Большая их часть имеет отношение к семантике качественных прилагательных и обнаруживает себя как в структуре полусеманта, так и в составе ЛСТ качественных прилагательных: «финалистические, плавильные состояния субъекта, а также его параметрические и оценочные характеристики, метаграммы и эмоциональные состояния. Градуироваться может и степень проявленности или наличия какого-либо качества» [Назарова 2008: 49].

Посылкой теории является в частности, служащая действительным способом презентации концепта, стоящего за словом, выходящее к эталонным стереотипам культуры и их концептуальным признакам вполне отражено. Применительно к китайскому языку мерным профилерованием, задействованной в градуировании (градуйное пространство предстаёт как континуум) свойств в записях с понятий прилагательных и глаголов, ведётся в выражении первыми «объём проявленного признака, качества, свойства (модификация действительного признака), а вторыми – профилерующие степенно-качественные признаки (например, интенсивности движения) из полного ряда характеристик (нарративная модификация). По словам Л.С. Фурс, невозможно утверждать, что норма как основа для оценки объекта будет всегда объективной. Это объясняется тем фактом, что для человека, не обладающего данным объёмом знаний, актуальным является его обыденное знание, а значит, субъективная оценка. Пожалуй, лишь моральные и этические нормы наиболее стабильны и менее субъективны» [Фурс 2007: 83]. Трудно не согласиться с тем, что любое прилагательное в его исходной форме и значении передаёт целостный, гештальтовый, количественный признак (это относится и к качественным прилагательным положительной степени, свидетельствующим о полном объёме проявленного признака, и к относительным прилагательным с общим значением «возможнейшее и...», с чем, видимо, связано и представление о единстве их четверичной семантики). Однако номенклатура степенных норм (моральные и этические) обусловлена не столько отсутствием их субъективности, сколько специфичной семантикой наглядности их относительных прилагательных, которые как бы маскируют субъективный, то есть личный для человека, а потому и общечеловеческий характер реализуемых им ценностей. Но не менее субъективна и семантика других относительных прилагательных, включающих такие признаки вещей, которые значимы для человека данной культуры, его ориентир в мире и деятельности и которые потому стали предметом внимания, осмысления и объективации в языке того или иного этноса.

Исследователи говорят о слове кактивно-дискурсивном подходе к словам, объединяющим в пределах той или иной части речи, прежде всего потому, что уже в процессе номинирования были заложены те функции, во имя которых и создавалось слово. Это относится не только к семантическим функциям, но и к позиционированию слова на функционально-стилистической шкале и в тех дискурсивных практиках, которые оно призвано обслуживать. По словам В.С. Кубряковой, «...лексическое значение единицы пропускается через особый категориальный фильтр и соотносывается с предельнозначностью единицы для выполнения ею определяющих семантических и/или дискурсивных функ-

ций» [Кубрысова 2004: 219]. При этом стратегии нормативного использования слова в дискурсивных построениях определяются его когнитивными признаками: в значении в слове вкладят не только сферы действий с реальным объектом, обозначаемым словом, но и сферы действия со словом как таковым (Е.С. Кубрысова). Когнитивно-дискурсивный подход также учитывает идеографические подразделения лексемы, её ЛПР, связанные с определёнными фрагментами знаний о мире и обуславливаемые их дискурсивными практиками (ср., например, официальная сфера и неформальное обращение, не могущие употребляться без особой оговорки в пределах одного и того же дискурса).

Не случайно, например, описывая сочетаемость возможности войны в русской культуре, Н.А. Маслова выделяет одну из групп определённых значений к этому слову – «Логическое (научное) определение. Она почти всегда представляет собой относительные прилагательные: «вечная, бактериологическая, водородная, воздушная, гражданская, империалистическая, коалиционная, колонизальная, локальная, маневренная, международная, мировая, морская, оборонительная, партизанская, подводная, воздушная, ракетно-ядерная, сухопутная, тотальная и т.п.» Среди слов этой семантической группы важны также множественная, наступательная, превентивная, статус которых в языке не вполне ясны.

Таким образом, определённое концептуальное содержание по-разному представлено в различных концептуальных областях (доменах), т.е. в разных типах дискурсов как возможных носов, чем и обуславливается сложная система качественно-относительных значений в кругу многочисленных именов прилагательных. Действительные концепции значения, связанные с разными практиками, разрабатывает и современная лингвистика. Так, В.Ф. Петренко рассматривает значение не просто как набор компонентов, а как «интерпретируемую форму деятельности, производную от этой деятельности».

Лексические значения качественных и относительных прилагательных в их перемещных функциях связаны с различными ментальными стратегиями субъективной характеристизации, оценки и классификации, что, однако, не исключает использования их значений во вторичной для ЛПР функции и особенно особенно проявляется на периферии словарной структуры слова, соотносящейся с парадигматическим строем всей части речи и её разрядов. В процессе деятельности с объектом, его дознавая его объекта как бы включиваются всё новое содержание, он как бы поворачивается каждый раз другой своей стороной, в нём выявляются всё новые свойства» [Петренко 1997: 21]. Ср. хотя бы некоторые возможные значения имен прилагательных, отмеченные лингвистическими словарями:

гуманитарный – «Именное прилагательное, обозначающее принадлежность к гуманитарной сфере, относящееся к гуманитарным наукам, гуманитарным профессиям»;

горючий – «Свойственный по горючести, пылкости, остроте»;

забывчивый – «Свойственный забывчивости, забывчивому»;

индивидуальный – «Связанный с разрешённой общественно-политической деятельностью человека, не состоящего в штате государственного учреждения»;

го, кооперативного или общественного предприятия, учреждения; частный»

– и отчётливо выступающие в словосочетаниях типа: муниципальное образование, федеральная программа, региональные льготы, точечная застройка, точечный удар, гражданское общество и др. В них отчётлива связь с определёнными сферами деятельности человека, определяющей предметность их в тех или иных сферах употребления, видах дискурса.

Тематные функции имен прилагательных разных разрядов и ЛСГ раскрываются в серии сопоставительных исследований, отражающих различные дискурсивные практики и заслуживают отдельного рассмотрения.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Словоизменческие средства языка. – М., 1974
2. Арбатская В.Д., Арбатский Д.И. О лексико-семантических классах имен прилагательных русского языка // Вопросы лингвистики, 1983 № 1
3. Бабкина Л.В. Проблемы когнитивной деривации // ВКЛ, 2007, № 4.
4. Болдырев Н.Н. Разрешения значений в системе языка // ВКЛ, 07, № 4.
5. Болдырев А.В. Количественность. Неполнозначные замечания // ТФГ. Качественность. Количественность. – СПб., 1996
6. Болдырева О.О. Моделирование семантистической димонии слова // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008, № 3
7. Виноградова А. «Что значит имя существительное?» (или Чем существительные отличаются от прилагательных?) // Виноградова А. Семантические универсалии и универсалии языков. – М., 1999
8. Верасурова Т.Л. Наблюдатель и коммуниканты // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008, № 1
9. Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. – М., 1978
10. Виноградов В.В. Русский язык. Изд. 2 – М., 1972
11. Воеваева М.Д. Качественные семантические комплексы и их выражение в современном русском языке и в детской речи. Автореф. дис. в форме научного доклада на основе доктори факультета наук – СПб., 2004
12. Волф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного – М., 1978
13. Вопросы теории частей речи – Л. 1968
14. Воронцова Ю.Л. Показатели в системе степеней качества // Известия РАН, серия лит. и языка, т. 57, 1998, № 6.
15. Гольдберг Н.В. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как структурные единицы // ВКЛ, 2007 № 4
16. Егорова Е.Б. К изучению категории прилагательности в русском языке // ФН, 1984, № 1.
17. Црумов Б.А. Множественность в системе человеческого познания – Л., 1973

- 18 Жирновский В.М. Преположенные категории прилагательных в западноевропейских языках в сравнительно-историческом освещении // Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1946. Т. 5. Вып. 3.
- 19 Золотова Г.А. К теории пола в языкознании // Пушкинские чтения – СПб., 2005
- 20 Ильинко С.Г. Русология. – СПб., 2003
- 21 Ирисавкина О.К. Лингвокрестинианские основания теории номинализации – М., 2004.
- 22 Кардышев С.Д. Историко-грамматические исследования. На истории атрибутивных отношений. – М.-Л., 1949
- 23 Краченко А.В. Язык и восприятие. – Иркутск, 2004
- 24 Кубрякова Е.С. К описанию понятия языка // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008, № 1
- 25 Кубрякова Е.С. Язык и человек – М., 2004
- 26 Лобалева Л.Б. К проблеме общероссийских высказываний // ВЯ, 1986, № 2.
- 27 Логический анализ языка. Мыслительные действия. – М., 1993
- 28 Митропольская О.В. Интеграция основных видов когнитивной деятельности в рамках прошлого познания // ВЯ, 2007, № 4.
- 29 Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск, 2005
- 30 Назарова Н.В. Референциация языки английской парадигмы градуации // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008, № 3
- 31 Нахичеван Т.М. Качественные прилагательные и отражение картины мира // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии – М., 1983
- 32 Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XXVII – М., 1986
- 33 Новалд-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI – М., 1985
- 34 Павлов В.М. Качественность и субстанциальная семантика // Теория функциональной грамматики (= сокращения ТФГ – Н С) Качественность. Количественность. – СПб., 1996
- 35 Павлов В.М. О разряде явны прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания, 1960, № 2
- 36 Павлов М.В. О частях речи в русском языке // ВДВН ФИ 1960, № 4
- 37 Петренко В.Ф. Основы психолингвистики. – М., 1997.
- 38 Петровский А.М. Русский синтаксис в научном освещении – М., 1956
- 39 Пестелькова С.В. Разряды прилагательных в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. д-ра филол. наук – СПб., 1992
- 40 Петелина А.А. Из записок по русской грамматике. Вып. 2 – М., 1977, т. 4
- 41 Рахманов Е.В. Прилагательные словес притму существительных и числительных // НТЯ. Сер. 2, 1991, № 9

- 42 Современный русский язык: Морфология // Под ред В.В. Виноградова. – М., 1952
43. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке – М., 1988
44. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб., 1996
45. Фреденс О.Е. Референциальные механизмы фактивного и авторского художественного текста. Автореф. дис. на соиск. доктора филол. наук. – М., 2006
46. Фурс Л.С. Когнитивное моделирование синтаксиса // ВКЛ, 2007, № 4
47. Харитончик Э.А. Имя прилагательное: проблемы классификации // Теория грамматики: лексико-грамматические классы и разряды слов. – М., 1990
48. Пурикова Л.В. Дискурсивные стратегии как объект когнитивно-прагматического анализа коммуникативной деятельности // ВКЛ, 2007, № 4.
- 49 Шарандак А.Л. Курс лекций по классической грамматике – Тамбов, 2001
50. Шрам А.П. Очерки по семантике качественных прилагательных – Л., 1978.
- 51 Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974
- 52 Юдина Н.В. Что в языке тебе мило? (о сочетаемости имен существительных и прилагательных в когнитивном аспекте) // Вопросы когнитивной лингвистики, т. 6, 2005, № 1.
- 53 Adorno W.G. Der Deutsche Sprachbau. – М., 1986

1 ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В ИХ СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВОМ ИСТОЛКОВАНИИ

2.1 Типы языковой семантики в системе имен прилагательных: семантика грамматическая, словообразовательная, лексическая

Опираясь на положения Ю.С. Степанова о глубокой аналогии между семантическим строением имени (отдельного слова) и семантическим строением предложения, В.С. Юрченко считает словосочетание промежуточной ступенью преобразования предложения в слово: «Словосочетание и слово не вычленились из предложения (курсив автора – Н.С.), а являются результатом его внутреннего преобразования (курсив автора – Н.С.), при этом «словообразование – это расчленение (синтаксическая) номинативных единиц; а слово – это единица (лексическая) номинативных единиц» [Юрченко 1996: 54]. Ср.: ночь немая – немая ночь – немая Ночь прилагательное как слово не теряет, тем же образом, контекстов своего употребления на пути к лексической самостоятельности номинатива предмета – на контекстах словосочетания, на контекстах предложения. По словам Н.Д. Арутюновой, значение слова – не смысловая атом, а «функция значения предложения» [Арутюнова 1976: 23]. Косвенным подтверждением этому является всё более широко распространённый акцент «наименование ситуации» (термин Т.В. Шмидтовой), графически выделенные в слове элементы предложения-высказывания типа «Коломенское правда!» (название газеты).

Слово как центральное звено в системе языка, способное соотноситься с разными ее уровнями, отражает разные типы языковой семантики. Его лексическое значение обуславливается и межуровневыми и внутруровневыми связями слова. Совмещение в слове разных языковых функций и разных типов языковой семантики, предназначенных для выполнения этих функций, обуславливает многозначность семантической типологии лексикона. Между тем, не всегда распространяются «лексические знаки» и «лексические морфемы (корни и основы)», что, возможно, диктуется необходимостью их противопоставления знакам словообразовательным и словообразовательным в творческих языках [Петровской 2006: 19], однако всё же и семантика разных типов языковой семантики в слове. Даже выделение собственно лексикологического аспекта в русском языке не позволяет отделиться от межкатегориальных признаков категориальных и субкатегориальных, заключённых в лексическом значении слов одного лексико-грамматического класса.

Как известно, имена прилагательные относятся к приимковым словам. Категориальное значение приимковости роднит имя прилагательное с существом, существа – межкатегориальную языковую парадигму, выражаясь в общности ряда грамматических категорий и функций, обусловленных отношением к предмету (род, число, предложная функция, атрибутивность ряда глагольных форм). Общность признаков частей речи основывается на собственно лингвистических показателях, имен и логический анализ и противопоставлении признака и сущности (см. подробнее в [Никитина 1996]). Пониманию понятия

признак предмета выступает в межатегориальной параллели интегрирующим, предпринимаются различные попытки выделить дифференциальные семантические признаки прилагательного и глагола.

Имена прилагательные входят в структурно-семантический тип слов с номинативной функцией. Этим объясняются особенности номинации с помощью имен прилагательных, отражающиеся в типологии их лексических значений независимо от внутреннего деления на лексико-грамматические разряды. К таким особенностям следует отнести предметность в большинстве признаков только тех номинативных значений (отсутствующую в глаголах действительных и количественных). Эта функция, обуславливающая предметно-понятийную основу прилагательных, связывает их со словами других частей речи, и прежде всего расширяет общую логическую и семантическую основу — глаголами, также связывающими признак предмета и в связи с этим на выделении понятия выражения понятия без представления о субстанции. И в глаголах и в прилагательных имеет место своеобразное семантическое связывание абсолютных семантических признаков данной части речи и относительных, отражающих понятийные признаки предметного ряда, интегрированного в лексическом значении прилагательного слова. Необходимость опоры на типовые модели семантических отношений (А.А. Уфимцев), синтаксическая связь с именами, субкатегориальные признаки которых дифференцируют значения прилагательных слов, объясняют значимость синтаксического момента в типологии значений имен прилагательных разного уровня абстракции. Предельно широкий понятийный охват прилагательных, связанный с выходящей в принаказном значении предметного ряда, обуславливает широкий диапазон лексико-семантического варьирования, способ создания значений и их границы, смысловой рисунок прилагательного-полусеманта. Следовательно, относительность прилагательных к структурно-семантическому типу номинативных слов с присказочной функцией в какой-то мере объясняет необходимость дифференциации семантических знаков в структуре многословных прилагательных разных лексико-грамматических разрядов. Отмечается преобладание метафоричности в качественных и метонимиях в относительных прилагательных. С этой дифференциацией связана и разная способность к семантической производности на основе номинативного значения слов того или иного разряда, характер осмысленных модификаций от основных номинативных к периферийным значениям, семантические типы ключевых слов, реализующих модели семантических отношений; взаиморасположение и структура разных по типу лексических значений в словах разных разрядов.

Наша задача — рассмотреть отражение в значении имени прилагательных категориальных признаков и признаков, связанных с определенными способностями-способностями. Это тем более важно, что между категориальным и лексическим значением слова нет непроходимой грани. Не случайно категория качества рассматривается как отражающая различные стороны объективной действительности и формирующая категориальное лексическое значение [Яковлева 1977:40], интегрирующая семантику лексико-грамматических разрядов. Это утверждение вполне согласуется с мыслью В.В. Виноградова о том,

что «определение лексических значений слова уже включает в себя указания на грамматическую характеристику слова» [Виноградов 1972: 18], а «семантические контуры слова, внутренняя связь его значений, его смысловой объем определяются грамматическим строем языка» [Там же: 19].

Итак, первичный вид обусловленности лексического значения слов – их подведение под определенный многокатегориальный структурно-семантический тип, а в его пределах под определенную часть речи как лексико-грамматическую категорию. Так, в концепции А.М. Пешковского дифференция рудимента глагола и прилагательного выступают признаком процессуальности-непроцессуальности, активности-пассивности. Непроцессуальность пассивности признака интерпретируется как качество. Эта точка зрения отразилась в грамматическом описании частей речи в академической Грамматике-70, где глагол противопоставлен по значению именам и наречиям виду называемая приписка как процесс. Процессуальность толкуется как дательный признак. В свою очередь имена существительные как названия предметов противопоставлены прилагательным и наречиям, называемым назывательскими, стилистическим признакам. Имена уже дифференциальный признак понимается А.А. Шахматовым: «Прилагательное – это часть речи, соответствующая предложению о качестве, свойстве (названием признака), мыслимом в грамматической зависимости от другого господствующего над ним существительного, представляющего субстанцию» [Шахматов 1941: 428].

Конструктивный смысл определения (о когнитивной его основе мы уже упоминали) – в понимании качества как пассивного признака, т. е. по признаку процессуальности или прилагательное на противопоставлен глаголу. Понимание пассивного признака углубляется в концепции В.В. Виноградова, признающего качество семантической основой имени прилагательного, выражаемой в формах конъюнктивного согласования признака с определенным именем существительным [Виноградов 1947: 183]. Отсутствие указаний на внутреннюю связь качественных значений в формах рода, числа и падежа прилагательных создает грамматическую базу для выражения пассивного признака, или качества. Таким образом, пассивность признака выражается в подчинении, свободном следовании грамматических категорий прилагательного, свободных от иных наружных, категориям существительного. Выражение в грамматических формах прилагательного общего значения согласованного признака, их синтаксичность и большая чем у существительных, абстрактность создают лингвистическую основу выделения прилагательных качественных, местоименных, порядковых и др. в класс имен прилагательных.

Таким образом, при сопоставлении имени прилагательного и глагола как частей речи с признаковой семантической четкой выделится в качестве дифференциального признака пассивности-активности. Пассивный характер признака имени прилагательных косвенно подтверждает грамматическая «перспективизация» новых слов, выраже-
ваемых в словарной статье всей совокупностью грамматических форм, хотя реальное употребление дает одну какую-то форму

Например:

Информационный, -ая, -ое Информационный язык.

Искусственный язык, предназначенный для защиты и поиска научной информации.

Медленный, -ая, -ое Медленно движущийся (об элементарных частицах). В иллюстрациях: медленные нейтроны (в двух примерах).

Общность этих признаков категорий глагола и прилагательного подтверждает возможность выделить из их противопоставления признаки процессуальности, поскольку процессуальность, общность с глаголом один из признаков имен прилагательных – прилагательные качественные, различиваемые их и другие разряды в пределах слова этой части речи

Связь с глаголом качественных прилагательных обнаруживает себя и в истории формирования имен прилагательных как части речи, и в современных тенденциях его развития. Неоднократно отмечалось использование в предложивной функции преимущественно прилагательных в краткой форме (свойственной разряду качественных) как выразителей качественного состояния и противопоставление значению качества, выражаемого полными формами. И семантика состояния и процессуальность в предложивную позицию полных форм качественных прилагательных в связи с развитием категории качества, и употребление слов этого разряда в полупредикативной функции, и способность к предикативному управлению и управляемости, как и семантическое обособление кратких форм с тенденцией к переходу в категорию состояния (Н.Н. Прокопович, В.В. Виноградов), – все эти пути исторически связывают прилагательные с глаголом. Л.П. Якубинский подчеркивает соотносительность качественных прилагательных с категорией времени. В.З. Панфилов отмечает элемент процессуальности в понимании качественных прилагательных что даёт себя почувствовать в наличии системных отношений и соотносительных с прилагательными глаголов (красный – краснее – краснеть.) [Панфилов 1976: 8, 17]

Именно сфера предикативного употребления качественных прилагательных, общия у них с глаголом, становится определяющим признаком в установлении статуса разряда прилагательного, которые при этом подходе считаются семантическими, а не грамматическими группировками [Грамматика... 1970]

Неграмматичность разряда усматривается и недостаточно последовательно проведенных морфологических признаках у качественных прилагательных. Однако еще Л.В. Щерба отмечал, что при полном выражении какой-либо категории в языке не обязательно присутствие во всех случаях целостного набора формальных признаков. Эта мысль Л.В. Щербы развивается в недавних исследованиях «Для понимания сущности грамматики и синтаксической природы грамматических функций важно еще заметить, что предстает собой категория, скрытые в значении слов. Когда скрытые категориальные признаки известны из грамматики... то грамматический характер таких признаков в общем не вызывает сомнений... Теперь же возникает вопрос об определении грамматических содержательных функций внутри, по типу выделенной или функции. По решая этого вопроса, мы, конечно не можем и в составе лексико-

одна значимый элемент категориальных компонентов от вещественных, или эмпирических» [Капелюшн 1972: 94]

Особенно актуальны эти соображения при конституином рассмотрении естественных категорий, с учётом прототипического характера семантики организующих их слов. Изучение категориальных и субкатегориальных компонентов в составе лексических значений позволяет увидеть грамматическую однородность слов, имеющих формальные признаки лексико-грамматического разряда в целом, и слов, выборочно использующих эти признаки. Качественное прилагательное как лексико-грамматический разряд обладает достаточно обширным набором формальных признаков, и морфологических и синтаксических. Некоторые из синтаксических признаков обязательны для слов разряда и выступают дистриктивными принадлежностями прилагательных к разряду как тестовых (конструкция типа *стакан (вазочка) синий, что...*, функционально соотносимых с формой превосходной степени прилагательных).

Характерно, что дистрибутивно близкий к Грамматике-70 «Словарь лингвистических терминов» О.С. Алмазовой не даёт указания на процессуальность как разграничитель значений прилагательного и глагола. «Прилагательное Часть речи, характеризующаяся категориальным значением признака, грамматическими категориями степеней сравнения, рода, падежа, числа (выражаемых в форме согласования), синтаксическим употреблением в функции определения (atribутивная функция) и предикативного члена и развитой системой словообразовательных разрядов» [Алмазова 1966: 337]

Семантика процессуальности свойственна разряду качественных прилагательных и связана с их дифференцированной способностью выражать и качество, и качественное состояние с точки зрения воспринимающего субъекта. Грамматическим средством выражения этого значения служат формы степеней сравнения, в одном из значений передающие изменчивость, подвижность признака, а также краткая форма качественных прилагательных со свойственной ей в современном русском языке исключительной предикативной функцией. Семантическое соотношение с удалительной связкой в предикативной функции готовит к вид синтаксической связи возможна при наличии общей с глаголом семы процессуальности.

Однако можно иметь в виду, что процессуальная семантика свойственна не всей категории имени прилагательного, а только одному лексико-грамматическому разряду – качественным прилагательным ввиду их способности выводить и свойства как признака постоянные, вневременные, и состоящие как признака, имеющие временную обусловленность. У глагола же значение процессуального признака – категориальное, выражаемое в свойственных этой части речи категориях времени, вида, залога, наклонения и т.п., имеющих регулярные ряды производственных друг другу форм для выражения данного значения.

Учитывая полифункциональность грамматических форм, мы отметили только одно из возможных значений степеней сравнения и краткой формы имен прилагательных, можно в плане уточнения признаковой семантики как имени

примыслительного вообще, так и одного из его лексико-грамматических разрядов

Ограничения в образовании кратких и полных формы, формы степеней сравнения объясняются и структурными и семантическими причинами. Последнее выступают эти в случаях притяжательных семантики качественного признака, его множественности, подвижности, момента процессуальности, или, напротив, когда эта семантика выражена иными средствами, например, лексической формой слова. Ослаблением значения множественности вызвано отсутствие степеней сравнения у примыслительных *красивой, сильной, мёртвой, белой*. Притястия, понимаемые как структурные, при ближайшем рассмотрении оказываются и семантическими. Так, в *сборфологиче ИГУ* отсутствие кратких формы объясняется для ряда случаев опасностью смешения, орфографическими притястиями, тогда как их образованием содейло бы еще и избыточность в выражении процессуального признака, переданного отвлеченной лексической формой – *белый, голубой, мертвый, красивый* – с сохранением или семантики состояния, или результиративного значения. Словообразовательно выраженное степенное значение, или значение интенсивности, также не нуждается в ином способе передачи множественности признака: *эпопей, толстенный, равенный*

Но отличны семантически причины отсутствия кратких форм у примыслительных в составе единиц, квалифицируемых как *афразологические* – *памятная звезда, замечательный друг*. Отсутствие кратких форм у этих признаков вызвано обусловлено фразеологической связанностью их лексических значений, т. е. опять-таки семантической причиной. Следует еще обратить внимание на отсутствие параллельных форм в связи с общим процессом семантического обособления кратких форм как выразителей качественного состояния. Это заключение лишь подчеркивает правило: качественные примыслительные с параллельными формами могут передать и постоянное качество, и состояние предмета. По данным Грамматике-70, ограничения в образовании отвлеченной сравнительной степени несомненны и чаще семантического свойства (например, при передаче слабого признака признака суффиксальными образованиями *-ат-, -еват-*). Все это свидетельствует о достаточной яркости семантических свойств и жизнеспособности разряда качественных примыслительных, которые, опираясь на систему грамматических признаков, в отдельных случаях могут и отделиться от такой опоры, не теряя своей дескриптивной грамматической выразительности. Видимо, нуждается в разграничении понятие *качество* – название пассивного признака предмета и *качественность* как комбинация специфического признака, передаваемого качественными примыслительными. Первое понятие – категориальное, второе – субкатегориальное. Качественность выражается не только через субкатегориальные компоненты лексических значений *отвечать* и *мыслить*, но и через языко-семантические особенности слов разряда. Качество как категориальная основа примыслительных реализуемо прежде всего у слов с номинативной функцией – качественных и относительных примыслительных «Имятные слова видят объект по некоторому минимальному признаку, присущий ему независимо от речевой ситуации. Названное имя по-своему воспроизводит существующую определенность предмета» На

этом основании названные слова и выражаемые ими значения можно назвать характеризующими, или повествовательными [Капильсон 1972: 143-146]. В этом смысле оба разряда выполняют характеризующую функцию, и выражение количественного, динамического, подвижного (но неизменяемого от ситуации) признака у качественных прилагательных возможно при оценке этого признака лично, с точки зрения говорящего, с ориентацией на норму качества, его стандарты, принятые в данной культуре. Следовательно, способ характеризации оказывается разным: предположительно выраженность субъективного значения говорящего у качественных прилагательных и его выпитичность у относительных. Думается, что этот признак тоже выступает как субъекторнональный в лексическом значении прилагательных, выражаясь у количественных отчасти в формах степеней сравнения и зрительной форме, с актуализацией и других значений этих форм, например элитивного и супрративного значений; категоричности или стилистической смягченности у зрительных форм. Особенно отчетливо присутствие наблюдателя проявляется в сочетании качественных прилагательных при коммуникативном подходе к значению слова, связывающим проблему номинирования с содержанием и целью коммуникации, с ролью слова в сообщении. Выступая классическим предикатом, т. е. бери на себя роль сообщаемого качественные прилагательные обладают следующими свойствами:

- а) направленной в сторону от денотата, абстрактности,
- б) стремлением к конкретности,
- в) гомогенностью
- г) развитостью автономических систем,
- д) особым характером семантики, базирующейся на близости сигнификата,
- е) соотносительностью с абстрактными функциями,
- ж) субъективностью выражаемого предположения при известной универсальности, индивидуальном варьировании употребления [Арутюнян 1973: 49].

Субъекторнональные компоненты лексических значений качественных прилагательных и их коммуникативные свойства вносят уточнение в категориальное значение пассивного признака, свойственное имени прилагательному. Обычно пассивность усматривалась в недействительности признака, в том, что он зависит от природы субстанции, определяемой именем прилагательным. Но анализ семантики качественных прилагательных показывает, что качественность и зависит, и организуется, и представляется в слове выраженной в системе языковых средств разного уровня той же точки зрения говорящего, а не только природой определяемой субстанции. Последняя представляет собой своеобразный стимул, базу для той или иной ее оценки. Следовательно, пассивность прилика-качества выступает как слабый член противостоимости прилагательного и глагола, поскольку активность, действительность, процессуальность признака выражается в строгой системе грамматических категорий и форм глагола. Выданные говорящим признаки субстанции, ставшие актуальными для языкового сообщения, обнаруживаются в образованиях новых значений и комбинаций в системе качественных прилагательных, приведенных в словаре [Венж... 1971]. «Так, известно существовали заболевания, похожие на грипп, но только необло-

дность двенадцати гриппа, отрицания его от холода, но имеющих иную природу болезней, полемик за собой комбинация гриппоподобной, -ая, ее. Подобный гриппу, полемик на грипп (о болезни).

Например «Истинный грипп и множество сходных, гриппоподобных болезней вызывает более 100 вирусов»; «Ученые выяснили, что грипп и гриппоподобные вирусные инфекции сокращают на несколько лет среднюю продолжительность жизни человека... Одна из главных задач – научиться отличать гриппоподобные заболевания от истинного гриппа.

Оценочный подход привел к созданию новых значений у прилагательного спортивный с актуализацией сем, потенциальных в относительном прилагательном; спортивный, -ая, -ое; -вен, -ива, -о. Обладающий качествами, являющийся видом спортамена.

Например «...В южной части Москвы, спортивных, веселых ребята; «Спустя несколько лет Анжелика поняла, что тогда Нонна еще не была красивой. Она была только торжественной – спортивная девушка в узком платье, аккуратная, добрая в движениях, с веселыми глазами и красивой улыбкой»; «Молодой атлетичный мужчина, интеллектуальный и спортивный» (словарь «Новые слова и значения»)

Оценочная точка зрения включает качественные прилагательные в ряд однородных членов с той же направленностью оценки Ср еще гроссмейстерский – свойственный гроссмейстеру, мастерский, Гроссмейстерский год, гроссмейстерские результаты.

С отрицательной оценкой связано образование говорящими качественных прилагательных модернист и модернист, новолудимых в оценочной, разговорной речи.

Например модернистский костюмчик, модернистский котлетка, модернистский домик; модернист женщина, и т. д. Голубой – стаякой, который не отражает, не учитывает недостатки, идеализированный (иронически): голубые характеристики, голубые представления о действительности.

Ср. недавно развивалось новое значение этого слова, связанное с нетрадиционной сексуальной ориентацией человека и получающее разные интерпретации в зависимости от степени толерантности социума и конкретной языковой личности. Здесь отчетливо обнаруживается зависимость качественного признака от формирующихся в обществе культурных стереотипов, штампов

Из примеров видно, что образование качественных прилагательных идет в системе уже известных субстанций со смысловым аспектом характеристика предметов, явлений. Абстрактность качественного признака, отвлеченность от предметной основы создает известную свободу маневрирования в оценке, объясняет потенциальную однозначность, возможность в любом качественном прилагательном. Сравнивая возможность разнонаправленных оценок у прилагательных, приведенных словарём новых слов и значений

1) глобальный в сочетании со словами ситуация, промывка, цель, репутация;

2) диссертательный - пригодный для написания диссертации (в разг. и проф. речи): научные исследования диссертательны, диссертательная тема, диссертательная тема, диссертательная работа;

3) железобетонный -

1. Нынешней крепкие нервы, не поддающийся эмоциям, уравновешенный (в разг. речи). «К книге припала, как к своему источнику. Не следует забывать, что в те время, когда она создавалась, в большом ходу были изображения некое, называемое как железобетонный герман; «Грусть - это немое, железобетонный староста - вдруг грусть!» «На всем же быть таким железобетонным»

2. Отпавшаяся примитивнейшая, негибкая (в разг. речи); железобетонная логика, железобетонная речь;

4) заводной - легко возбуждаемый, усложняющийся; живой, подвижный, деятельный (в разг. речи): «Зырянов - парня заводной, он служил мной на крейсере «Макарова, стоит ему сказать, что стовой «Макарова» - «полоня» - он два часа не усложняется»; «Заводная Галка вертится около дома, прыгает, как кот, через канавку».

Особенность (даже потенциальная) может исключиться явным заданным способом представления явления в определенных стилистических условиях (например, в научной речи, стремящейся к отстраненности от субъекта). Ср. неуправляемый - неуправляемый (в большом) (в проф. речи). Классический - классический демократический социализм; отнесенный и к либерализму, связанный с ним. К. вещества, м. свойства, м. опасность, м. действие.

В этих случаях качественные прилагательные близки к относительным и стремятся классифицировать предметы на основании характеризующего признака, представляемого как объективно присутствующий определяемому и подтверждаемый данными научного эксперимента. Таковы образцы, подобная функция качественных прилагательных сложилась в ответ на вызовы научно-производственной дискурсивной практики.

Ср.: лавинообразный - опасный в отношении образования лавины Л. участок, л. района. Склонны гор стали лавинообразны. Малораздочный - движущийся небольшими размерами, малую ударку. Также малораздочны. Металлоемкий - характеризующийся большим расходом или потреблением металла. М. производство, м. машина.

Ср. еще: неуправляемый, неуправляемый (в предпринятии), а также разностороннюю вокализацию, породившую способы словообразования в книжной речи: адъективный суф.

Активность и субъективность качественного признака позволяют давать его конкретизацию в адъективных словосочетаниях за счет количественно-качественных уточняющей признака. Коммуникативная функция прилагательных реализуется в виде атрибутивной и предиктивной. Первая выступает как обидя в пределах слов со значением качества, вторая - преимущественно в разряде качественных прилагательных. Предиктивное употребление относительных прилагательных ограничено семантической сочетаемостью с ними связки быть: не указывающей на изменение признака или на его субъективное вос-

признак. Но если по коммуникативной нагрузке качественные прилагательные – типичные предикаты, это не может не отразиться на их протомонологическом отношении. Не случайно функции именования, референции, идентификации принадлежит функциям сообщения (Н.Д. Арутюнова), характеристика, предикация (С.Д. Каприцлов). Относительно прилагательных сохранена идентифицирующую функцию в силу своей субстантивной семантики, выполняемая часто и роль члена размеченных номинаций, редуцировано отражает предикативную функцию в той мере, в какой она обложена в атрибутивную. На эту близость двух функций указывается во многих синтаксических работах (В.В. Бабайцева, Л.Ю. Кузалова и др.), и различие проводится не столько в рамках структурного, сколько коммуникативного синтаксиса. В атрибутивной функции признак выдвигается как присущий субстанциям, в предикативной – как обладаемый атрибутом, то есть коммуникативная перестройка устанавливается по большей части прилагательными-предикатами, выполняющими роль именную функцию, то есть прилагательными качественными по структуре. Относительно же, отражая признак, не актуализирующийся в момент речи, в составлении одну из внутренних характеристик предмета (основу из идентифицирующей роли), выступает обычно в составе темы в актуальном членении предложения. Это различие коммуникативной нагрузки отражается в структурных схемах предложения с синтаксическим значением прилика (качество) субъекта (предиката), «сопутные субъекты» [Золотова 1978].

Предикативная функция вытесняет синтаксическим значением разлик типов составного именного сказуемого. Это синтаксическое значение одного из главных членов предложения не может не отразиться на синтаксическом значении качественного прилагательного, преобладающего в именной части сказуемого, что и находит отражение на лексическом уровне в формировании типов конструктивной и синтаксической обусловленности значения у разряда качественных прилагательных.

Семантически глагол олицетворяет признак как процесс, т. е. движение, ход, изменение. Даже глаголы типа *бегает, виднысься*, являются обязательно предикатом содержания предмета в фокусе внимания наблюдателя, то есть изменяется во времени или положении предмета, или угла зрения субъекта. Но эта же семантика не исключена для качественных прилагательных, будучи фиксированной разницей способностей морфологическим (глагольный предикативный для обозначения количества признака), семантически сопоставимом (с обязательной общностью хотя бы одной семы со связным глаголом как *бегать*, так и стематизация признака – фазовым глаголом), редуцированной формы (временные формы для передачи временного содержания). Временной признак актуализируется у нас в предикативной и нейтральной в атрибутивной функциях.

Не случайно для коммуниции быть субъектом и подобным (ср. пример У Чейфа «*Одежда сушил*») понравился особый термин «предикативный элемент», который Тельер называет глаголом (Тельер 1988: 14). С опорой на эти наблюдения И.П. Прохачев считает, что в предложении *Одежу сушил* в предикативной роли выступает аналитический глагол (комплексная синтагма) *был + сушил* с нулевой формой связки [Прохачев 2004].

Одной из характеристик имени прилагательного как части речи, согласно приведенному выше определению О.С. Ахмановой, признается развитая система словообразовательных моделей.

Словообразовательная семантика как тип языковой семантики не безразлична для лексических значений слов, подпорченных под категорию прилагательного. Закономерности комбинирования типовых словообразовательных значений и индивидуальных лексических прослежены нами на примере отлагательных прилагательных с суффиксом *-к*, начитывающихся, по данным «Обратного словаря русского языка, около 60 летком Их типичное словообразовательное значение толкуется в Грамматике-70 как «основной и действительный, неизменному мотивирующим словом, способный назвать это действие, будучи его субъектом или объектом».

Лексические значения отлагательных прилагательных должны рассматриваться с учетом характера семантики производного слова, разных видов ее обусловленности. В словообразовательном плане к факторам обусловленности относятся компоненты, выраженные мотивирующей основой и формантом.

При достаточно широком (инвариантном) значении форманта предлагается установить его частное значение с опорой на внутренний контекст морфемы. Под контекстным значением морфемы понимается «то значение, которое прилагается на ее долю в том или ином внутреннем или внешнем контексте» [Улуханов 1977: 91]. Так, контекстным значением суффикса *-к* в словосочетании *лесной дом* признается значение «находящийся на», а в словосочетании *лесной вопрос* — «связанный отношением к». Думается, что предложенный прием установления словообразовательного значения форманта таит в себе опасность смещения факторов обусловленности лексического и словообразовательного значений по ряду причин. Правило определения контекстного значения морфемы должно распространяться на любой ее вид, в том числе и на порождающую морфему. Между тем этот прием эстетической выделенности внутренне предполагает точкой отсчета лексическое значение слова, столь же однозначно предполагающее значение суффикса, как и значение корня. Но бывают случаи, когда только значение лексического значения допускает связь с глаголом и существительным. Что же тогда выбрать точкой отсчета? Например, если слово *варякий* достаточно четко соотносится с глаголом *вариться* (ввиду редкой употребительности слова *вар*) то аналогичное по форме *варякий* не имеет никакого отношения к глаголу *варить* (с ним связано прилагательное *вареный*). Что же касается слова *парякий*, его значение не исключает связи и с глаголом *парить* и с существительным *пар*. Следовательно, конкретность разовываемых значений, синтагматическое значение лексического значения приписываемого значения аффикса. Это плохо согласуется с положением о том, что контекстное значение инвариантного аффикса в заданной форме, но не полностью, предопределено значением мотивирующей основы (внутренним контекстом) [Улуханов 1977: 94]. В приведенном выше примере (*лесной*) эта обусловленность совсем не учитана при установлении значения суффикса. Поскольку в номинативе участвуют и словообразование и полисемия, между этими способами номинации наблюдаются существенно общие семантические закономерности при раз-

личия формальных «Семантическая связь между дериватами определяется, как правило, формально по наличию в них общего элемента – корня или аффикса (при словообразовании), единой лексемы (при актуальной деривации)» [Кару-лаш 1976: 208].

Частично словообразовательные значения представляют собой ступи, пересечение отношений внутрисловной и межсловной деривации. Об этом свидетельствует общность семантических характеристик в использованном выше и другом значении, а также отмеченные в Грамматике-70 сочетания различных частных словообразовательных значений в пределах прилагательного-полосымысла (разрезанной – нож и зубка; набиванной – машина и матрац). Общность типового словообразовательного и индивидуального лексического значений, отражая морфологием разных типов языковой семантики, оставляет открытым вопрос о различных вариантах значения, выражаемого с помощью форманта и второго, для которого формант выступает элементом лексической формы [Степанова 1976: 18]. Находятся ли эти два типа языковых значений в отношении рода выводов или в отношениях контактной реализации общего значения?

Элементы, эксплицирующие лексическое значение слов одного словообразовательного типа, позволяют проследить за характером этих отношений. Иногда в толковании называются абстрактные семантические признаки

- гудкий –
- способным громко отражать звуки,
- гибкий –
- способный легко гнуться, не ломаться;
- целый –
- 1) способный ухватить, крепко схватывающий,
- 2) способный ухватиться, удерживаться;
- плавающий –
- способный плавать.

Указание на способность и действие потенциально содержится и мотивирующая глаголах *гудеть, гнуться, целиться, плавать*. Ср.: бутылка *целится* – проволока *ломается* – обладает гибкостью, сгибается. Эксплицитно они выражены только в группе возвратных глаголов активно-бессубъектного значения, вторые называют действие, представляемое как происходящее в характерном свойстве предмета.

Ср.: *мыльница* – растворился в воде, давать пену; мыло хорошо м. // растворять в себе мыла; известковая вода с трудом м. и мыльщик – льющий обильную пену при растворении в воде. О мыле // хорошо растворяющий в себе мыло, содержащий много мыла; м. вода, м. кремль.

Функция словообразовательного форманта как элемента лексической формы меняется в связи с включением в круг мотивирующих разных по заголовку значению глаголов, в том числе и возвратных, в данном примере *мыль* – растворить в воде мыло м. воду. В целом же словообразовательный формант приспособляется к нужды прилагательного семантически согласуемый с глаголом признак постоянства, характеристики. В этой – проклятие се-

магических связей признаков слов, образованных по корню Ральчике ощущается в избирательности способа оформления соответствующего значения (дровами засыпана, по шучкам, проволока дышет, по губкам), а также в возможности временной актуализации свойства на уровне системы языка и гласного (настоящее актуальное) и ее необязательности у прилагательного (ср.: дыба трещит, дыбом трещит, дыба могут и не обладать признаком губкости как постоянным и характерным). Наблюдение за соотношением фразеологической связности значения у отглагольного derivatives также подчеркивает устранение сем временных конкретизаторов исходного значения (ср.: заматываю – 4. перен. Наматываю по тембру и диапазону О мужском голосе (в определенном возрасте) Ломкий – 2. Намечивалый, нестойкий по высоте и тембру, прерывистый, мямлющий. О голосе).

Словособразовательная сама свойства, склонности обуславливает в большую абстрактность производного значения, это лишний раз подтверждает наличие доминантивных смыслов при сложении языковых элементов, что является причиной единозначности, очевидно, всех мотивированных слов. Только в одних случаях эта единозначность выражена составом компонентов и других – нет. Стоит же ряд мотивированных слов неоднородными – значит означать разные по степени абстрактности типы языковых значений.

Различия темпоральности (настоящее актуальное и потенциальное) заметно для лексической подсистемы гласного и стартует в прилагательном. По увеличению признаков не создается табулограм при введении глагола и табулограм лексического значения прилагательного. Конкретизация словособразовательного значения здесь достигается ограничительными (способный в каком-то смысле) и уточнительными (по степени экспрессии) элементами табулограммы. Следовательно, конкретизация словособразовательного значения – лишь один аспект характеристика языкового по лексическому значению производного.

Для лексического значения прилагательного существенно как само наличие способности к действию, характеристике действия, так и те качественно-количественные определения, которые не являются для производного гласного и не существенны для словособразовательного значения. В один словособразовательный тип попадают, с одной стороны,

- волчий – прорывающий ушко, волчий,
- цедый – хмычковый, разрушительный, разламывающий что-либо,
- кошачий – подпрыгивающий кошке,
- клеячий – липкий, прилипающий, содержащий в себе клей и, с другой стороны,
- валачий – мушкетерный, легко определяющийся, наклонившийся

набок,

- стойкий – легко сохраняющий и проявляющий свои свойства,
- зыбкий – легко переходящий в состояние движения, колебания,
- горький – коротко идущий,
- ленкий – коротко подпрыгивающий кошке, коротко лепещащий,
- кошачий – удобный для кошки.

Вместе с тем выделенные уточнители не противоречат словообразовательному значению, ибо указание на постоянное свойство, склонность и совершение действия предполагает и его временную протяженность, и способность легко и хорошо производиться или восприниматься, названное мотивирующим словом, и высокую степень признака. Ограниченность признаковым значением со стороны двух частей речи создает в анализируемых прилагательных уместность семантического объема, меньшей компактности по сравнению даже с служебными прилагательными. Отмечается большой удельный вес фразеологически связанных значений в связи с дроблением предметного ряда определяемых признаковых слов, служащего дифференциацией их значений. Активность данного типа лексических значений связана и со стилистической сферой – профессиональной, терминологической, чем обуславливается большой разброс значений от свободно-комбинативных мало-среднезначно к фразеологически связанным. Может быть, одновременно наличие двух признаковых категорий в группе отглагольных прилагательных и объясняет сложность их значений в связи с рядом двойных ограничений в подборе предметов, в отношении которых устанавливаются признаки. Тенденция к расширению смыслового объема, развитой полисемией отмечается нечасто и объясняется на интуитивном уровне анализа.

Так, прилагательные *ходкой* и *сидкой* обнаруживают по четыре значения:

Ходкой –

1 шаг: *Такой, который легко и быстро делается, легкий на ход* (в 1-м и 10-м значениях).

2 шаг: *выполняющий большой объем, хорошо идущий; ходовой* О товара, обо всем, что продается.

3 шаг: *Широко употребляемый, распространенный, ходовой, ходкий* Ж слово, выражение.

4 простореч. *Бывалый, такой, что всего добьется; ходовой*. Лишь в

Сидкой –

1 В речи *своих* – *умасной, могустрой сидеть на бегу; усердный, лютый*

2 *Глубоко сидящий в воде, тяжелый на ходу*. О судах.

3 *Сильно уменьшающийся в размерах от действия воды* О ткане, коже С *ткане; с кожей*.

4 *Быстро движущийся* *сидок* С *соль*.

Соответственно этим слов выявляет общие закономерности в организации смысловой структуры. Одна из ее детерминант – смысловая связь мотивирующего глагола (более 10 значений), вторая – семантическая соотносительность сразу с несколькими глаголами: в первом примере с существительными (*ходить, идти*) и глагольным (*двигаться*); во втором – с глаголами в одной словообразовательной гнездо (*сидеться - сидеть*). Эта семантическая соотносительность действует как бы вопреки словообразовательной тенденции и находит отражение в толковании лексических значений (сп. *двигается, идущий, ход* и *могустрой садиться, не сидящий*).

Прилагательное *зачехий* объединяет в себе значения синонимичных слов *ходовой* и *защитной*. При этом соотносительность с гиперонимом и глаголом *ходить* в его прямом значении обуславливает тип свободно-номинативного значения с обилием свойственных ему оттенков и широтой лексических связей: *з. колеса, з. пеналка, з. мальчишка // быстрозачехий*. О судак *И* подвижной, проверенный, быстрый. Шукс *з.* Ластади *з.* Человек *з.* К. пеналка, победка, рысь. Каждый из синонимов и соотносительных со своей многозначностью выдвигает преимущественно номинативное, лексически синонимичные значения. Ретервом полнотемном оптимального прилагательного становится не только непосредственно мотивация глаголом *ходить*, но и опосредованная – отглагольным существительным *ход*, поддерживающая синонимическую соотносительность со словом *ходовой*. Полнотемия продуктивна в сферической сфере употребления прилагательного: разномерно-просторечная лексика стремится к равнообразию связей *зачехий* и диффузности, часто при общности экспрессии, которая в данном случае согласована со словообразовательной семантикой «склонный к действию, способный» и конкретизирована лексическими уточнителями *легко, быстро, хорошо* и синонимичными экспрессивными синонимами.

Прилагательное *сидячий* обнаруживает сходные закономерности композиционной семантической структуры. С глаголом *сидеть* оно связано по значениям

1. *Принимать сидячее положение, занимать место для сидения...*

В. ...Выделить из состава что-либо, давать осадок. Садь с. На с.

10. Под давлением оседаться, опускаться, понижаться. Дно все более садящейся лодки.

11. Уменьшаться в размерах от влаги: сужаться. О тмале, масле.

Сфера употребления (включая профессиональные лексемы) и семантика *сидячий* сходны с сферой и семантикой глагола *сидеть*, которое в прилагательном как основное может быть выделено лишь с учетом исходного значения глагола. Элементом семантики словообразовательного типа выступают значения *сужающийся, опускаться, уменьшаться* на потенциальную способность *сидеться на бегу*. Этот элемент дублируется синонимом *свертывающийся* с тем же значением аффикса. Связанность 8-го и 11-го значений глагола дублируется прилагательным, словообразовательное значение которого индифференциально множественным и множественными уточнителями *проникая, сильно, быстро*. Глагол *сидеть* наряду с 10-м значением глагола *сидеться* также имеет лексическое значение прилагательного: *глубоко сидячий в воде, тяжелый на ходу* О судак (ср.: *сидеть* – только в 3-м лице. Иметь ту или иную осадку О судак) Отсутствием свойственного прилагательному словообразовательного значения *склонности, способности предпринимать семантическую реализацию* уточняющей глагольного действия в иллюстрациях «Лодка сидит всего на 4-х четверках. Лодка глубоко сидит в воде. Параллель сидит по палубу». Соотносительность с двумя глаголами позволила перейти от указания на временное состояние (ср.: *идти все более садящейся лодке»), свойственное глаголу *сидеться*, к значению постоянной способности, склонности, передаваемому через мотивационную связь с глаголом *сидеть*.*

Таким образом, из собственно лексических факторов расширения полемки отглагольных прилагательных с суффиксом -к- по сравнению с нормой служит разветвленность смысловой структуры исходного глагола, семантическая соотносительность с другими членами словообразовательного ряда, антропоцентричность, возможность разнообразных качественно-количественных уточнителей характера действия, трансформированного в качественной принаде, не противоречащих значению образа, стилистике и колоритам прилагательные отглагольной, свойственных многозначным существительным. Связь с грамматическими категориями глагола анализируемых прилагательных преобразуется в рамках определенных словообразовательных моделей.

По поводу переноса сохранения и отглагольных прилагательных признаков многозначности (активность – пассивность), времени и вида существуют разные точки зрения. В.В. Виноградов считает, что в производном инфраземанте грамматические категории исходного Другое авторы [Чжао-Юнь-Чжун 1960] отмечают сохранение видовых и временных значений, а также значений переходности – непереходности и их влияние на формирование значений производных прилагательных. Наш материал убеждает, например, сохранение отглагольных прилагательных с суффиксом -к-, связанного со словообразовательной семантикой. Значение склонности, потенциальной способности связано с предположением о постоянстве из существования Ср. у В.В. Виноградова определение значения данного суффиксального типа прилагательных: «характеризуемый каким-нибудь действием, такой, что легко, постоянно делает что-нибудь, или такой, с которым легко и часто делается что-нибудь, или можно легко делать что-нибудь (в зависимости от значения производящего глагола)» [Виноградов 1972: 174]. Признаки постоянства, вневременности, потенциальной способности – частные значения настоящего времени глагола – отглагольно прилагательных в составленных типах: плавающий – плавающий, косящий – косящий, ходящий – хожущий, малящий – малящий, малящий – калящий, лезущий – лезущий, конящий – конящий, валящий – валящий Другое проявление данных семантических признаков – толкование через качественные по временному значению словоформы. Ср.: ранее приведенное сидний – глубоко сидящий в воде; хожущий – хорошо идущий Или валящий – 1. Табуемый. 2. То же, что валяющийся; малящий – 1. Личный, сытный – рад. То же, что сытный

Отглагольные прилагательные с суффиксом -к- относятся к разряду качественных прилагательных и являются постоянными качествами, но исключают, однако, возможности характеризовать временное состояние. Но в отличие от глагола это различие не имеет у них дифференциальной в семантической структуре и уточняется только элементами контекста. В соответствии с значениями многозначности качественных прилагательных они могут характеризоваться живой существа в своем основном свободно-волеизъявительном значении и их психические стороны и физические свойства и состояние (нерасположение) в производно-номинативном, лексически семантом значении

Ср

сторожский – простореч.

1. **Сторожский, осмотрительный.** О человеке // чуткий, курливый. О животном.

2. **Исполненный осторожности.** С. Сон // выражающий осторожность. С. шаг. С. и жмуркой взгляд.

В исходном глаголе **сторожиться** признак перехода во временное состояние выражен в лексической семантике // **сторожиться, становиться** напряженно внимательным.

Грамматические признаки исходного глагола объясняет в ряде случаев отсутствие притяжательных и связи с несогласованностью их признаков с грамматическими признаками исходного; так, большое значение глагола во составе с предельным о действующим субъекте, что при переходных глаголах существенно в образовании суффиксального прилагательного на -к. Ср **колоть** – **болт.** К. **полющу,** **поси** Сидоровского, при возможности нейтральности залоговости в прилагательном **болельность** не может быть нейтральности. Отсюда образование **колотря** **болт** а не **болт** **болт.** Сравните также отсутствие прилагательного по болельному, хотя в основном значении глагола **любить** – **1** **без** **Лазаревич.** О **болельничьем** **ощущении** **колоса** – и образовании **дружественного** **деревца** по переходному значению 2 **простореч** **Подвергнута** **действию** **стука,** **колоса.**

Забойский – простореч.

1 **Богатый** **колоса,** **забой.**

2 **Причужденный** **ошиб,** **забойный**

3 **Преклада.** З. **ветер.**

Один из признаков расколотой в семантической структуре глагола и имени – актуализация в прилагательном сем потенциальности у глагола. Так, выбор прилагательным только активного признака, передаваемого глаголом, приводит к тому, что сем орудийности, потенциальная в глаголе, становится организующей в семантике отлагательного прилагательного и отражается в синтагматическом компоненте всех его лексических значений. Ср

калель –

1. **Причужденный** **укола,** **калельный.** К. **живной.** К. **вовер** **сосновой** **травы.** // **Высказывающий** **ощущение** **укола.** О **ветре,** **морозе,** **волну** и т. и.

2 **перех.** **Высказывающий,** **калель** **наземный.** **Нимес** к. К. **деревца.**

Он **слишком** к. К., **очень** к. **человек.**

Отсутствие в прилагательном сем орудийности или её потенциальность, а также отсутствие субъективной точки отсчета, указания на аспектизм числом передаваемых действий с помощью различных органов чувств делают **калельность** для прилагательного следующим **калельным** **калельным**.

2 **перех.** **Поразить,** **наносить** **удары,** **раны** **острым** **оружием.** **Возн** к. **Геро** к

3 **перех.** **Убить** **ударом** **ножа;** **резать.** О **животных**

Следовательно грамматический признак активности – пассивности не может считаться полностью утраченным в семантике отлагательного прилаг-

теального уже потому, что его выбор приводит к избирательности сем в глаголе и их перегруппировке в производном прилагательном. Орудийная сем значима также в прилагательном ценной: 1. Способный ухватить, крепко схватывающий. О руках, лапах, ногтях и т. п. Омытая козлик сумел схватить ствол сосны. Объем до однородности по сравнению с двумя членами глагола козлик. Козлик ассимилирует признак направленности, свойственный исходному глаголу «легко раскалывающийся, поддающийся кошке. К. дрова. К. осыры. В данном значении синтагматический элемент связан с существительными впоследствии-собирающей семантики. Нет образования по производно-отмечательному значению глагола «д простереч. Разбивать на куски, колотить. О крупных предметах. К посуду». Причина, видима, и значимость семы «качество» для реализации словообразовательного значения. В этом случае синтагматический элемент абстрактного значения прилагательного вступает в претинно-следственное отношение со словообразовательным значением. Это еще один вид взаимодействия двух типов языковой семантики.

Другой случай: сем, в толковании лексического значения глагола выступающая указанием на причину действия, состояния, в прилагательном развивается в самостоятельное значение. Робеть – посылать воловность, боясь от неуверенности в себе, скупаться // бояться, трусить. Семантика производного типа

робкий –

1. Боязливый, испуганный. Р. стадо. Р. Люди // выражающий робость, свидетельствующий о робости. Р. движения души. Р. вид. Р. Глаза // перен. Проявляющийся не в полную силу, слабо выраженный. Р. молва. Р. блеск слез. Р. золото (краска).

2. Нерешительный, застенчивый // испуганный скромности, притупленный застенчивостью.

Одна из сем глагола «неуверенность в себе», соотнесенная как причина слабости, для основы включения в круг осознанности прилагательного и конкретно-предметных и абстрактных существительных и стала базой полнотемы. Однотипный глагол забиться (колебаться, качаться) мотивирует только прямое, основное значение адъективного деривата забойкой 1. Легко приходящий в состояние движения, колебания. З. вода. З. песок. З. переключателю. Но прямая легкость пер²ода из состояния покоя в состояние движения с устранением дифференциальных сем, конкретизирующая состояние, для основы переносному значению прилагательного «д. перен. Непустойчивый, изменчивый» с исключением в круг осознанности слов неименного ряда (ум, литературное мнение, краска) в связи со сменой архаизма и метафорическом значении прилагательного. Сем действия, выражаемого глаголом, часто допускает представление о его направленности (особенно в глаголах движения). Но она может быть и актуальной и потенциальной в лексическом значении глагола. С обязательной актуализацией семы направленности связывается не только соотносительное с глаголом значение прилагательного, но и его переносное значение. Так, глагол качаться имеет значение «1. Падать, свалиться-ся с потенциальной семой направленности, которая актуализируется другими элементами

контекста в иллюстрациях «Дерева медленно валялись набок. Валяться корпусом вперед, назад Штукатура валялась и т. д. Семь набок оказывается актуальной в производном прилагательном валялый: неустойчивый, легко опрокидывающийся, валяющийся набок. В. лодка. В. карета. Рассыпавшись краем по сторонам и сторону (о пикаре). В. шаг.

Расхождение в смысловом объеме производного и производного отражает случаи формальной мотивированности при отсутствии семантической мотивированности. Так, при всей прозрачности словообразовательного облика и значении прилагательного падкий оно не связано семантически ни с одним из значений глагола падать. Ближе всего оно к тому из них, которое выражает отрицательную оценку поведения человека, его социальной роли, однако иллюстрация значения прилагательного не исключает и иной оценки. Ср. «П. на дьявола. П. индустриальность» (ПАС), но: «Русский человек падок до всего предвещного» (Л.Н. Толстой). С сохранением глагольного управления, его трансформацией в конструктивную обусловленность лексического значения производного создается лишь частичная словообразовательная мотивированность. Ср.: падкий — разг. Патающийся сильно пристрастен к чему-нибудь. П. на что, до чего, (разг.) с непер. ф. глагола. Устар. П. к чему. Устарелое употребление указывает на бытовую семантическую близость прилагательного и глагола в прямом значении.

Несоответствие семантического объема глагола и прилагательного отмечается в разных словообразовательных значениях, допускающих связь со всеми значениями производного. Так, с точки зрения словообразовательной семантики невозможно объяснить отсутствие деривата по основному значению глагола есть —

1. Принимать пищу, питаться, насыщаться — и по производно-комбинативному, лексическому связанию

2. простореч. Кушать, жадить. О животных (Ср.: кошать — каший, жадить — жадный и т. д., другие аналогичные образования по свободному значению)

Вместе с тем прилагательное одной реализует в двух своих значениях лексически связанное значение глагола, распадающееся на ряд оттенков

Есть

3. Разъедать, уничтожать что-либо (о химических веществах и соединениях). Сильно жечь, раздражать, разъедать какую-либо часть тела, прическа бить (о чем-либо остром, остром — дыме, занозе). Перен. Мучить, не давать покоя, гонять (о болезни, заботе, тоске и т. п.). Перен. Изводить кого-либо, приставать с чем-нибудь, не давать покоя, досаждать.

Едкий

1. Химически разрушающий, разъедающий что-либо. Е. лекарство. Вызывающий сильное физическое раздражение; разъедающий. Е. палец, Е. язык.

2. перен. Язывательный, насмешливый, колкий. Е. карикатура. Е. шутка. О человеке.

В тономике исходного значения глагола и прилагательного присутствуют глагольные формы с приставкой раз-, которая, по данным БАС, при приставочном и приставочно-суффиксальном словообразовании глаголов и производных от них имеет явный признак нарушения целостности, разрывания. Однако, этот семантический признак отсутствующий или потенциальный в первых двух значениях глагола, оказался необходимым для реализации прямого лексического значения отглагольного прилагательного и послужил основой для развития его переносного значения. Другая причина разрыва связей с первым и вторым глагольным значением – изменение фонетического облика производного слова по сравнению с исходным и сохранение связей по форме и значению с другими членами глоссы, находящимися в отнесенных сопредельной метаклассе.

Парадигмами в семантике собственных некоторых прилагательных общего словообразовательного типа, часть из которых имеют структурное сходство, а другие обобщены по общности лексического значения и часто высшей звуковой форме ввиду утраты мотивирующего глагола. Ср.: *клеванкой* и *клевбкой*, имеющие соотносительные значения и связанные с глаголами *клевать* – *клебать*, и прилагательное *клевбкой* (с вариантом *клеванкой*), лишенное этой связи, хотя способ толкования звуковой маркифицирующей. Следовательно, возможности лексической самонимии оказываются через словообразовательную, поскольку структурное сходство не является обязательным условием лексико-семантической общности в пределах типа, для нее достаточно сходства звуковой крайней морфемы. Лексическая форма допускает большую вариативность по сравнению со словообразовательной, сохраняя тождество или близость слов по лексическому значению.

Отмеченные закономерности актуальны и для прилагательных со сложными корнями, не поддающимся под анализируемой словообразовательной тип ввиду отсутствия в современном языке соответствующего производного глагола, при сохранении значения суффикса. Ср., *емкий* – I. Способный много вместить, вместительный. О сосуде, помещении и т. п. И характер тонкования, и смысловой рисунок слова, и количество значений (2) позволяют видеть лексико-семантическую общность там, где отсутствует близость, установленная по формальным приметам. Таким образом, в лексико-семантически связи обнаруживается то, что редуцировано и отвлечено на словообразовательной основе. В пользу отнесенности подобного значения слов к типовым надсловным свидетельствует и родственность образуемых ими словообразовательных глосс с использованием одного способа словообразования – сложения. Характер отнесенной производящей, латиня в основе сложения, различен. Это и отнесение исходного предлога к области действия (при отсутствии самого глагола исходное значение можно истолковать через семантически обобщенное слово *мергемский*, *водоёмкий*, *трубоёмкий*, *теплоёмкий*), *электроёмкий*. Иной характер семантических отношений обнаруживают сложения: *кладёземский*, *красноземский*, *тучиловский*, *легководный*, *самолетный*, *труднолетный*. Подобные образования отглагольно подчеркивают величину в значении мотивирующего глагола степени признака и нейтраль-

лексическая степенью значения у ряда прилагательных общего словообразовательного типа, поскольку для градуированных степеней плавноности служат специальные слова с начальным корнем, значение которого соотносимо с лексической семантикой других прилагательных того же словообразовательного круга. Можно поэтому считать, что определение словообразовательного значения данного суффиксального типа точнее дано в Грамматике-70, чем у Н.В. Виноградова, где приписка логотипа действия считается обязательным для всего типа. Это наблюдение показывает, что на основе анализа компонентов лексических значений, производных в деривационных цепочках, можно уточнить типовой словообразовательный значения. Влияние опосредующих членов словообразовательного глоссы в ряде случаев объясняет аналогично лексико-семантические процессы при утрате базиса мотивационных связей вследствие фонетических изменений. При отсутствии у прилагательного гласной формальной связи с гласным гудеть толкование значений позволяет видеть черты лексико-семантической мотивированности, подчеркнутые общностью элементов гуд. Гудеющий гуд. Гудеть – производить гуд Ср слог: зарекий. – Хорошо виднейшей дальние и местные предметы, обладающей острым зрением // перен. Проницательный, внимательный. О глаза, взор. Аффиксальные средствами и показателями категориальной формы не историчности лексическая форма слова как выражение его индивидуального значения. Следовательно, анализ значений с опорой на лексическую, а не только словообразовательную форму, позволяет увидеть явления, не выявляющиеся при словообразовательном анализе. Средством выражения смысла деривационно образованных слов выступают не только аффиксы, но и общность корневой морфемы, не менее важная в лексическом анализе. Особый интерес представляет аккумуляция при прилагательном множественных паронимичных глаголов, когда структурная общность и историческая роль словообразовательной основы создают условия для развития на базе лексической паронимии отношений лексико-семантической производности в прилагательном. Так, прилагательное дериватив двузначно. Его первое значение, соотносится с глаголом дернить, имеет определенную паронимическую окраску «грубый, непочтительный», однако в производном значении актуализируется основа «смелый», представляющая тоже в отрицательном смысле в отглагольных значениях прилагательных: «// вымышленные смелый, наглый (о лице, его выражении и т. п.)» и «// смелый, разговорный (о грабеже, разбое и т. п.)». Исключение в круг рассматриваемых слов иного типа, соотносясь сему «смелый», меняет характер оценки во втором значении, ставя это слово в оппозицию производности со словом дернить: «2 Исключительный дерзанный, смелый». Таким образом, отношения межклассной деривации продублированы на внутрисловном уровне для слов имеющих опорой для такого объяснения (дернить – действовать смело, решительно, не останавливаясь перед трудностями). Аналогичные явления наблюдаются в отношении прилагательным высшей значимой паронимичных глаголов взять и взять. Перенос и второе значения прилагательного развивают основное значение глагола взять с его отглагольными, а третье – значение причастия от глагола взять. Именно прилагательное как другая разновидность признаков слов обнаруживают много общего с глаголом и

в процессе омонимизации. Общим выступает использование грамматической обусловленности как дифференцирующего лексического значения фактора, создаваемой присущими прилагательному субкатегориальными средствами. Грамматическую обусловленность лексического значения складывает редукция форм словосочленения: белый II «столько воды, ф.», красный II «столько воды, ф.», крапчатый II «столько воды, ф. (крапчатая партия, группа)» [Алиханова 1974]. Предельная семантика, значение отомыслина, свойственное прилагательным словам, обуславливает широкий круг смысловых ассоциаций, известную неопределенность смыслового объема. Сложный смысловой рисунок, разветвленность смысловой структуры глаголов и прилагательных, отмеченныхся Н.В. Виноградским, создает предпосылки к смысловому упрощению путем отторжения ряда значений. Таким образом, омонимизация может рассматриваться и как средство создания большей смысловой определенности слов. Так признак неопределенности качества как предельно абстрактный в семантической структуре прилагательного крутой конкретизируется указанием трех звуковых комплексов, стремящихся стать омонимичными: крутой I (гора, лавина, спуск, поворот, перелом, прав, мера), деривационный ряд: крутость, крутизна, крутизна, крутица, крути; крутой II (миска, тесто, каша); крутой III (акшент). Ср. концы значений этого слова в современном русском языке, отнесенные логическими словарями. Общность значений признака предмета у глаголов и прилагательных объясняет специализацию предметного ряда лексических слов как средства смыслового размежевания в процессе омонимизации. Ср. ранее введенное слово крутой или белый I (бухта, снег, облака, платина, платок, почва) и белый II (армия, террор, генерал, офицер); довольный I (лица, вид, улыбка) и довольный II устар. (количество, число, растение); красный I (начинка, начинное) и красный II (салат, туфта, мажореска); краевой I (салон, рама, лотер, ланка, лотка) и краевой II (старик, лошадь, собака), красный I (платка, свитер, шапка, диск солика, лица, щеки) и красный II (нога, часть, курткины), составительный I (лица составительных редакторов, составительный человек, составительные слова населения) и составительный II (доводы, аргументы, объяснения). Но как прилагательное как особая категория в кругу прилагательных частей речи приобретает и своеобразный способ смыслового распределения. «Скрытые в глаголе семы — это главным образом скрытые аргументы, но аргументы — это прежде всего предметные супрности» [Кубрякова 1978: 104].

Этот факт объясняет полиморфность конструктивной обусловленности в лексической связности в значениях многих глаголов. Семантически маркированный компонент лексического значения глагола допускает включение достаточно широкого, хотя и семантически однородного ряда предметных супрностей, проявляя скрытые в глаголе семы. Имея прилагательный, почти не используя при омонимизации механизмы конструктивной обусловленности, обходится более дробной дифференциацией отчетливости, что проявляется в активности фразеологически связанных значений у отторженных звуковых комплексов. Ср.: мажорный II (песня, отправление, посылка, балерина); мажорный II (рыба, карасик); камерный II (музыка, концерт, исполне-

кие); крутой II (сила, тесто, каша); крутой III (книжточка); пробный II спец (серебра, золота); золотый II (отношение).

Способы образные омонимизации прилагательных связаны с участием в ней субкатегориальных, разрядных признаков лексических значений. Появление омонимности значения, специализация формы прилагательного, грамматическая обусловленность (редукция формы словоизменения, деривационных связей), выступая сигналами перехода прилагательных из количественных в относительные, способствует семантической изоляции слов разных разрядов. Такими прилагательными являются белый II, красный II, правый III. С процессом омонимизации связаны омонимизация слова золотый I (ткань, майма, вышивка) и II (отношение), красный I и II. Отмечаются случаи взаимодействия семантики прилагательного и глагола в процессах омонимизации, подчеркнутые вложением инфинитивных глаголов в деривационные глаголы каждого из звуковых классов: кривой I (кривизна, кривить) и кривой II (кривить, окриветь). Сходной омонимности и сочетаемости адъективного и глагольного члена каждого глагола.

Таким образом общие и частные закономерности реализации лексических значений прилагательных слов при переходе от количественной к омонимии, а также некоторые особенности взаимодействия разных типов языковой семантики в языках прилагательных, омонимизируемых в ряде случаев обратными языковыми формами на содержании.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова // ИДВШ ФН, 1973, № 3.
2. Арутюнова Н.Д. Предиктивные и сто смыслы – М., 1976
3. Алмазова О.С. Словарь лингвистических терминов – М., 1966
4. Алмазова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М., 1974. Здесь и далее приводятся словарные статьи из «Словаря омонимов» О.С. Алмазовой.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове – М., 1972
6. Зинцова Г.А. К типологии простого предикатива // Вопросы языкознания, 1978, № 3.
7. Каруза Ю.Н. Облик и русская география – М., 1976
8. Екшарькина С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972
9. Кубракова Е.С. Части речи в семасиологическом освещении – М., 1978
10. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики – СПб., 1996
11. Новые слова и значения // Под ред. Н.З. Котляковой и Ю.С. Сорокина. – Л., 1971.
12. Панфилов В.З. Стабилизация и развитие категорию качества // Вопросы языкознания, 1976, № 6.
13. Петровский Р.Г. Лингвистическая синергетика. – СПб., 2006

- 14 Прошчев В.П. Комплексные синтаксисы // Филология в XXI веке: Проблемы и методы исследования. – СПб., 2004
- 15 Степанов В.В. Признаки слова как основы классификации лексических единиц – Л., 1976.
- 16 Тетер Л. Основы структурального синтаксиса. – М., 1988
- 17 Улушанов Н.С. Словообразовательная семантика в русском языке – М., 1977.
- 18 Чаво-Кюи-Чэун. Основные оттенки лексических значений отглагольных прилагательных. Автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. филол. наук. – М., 1960
- 19 Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л., 1941
- 20 Юрченко В.С. Предложение и слово (проблемы их соотношения) // Филологические науки, 1996, № 2.
- 21 Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977

2.1.1. К семантической характеристике качественных и относительных прилагательных

Среди тех признаков, по которым выделяются лексико-грамматические разряды слов, наиболее спорным для прилагательного является его грамматическое значение как части речи, что резко обнаруживается в случаях, когда говорят о выделении основных разрядов в составе этой категории, вплоть до отрыва от общего значения качества у одних разрядов, и, следовательно, у прилагательного как части речи. Языковой статус и семантическая специфика разрядов имени прилагательного получают позитивное методологиче-ское обоснование, вплоть до признания альтернативной существования классов флексии прилагательных по значению [Давидова 1976]. Методически целесообразно обращать внимание студентов на эту крайнюю тему зрения, либо она заостряло фиксирует те противоречия и несоответствия, которые отражаются в языковых учебниках при описании семантической природы имени прилагательного и его разрядов. Этот негативный факт позволяет острее почувствовать то новое, что вносится работами последнего времени в интерпретацию семантики прилагательных слов, особенно в плане её коммуникативной предначинанности.

Аргументы против тех признаков, которые рассматриваются обычно в качестве дифференцирующих разряды по значению, вполне оправданы: при lack отношении к предмету не развивается как дифференциальный (он представлен и у качественных прилагательных, и у относительных слов иных частей речи, не классифицируя последние на разряды). Однако недостаточна изученность дифференциальных признаков качественных и относительных прилагательных не должна вести к отрицанию этих группировок и замене их противопоставлением конкретных и абстрактных прилагательных (Э.П. Давидова). Отмеченная концепция учитывает только одну из тенденций в развитии имен прилагательных – расширение качественных абстрактных значений. Но в современном русском языке идет и конкурирующий процесс – развитие часто от количественных значений как средства создания устойчивых комбинаций, средства лаконичности речи с их представителем в полирных сферах речи – профес-

оценочно-терминологической и разговорной (ор. работы Е.А. Земской, Л.И. Катановой)

Следовательно, идея качества не реализуется дифференцированно, с учетом конкретных особенностей качественных признаков

Составление с группировками имен существительных (отвлеченные и конкретные) не ставит перед необходимостью видеть в качественных и относительных прилагательных чисто семантические группировки (как это представлено в Грамматике-70). Параллели с конкретными и отвлеченными существительными, а также обусловленность семантической разрядки их грамматическим, прелем свидетельствует лишь в пользу лексико-грамматической, а не чисто грамматической природы разряда. Не представляется убедительной и попытка отождествлять качественные прилагательные с абстрактными, а относительные — с конкретными по значению именами, поскольку несомненно остается критерий такого сопоставления и семантический специфика расслоенности слов в системе прилагательного

Можно сказать, что абстрактность значения свойственна категории прилагательного в целом в связи с его атрибутивной и предикативной функцией, ибо даже факт атрибутивности предполагает отвлеченность от предмета (выделение его по какому-либо признаку из класса однородных или называние свойств предмета разных классов)

«Семантическим признаковым имен является обобщенное понятие отвлечения в его более конкретных видах» (Жукова 1977: 68). Значение конкретности — абстрактности может иметь, а может и не иметь грамматическое средство своего выражения. При наличии грамматического средства оно оформляется в лексико-грамматический разряд (как в именах существительных), при их отсутствии остается лексически значимым, вступая во взаимодействие с признаками, выходящими грамматические формы выражения. Значение конкретности — абстрактности выступает субкатегориальным в классе слов со значением предметности.

Самый характер конкретности абстрактности имен в системе имен прилагательного, он согласуется со значением именного признака предмета. Следовательно, деление лексических значений на конкретные и абстрактные — общий семантический способ дифференциации их в пределах разных частей речи (существительного, прилагательного, глагола, наречия), но совсем осуществлена этой средствами грамматических классов. Таким образом, отказ от классификации прилагательных на качественные и относительные не снимает вопроса о семантической специфике слов, традиционно подводимых под эти разряды

Одно из различий слов, подводимых под разряды качественных и относительных прилагательных, усматривается в характере номинации (Русская грамматика 1980: 541). Предметно-понятийная означенность в относительных прилагательных задана заранее производным словом, в качественных прилагательных номинация произвольна (что тоже не для всех из них верно как в межсловных связях, так и на внутрисловном уровне). Абсолютизация понятия темной семы для значения относительных прилагательных не позволяет видеть то общее, что свойственно разрядам слов одной части речи, выражающей зна-

ческие качества, и те более существенные различия, которые стоят за коннотативной. Ср.: «... лексическое значение глагольных и деепричастных форм, выражающее пассивное понятие, отдельный признак, отношение или состояние предмета, определяет и способ его языкового выражения – выделенные лексические синтагмы...» [Яковлева 1977: 43]. Синтагматический компонент, присутствуя в лексическом значении качественных и относительных прилагательных, имеет в них различный удельный вес

В правильно использованном значении относительного прилагательного отсылка связи не только с производным именем, но и с семантической ключевой слов, прошедших отражение в самом наборе прилагательного. Ср., например, прилагательные ледовой и проведённый значениях

2. Находящийся, расположенный на льду. Л. дорога, Л. ветер. Л. трамвай.

3. Произведённый во льдах, сделанный с использованием среди льдов. Л. плавание Л. поход. Л. кампания Л. план. Л. разводка. Л. условия.

4. Произведённый для работы во льдах, служащий для обработки льда. Л. трамвай Ледовой маршрут [Труды... 1968: 168]

Натурно видеть, что подчеркнутые значения толкования соотносятся с синтагматической зоной прилагательных

Аналогично толкуются значения относительного прилагательного ледовой с включением слова лёд в толкование значений, наряду с отражением в нём семантических лексических синтагм

Однако по мере ослабления связи с производным ослабевает или исчезает, что отражено и в толковании значений синтагм с изоляцией слова лёд в сравнительный оборот, а затем с полным утратением его, когда в качественном значении актуализируются потенциально связанные со словом лёд семантические признаки. (Ср. полагание экспрессии и (крытой и ледной) ордена в качественном значении).

«3. Очень холодный, холодный, как лёд. Л. ветер. Л. шапка. Л. пора. Л. купель. Л. поход.

4. Нравственно холодный, равнодушный, холодно-равнодушный. Л. взгляд. Л. голос. Л. глаза. Л. Лисов (Там же: 169)

Следовательно, абстрагирование в качественных прилагательных достигается в ослаблении деривационных связей (в производных словах), в слуховой семантической зоне определяемых. Качественные прилагательные как слова предельного значения (Н. Д. Арутюнова) участвуют в номинации ситуаций и предполагают заранее имеющуюся у говорящих информацию о типичном круге объектов-носителей выраженного прилагательным качества, а также о мере качества, определяемой данным кругом объектов, в пределах которого качество сохраняется. Сама номинация качества выступает как результат сравнения объектов данного круга, проводимого по выбранному члену языкового комплекса основанию. Следовательно, presupposing здесь выступает представление о мере качества, сложившееся в данной культуре в итоге сравнения. В самом лексическом значении качественного прилагательного отражён круг объектов, подтверждающих сравнение. Получается что количество данного

признака, входящее в предположение о мере качества, тоже соотносимо с предметом рядом (высокий и невысокий дом, шкаф, гора, высота, дерево, трава).

Большим достижением и отражением коммуникативного подхода к грамматической семантике следует считать включение предикативной функции в определение значения разряда качественных прилагательных. «Качественные прилагательные обозначают свойство, присущее самому предмету или объекту: высшее в нем, часто такое, которое может характеризоваться разной степенью интенсивности» [Русская грамматика 1980: 541]

Факты описанные в работах С. Анткова, А.А. Потебни, А.М. Пешковского, Д. Якубинского, также свидетельствуют, как было сказано ранее, о том, что прилагательное как грамматическая категория складывается именно на базе развития категории качества как его семантической основы.

Группировка, противопоставленная в пределах одной части речи, предпологает наличие особых значений, требует своего обоснования. И поскольку грамматическое значение очень абстрактно, задача автора сводится к поискам более частных семантических различий, которые связаны с лексическим значением слов данной категории.

Различия качественных и относительных прилагательных следует искать не только в грамматических признаках, но и в семантических особенностях, которые обнаруживаются в пределах общего значения качества как значения части речи в целом. Это необходимо и потому, что сама грамматическая категория и в значительной мере обусловлена семантически.

Основная синтаксическая функция прилагательного как части речи — функция соотносительного определения к существительному. И именно она реализует значение качества. Но если подходить к семантике прилагательного с учетом лексического значения слов, с которыми оно сочетается, станет неизбежным вопрос о типах лексических значений; анализ типов позволит уточнить возможности сочетания прилагательных с существительными, которые представляются безграничными, если подходить к ним только с точки зрения общей категории качества. Внимательное рассмотрение синонимичных допустим представлений о значении качества, уточняя вместе с тем синтаксическую функцию. Установление типов лексических значений прилагательных — одно из важных условий распределения их по абсолютному и относительному употреблению в составе синонимичных, что даст один из дополнительных критериев и разграничения прилагательных по разрядам.

При учете лексических связей относительного прилагательного с другими элементами лексической системы очевидной оказывается возможность его синонимического сближения с родительным падежом существительных на основе сходства значений обеих конструкций.

Случаи переклада из одного разряда в другой не выявляют их семантических различий, а делают более отчетливой семантическую специфику этих группировок. Семантической основой развития качественных значений относительных прилагательных является метафоризация, т. е. перенос, обусловленный притяжениями стоящего за словом корня. Логическим основанием тесной связи метафоричности и качественности служит высокая степень абстрагирова-

ние. Случаи обратного перехода – из качественных в относительные – показательны для ограниченности, фразеологической связанности значений многих относительных прилагательных.

К числу характерных свойств качественных прилагательных, отличающих их от относительных – относительная и широкая возможность автономического противопоставления, и развитая система синонимических рядов, и характер основы (производная и непроизводная), и дифференцирующие значения суффиксов как словообразовательный момент.

Анализ семантической структуры прилагательных, выделение суффиксов характерных для каждого разряда типов лексических значений позволяет не только конкретизировать некоторые теоретические положения лексикологии, но и дать более обоснованную базу для выделения разрядов внутри грамматической категории.

Одна из функций описательной характеристики качественных и относительных прилагательных – установление специфицирующей, ограничительной функции относительных прилагательных, указывающей на общий признак всего класса предметов, и способности качественных прилагательных отражать конкретный признак предметов относительных к разным классам (В.М. Павлов, Г.П. Цыганкин). Объяснение обобщенности, суммарности относительного признака семантической специфика относительного прилагательного и в связи с этим его ограниченных сочетательных возможностей и, напротив, широкая лексическая связь качественных прилагательных – отделимостью качественного признака противоречат факты отнесенности прилагательных к типам лексических значений. И качественные, и относительные прилагательные могут характеризоваться типом свободно-комбинированного значения, выступающего в сочетании с широким кругом определенных (ср. железный, деревянный, сельскохозяйственный).

Надо помнить, что абсолютностью широты относительного признака идет от смысла конкретного лексического значения прилагательного и его типового словообразовательного значения «предметного относительного». Поскольку в структуре многих качественных прилагательных этот семантический признак не представлен, для них в словарях тематически записывается, действительно, конкретное лексическое значение. И относительные же прилагательные значение «предметного отношения» лежат на конкретности и закрывают собой тонкие различия в смысловой структуре слова, в частности, способность, как и качественные, иметь фразеологически связанное значение (ср. «свободное падение» и «точечный массаж»).

Если бы для относительных прилагательных основу их семантики составил бы широкий, общий признак в связанной с этим умсть сочетаемости, они бы могли иметь свойственный им широкий диапазон сочетаемых возможностей в разных лексико-семантических вариантах (ср. степной). Очевидно, признак «предметного отношения», свойственный относительным прилагательным и составляющий основу их первого словообразовательного значения, нуждается в конкретизации с помощью лексико-семантических характеристик. На лексико-семантическом уровне язык выделяет определяющие стороны этого

отношения, существенные для лексического значения относительного прилагательного, и не наставляет на других сторонах, возможных в отношении производного и производному

С учетом лексического признака «нормы качества» проводится анализ семантической функции качественных и относительных прилагательных, объединенных общим категориальным значением качества, в статье [Алексеева 1972]. Это качество, как пишет автор, «нормально» выражается в относительном прилагательном и особом – в качественном. Однако само понятие «нормы» оказывается сложным, трудной усваиваем, особенно при обращении к парадигматической оси средней ступени качества. Например, известно, будет ли в ряду холодный – горячий слово «теплый» выражать «особое» качество или его «норму». Не менее сомнительно утверждение о том, что качественные прилагательные выражают связь с особыми предметами и, следовательно, особое качество, в относительных – связь с обычными предметами и – обычное качество. Представление взаимосвязи значения относительного и качественного прилагательных как отношения целого и части на том основании, что качественными прилагательными выражают «особые» признаки общего признака «размерности» ввиду и необязательной соотносимости их признаков, и необязательного вхождения одного из них в семантическую структуру относительного прилагательного (в примере «острый железный гвоздь» качественное прилагательное показывает признак существительного, а не относительного прилагательного)

Однако в поисках дифференциальных семантических признаков качественных и относительных прилагательных, действительно, важно рассмотреть особенности их лексико-семантического выражения. Общий семантический признак может быть представлен в употреблении качественного и относительного прилагательного с одним определяемым что создаст, по существу семантическую избыточность (теплый весенний ветер туго режетом дубинка). Но если для качественных прилагательных этот семантический признак абстрагируется и на уровне значения слова в словаре, то у относительных он оказывается избыточным. Часто он входит как конструктивный в семантическую характеристику производящего, остается факультативным в семантике производного (ср.: зима – зимнее холодное время года, следующее за осенью и весной теплый весенний ветер)

Нерасчлененность семантического признака, зафиксированного в значении качественных прилагательных, для выяснения значения относительного прилагательного отражается и в связи слов последнего ряда по их собственному лексическому значению – синонимическим и антонимическим. Сравним два тома академического «Словаря синонимов русского языка» и «Словаря антонимов русского языка» Л.А. Введенской: синонимия и антонимия осуществляются в пределах слов одного лексико-грамматического ряда – относительных прилагательных: вежливый, невеческий; весенний, зимний (лет. - зотт.); галдящий, черешной и черешный; гражданский, штатский, дворянский; дуговой, внутренний, дутенный; жемчужный, выточенный; звездный, аграрный (спец.); земельный, аграрный; католический, римско-католический, римский, латинский; личный, собственный, свой, видная

дуальный, персональный; материальный, физический, вещественный; местный, земной (разг.), тутовый (прост.); мировой, всемирный, все-левский, всеветный, наблюдательный, обзорный; высший, камышовый, камышовый; наследственный, родовой, потопственный, фамильный; нежный, интеллигентный, теплый, вежливый (прост.); прочие – градусный, всеобщий – мирный, аналитический – материалистический, минусовый – плоский, обаятельный – возмездный.

Выделение в синонимический ряд с относительными прилагательными, употребляемыми в отношении равенства, слов, выражающих отчетливую выступившую оценку в лексическом значении, надо думать, нарушает семантическую общность члена синонимического ряда. Ср. «Картонный, картонный Сиванский с игрой в карты, преимущественно картной. Слово картонный является экспрессивным и содержит отрицательную оценку». В календарях, к...картонный стол, но столица, картонная игра, « картонной шпильки агамы, сонная картонная ночь». Палачок к слову картонный производного с отрицательной оценочностью – картончик – также подчеркиваемую разобщенность смыслами анализируемых однокоренных слов, вступающих спорно в паронимическое отношение.

Отсутствие синонимических отношений с несогласованными определенными характеризует относительные прилагательные тогда, когда несогласованные определения лишаются возможности выразить устойчивые, постоянные дательные свойства своего носителя, то есть те, которые составляют качественную определенность предмета и закреплены в лексическом значении относительного прилагательного (стужа зимы – зимняя стужа, но тепло этой зимы не зимнее тепло).

При возможности истолкования относительных прилагательных с помощью тех семантических признаков, которые закреплены в лексическом значении дательных, они относительные прилагательные получают качественные значения, смыкаясь с соответствующими качественными прилагательными (например: желтый, желтый, желтый). В словаре синонимическое исключение «желтый» в синонимический ряд с дательной «желтый».

По-видимому, в случае сопоставительности с производными качественными прилагательными – дательными и существительными уславливают только один его ген и варьирует уже в пределах собственной структуры на основе собственных или средств регулярной многозначности (зеленый – вкус, малиновый – цвет). Относительные же прилагательные, более тесно связанные с именем, формируют и более отчетливую мотивационную связь с ним. Жесткая связь с носительной субстанцией не даёт возможности относительным прилагательным отделиться от ней и влиять производного. Отсюда, потому критерий семантической двойственности метафоры со стертым первым смыслом, просвечивающим через второй, может считаться признаком утраты относительного значения.

1.1.3. Деривационные отношения в семантической характеристике качественных прилагательных

Качественные и относительные прилагательные не имеют четкого лингвистического статуса, признаваясь то лексико-грамматическими разрядами, то членами семантической группировки, но исключая последовательного формального выражения [Траммана. . 1970].

Недостаточная определенность места основных разрядов в общей системе имеет прилагательного усугубляется разноречивостью их собственной семантической признаков, представляемых как основа дифференциации разрядов в лингвистической литературе. Если значение относительных прилагательных выводится из отношения к производящему существительному, то этот признак или исключается из характеристики качественных прилагательных, или считается для них переломным, объединяя слова этого разряда.

Существующие интерпретации ключевой качественных прилагательных отличает их лексико-семантическая устремленность – от самых общих указаний на характер лексического значения до анализа особенностей выраженного ими признака (В.М. Павлов). Напомним, что В.В. Виноградов различает существо различий между качественными и относительными прилагательными как лексико-семантическое и экспрессивно-стилистическое. Это общие различия в научных работах и учебных пособиях конкретизируются указанием на частные лексико-семантические особенности качественных прилагательных отражающие их воплощение в разных типах лексических группировок. Так, отмечается их способность вступать в синонимические и антонимические связи, указание на эти виды парадигматических связей утверждается в семантической характеристике слов разряда.

Предоставлено о деривационных связях «высокопольное» прилагательных разряду относительных прилагательных, тем не менее выводится и их признаков, отмечаемых в семантической характеристике прилагательных качественных. Так, изменчивость, сходимость (Л.П. Якубинский) выражаемого качественными прилагательными признака, который может проявиться с разной степенью интенсивности, эксплицируется в отношениях внутривидовой и межвидовой деривации. Сравнительная степень имени прилагательного отражает количественность признака на внутривидовом уровне, хотя и последовательно, при формообразовании светлый – светлее, тёмный – темнее, молодой – моложе. Соответственность с гласными отражает изменчивость признака во времени, его подвижность проявляется на межвидовом уровне: светлый – светлеть, тёмный – темнеть, молодой – молодеть. Следовательно, указание на характер признака, передаваемого качественными прилагательными, внутренне предполагает обращение и к деривационным особенностям его выражения, тем более, что ассоциативно-деривационные связи признаются третьим измерением семантики слова независимо от его грамматической природы. Отметим, близость признаков слов разных частей речи, в нашем случае качественных прилагательных, предполагающих элемент процессуальности в понимании качественных признаков» (В.З. Панфилов), и глаголов, специализирующихся на

выражены процессуальных признаков предметов, – обозначает образование качественных парчей на -о, -е и их семантическое согласование с глаголами (ор – молото выгадеть, корото петь).

Отношения интрасловной деривации часто прослеживаются на парадигматическом уровне, и качественные прилагательные, сами многозначные после глагола слова, могут в своей смысловой структуре отражать все или почти все тематические группировки, используемые релевантными для значения разряда в целом. На этой лексико-семантической основе выделяются качественные прилагательные в учебных пособиях, например, в [Валгина 1966: 196]: «Лексическое значение качественных прилагательных разнообразно. Они обозначают цвета, пространственные понятия, качества, черты характера, внешние, физические или телесные качества людей и животных и др. признаки». Смысл состоит тематических групп: не беря во внимание для краткости название качественных прилагательных, поскольку это название качества, непосредственно воспринимаемых органами чувств. Правда, это последнее уточнение только отчасти верно, и потому, что не охватывает всего объема прилагательных данного разряда абстрактные качества не воспринимаются непосредственно органами чувств (чуждый, изумительный, добротный верный), и потому что оно не проводит акцентированной линии с семантикой относительных прилагательных, которые называются аналогично по указанному признаку свойства (железный, стеклянный, глиняный – признаки, воспринимаемые и зрительно, и осязательно и на слух). В целом же это уточнение касается ведущего признака качественных прилагательных – изменчивости, подвижности, предполагающей маркированность разными способами субъективной точки отсчета, необходимость характеризовать предмет с точки зрения воспринимающего, наблюдателя.

Так осуществляется отыскание регулярной многозначности (интрасловной деривации) и парадигматики в семантической характеристике качественных прилагательных.

Семантически неопределенным предстает использование дифференциального признака качественных прилагательных как непосредственно воспринимаемого признака предмета. Оно открывает путь к отысканию качества или категориального значения имени прилагательного, поскольку относительные прилагательные признаются «не заключающими в себе качественной характеристики предмета» [Грамматика. 1952: 132]. Соответственно разряду прилагательных прилагательных приписывается значение принадлежности определенному лицу или животному. Эта схема семантической характеристики разряда имени сравнения и в частности учебника.

Понятие непосредственного воспринимаемого признака предмета толкуется и на словообразовательной основе качественных прилагательных непосредственно обозначают качества предметов, относительные – на основе отношения к другим предметам (А.Н. Гусов, В.А. Трофимов, Н.С. Валгина и Д.Э. Розенталь). При этом «непосредственность» является в непротекном характере основы качественных прилагательных что противоречит фактам истории словоупотребления категориального значения качества и фактам современного

языка. Еще В.В. Виноградов справедливо отмечал, что «...лексические значения множеств прилагательных почти всегда обусловлены предметным значением производящего имени существительного» [Виноградов 1947: 186]. Лексическое значение непрямых качественных прилагательных (желтый, худой, бедный) не дифференцируется от словообразовательного значения корневой морфемы, выступающего на более высокой ступени лингвистической абстракции.

Известно различие, сопровождающее толкование качественных и относительных прилагательных в типовых случаях по преимуществу относительный и словообразовательный способ толкования для качественных прилагательных и относительный – для относительных.

Следующий.

1. Склонный к слову, часто плывущий; плывущий. // Выражающий, обнаруживающий склонность к плыву, слову. С. глагола. // Незначительный плавности, готовности плавноты. С. востренив.

2. Содержащий жалобу, сетования; жалобный. С. словечка. // Чувствительный, сентиментальный. Плетт словесный. // Проникнутый чувствительностью, сентиментальностью; трогательный. С. стихотворения.

3. Раг. Источающий слезы, наполненный слезами, слезливый. О глагола.

Слезный.

1. Относящийся к выделению слез. С. железы, с. мешок, с. проток.

2. Относящийся к слезам. С. туман (БАС).

Нетрудно заметить, что попытка таким образом дифференцировать ряды прилагательных на деривационной основе лишает конкретности выделяемые значения относительных прилагательных, абстрагируя не только от основы, идущей от производящего, но и от, которые связаны с их семантико-лексическими характеристиками (ср.: слезные железы – слезный проток при идентичном их истолковании). Эта дилемматика обусловленность отчетливо прослеживается в порядке прилагательных качественных: // Выражающий, обнаруживающий склонность – к плыву, слову; глагола; глагола слезливый. При нулевой деривации // Чувствительный, сентиментальный – слезливый – плетт, человек..

Абсолютизация деривационного признака и характеристика относительных прилагательных исключает его значимость и возможность учета в определении семантической природы качественных прилагательных. Наблюдения над семантическими свойствами и истолкованием качественных прилагательных в БАС обнаруживают различие деривационных связей и для слов этого класса имен прилагательных. Деривационный признак существует в лексико-семантическом аспекте анализа не только дифференциальным но и интегральным семантическим признаком рядов и для качественных, и для относительных прилагательных. Это лишь один из непосредственно составивших их уровней.

Значение качественных прилагательных, вопреки существующим представлениям, не может определяться непосредственно предметным значением их основы, как не может им определяться и значение относительных прила-

темы. Общность корневой морфемы характеризует паронимичные слова, одно из которых – прилагательное качественное, другое – относительное (пузырой – пузыстый, дождной – дождливый, балетный – балетный). Что же касается значения основы, то это уравнило словообразовательного класса, не могущего исключительно в своем составе определять статус разрядов имени прилагательного, хотя ерпродина семантика обнаруживает себя и в особенностях словообразовательных типов качественных и относительных прилагательных.

Судя по значению словообразовательных типов, выделяемых в Грамматике-70, словообразовательные значения качественных прилагательных легче выделяются из лексических значений, теснее смыкаются с конкретными лексическими характеристиками ирреального, субъективно-характеризующего признака, выраженного разрядом качественных прилагательных. Так, в группе прилагательных с преобладающим относительным значением выделяется продуктивной тип с суффиксами -ск- и -ов- и значением относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом. В группе прилагательных качественных значений с высокопродуктивными суффиксами -чат-, -оват-, -амг-, -ист-, -ат-, параллель с общим значением отношения отнесен к частным семантическим подтипам, обозначающим конкретные лексические значения, обладающий значением признаком, названным мотивирующим словом, означающий свойства того, что названо мотивирующим словом (последние признаку известно со значением лица), обладающий тем, что названо мотивирующим словом, характеризующийся значением интенсивным признаком, названным мотивирующим словом.

Следовательно, можно говорить о более последовательном и дифференцированном выражении словообразовательными средствами специфических особенностей «разрядного» значения качественных прилагательных. Это косвенно замечено в Грамматике-70 при выделении семантических групп суффиксальных прилагательных, мотивированных существительными:

1) прилагательные притяжательного и притяжательно-относительного значения,

2) прилагательные с преобладающим относительным значением,

3) прилагательные качественных значений (суффиксы: -ист-, -ат-, -чат-оват-, -ист-, -лен-, -ав-, абстракт)

Если же учесть, что граница между качественными и относительными прилагательными часто проходит внутри одного и того же слова (В В. Иванова), то словообразовательный критерий не может считаться универсальным и их распределение по разрядам (ср. вертепный, свежий, желтый, дружелюбный)

Все системные представления о лексике вообще и о ее деривационном аспекте в частности трудно понять семантическую специфику качественных прилагательных, выходящую за пределы ее происхождения.

2.1.3. Деривационные отношения в лексико-семантической характеристике относительных прилагательных

Слово как элемент лексико-семантической системы языка – системы «смыслов» и «форм» – выступает как звуковое и структурно-семантическое единство. Эти двусторонние связи слова, взаимодействие его внешних признаков с содержательными и составляют основу деривационных (в широком смысле слова) [Шмелёв 1973: 191] отношений.

В семантической характеристике относительных прилагательных обычно отмечаются те семантические параметры, которые связаны с типовым словообразовательным значением прилагательного. В структурно-семантической продуктивности и направленности усматривается различительный признак качественных и «предметных» прилагательных как разных семантических типов [Белашова 1962]. Возможны преимущественно к типовому значению «предметного отношения» [Виноградов 1972: 187] в семантической характеристике относительных прилагательных породило и способ отглагольного толкования лексических значений относительных прилагательных, не выражающего их индивидуальных семантических признаков, ср. в МАС «Кабинетный – Прил. к кабинету», «Каналский – Прил. к каналу» и др. Ограничение грамматическим отношением относительных прилагательных признаком структурно-семантической продуктивности может увидеть семантическую продуктивность в пределах своего прилагательного при единственности (в смысле словообразовательного типа языковой семантики) корней и суффиксальной морфемы (складчатые вставки – складчатые горы с пометой «глыба», складчатой с функциональной характеристикой слова).

Наличие предметно-относительной основы качества свойственно и многим качественным значениям прилагательных; ср. в МАС «Игуверский – Прил. к игувера», «известный», «загадочный», «небуддильный», выступающие в качественных значениях. Синтагматические и контекстные характеристики, выступая одной из составляющих в лексико-семантическом содержании слова, также оказываются недостаточны учётными при узко деривационном подходе к толкованию относительных прилагательных. Анализ относительных прилагательных показывает, что в их лексическом значении выделяются определённые стороны типового значения «предметного отношения», существенные для лексико-семантической их характеристики, и не акцентируются иные стороны, лишь возможные в отношении данного прилагательного к мотивирующему существительному.

Все отмеченное выше ставит перед задачей поиска путей и методов лексико-семантической характеристики относительных прилагательных, конкретизирующей предметную основу их семантики. Думается, что наиболее приемлемый способ анализа, являющийся объективной базой для относительных прилагательных в непосредственной формальной и семантической связи с именным существительными, – изучение деривационных в широком смысле слова отношений собственных данному семантическому разряду имени прилагательных.

тип асимметрии лексического плана достаточно широко представлен в отгуб-отгубных относительных прилагательных, хотя в данном случае наличие его можно объяснить и фонетическим выравнованием исходного существительного (земь – займ)

Темновозрастные значения ряда относительных прилагательных в словарных статьях часто не дают возможности разграничить синонимические и паронимические отношения, поскольку ориентирует на типовое значение предметного отношения. Ср.: *земельный* – прил. к земля. *Земельный* – прил. к земля; *земельный* с определенной землей, характерный для определенной зоны, почвы.

Вообще различие лексических значений паронимических прилагательных особенно выступает в тех случаях, когда формально подчеркнута их соотносимость с разными исходными существительными. При соотносимости прилагательного с разными значениями одного исходного существительного с помощью разных аффиксов также закрепляются паронимические значения, тогда как соотносимость с исходными однородными синонимами может и образовываться с помощью разных аффиксов синонимичных имен прилагательных. Так, деривационные прилагательные *земельный*, *земельной*, *земель* противопоставлены разным значениям слова земля соответственно: *3-м* – территория находящаяся в чем-либо близости, поблизости; *обработываемая*, *используемая* в сельскохозяйственных целях, *3 м* – *сварный* слой коры нашей планеты; *почва*, *грунт*, *1 м* – *стрелья* от солнца, *обитываемая* нами планета.

Различие синонимической дублетности производных сохраняется собственно словообразовательными причинами, например, различием аффиксов, закрепляющих семантическую дифференциацию качественных и относительных прилагательных. При полной семантической соотносимости относительного прилагательного с исходным существительным реализуется переходный тип качественно-относительных прилагательных (*зверинный* – *зверский*). Говорить о переходе относительных прилагательных в качественные для таких случаев, видимо, нет оснований, поскольку в деривационном отношении и относительно, и качественное значение мотивированы полнотой исходного (*зверное* – о животном и *зверье* – о человеке). Полносемантически синонимическое оказывается обусловленным и продолжающим связь, установленные в рамках исходного. Но при сочетании с производящей основой аффикса относительных прилагательных *-н* соотносимость с переносным значением существительного и его трансформациями в прилагательных (*зверинный* – *зверский*) утрачивается *зверовой* – «Спец. и обл. Прил. к зверь (в 1 знач.)»; *зверинный*. «З. охота Места з.». Тем не менее общность корневой морфемы членов одного словообразовательного блока не исключает общности стандарта за ним контакта. Ср. также неравномерность идентифицирующего подложного качественного и относительного прилагательного, разграниченных суффиксально: «*Иловый*. То же, что *илевый*. И. для и «*Иловый*. Содержащий много ила; *покрытый* илом. И. для И. отмыла. И. пруд. Наличие градационности признака сильного дифференцирует лексические значения этих слов как паронимичных. Однако, с этим связана невозможность омонимичности прилагательных разных разрядов, поскольку для относительных прилагательных исключена количествен-

ная графика приёма. Синонимические дублеты-существительные, различаясь по словообразовательной модели, дают производные с аналогичными различиями и синонимичными лексическими значениями внутри одного разряда (закрыт – закрытый; закрылка – закрытый). Паронимичные же исходные дают паронимы и в производных: ср заставка – заставлявший заставка – заставляющий. Смысловая и формальная чёткость одного из паронимов поддерживается наличием омонимичного образования:

заставочный –

1 – «З. рисунки»;

заставочный –

2 – «Прил. к заставка 3. 3. кино».

Обусловленность омонимичных отношений лексико-семантическими связями выделена и при отнесении производного прилагательного к одному из омонимичных существительных, второе из которых обнаруживает наличие отсутствия производного омонима: затертый – «Прил. к затёр 3. 3. места 3. чаше при отсутствии производного к затёр 1 – «кондрака, оставшаяся в движении людей, предметов». Таким образом, омонимия регулирует лексическое значение не только тождественных по звучанию, но и близких по внешнему облику слов, вступающих в системные, формальные и семантические связи с паронимами.

Парады с активными омонимичными парадигмами от исходных к производным (задетский 1 – «прил. к детет 1. К. маршук», задетский 2 – «прил. к детет 2 – К. шартан») наблюдается разномасштабное различие семантического направления исходных и производных омонимов, ограничивается семантической объём производных вплоть до стабилизации фразеологически означенных значений. Ср семантическое наполнение слова *заяц*.

«1 Получение изготовить, изготовить, доставить что-л. 3. изготовить 3 для фронта.

2 Ряд законных вещей. На заказ – по спец. заказу, противно готовый (о предметах обихода, одежде, обуви) По заказу – по поручению, просьбе, желанию кого-л. »

В семантике относительного прилагательного наблюдается изменение, связанное с активными процессами в современной русской лексике. Так, заказный 1, соотносимый с первым значением существительного и отмеченный академическим словарём как устаревшее, встречается в активный словарь, но связано в настоящее время прежде всего с разговорным дискурсом (ср: «1 Устар. такой, который выполняется, выполняется по заказу 1; заказной, 3 заказ. 3. услуга), в второе значение терёт прямую соотносительность с исходным словом, образуя в пределах прилагательного обособление, фразеологически связанное значение, диффузное по отношению к первому (как объединяет смысл оплаты и обязанности исполнения): «2 Отправляемый с дополнительной оплатой и повышенной ответственностью за доставку (О письма, балдероса). 3. письмо»

Устаревание и социализация производящего становится путем к аналогичным изменениям в производном; ср. омологичные приведенные ранее слова. см.гл. 2 –

«1 Устар. и прост. Запрет, запрещение. Запад: в эту дверь не ходят.

2 Общ. лесной участок, в котором запрещена рубка леса, охота; заказник и уже одноименное прилагательное заказной – «находящийся под охраной, запретом, заповедный (обычно в лесных, водных и т.п. участках) 3. лес»

Думается, что параллельное изменение в соотношении мотивирующая и мотивированная прилагательных заказной 1 и заказной 2 служит выражением стремления избежать омологии, сузить ее пределы, но исключено здесь и обратное влияние формы на семантическую однородность связей

Деривационные отношения проявляются не только в прямой связи относительных прилагательных с производимым существительным, но и в опосредованной семантической связи с существительными того же словообразовательного класса, что морфологически отмечается в МАС

Заседательский –

«1. Прил. к заседанию. 3. обязанности

2. Относящийся к заседанию, связанный с заседаниями. 3. судья, белоглазый».

Это семантическое сближение произошло разных слов глоссы в пределах одного прилагательного как бы уравновешивает действие словообразовательной дублированности в системе относительных прилагательных, различие внешнего облика которых не сопряжено с выражением семантических различий, как и в случаях «отраженного» фонетического варьирования (кнобровый – кнобр, кнобровый – кнобрь). Нейтрализация может подвергнуться различия, связанные с формой рода и числа слов исходного глоссы (зудусский – прил. к зудусу, но и к зудусу, змеиный – прил. к змее и змеи), могут исключаться различия единственности – собирательности – множественности исходного существительного

Жмы жмыль и жмыль жмы – «Прил. к жмыль. Приставленный из жмыльков. Ж. кормил. Жмы'ли и жмыль', а также жмыль – «Остатки стовня мясачных рогачей после выжмылики из них масла. Производность в этом случае касается и семантики и внешней формы прилагательного, так как акцентологическое варьирование исходного дает себя почувствовать и в производном. Судяко здесь необходимо и формальная, и семантическая двойственность [Сколов 1970], так как в прилагательном ставится соответствие с собирательным значением слова жмыль, выступающим в форме единственного числа. Вариативность прилагательного поддерживается внешне вариативными формами множественности числа существительного

Характерно для многих относительных прилагательных избирательность в трансформации значений мотивирующего существительного становится часто со стремлением сослать на первый взгляд неоправданную избыточность плана выражения. Например, отражение в смысловой структуре прилагательного избавный только того значения существительного, которое связано со временем действия – избавная пашня, избавная обработка (ср. збав – косилка

вспашка посею) при характерном для этого существительного и ином семантическом признаке (на также поле, вспаханное и посеяно под весенней посею) обнаруживает тавтологическое «слабь» — это посеяна вспашка, а «слабленна посюта (вспашка)» как бы дублирует компонент «посюта». Однако эта тавтология, точно связанная с семантической функцией классификатора, свойственной относительным прилагательным, обусловлена их употреблением в книжных стилях литературного языка, требующих расширенного четкого наименования. Подобные расширенные наименования и позволяют терминировать речь, дифференцируя типичное значение от возможных семантических нюансов. Так, *зелье* — это и поле, а *зельевая вспашка* — это только способ обработки земли. И несмотря на то, что указание на сходные семантические признаки содержится в самом толковании значений (подобных однокоренным слов разным частям речи, эта особенность связности отраженной Ср.: *зелье* — «2 Осушающее удобрение пахотной земли, применяющееся при базисной вспашке, и *зельный* — «Прим. к *зелье*. 3. *осушающее*»

Ряд собирательных значений слова «золото» истолковывается через словосочетания с прилагательным «золотой», однако вторым компонентом в этих значениях являются указания на родовое понятие, малочисленное в существительном. Прилагательное же позволяет выйти от собирательного обозначения к названиям единичных предметов. Напр., *золото* —

«1. Собир. название из этого металла, золотые *сережки*

3. Собир. 3. *Монеты, деньги*

И ср. прилагательное *золотой* — «Сделанный из золота, покрытый золотом, 3. *часы*. 2. В знач. сущ. *золотой*. 3. *монета*. 3. *черепаха*».

В относительном прилагательном, соотносящемся с именем существительным в целом, теряется устойчивость множественных, выделяется отнесен значения в рамках более широкого — эквивалентной *чем-н.л.*, ср.: *золотые носы*, ж. *зеленая*, т. е. то, что в существительном выступает переносительно (дуб в заре или на корню), в прилагательном обособляется за счет типовых контекстов, фиксирующих этот дифференциальный семантический признак (дуб, крупа)

Подобными выделенные в итоге анализа относительных прилагательных пути восходят деривационным в широком смысле слова связей в лексико-семантическую характеристику слов данного разряда.

1 Деривационные отношения включают относительные прилагательные в широчай круг лексических группировок, отражающих взаимодействие слов, соотносительных по содержанию и форме

2 Наиболее широко представлены мотивированные исходным существительным синонимические дублеты влечебстве общности их прямой части и значения суффиксальной морфемы

3 Синонимические и паронимические отношения однокоренных образований часто укладываются в пределы одного слова.

4 Различные лексические значения паронимичных прилагательных отчетливо выступают в тех случаях, когда формально подкреплена их соотносительность с разными исходными. При соотносительности прилагательного с разными значениями одного исходного существительного с помощью разных суффиксов так-

же выражаются паронимичные отношения, тогда как соотношенность с исходными однородными отношениями ведет к образованию с помощью разных суффиксов синонимически прилагательных.

3 Основным различием лексические значения не только тождественных по звучанию, но и близких по значению образу слов, вступающих в системные, ферматальные и семантические связи с паронимами.

6 Деривационные отношения прослеживаются не только в прямой связи относительных прилагательных с производными существительными, но и в опосредованной семантической связи с существительными того же словообразовательного класса. Это семантическое сопоставление признаков разных слов глоссы в пределах одного прилагательного как бы уравнивает действительное синонимическое дублетство.

7 Какую-то избыточность слова выражения как результат трансформации значений мотивированного сопоставления с осуществленной для относительных прилагательных классификационной функцией.

Литература

1. Акимская Н.В. К проблеме семантических функций качественных и относительных прилагательных (в современном французском и русском языках) // Вопросы речено-германской филологии. — Л., 1972.

2. Беконникова В.А. и Земская Е.А. Из истории функционирования отсубстантивных имен прилагательных // Материалы и исследования по истории литературного языка, т. V. — М., 1962.

3. Вальгина Н.С. Современный русский язык. — М., 1966.

4. Виноградов В.В. Русский язык. — М.-Л., Учгиздиз, 1947.

5. Грамматика русского языка. Морфология. — М., 1952.

6. Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970.

7. Давыдова З.П. Лексно-грамматические разряды прилагательных // Учебные записки Калининского государственного университета, т. 161. — Калинин, 1976.

8. Каплинская Л.И. Об особой категории слов в разряде относительных прилагательных современного русского языка // Грамматика и норма. — М., 1977.

9. Русская грамматика. Т. 1-2. — М., 1980.

10. Соколов О.М. О явлениях нейтральности в лексике // Вопросы языка и литературы. — Томск, 1970.

11. Степанова В.В. Семантическая характеристика абстрактных существительных в современном русском языке Автореф. дисс. докт. филол. наук. — Л., 1971.

12. Трудные случаи употребления однородных слов русского языка. Словарь-справочник. — М., 1968.

13. Шмидт Д.И. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973.

14. Языковая политика Воды интеллигентной. — М., 1977.

1.1. Тип лексического значения как категория семантики и типы лексических значений и/или производных

С какой бы точки зрения ни подходить к типологии лексических значений слов с необходимостью придется отталкиваться от своих рассуждений от концепции В.В. Виноградова, впервые в русистике поставившего вопрос о семасиологических основах организации лексики как системы и наметившего одно из возможных решений этого вопроса. Статья В.В. Виноградова «Основные типы лексических значений слова» носит проблемный характер, ставит общий вопрос, поставленный автором перед лингвистами, – «основная разработанная семасиологическая теория слова» [Виноградов 1977: 166]. При этом учитывается, что «семасиологическая сторона языка составляет часть его структуры и определяет его качество так же, как звуковая система, как его грамматический строй или словарный состав» [Там же: 166]. С учетом того широкого семасиологического контекста, в который включается предлагаемая классификация типов лексических значений, и следует подходить к её анализу, к выяснению основ её проведения и тех проблем, которые рождаются в дальнейшем осмыслении и разработке. Необходимо тщательное прочтение и сопоставление разных фрагментов указанной статьи и работ В.В. Виноградова того же времени, обращенных к одной проблеме, выявление их внутреннего единства и причин возникающей в ряде случаев несогласованности. Это составляет одну из важнейших задач исследования, обращенного к проблеме смысловой структуры слова, его тождества, «разработанной которой лингвистика вообще обязана русской лингвистической науке» [Общая лингвистика 1972: 419]. Разработка типологии лексических значений предполагает обращение к вопросам методики семасиологического анализа лексики «Определение лексического значения слова при помощи понятия «смысловая структура» слова, выделение в семантике слова устойчивых различий и системных средств их манифестации представляются наиболее плодотворным приемом семасиологического анализа слова, ибо в этом случае учитываются всевозможные случаи в отношении слов – как экстралингвистические, так и собственно языковые, как парадигматические, так и синтагматические» [Там же: 420].

Другая задача – показать надкатегориальность, надчастерный характер типологии лексических значений и вместе с тем особые её прослои в классы и разряды слов, свободные, категориальной и субкатегориальной семасиологической общности.

Открытость лексической системы, множественность объекта – слов, изучаемых в её пределах, ставят перед необходимостью упорядочения характеристик, по которым проводится типология слов и типология лексических значений слов. Известно типологическое разделение слов В.В. Виноградовым в рамках лексико-семантической системы языка. Выделенные им структурно-семасиологические типы слов позволяют отграничить тип возможных слов по предельно эффективным структурно-семасиологическим признакам (способности быть связанными с двумя типами языковой семантики).

Индивидуальность лексических значений полизначных слов ставит перед вопросом о тех существенных, типологических свойствах, которыми организуется лексическая система, обращаясь к центральному структурно-семантическому ядру в общей типологии слов Союзности, в которых существуют лексическим единицам, разные виды их соотношений и выявляют реальность целого – лексической системы языка [Степанова 1976: 10]

В лексической системе классификация слов по частям речи выступает как самая общая семантическая классификация, но наиболее абстрактными являются их значения. Слово по лексическому значению (тематическое, функциональное, синонимическое, антонимическое) осуществляется в пределах части речи.

Но поскольку слово – неразрывное единство лексического и грамматического значения, то по характеристикам, важным для лексических значений, за пределами классификации слов по частям речи, выступают свои регуляторы, уточнители собственно лексических группировок в пределах части речи. Типология лексических значений дает свое наложение на семантические связи, регламентирует их. Проблема типологии лексических значений практически предстает как поиск возможностей выхода на уровень полизначных слов, то есть лексической системы (как совокупности полизначных слов), зад классификацией по частям речи. Эта мысль лишь вымеченно присутствует в концепции типа лексических значений у В.В. Виноградова.

В вузовских пособиях и академических грамматиках мы не найдем однозначного истолкования ни категориального, ни разрядного значения прилагательных как признаков слов. Это в значительной мере связано с недостаточной изученностью их семантической структуры на собственно лексическом уровне, ибо категориальное значение обобщает индивидуальные лексические значения слов. Недостаточно четкие представления о семантических свойствах прилагательных ведут к их анализу, в ответах студентов и учащихся и подчас содержательных характеристиках часто формальными без учета того, что характеристика формы важна не сама по себе, а служит сигналом содержательных различий. Подобный подход находит свое выражение и в формализации слов грамматического разбора слов по частям речи, и в отсутствии внимания к тем их свойствам, которые позволяют прилагательным словам участвовать в осуществлении коммуникативной функции языка и различных коммуникативных задачах. Между тем еще В.В. Виноградов со ссылкой на А.А. Потебню писал: «Грамматическая форма есть элемент значения слов и однородна с его действительным значением. Это грамматическое значение осознается на фоне системы языка в целом и... Нет формы, присутствия и функции какой-либо единицы бы языка, как по смыслу, так есть по связи с другими словами и формами в речи и языке» [Виноградов 1972: 34]

Вопросы типологии лексических значений прилагательных как слов характеризующих, оценочных приобретает особую значимость в преподавании стилистики, в обучении лингвистическому анализу текста, ибо многие приемы создания смысловой перспективы слова, нейтрализация его значений, текстовых смещений смысла базируются на многозначности слова, то есть на суще-

отпу на различности его лексических значений. Таким образом, изучение типов лексических значений на материале слов с признаковой семантикой методически целесообразно ввиду их особых функций в построении связных текстов, изучение же значений создано, обучение конструированию текстов на основе познающих закономерностей их организации – важнейшей задачей в обучении русскому языку в вузе и школе. Помимо методических, существуют и собственно лингвистические причины обращения в анализ к семантике признаковых слов. Одна из них – неразработанность типов лексических значений у признаковых слов, анализ лишь отдельных типов.

Следовательно, исходя из признака лексического значения элементом семантической системы словаря, можно определить тип лексического значения слова как категорию лексической семантики, основанную на совокупности признаков, выступивших в обобщении лексических значений, которое обусловлено основными способами организации системы словаря и её функциональным соотношением.

Распределение по типам лексических значений как предельно абстрактным категориям лексической семантики предстает одним из способов систематизации единиц лексической системы (для классов слов) по семантическим признакам.

Способом обобщения типов лексических значений признаковых слов выступают межклассовые связи в системе и тексте, в статике и динамике: их системно-структурные (парадигматические и синтагматические, а также ассоциативно-деривационные) и функциональные. Их совокупность и взаимодействие создают представления о коммуникативной обусловленности различиях по функционально-семантическим, системно-структурным и функциональным признакам значений.

Типы лексических значений, выделяемые в обозначениях ориентировки, обнаруживают нецелое соответствие (в составе, в свойствах отдельных типов) с общей типологией лексических значений, сложившейся бесспорительно и распределенно слов по лексико-грамматическим разрядам и классам: что объясняется иным уровнем лингвистической абстракции в системе признаковых слов и дополнительными характеристиками, им предполагаемыми.

Типы лексических значений признаковых слов обнаруживают сложность своего состава и характеристики от трех структурных типов объединений слов, в которые они входят: от структурно-семантического типа синонимичных слов, более поздней частью которых составляют слова признаковые; от лексико-грамматической категории, части речи, в которую входят признаковые слова (признавательные, прилагательные); от лексико-грамматического разряда в пределах части речи.

Особый смысл – меньшость типологических характеристик лексических значений от собственно лексических характеристик.

Литература

- 1 Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды по русскому языку. Лексикология и лексикография. — М., 1977
- 2 Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1972
- 3 Общее языкознание. Внутренняя структура языка. — М., 1972
- 4 Степанова В.В. Признаки формы слова как основа классификации лексических единиц. — Л., 1976

2.2.1. Некоторые нерешённые вопросы типологии лексических значений

2.2.1.1. Синтагматический аспект типологии лексических значений принаказовых слов

1 Типология лексических значений в рамках определенных лексико-грамматических классов отличается от той, которая прослеживается относительно к распределению слов по лексико-грамматическим классам.

2 Типы лексических значений принаказовых слов находят в отношении внешнего соответствия с общей типологией лексических значений, «идеогрмматической» в своей основе. Приказовый характер семантики обуславливает отчетливое выражение связности значений, повышенную зависимость значения от контекста, влияние синтагматических факторов. Различия в зависимости от класса и разряда, в который входит приказовое слово. Поисковый анализ типов лексических значений принаказовых слов (глаголов и прилагательных), проведенный на основе системно-структурного подхода, приводит к выводу об онтологическом единстве механизма семой регуляции значений свободных и связанных. Это обуславливает выраженность признаков концепта в лексическом значении слова, их экспликации в разных видах словословных связей с опорой на формальные различия слов. По словам Л. Ельмслера, «ориентированность на функциональную сторону языка предполагает как бы стандартизованное присутствие связей в контекстах» (Л. Ельмслер)

3 Признаки синтагматической обусловленности всех значений на уровне системы языка и обратности синтагматических отношений заставляет искать семантические мотивы заботы на сочетаемость, часто проявляемые скрытыми семыми ключевыми слов, при этом мотиве об ассоциативности различной и заботы на сочетаемость у слов с несободными значениями терять своей убедительность. Слова свободно-помножественного значения обнаруживают высокую степень включенности в лексическую систему по синтагматическому призыву, они допускают семантически разнообразный круг единиц, типизируемый по своим способам ранга (категориальным, субкатегориальным, родовым, индивидуальным), частотным и разнообразным синтагматическим ассоциациям.

Слова фразеологически связанного значения обособлены по своей синтаксике и требуют смыслового согласования по индивидуальным своим ключевым единицам, представляемым пословице. Они вызывают в ассоциативном эксперименте узкий круг ассоциаций с малой их частотностью.

Принадлежность слова лексически связанного значения признается в качестве ключевых тех, которые обособлены в семантические блоки, тематические группы, часто образующие субкатегориальные семы существительных. Этот семантический тип слов как промежуточный между двумя иными не будет единичным в пословице перечисляемых ключевых единицах, он способен вызывать синтаксические реакции, хотя и более редкие, чем у слов свободно-комбинативного значения.

4. Анализ синтаксически привязанных слов позволяет отметить такие особенности синтаксически обусловленного типа значения, которые не отмечались в общей типологической схеме, построенной относительно к распределению слов по частям речи. Для определенных случаев, отмеченных в анализе, следует говорить о текстуральной обусловленности значения, вне которой оно не дифференцируется на уровне слова в словаре (например, в случае необходимости в высказывании однородного ряда определений «железные и голубые» для реализации несомненного значения). Специфика синтаксической обусловленности глагола в его отличие от прилагательного связывается с его употреблением в полупредикативной функции, с необходимостью включения детерминантов в структурную схему предложения, среди межфразовой связи, с его текстуральной функцией, с ограничением структурных типов предложений в реализации и сохранении лексического значения, с использованием глагола в связочной позиции и др.

1.1.1.1. О статусе текстурально обусловленного значения

Можно говорить о двойном статусе текста, как речевой данности, продукта речевой коммуникации и как единице языка, входящей его в открытое поле культуры. Действительно, если признавать осознанность текстов одним из способов существования языка (наряду с языком-системой и языком-способностью), действия быть корреляты текста и на уровне языковой системы ввиду единства разных инстанций существования языка (так же, как существуют и ней корреляты языковой способности). В разных ориентирах эти проекции текста в его единицы в систему языка рассмотрены М.П. Брадес Л.О. Кавалерской и др. Алтеры сборника [Проблемы, 1983] также подчеркивают гипотезу о двойном статусе текста и его языковом характере. Синтаксис традиционно рассматривают сверхфразовые единицы, ССЦ, предложены как единицы синтаксического уровня языка. О принадлежностях текста и к системному уровню свидетельствуют случаи текстуральной обусловленности значения **привязанных слов**, в частности, прилагательных (см. [Проблемы 1983]), уже на уровне слова в словаре. Это тем более справедливо, что типовые словари исключают в словарные статьи моменты как лексикоэтимологической, так и функционально-стилистической информации, выходящие за семан-

таку дискурса как бы минуя текстовый уровень. Безусловную ценность в этом плане имеет замечание С.Д. Кацнельсона о «призраках внутреннего строения контекста как высшей лингвистической единицы... исторически сложившей и развивающейся категории» [Кацнельсон 1986: 128]. Ср. соображения по употреблению утверждения современных лингвистов: «Контекстуальное» значение превращается в некоторых работах в синоним «референсы, то есть «населенное»... Степень контекстуальной свободы значения всегда относительна» [Павлова, Савостянова 2007: 148]. Различие в способах усвоения языка – от текстовых фрагментов к системе (Б. Гастаров) или от големфраз детской речи к дальнейшей дифференциации слова как первоначальной единицы по мере складывания системы значений и нормами словопотребления – в значительной мере обусловлено, если принять текстуальную обусловленность значения слова как своим логико-семантическим уровнем. Косвенным подтверждением этого является признание в английской грамматике осторожность «линии на предложении в устной речи: «слово имеет коммуникативной и функциональной направленности высказывания, его роль в составе текста возможно лишь на более широкой основе дискурса» [Александрова 2007: 39]. Не известно, что дискурс – не только коммуникативное, но и когнитивное образование, элементы которого просируются в типологию логических значений.

Таким образом, в современных лингвистических последованиях границы системного и текстового логического значения очерчиваются с достаточной определенностью, несмотря на признание дискретно-континуальной стороны в содержании слова. Причины подобной двойственности связаны не только с традицией разделения понятий язык – речь, но и с тем статусом, который приписывается в лингвистике понятию текст. Известно, что попытка теоретического осмысления текста связывается с опорой как на грамматику текста, так и на основу его теории.

Краткие предположения о тексте как явлении сверхфразового единства, не ограничивая всей сложности этого феномена, позволила за собой отсрочить любые попытки интерпретации текста как явления общей системности языка. Между тем признание различных способов существования языка («в системе и ассоциативно-вербальной сети, в совокупности текстов») не исключает, как кажется, темной связи различных его инстанций. Интересная концепция текста в ряду многоуровневой стратификации языка с опорой на его когнитивные характеристики предложена О.А. Каменской: текст соответствует определенному фрагменту знания о мире; совокупность текстов – совокупному знанию, область текста – область знания, предложение – суждение, лексический уровень – понятие, морфологический уровень – номинативное понятие, фонетический – различенно понятие. Системный статус приписывается тексту (при двойственности его использования) в работах Т.М. Дридзе, М.П. Брадес. Выделение разных уровней идеализации в подходе к тексту отмечается в монографии А.Г. Баркова (строчной, функционально-строчной и функционально-пригласительной). При этом текст, понимаемый как текстотип, считается высшей строчной единицей языка. Отмеченные наблюдения подтверждаются в рамках интегрального подхода к языку и положенным дискурсивной семанти-

ки, обращённой к дискурсу как совокупности «областей» тематик, к «текстотипу», связанного с теми или иными аспектами бытия, жизнедеятельности человека, «отраслями знания».

Об отсутствии жестких границ между системным и коммуникативным подуровнем в тексте свидетельствуют и параллельное написанием единицы коммуникации (предложение – высказывание). Всё это позволяет говорить о правомерности выделения (в конститутивном плане) типа текстуально обусловленного значения слова на высшем уровне лингвистической абстракции, предполагаемом словом в словаре. С учетом общей системности языка текстуально обусловленный тип лексического значения вступает во взаимодействие с иными, прежде всего, с теми, которые выделяются на синтаксическом уровне. В определении синтаксической обусловленности значения традиционно учитываются связи предложениями уровня, однако Грамматика-80 выделяет в сферу синтаксиса и некоторые текстовые структуры (формы представления, формы называния, слова – предложения). С другой стороны, в словарях представляются в таком типологически значимые части текста, которые не имеют формальных синтаксических маркеров, тем не менее текст проявляет себя как явление системно-языкового плана. Когда есть специализированные синтаксические средства, маркирующие сверхфразовые единицы (грамматика текста), можно говорить о широко понимаемом типе синтаксически обусловленного значения. Если же подобные средства не обнаруживаются, а лексическое значение на уровне слова в словаре тем не менее не может быть идентифицировано вне указания на его текстовую перспективу, целесообразно выделить тип текстуально обусловленного значения (в случаях отставочной или отстраненной слов). Можно говорить о тексте как начальном этапе языковой объективации знаний о предметах и явлениях действительности с последующей их синтаксической (предложения-высказывание, словосочетание) и лексической объективацией. Текучесть, незавершенность этого процесса и обнаруживает себя в типе текстуально обусловленного значения, охватывающего прежде всего периферийные знания и лексику. При этом текстовые грамматически не релевантные признаки выступают сигналом континуальности лексического значения, его ассоциативных связей, потенциальных семантических признаков. Включенные же текстовые грамматически релевантные показатели обеспечивают дискретность лексического значения. Об отсутствии жестких границ между тем и другим, между текстом и кодом свидетельствуют варианты конструирования (предложением-высказыванием или текстовым фрагментом) для случаев, аналогичных тем, которые имеют в словаре только текстуально обусловленного типа лексического значения. Так проявляется глубинная аналогия в семантическом строении имен (слов) и предложений (Ю.С. Степанов, В.С. Юрченко, Н.Д. Артюхова), а вообще, и текста (ср. понимание текста как ассоциативного поля слова). Промежуточное положение словосочетания между единицей с первичной коммуникативной функцией (предложением) и единицей с первичной номинативной функцией (словом) объясняет выделение конструктивно обусловленного значения, отличающегося нюансовой своей раскрытия в формах самого слова.

Литература

1. Александрова О.В. Многообразие речи и её двууровневые характеристики // ВКЛ, 2007, № 4.
2. Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // С.Д. Кацнельсон. Общее и типологическое языковедение – Л., 1986
3. Павлова А.В., Сметанова Н.Д. Контекстуальные свободные и контекстуальные связанные значения // Типология языка и теория грамматики. – СПб 2007
4. Проблемы лексико-синтаксической координации // Под ред С.Г. Ильиной. – Л., 1985
5. Проблемы текстуральной лингвистики // Под ред. В.А. Бузбидера. – Киев, 1983

2.2.1.3. О некоторых синтаксических параметрах типов лексических значений слов

Синтагматика лексического значения отражает разные виды сопоставления смыслов, доступные языковым единицам различных уровней: словосочетаниям, предложениям. Правда, существует мнение о невозможности рассмотрения словосочетания как синтаксической единицы языка, хотя и крайнее решение не отрицает (скорее предостерегает) языковой статус синтагматика слов «Словосочетание – это не особая единица языка, имеющая самостоятельное бытие, а речевая манифестация (реализация) языковой валентности (очевидительного потенциала) слов. Комбинации лексикоформальных единиц в связи между единицами есть факт речи. Потенциальная сочетаемость единиц – факт языка» [Фомина 1975: 6]

Во взаимодействии единиц разных уровней проявляется та сторона системности лексики, которая свидетельствует не только о внутруровневых, но и о межуровневых системах связей слов. Так, отношения слово-слово реализованы в типах свободно-комбинативного и фразеологически связанного значений, ориентированных на закономерности лексической сочетаемости. Отмеченная в ряде работ бесплодность попыток в плане фразеологически связанного значения объяснить и тем, что в виде характеристики этого типа лексического значения отношения слово: слово подменяются отношениями слово-компонент фразеологизма [Фомина 1978].

Межуровневые отношения обнаруживаются и в характеристике других типов лексического значения. Так, в типе синтагматически связанного и его структурно обусловленного значений четко представляли процесс в лексическом значении слов отношений, сложившихся в словосочетаниях и предложениях. Представимые отношения как основа собственно предложительских связей и синтагматика лексических значений слов, ориентированная на эти связи, обуславливают тип синтаксически связанного значения.

Распространение слов определенной части речи по типичным моделям синтаксических связей как основа словосочетания и синтагматика лексического

значения слов, семантически неполноценных вне опоры на эти слова, детерминирует тип конструктивно обусловленного значения.

Следовательно, вычисление одного из опорных показателей типа лексического значения возможно на синтаксической основе. Правда, проекция синтаксических отношений в семантическую характеристику слова имеет специфические черты, когда особенности синтаксической функции и морфологической природы слова совпадают с характеристиками типа его лексического значения. Для глагола и его форм типично выполнение предикативной и полу-предикативной функций, которая и норма маркирует слова синтаксически обусловленного значения. Следовательно, глагольная лексика подтверждена в своем лексическом значении синтаксической обусловленностью и, в частности, конкретными по отношению к предикативности синтаксическими ограничениями, следовательно, например, с конструктивным типом образования – безличными: *раёт, дует, вост (из окна), шумит (в голове)*. В.В. Виноградов отмечает «предметно-смысловую насыщенность значений в формах самого слова» [Виноградов 1977: 187] для конструктивно обусловленного значения и его отличие от синтаксически связанного, то есть учитывает ономазиологический признак как ведущий.

Воспользовавшись В.В. Виноградовым типов лексических значений слов берётся на его представление о семантическом и формальном единстве слова, которое не могло не отразиться и в собственно семантической терминологии лексика «Содержане тождества слова походит на понимание семантического единства и многообразия его мысленных воплощений. А эти воплощения выражаются не только в морфологическом облике слова, но и в различных синтаксических связях и функциях» [Виноградов 1944: 42].

С учётом формы слова, реализующей тип конструктивно обусловленного значения, этот тип может рассматриваться в смысловой структуре многозначного слова в аспекте семантической деривации. Для непосредственно связанных отношений мотивации типов прямого и производного значений, причём в единственном числе, достаточно опоры на морфологические признаки формы слова, но при дальнейшем разветвлении смысловой структуры слов, когда совместно морфологическая форма заимела, записана разными смыслами, требуется аналитические элементы, формальные ограничители, присоединяемые вторым для семантических параллелизма, недомыслия, абстрагируемые на лексикой уровень (звезда *зерна*, парик *бела*). По случайно периферийные значения многих качественных прилагательных имеют формальные ограничения, отсутствующие лексически: *простым глазом* (реже – простыми глазами) – невозможным, где утрачена сложносоставительная параллель, свободный – в факте (хороший), здесь отсутствует прямой формы; свободный удар (в спорте) – также отсутствие прямой формы и образованной с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Нужно, однако, заметить, что сами формальные ограничения, их характер (они признаки формы тоже, видимо, должны войти в характеристику конструктивно обусловленного и широкого – грамматически обусловленного значения) предопределяют вхождение слова в тот или иной лексико-грамматический

класс с его формальными признаками, с его синтаксическими функциями. Следовательно, конструктивно обусловленное значение в аспекте семантической деривации также обнаруживает идиоматичность слова, поскольку лексическое значение в этой обусловленности даёт деривациям и выделенным смыслам по сравнению с исходным для него лексико-семантическим вариантом.

Атрибутивная синтаксическая функция имени прилагательного признается его категориальным грамматическим признаком. Но ряду прилагательных свойственна синтаксическая валентность, выступаящая как признак лексического значения слова, хотя в корне для типов их лексического значения важной только лексическая синтагматика при единичности синтаксической в пределах данной грамматической категории. С вопросом о конструктивной обусловленности лексических значений прилагательных, с наличием в числе их ключевых слов управляемых существительных, детерминированных типом управления, связан вопрос об абсолютном и неабсолютном употреблении слов (В.В. Виноградов). Наличие сильного управления, неабсолютное употребление, безусловно, свойственно ряду прилагательных и их неособых значениям, реализуемых в условиях ограниченной лексической сочетаемости и ограниченности в образовании грамматических форм. Прилагательные свободного значения, употребляясь в подавляющем большинстве случаев абсолютно, иногда имеют неабсолютное употребление, но оно не снимает свободы их лексического значения ввиду необходимости для сохранения данного значения прямой валентности (добрый к кому/чему/на что).

Видно, понятие неабсолютного употребления следует отграничивать от понятия конструктивно обусловленного значения на том основании, прежде всего, что это – употребление. Кроме того, если неабсолютное употребление связано с типом сильного управления, то с таким, где которого слово не существует как слово, это своеобразная аналитическая форма слова (ор.:

склонный – к чему, при отсутствии слова **склонный**;

свойственный – присущий кому-, чему либо,

надый – на что, до чего, (редко) с неопред. ф.)

Второй случай неабсолютного употребления – когда вне управляемой формы прилагательное не перестает быть словом, но теряет тип лексического значения:

подвластный – перен. Подвластный воздействию, влиянию чего «Любовь не времени, ни месту не подвластна» (Жук.);

целый – перен. Целком прожитый, отмеченный чем-либо, испитый чего-либо, пристрастный к чему

Замечены конструктивной обусловленности в БАС, как видно из примеров, включаются в совокупные лексические значения. Для конструктивно обусловленного значения необходимо его раскрытие в формах самого слова не связана с утратой последних его словесных свойств.

Следовательно, прилагательные, лишенные конструктивной ограниченности значения, употребляются или абсолютно, или как слабо управляющие формы, прилагательные конструктивно обусловленного значения имеют лишь неабсолютное употребление.

Таким образом, вопрос об абсолютном и неабсолютном употреблении – это вопрос условий функционирования в речи лексических единиц того или иного типа лексического значения, а не вопрос типологии лексических значений, хотя речь идет о лексических значениях, безусловно, существующих. Сигнификативная функция (функция обобщения) в удалении типов лексического значения отражается в степени прозрачности позитивной относительности слова – от максимальной для свободно-комбинированного прямого значения до минимальной для фразеологически связанного с его расхождением позитивного центра. Различно представимость сигнификативной функции в разных по типу лексических значениях связано с асимметрией словесного знака, его полифункциональностью при ограниченных возможностях варьирования формы. В рамках словоупотребления усложняется прозрачность позитивной относительности, т. е. редуцира степень обобщающей функции, для количественных прилагательных связано со стороны формы со словарными пометами «только в полной форме», «простоисходной степени имен», «только в краткой форме» или с указаниями на конструктивную обусловленность значения, когда потенциальные лексические синтагмы оказываются недостаточными как дифференциаторы смысловой структуры признакового слова и требуется опора на аналитические средства для раскрытия ослабленной позитивной относительности. Ср

Милый –

1. Расхожденный к себе, любимый, хороший. Милый старушка. Милый люди. Очень милый, добрый милый. // Превосходной степени нет. Прилагательный инвариант своей приятной внешностью, внешним видом, прелестный Милый младенец. // Только в краткой форме. Любимец, ученик. «Вы милый Веселый – для всякого другого. Со всеми ласковы, со мною ни поволюю» (Грибоедов) «Это очень мило с вашей стороны» (Чехов).

2. Превосходной степени нет. Горячо любимый. О человеке. «Пред милой Ольгой своей» (Пушкин). С юными друзьями». Наконец, степенно-обобщенная становится минимальной в значении

«3. Устойчивый зыблет в дружеском или фамильярном обращении (в письме и разговоре) Милый Яков Петрович А, милый юноша! – встретил его доктор» Деинвариантная ощущается в тяготении к разным видам оценочности или в ее замене формулой неформального обращения

Емкость сигнификата, отражаемого в смысловой структуре многозначного слова, проявляется в том, что каждое из лексических значений выражает лишь какое-то отдельное стороны сигнификата с разной степенью их обобщения, что, частности, может объяснить возможность слова иметь более чем одно основное свободно-комбинированное значение, каждое из которых связано с другим не относительным субординативом, а относительным взаимной детерминацией (пример Д.Н. Шмелева в «Лексиконе» со словом земля), и трудности выделенная в сокращенном плане истинного значения ради прилагательных. Так, в современном языковом сознании актуализовано значение слова головной, вошедшее в словарь «Новые слова и выражения»: «1. Головной, ведущий в ряду, группе предприятый, учрежденный и т. п. Головное предприятие Головной завод. Головной институт, тогда как БАС даёт основным значение «1. Относящийся к голове

Головная боль, убор, шлюк и т. п. – В слов. терминологии, Анаст Головакой мотт: Муз. Головные веты, Головной голод, ригитор» Эти значения можно считать конкурирующими хотя бы потому, что первое значение по БАС реализуется в ограниченных по своим словообразовкам и в специальной сфере

Семантика относительных прилагательных, связанная с предельной основой качественной характеристика, менее емка и гибка, чем у разряда качественных. Вместе с тем нельзя согласиться с полной упрощенной семантической структурой относительных прилагательных путем отнесения их к семантике пассивных компонентов к качественным свойствам явны существительных. Ср пример Ю. Д. Апресян: «подготовка к войне – военная подготовка» [Апресян 1974]. О тождественности этих сочетаний свидетельствует хотя бы то, что «военная подготовка» имеет и иное значение – входит в название школьного предмета «начальная военная подготовка», имеющее в виду не только подготовку к войне, но и к военной службе. В БАС акологичное сочетание «военная подготовка» иллюстрирует значение: «1. Относящийся к войне, связанный с войной» Действительно, представляется о том не входит в значение прилагательного, но и мотивировать его обязательной семантической валентностью (голова) существительного тоже нельзя, скорее здесь отражены законы согласования сем прилагательного и существительного, законы «сочетаний словесных значений» [Виноградт 1977: 165], обуславливающие конкретные лексические связи слов и отражающиеся в значении прилагательного. Если же попытаться поделительно лексикологическую точку зрения в истолковании слов производных по аналогии с непроизводными, помета мотт не вообще утратит смысла на лексическом уровне, поскольку будет отражать более абстрактные типы языковой семантики (ср относительность значений всех производных слов и производных общего словообразовательного гнезда), а тем самым исчерпает основание для рассмотрения качественных и относительных прилагательных по этому признаку как семантических группировок. Особенности типологии лексических значений относительных прилагательных увеличивает значимость их лексической формы. Не случайно все они – слова производные с довольно четкими конкретными морфемной членности. Меньшая развитость значений (т е сеть семантических ассоциаций), чем в прилагательных качественных, уметь семантика делает более заметной опоры в относительных прилагательных на внешнею форму, что сразу же проявляется в возможности ее сокращения (отсутствии кратких форм) и растяжения до степени управляющей, в стабильности этой формы, выражающейся в практически отсутствии конструктивно обусловленного и шире – грамматически обусловленного значения. Характерно, что случаи так называемого минимого перехода из одно^{го} разряда в другой, т. е по существу увеличение или сокращение семантических ассоциаций связаны часто не с изменением лексической формы. Такими некоторыми наблюдениями над отражением семантической функции и грамматических характеристик слова в таких лексических значениях прилагательных. Если принимать, что слово коммуникативно уже в самом акте пометы ввода, коммуникативная функция с неизбежностью отражается как одна из обуславливающих тип лексического значения. С учетом этой функции в типологии

лексических значений выделяется конструктивно обусловленное значение и синтаксически связанное значение. Способность качественных прилагательных иметь конструктивную обусловленность значений связывается с общей аналогичностью их семантике, наличием типологических признаков закрытых или в лексическом значении слова. Возможности уточнения качественного признака в акте коммуникации, ограничиваясь в номинативе, определяют тип конструктивно обусловленного значения, согласованного с историческим значением качества. Следовательно, систематизация смыслов на уровне классов слов представляет собой и особенности их согласования на уровне лексических значений. К выполнению коммуникативной функции приспособляется и лексическая форма, включая в себя небольшой диапазон возможностей выражения по сравнению с содержанием. Для качественных прилагательных эти возможности связаны с редуцированной формой (краткой формой) и ее расширением, использованием сильного управления как средств дифференциации лексических значений. Создается своеобразный параллелизм в процессах выражения лексического содержания (сужение – расширение) и лексической формы. Сравните значения прилагательных легкой, пристрастный, лютый – «Л. простореч. Прострастный, пристрастный к чему-либо, способный лютым образом отправиться какому-либо делу, миганию. Лютый, лют до тужих дел. Лют до работы. С неопределенной формой глагола. Лютя спать. Работать лютый. Как лют в предание похулять. Медленный – в перен. Петровормый, медлительный. Медлительный в чем-то. Медлитель в начальных вышках, но скорый в исполнении. В повелении медлен, а в шлохотке скор».

Тенденция к развитию качественности формы связывается с множественными отношениями, с процессом обобщения конструктивно обусловленного значения прилагательных со значением слов категории состояния. Об этом свидетельствует дробление кратких форм, отражающих конструктивно обусловленное значение, его обобщение с глагольной семантикой путем развития значения состояния. Интересно, что иногда тождественные значения прилагательного в этом случае идет через глагол: *любозытный* – «Л. в любозытен, -а, -о. В значении сказуемого, в неопределенной форме глагола. Устар. Интересуюсь (интересуюсь, интересует), «Веселье любозытеть узнать откуда Вы родом?» (Жук) «Нет, не ведаю, — не бываю; а любозытеть знать рассказы» (Омулев) Любозытно в слюдном значении и счастливости: в значении сказуемого «близ любозытно знать, как на моем он поступил бы вместе» (А.К. Толстой)

Конструктивная обусловленность, увязываясь с синтаксической, не только диалогически выделяет смысл, рисунок прилагательного, но и определяет разряд слов, промежуточный между глаголом и прилагательным, — слова категории состояния. При широком понимании этой категории (В.В. Иванцов) сюда включены именно прилагательные конструктивно и синтаксически обусловленного значения (рад, горазд, должен), развивающие способность к семантическому соотношению с инфинитивом. Скорее всего именно эти особенности формы, а не наличие качественных форм времени и склонения (имеющихся у полных прилагательных), ставят их на грань с морфологически неизменяемыми словами категории состояния. Таким образом, за

счет периферийных значений становится ясной близость разных типов слов с признаковой семантикой, обусловленная общностью коммуникативной функции. Учитывая коммуникативную перспективу качественных прилагательных, их атрибутивную и предикативную функции, следует считать грамматические пометы «слово в полной форме» также признаком конструктивно-семантической обусловленности, обуславливающей предикатное слово – качественное прилагательное – с идентифицирующим, близким к стилистическому, выступающему в составе расчлененной номинации с редукцией оценочного признака, показателем видового, входящим в тематическую парадигму. Ср. *молодой* – 3 Только в полной форме Экономически малоимущий, с малыми материальными возможностями. Медный собственник, Медное предприятие. Медный заводчик. Медное производство. Медный производитель. Медная буржуазия. Молодой – 4 Обычно в полной форме Наркано пристрастный (без достаточной крепости, остроты) О напитках, продуктах и т. п. Молодой князь Сир молодой Молодое вино

Таким образом грамматические, функционально-семантические и тематические характеристики, отраженные в типах лексических значений слов

Литература

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография, 1977
2. Виноградов В.В. О формах слова // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1944, т. 1
3. Фомина Ю.В. Является ли словосочетание единицей языка? // ИДВШ, ФН 1973, № 2
4. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология – М., 1978

1.1.1.4. О несвободных лексически значимых слов

Поскольку тип лексического значения слова избирает в себя синтагматические характеристики слова, устанавливаемые позицией слов со свободным и связанным значением прилагательных строится с учетом этого семантического параметра. Типология лексических значений слов не безразлична даже к категориальной грамматической семантике слов, выступающих в качестве ключевых на синтагматической оси

Анализ категориальных признаков слова, вычисленных С.Д. Карпильским [Карпильский 1972: 118] на основе его семантических свойств позволяет с особой точкой зрения посмотреть на типы лексических значений выделяемых в классификации В.В. Виноградова с учетом межклассовых связей. Анализ семантических функций грамматических категорий дал возможность С.Д. Карпильскому обнаружить, что область грамматической семантики охватывается функциями не только явной, но и скрытой грамматики, причем категории скрытой грамматики часто выполняют идентичные с категориями явной грамматики функции.

Так, применительно к полновым словам они выполняют формальную функцию смысловоразличения, которая в типичных случаях выражается такими видами грамматических средств, как форма падежей существительного при реализации личностей глагола, разные типы глагольного управления.

К числу грамматических подклассов, сгруппированных на основе сопоставления в грамматическом отношении категориальных признаков С.Д. Кандельсон относит также подклассы существительных, как имена событий, имена естественных и искусственных вещей, имена лиц [Там же 87], выделяя в более широкой подкатегории существ и вещей, отражающей категорию предметности. Эти грамматические подклассы и подкатегории существительных, функционируя в типовых контекстах реализации значения имени прилагательных, оказываются очень важными в характеристике лексических значений последних.

Обусловленность категориальными признаками ключевых слов конструктивно и синтаксически обусловленного высказывания, поскольку характер синтаксической конструкции, форма падежа и т. п., выполняет формальную функцию смысловоразличения. Можно говорить об известном полиморфизме, соответствиях, параллельном констатирующем признаках лексических и грамматических значений. По существу для таких частей речи, как прилагательное, причастие, категория составная и др. конструктивно-синтаксическая обусловленность характерна и грамматическое их значение, выступая в предельно обобщенном виде (ср., например, необходимость синтаксической связи прилагательного с существительным вообще для реализации грамматического значения первого).

В этом же ряду стоит свободно-номинативное значение прилагательных, с точки зрения грамматической семантики ключевых слов ограниченное или самым образом значение предметности имени существительных, или какими-то частями по категориальным функциям. К их числу в этой связи С.Д. Кандельсон относит имена событий, имена естественных и искусственных вещей, имена лиц и др.

Признаки свободно-номинативного значения оказываются в абстрагированном виде существенными для выделения самих отвлеченных грамматических категорий. Так, В.В. Виноградов строит свою классификацию слов по частям речи с учетом в качестве основного признака номинативной функции. Она же выступает существенной, определяющей в установлении основного типа лексического значения.

Иначе складывается семантическая характеристика слов фразеологически связанного значения прилагательных, небезразлично не только в общей грамматической семантике ключевых слов, но и к их конкретному вещному содержанию, признаваемых в качестве определяемых лишь строго определенных слов.

Противоречивость концепции В.В. Виноградова не позволяет подвести под эти категории те прилагательные, которые характеризуются необходимостью участия не только категориальных признаков, но и иных, более частных, выделяемых на уровне тематических групп существительных как обобщенных лексических группировок слов по их вещному значению. Также прилаге-

темы не требуют, однако, послемого перечисления определяемых (так лексически связанного значения)

Категориальные признаки существительного, выступающие в противопоставлении человеку – вещь очевидно, настолько важны для семантической дифференциации многозначных прилагательных, принимающих в качестве определяемых слова и той и другой категории, что они не укладываются в характеристику одной и той же единицы смыслового объема прилагательного (например, в МАС неправомерно, на наш взгляд, давать указания к одному и тому же значению слова *косматый* – «о человеке» и «об одежде»)

Наблюдения над прилагательными фразеологически связанного значения показывают, что для них не характерна сочетаемость со словами широкого лексического значения, соотносимого с категориальными признаками существа: только человек, вещь при возможности включаются в круг сочетаемости переня – комбинентов, частные по отношению к слову категориального значения. Употребление же в качестве определяемых слов человек, вещь, ограничивших категориально значение существа и вещь, выводит тип лексического значения за пределы фразеологической связанности, так как семантика этих существительных сама по себе предельно широка и не может служить актуализатором рассмотренного в семантическом отношении значения типа прилагательных, а включает лишь более прозрачные типы лексических значений. Например, фразеологически связанное значение прилагательного *корявый* – «1 Заскорузлый, за грубенький, ухмылять (о руках, пальцах)» уже не может быть таковым при включении в круг определяемых слова человек. «3 просторечи. С рабством, болтовней, притчами (о лице, а также о человеке с таким лицом)» при возможности того же типа – фразеологически связанного – в значении «4 Неровный (о почерке, буквах)».

Способность дробиться на ряд оттенков, отнесенных В.В. Виноградовым для фразеологически связанного значения, скорее свойственна слову по типу, которое не выделено в его классификации в силу противоречивости подчас фразеологически связанного значения с одной стороны, утверждается, что это значение характеризуется устойчиво послемым перечислением ключевых слов, а с другой стороны, большая часть значений многозначных слов признается фразеологически связанными. При узком понимании фразеологически связанного значения, также допускаемом ввиду В.В. Виноградова, у качественных прилагательных не обнаруживается отягощенности при данном его типе. И это не случайно. Ослабленная позитивная отнесенность (нарушение регулярности в образовании лексико-семантического парамета) фразеологически связанных значений создает необходимость опоры на отставивших, строго определенных, с послемым перечисленным ключевых слов контексты употребления, что уже само по себе исключает возможность возникновения отягощенности значения, угрожающей собою размыть семантическую основу фразеологически связанного значения и перевести его в разряд употреблений.

Этой возможности препятствуют и то, что фразеологически связанные значения часто представляются у периферийной части лексики – у специальных слов, входящих в определенные терминологические системы, действующие тем-

дешью к строгой определенности значения термина. Создается противоречивое положение этой лексемы: ее читаешь – в терминальности и периферийности, расхожность – в лексической системе литературного языка

Если фразеологически связанные значения возникают в сочетании со строго определенными, часто единичными словами, то для этих значений, семантически более прозрачных и не столь строго регламентированных в сочетаемостных возможностях, действительно характерно образование многочисленных оттенков значения

Составим примеры: Для прилагательного красной МАС отмечает следующие фразеологически связанные значения, не предполагающие дробления на оттенки

«1. в знач. сущ. – Красная Мат. Исправная лентка.

3. в знач. сущ. Красная чета – графическое изображение в виде закрой леги К. температуры К. осадков.

4. Поверженный или вытканный (о пазе): К. зеркало – зеркало, является выпрямленное, искривленное изображение. К. улыбка (или усмешка)»

Аналогичны по типу значения прилагательного красой, отмечавшего МАС в составе устойчивых оборотов. «6. Недоверчивый, недоверительный, недоуждливый (о взоре, взгляде). К. ворот – стальной ворот, застегивающийся ободку К. парус – треугольный парус К. треугольник (мет.) – прямоугольный. К. угол (мет.) – угол, больше или меньше прямого»

С другой стороны, не связанные фразеологически значения прилагательного косматый «2. С длинными и густыми и волнообразными волосами» распадается на целую серию оттенков значения, которые даже вряд ли могут рассматриваться как оттенки данного значения, а не как особые значения: «// Рысеприпущенный, волнообразный (о волосах). К. волосы, и брови, и борода. // Перен. Ряз. Густой, с неровно торчащими волосами, пылыми (о растопыре). // Перен. Общественный, разный. Парус к. // Перен. Расположенный ключами, клубами в разные стороны (о парях, туманах, облаках и т. п.)»

Один тип значения оказался общим и для лексемы и для фразеологии современного русского языка. Однако проявляется он, как правило, в тех фразеологических единицах, выделяемых В.В. Виноградовым, которые являются наиболее освоенными в возможности отношения их к сфере фразеологии – во фразеологических сочетаниях. Е.А. Ларин писал по этому поводу: «Особенными оказались границы третьего разряда, от них незаметно переходим к переменным (свободным) словосочетаниям, да и фразеологические единицы переключаются в фразеологические сочетания так легко, что можно спорить чуть ли не о каждом примере» [Ларин 1956: 95].

Необходимость уточнения особых признаков фразеологизма – признак всего в плане его семантической специфики – в тесной взаимосвязи задачи – необходимость лексикографической модели этих единиц – привели к узкому взгляду на фразеологию, ограничиваемую в теоретическом плане (например, [Жуков 1986], [Молодкин 1977]) и в практическом смысле («Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова»). Понимание фразеологизма как единиц, компоненты которой отличаются от слов, хотя и сходны с ними, пе-

решает в науку, собственно лексикологическую плоскость и термин «фразеологически связанные значения» Котласова В В. Виноградова допускает разные возможности объяснения этого явления. Известно, что фразеологическая связность усматривается В В. Виноградовым и в лексике, и во фразеологии. Это не создает точных критериев в анализе значений имен прилагательных. С одной стороны, признаком фразеологической связности признается расхождение номинативного центра и строго послепонимые связи в сочетаемости, а с другой – большая часть значений, за исключением свободно номинативных, обиходности фразеологически связанных.

Семантический анализ прилагательных слов позволяет заметить, что во втором случае фразеологически связанными называются все значения, сложившиеся на базе прямой и косвенной номинатива (прямодно номинативным, переносным). При этом встречаются противоречия разного рода.

1) оказывается огромным узкое понимание фразеологически связанного значения, предлагается в той же концепции и представляющиеся более строгим, считается признаком прямодно-номинативного значения,

2) открытым остается вопрос о границах лексикологии и фразеологии, о типах единиц, относимых к фразеологии: смысловые компоненты фразеологизмов и слов фразеологически связанного значения в синтаксически свободных словосочетаниях обнаруживают и работы последнего времени (в эти две разные группы языковых единиц попадает однотипный материал (лексичный век, глухое горе с одной стороны и желтая вода – с другой)) [Джамалова 2006].

3) явным статусом однозначных слов узкой сочетаемости, не обладающих расколотым номинативным центром и имеющих четкие деривационные связи,

4) доказывается, что свободно номинативное значение не имеет ограничений в сочетаемости на лексическом уровне.

Обращение к номинативному центру прилагательных слов, анализ типов лексических значений качественных прилагательных позволяет углубить представление о границах слова в отношении к фразеологизму, подтверждает обоснованность строгой трактовки фразеологически связанного значения. Шаровое его понимание отражается представлением о только предметно-логическом ограничении в сочетаемости слов свободно-номинативного значения. Между тем полиморфность грамматической и лексической синтагматика доказывает, что прилагательные слова в принципе не могут быть свободны в сочетаемости, так как предполагают в любом из своих значений определенное энциклопедическое содержание для разных значений многозначных слов в отношении доминантной дистрибуции. Даже при наличии ключевых супротивительных единиц тематического круга в свободном и связанном значениях качественных прилагательных проявляют избирательность в выборе определяемых в пределах темы в соответствии с законами семантического согласования. «Обратное лексическое отношение» присутствует и в свободно-номинативном значении качественных прилагательных, хотя и не имеет маркеров, свойственных свободно-лексическому значению.

Логика связей далеко не всегда реализуется в системе, оставаясь в пределах индивидуальное-авторского проявления, по-своему постигающего пре-

дела свободы сочетаемости слов в лексической системе. Небезразличность свободы связей отчетлива в одноименных словах ушей семантики (марки, проливной, безальтернативный). Толкование синонимического ряда с опорным прилагательным свободной-номинативного значения в АСС может содержать ограничительное семантикатическое указание, общее для всех членов ряда независимо от типа их лексического значения. При И.Р. Гальперине, подчеркивая, что свобода лексических связей не безгранична и для слов со свободной сочетаемостью «Ограничения, накладываемые на способность слова вступать с другими словами в преобладающие для языкового сознания логической связи, определяются разными факторами. Наиболее действенными из них является признак самого понятия, который заключен в слове» [Гальперин 1975: 78]. Сейчас мы бы сказали о признаках редуцированного контекста, связанного знаком.

В связи с новой логикой связей сравнительно недавно стали допускаться кышмы адъективные сочетания «кусок молока, тяжелая вода, математическая дисциплина» (примеры И.Р. Гальперина). Кроме того, относительность свободы подтверждается сравнением с другими кышмы, имеющими иной состав лексических «квартинок» для выражения логики связей. Следовательно, признаки относительности свободы лексической связей ставят перед определением факторов, дифференцирующих степени связности значения. Одни из этих дифференциальных признаков уже даны в концепции В.В. Виноградова – строго полнотные связи. Этот признак отграничивает фразеологические связные значения от других несобственных и от значений фразеологического, которое является обобщенно-целостным, хотя степень целостности может быть различной. При этом чем больше компонентов фразеологизма термин собственно словесные свойства, тем целостнее значение фразеологизма, и наоборот. Эта закономерность не имеет исключений» [Жуков 1978: 14]. Правда, в настоящее время утвердилось мнение об отсутствии непроницаемой границы между словом и компонентом фразеологизма, о наличии зоны переходности в лексико-фразеологической системе (см. работы А.В. Жукова и др.). В.Г. Гай также отграничивает устойчивые свободные словосочетания от собственно фразеологических. «К фразеологии относятся адъективные словосочетания, характеризующиеся переосмыслением компонентов (при более узком понимании термина – только с опорной именной)». Фразеологические единицы отличаются от нефразеологических совокупностью трех признаков: структурного (они состоят более, чем из одного слова), семантического (они адъективны то есть характеризуются переосмыслением компонентов) и функционального (они устойчивы, устойчивы)» [Гай 1977: 205].

Если принять понятием фразеологических единиц у В.П. Жукова, В.Г. Гаю, А.И. Молоткова, отчасти В.В. Виноградова, то из их классификации вытекается за пределы фразеологии тип фразеологических сочетаний. Они и реализуют строго понимаемое фразеологически связанное значение как тип адъективного значения, противопоставленного по всем признакам свободной-номинативному. Видимо, В.В. Виноградов понимает фразеологическую связность широко, как фразеологическую обусловленность с чем может соотноситься его мысль о фразеологических сериях и о том, что многие значения слов, за не-

ключением свободно-комбинативных, образуются фразеологически связанными С большей определенностью об этом писал Ю.С. Сорокин. Он выделял в кругу пяти стилей, определяющих судьбу слов в языке, особый класс по конструктивной сложности их значений, таких семантико-фразеологические в широком смысле слова, выражающиеся в более или менее устойчивых сочетаниях слов в речи и проводящие к выделению более или менее устойчивых и единообразных типов этой сочетаемости [Сорокин 1965: 13]. Ценность этого замечания в том, что указано на широкий смысл термина «семантико-фразеологические слова», а конкретная сочетаемость приобретает здесь вероятностный характер, хотя и ориентировано на типовую сочетаемость лексических единиц Ю.А. Сорокин также говорит о закрытом списке семантических моделей конструирования значения (включая речевое – Н.С.), то есть о единой природе свободной и несвободной сочетаемости слов, различиях по своему лексическому значению [Сорокин 1978].

В отличие от компонентов фразеологизма, нуждающегося, по справедливому замечанию В.П. Жукова, в переосмыслении слов прямого номинативного значения в своем составе, слова фразеологически связанного значения имеют чаще всего переносный характер.

Ср., например, фразеологизмы гуть личиной, смий тулох, зловина болель (вымокширнот, чванливое поведение), звездный час (о чьем-либо успехе, триумфе), второе дыхание (о новых силах, о притихи энергии, бодрости у кого-либо после периода усталости, апатии, неудач), женский явост – притиски с переносными смыслами переносными длинными волосами (словари «Новые слова и значения») и словоосчетники, восперкиши прилагательные фразеологически связанного значения дачная память, телачий колторг, лошадиная дача, крутой явноток, золотая молодость и др.

Возможность семантического сложения также отрицательно влияет на фразеологически связанного значения от компонентов фразеологизма, которые в силу их семантической самостоятельности не способны принимать на себя дополнительную смысловую нагрузку. Так, близким к субстантивации оказывается значение семантического сложения первоначально фразеологически связанного значения имен прилагательных. В случае субстантивации семантическое сложение происходит за счет ситуации супротивительного, а в примерах собственно семантического сложения указание на предмет ограничивается лишь словообразовательным форматом и описательным значением существительного.

Ср. неотложка, нетопка, злбвнк (зловый корм для света, культура, другие на такой корм, – в разг. речи); камаралка (помещение для камаральной обработки материала, золотых ниссакшей – в разг., проф. речи); канталка (кантальный ремонт – в разг., проф. речи); коммиссионка (коммиссионный магазин – в разг. речи), минералка (минеральная вода; 2. минеральные удобрения), нейтралка (нейтральная территория, зона – в разг., проф. речи), понока (поночная ладья – в разг. речи); подробка (подробное рассмотрение – в разг., проф. речи); пожарка (пожарная часть; дом, где помещается пожарная часть, команда – в разг. речи); поларка (2. поларная опашка – в разг., проф. речи).

Таким образом, семантическая типология лексемы, предложенная В.В. Виноградовым, дает основы классификации типов лексических значений, оставляя открытым вопрос о частных признаках в их характеристике.

Фразеологически связанным значением слова выделяется В.В. Виноградовым как подкласс по отношению к свободно-номинативному и по своим абсолютным признакам, опирающимся на положительную основу, и по относительным признакам, реализуемым в мезолеммах связи.

Со стороны позитивной относительности оно характеризуется отсутствием глубокого и устойчивого семантического центра, ослабленной связью с позитивом чем обусловлена его склонность дробиться на ряд оттенков. Необходимость опоры на относительные контексты употреблена для воспроизведения фразеологически связанного значения обуславливает ограниченность его лексических связей послезначным переключением ключевых слов. Эта же семантическая особенность фразеологически связанного значения порождает необходимость опоры на более социализированный по сравнению со свободно-номинативным значением контекст, исключительной ограниченности конструктивно-семантического характера.

Эти основные признаки фразеологически связанного значения могут быть дополнены рядом других, уточняющих специфику слов этого семантического типа по отношению к словам свободного значения и компонентам фразеологических оборотов. Со стороны парадигматических отношений, выходящих из связи слов по их собственному значению, фразеологически связанное значение характеризуется обособленностью синонимических и антонимических возможностей. Она проявляется в обязательной общности ключевых слов при повторении общих со свободно-номинативным значением синонимов и антонимов, в возможности антонимии и странного и малознамого слова словосочетания (младшей друг — младшей враг), в утрате обычных парадигматических связей и возможности слова, пришедшей только словом данного типа лексического значения. Раскрытие связей слова фразеологически связанного значения происходит в большей его семантической устойчивости и определенности абстракта на известную в этих случаях абстрактность значения.

Семантическая и парадигматическая характеристики фразеологически связанного значения тесно сопрягаются с его словообразовательной инертностью, отсутствием или малой активностью словопроективных возможностей. Недостаточная смысловая определенность слов фразеологически связанного значения в ряде случаев вкладывает свой отпечаток на характер морфологической структуры слов, делая ее прозрачности и определенности, способностью изменяться на значимые элементы. Отсутствие словообразовательной мотакривности служит, по-видимому, дополнительным толчком к переходу слов фразеологически связанного значения в разряд компонентов фразеологизма с его полной семантической перестроенностью. В отличие от компонентов фразеологизма, по справедливому замечанию В.П. Жукова, нуждающимся в переосмыслении слов прямого значения и своим составом, слова фразеологически связанного значения имеют чаще всего паронимный характер. Возможность семантического сплюсывания также отрицательно сказывается на фразеологически связан-

ного значения от компонентов фразеологизма, которые в силу семантической несамостоятельности не способны принять на себя дополнительную смысловую нагрузку. Таковы те частные признаки, которыми характеризуются фразеологически связанные значения прилагательного в отличие от иных типов лексического значения и значения фразеологического.

Но менее спорной выглядит и характеристика типа лексического значения, промежуточного между двумя описанными.

Первая целостная классификация типов лексических значений, предложенная В.В. Виноградовым, послужила прочной основой дальнейших исследований в области семантической типологии лексики.

Утверждая общее положение слова как единой системы внутренне связанных значений, определенной в свою очередь закономерностями семантической системы языка и внешней выраженной в межсловных связях, эта концепция вместе с тем выдвигает ряд выводов и уточнений при рассмотрении конкретных типов лексических значений.

Н.Н. Амосова справедливо указывает на умость бинарного противопоставления свободно-комбинативного значения фразеологически связанному, поскольку это далеко не охватывает всего многообразия лексической значимости В.В. Виноградова, с одной стороны, считает признаком фразеологически связанного значения сочетаемость только со строго определенными словами в узкой сфере семантической отнесенности и, с другой стороны, наделяет покомбинативное тем, что обобщает часть значений слов фразеологически связных. Иметь разные значения для слов значит входить в разные типы семантически ограниченных фразеологических связей.

При анализе конкретного языкового материала (работы А.Н. Комаровой, И.К. Сазоновой и др.) особенно явней становится невозможность подвести все языковые слова, за исключением свободно-комбинативных, под тип фразеологически связанного из-за отсутствия последних ограничений в сочетаемости.

Таким образом, концепция В.В. Виноградова оставляет открытым вопрос о тех лексических значениях, которые по своим признакам не подпадают под категорию свободно-комбинативного и фразеологически связанного значений. Многие из таких значений попадают под выделенный Н.Н. Амосовой тип «лексически связанных», характеризующихся зависимостью от семантики ключевых слов, что отличает их от слов фразеологически связанного значения, часто без различия с значением ключевых сл^{ов} и выходящих строгие последние связи. Но термин «лексически связанные значения» в понимании автора трудно принять потому, что он связан с отрицанием типа свободно-комбинативного значения и смысловым коэквивалентом и речевой сочетаемостью слов.

Привлекая внимание на способы выделения значения, промежуточного между свободно-комбинативным и фразеологически связным, содержит работы В.А. Звегинцева, Р.С. Гинзбург, В. Будничевой, В. Лады, В. Шмидта. Характеристика лексически связанного значения в концепции В. Шмидта строится с учетом типового, а не индивидуального контекста, что роль не абсолютенную есть, потому, в отличие от Н.Н. Амосовой, Шмидт не считает все значения слова контекстуально связными. Нормативный контекст рассматривается в

качестве посредника, позволяющего языковой возможности превратиться в действительность, приобрести коммуникативную значимость.

Анализ лексических значений прилагательных с учетом их возможных связей также приводит к выводу о промежуточном положении типа лексически связанного значения между свободно-номинативным и фразеологически связанным. Со свободно-номинативным значением его объединяет сравнительно устойчивая связь с понятием и отсутствие полных ограничений в сочетаемости. Это выражается в возможности прилагательных лексически связанного значения сочетаться с существительными, именная форма и родовое, и видовое понятие, составляющими широкий тематический ряд, в возможности синонимических и автономических связей без обязательного полного тождества определяемых.

Но в отличие от свободно-номинативного значения лексически связанное является вторичным, обосновывается первым, складывается на основе ограниченной в лексических связях, выражением которой служат тематическая зашнурованность ключевых слов в атрибутивном словосочетании.

По линии ограничений в сочетаемости лексически связанное значение объединяется с фразеологически связанным. Но отграниченная связь с понятием, отсутствие полных ограничений в сочетаемости не дает оснований смешивать эти два разных типа несвободных значений. Качественные прилагательные лексически связанного значения не имеют той склонности к перелому и относительности, какой характеризуется прилагательные фразеологически связанного значения.

Таким образом, прилагательные по своей семантике обнаруживают сходство в следующем основном типом лексических значений: свободно-номинативному, лексически связанному и фразеологически связанному.

Константность, определенность свободно-номинативного значения, устанавливаемого на внутрисловном уровне, отличает его от несвободных значений, выделяемых лишь с учетом межсловных связей.

1. Фразеологически связанное значение реализуется как во фразеологических сочетаниях (по В.В. Виноградову), так и в относительно свободных сочетаниях, устанавливаемых по слову. Одним из основных видов устойчивых двусловных сочетаний, представляющих особую опутанность полных связей как лексической привязки фразеологически связанного значения, являются фразеологические сочетания с семантически расчлененными компонентами, содержащими значение прилагательного, отличное от свободно-номинативного и лексически связанного. Классификационный характер качественных прилагательных с фразеологически связанным значением, обозначение или видовой привязки, а также отсутствие или нейтральность категориально-отличной окраски семантически объединяет данные прилагательные с относительными.

В.В. Виноградов справедливо указывает, что фразеологическая связанность значений слов часто сопровождается ограничениями иного плана, например, конструктивной, стилистической и т.д. обусловленностью. Для многих качественных прилагательных фразеологически связанного значения актуальны те сопутствующие ограничения грамматического парадигма, которые дифферен-

щрует грамматические разряды прилагательных, что свидетельствует об общности качественных прилагательных данного типа с относительными не только в области семантики, но и грамматики.

Обороты, обозначенные в типовом словаре как фразеологические – далеко не единственный вид устойчивого контекста для реализации фразеологически связанного значения. В кругу относительно свободных сочетаний фразеологически связанное значение свойственно по преимуществу прилагательным, входящим стилистически ограниченную сферу употребления, причем фразеологическая связанность значения слова и его стилистическая отмеченность смысловы. Таким образом, ограниченность употребления качественных прилагательных с фразеологически связанным значением, их семантико-грамматическая общность с относительными позволяют говорить о периферийности данного типа значений для ЛПР качественных прилагательных.

2. Качественные прилагательные с лексически связанным значением выдают то, что представляется ими существительными образует так называемые тематические группы с ограниченным данным типом лексического значения прилагательного в условиях его относительно свободной сочетаемости с компонентами этого тематического круга.

Косвенное свидетельство этому – словарные указания на родовую принадлежность одних и тех же слов (типич. во человеки, во растение и т. п.) при наличии в иллюстративной части словарной статьи разных видовых существительных того же рода.

Рассмотрение тематических групп существительного, с которыми связаны реализации лексически связанного значения прилагательных, приводит к выводу, что одни из этих групп тематически прозрачны, определены, другие допускают тематическую интерпретацию лишь в самом общем виде.

Литература

1. Гак В.Г. Существительная лексикология. – М., 1977
2. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. – М., 1975
3. Гусева А.Е. Лексикографическое описание фразеологически связанных значений глаголов современного русского языка. Автореф. дис. канд. филол. наук, М., 1986.
4. Делакон К.И. Когнитивные парадигмы и причины их возникновения // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008, № 3
5. Жуков В.П. Русская фразеология. – М., 1986
6. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – Л., 1978.
7. Касарьянов С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
8. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии // Учен. зап. ЛГУ, 1956, № 198, серия филол. наук, вып. 24.
9. Милославский А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977
10. Сорокин Ю.А. Стереотипы, штампы, клише. К проблеме определения понятий // Общелингвистические и прагматические проблемы – М., 1978

2.2.1.5 Свободно-номинативное значение слова и контекст

В аспекте отношения свободно-номинативного значения слова к контексту выступает две грани: возможность изолированного восприятия слова без акцентного характера значения и свобода контекстных связей. Устойчивость номинативной черты и обусловленная этим свобода лексических связей слов свободно-номинативного значения, их прямая, непосредственная направленность на акварию объективной действительности – признаки, отмечаемые Н.В. Виноградовым как ведущие в характеристике данного типа значения, – и делают возможным непосредственной употреблении слов свободно-номинативного значения вне контекста.

Сравнительно типичное Г Пауля «Услышав какое-либо слово, мы при отсутствии дополнительных обстоятельств думаем, прежде всего, о самом объекте или об основном его значении. Если, однако, слово имеет несколько приблизительно одинаково распространенных значений, тогда, согласно общему психолингвистическому закону, в сознании скорее выдвигается основное, а не производное значение, хотя даже в тех случаях, когда более обычным является производное значение» [Пауль: 100]

Возможность непосредственного употребления вне контекста как показатель свободы значения отмечает Н.В. Арнольд, характерную оптиколексическую свойство слов свободно-номинативного значения выступать в качестве единственного элемента односоставного предложения или единственного элемента на синтаксисе [Арнольд 19]

Н.В. Виноградов дает классификацию лексических значений независимо к конкретной части речи, но ее основополагающие моменты можно рассмотреть как общие для слов разных грамматических категорий. Поскольку основным значением является служим прилагательным, вопрос о способности номинативного их воспринимания вне контекста в какой-то мере снимается в силу грамматических особенностей слов этой части речи. Основная синтаксическая функция прилагательного – функция согласующего определения в существительному – реализует значение качества.

С точки зрения синтаксической семантики значение прилагательного не свободно. Но внутри слова значения объединяются по тем синтаксическим группировкам, которые общие для дескриптив, – по типам дескриптивных, и прилагательным, как и другим номинативным словам, присутствуют свободное и несвободное значение

Что касается второй грани в вопросе о соотношении свободно-номинативного значения слова с контекстом, то здесь важно учитывать прежде всего типовые, а не индивидуальные контексты реализации значения слова. Только в этом случае можно говорить о каких-то социально закрепленных новых номинативных типах лексического значения (или отсутствии таких новых

тепей), ибо типовой лексической сочетаемостью вытесняет планом выражения лексического значения.

Отрицание Н.Н. Амосовой [Амосова 1958: 8-9] типа свободно-комбинативного значения последовательно вытекает из общей ее концепции, согласно которой все слова, за исключением одноклассных, имеют несвободные, связанные значения. Дифференцируя различные типы контекстуально связанных значений, автор выделяет лексически связанные, семантиколексически связанные и фразеологически связанные значения.

Отличие понятия *свободный* и *связанный* значения не следует смешивать с понятием *условий* употребления слова. Действительно, любое значение слова реализуется в контексте. Но тип лексического значения как лингвистическая абстракция, как метаязыковая категория может содержать и не содержать в своей характеристике указания на связанность значения, на типовой контекст его употребления, на наличие послесловных ограничений в сочетаемости, тематическую направленность ключевых слов. Если же при характеристике типов лексических значений абсолютизировать роль контекста, отталкиваясь от позиционных элементов, закрепленных в семантике слова, значение слова растворится в условиях его употребления.

Это последовательное повлечет к отрицанию многозначности слова, что, например, было представлено у А.А. Потебня, составного слова вне контекста *сферными* прилагательными.

Если подходить к одноклассным словам с позиций Н.Н. Амосовой, то в условиях употребления, к которым автор сводит понятие свободы и несвободы значения, и у этих слов круг ключевых слов не безграничен, и для них расширение рамок сочетаемости сопровождается семантиколексическими сдвигами. Если же отталкиваться от абсолютизации контекста, то получится то основание, по которому в свете выделенных типов лексических значений, ибо, по мнению Н.Н. Амосовой, «определение значений произвольного фонетического слова как связанных фактически *бесодержательное*, но если учесть, что *эпиморфативное* значение слова всегда обусловлено контекстом, то нет оснований не распространить положение о *связанности* значения и на одноклассные слова, значения которых Н.Н. Амосова считает свободными».

Определяющую роль в отрицании автором типа свободно-комбинативного значения сыграло, видимо, и неоправданно широкое обобщение особенностей семантики слов английского языка.

К приведенным соображениям следует прибавить еще одно: возможность значения словом не обязательно подразумевает его свободу, а переносный характер значения — его связанность.

Так, метафоричность основного значения может быть обусловлена лингвистиче- ской производной основой, но в рамках данного слова это значение остается свободным (ср., например, прилагательные *взрывчатый*, *взломательный*, *невосхитимый*, *неугасимый*, *неугасивый*), сохраняя четкость понятийного центра и свободу лексических связей.

Работы А.А. Уфимцевой, Н.Н. Амосовой, И.В. Арнольд имеют отчетливую тенденцию уточнять системную контекстную характеристику значения, в

том числе и свободно-комбинативного А.А. Уфимцева указывает на системные регуляторы лексических связей слова, смысловые модели наиболее общих связей слова, синтаксические модели, постоянный семантический контекст А.А. Уфимцева справедливо усматривает смысл учителя В.В. Виноградова о типах лексических значений в установлении зависимости значений слов с точки зрения степени их самостоятельности от характера связи слова с обозначаемыми им предметами (прямые и переносные значения) и со значения, составляющим его постоянный семантический контекст (свободные и связанные значения) в системе языка [Уфимцев 1962: 18].

Таким образом, в концепции В.В. Виноградова сомнения вызывает ограничение свободно-комбинативного значения лишь природой его логико-предметного содержания, которое не может быть принято как единственное основание при лексическом анализе. Реальные связи могут быть чрезвычайно широки и далеко не всегда они выражены в словах, в их значениях, и даже при логической допустимости данной связи слово свободно-комбинативного значения может не иметь возможности ее выразить, ибо в языке просто может не быть компонента, помогающего выразить эту связь, то есть, по выражению А.Н. Смирницкого, «единый язык не выстраивает на этой связи». Сочетанность слов свободно-комбинативного значения, действительно, чрезвычайно широка, достаточно проиллюстрировать случаи употребления прилагательного, например, странный, у М. Горького, чтобы убедиться в справедливости сказанного: странная девушка (1, 172), странный парня (1, 478), странная лисица (1, 391), странное существо (11, 472), странный посетитель (1, 525), (эта) странная женщина (4, 177), странный тип (1, 319), странная фигура (4, 335), странная молва (4, 275) [М. Горький 1956].

Нетрудно видеть, что определенные здесь объединения названий человека, людей, но в числе компонентов двучленных сочетаний могут быть и названия физических, нематериальных, интеллектуальных сообществ человека, странные выходы (Дранова), (1, 55), странная привычка (1, 172), странные отношения (Лидия и Масарова) (1, 159), странный ответ (1, 143), странные характеры (1, 478), странные лица (4, 168), странная улыбка (1, 446), странное выражение (1, 433), странный смех (1, 234), странное ощущение (4, 416), странное выражение (1, 368), странная робость (1, 368), странная радость (4, 503), странное чувство (1, 36), странная скука (1, 397), странная растерянность, усталость (1, 85), странные переживания (1, 288), странная глупость (1, 251), странное впечатление [Горький 1962: 233].

Широко представлена в сочетаниях разнообразная отвлеченная лексика (наряду с теми существительными абстрактного значения, которые уже приведены): странная смена (1, 116), странное совпадение (1, 184), странная история (4, 464), (какой-то) странный шум (4, 435), странное сравнение (1, 524) странные замечания (4, 28), странные обстоятельства (4, 28), странный способ (разделить гости) (4, 170), странная сущность (1, 222), странное свойство" (1, 281), странная теория (1, 324).

Многочисленны и конкретные существительные реальной семантики: странная фамилия (1, 117), странные штаны (1, 281), странное дело (4, 484),

страшное платье (4, 489), страшный покров (4, 275), страшный город (1, 207), страшный человек (1, 478), страшный звук (1, 456), а (этот) страшный час (1, 515), страшная книжка (4, 127), страшное растение (1, 220) страшная тачка (1, 217), страшный плач [Горький 1962: 226], страшные тени [там же: 280], (то) страшное небо [там же: 302].

Но даже при всей множестве бесграничности сочетаний этого слова границы можно обнаружить в отступлении «лексического намерения» Так, А.И. Смирницкий указывает как на особенность английского языка на обычае и нем существительных со значением «случайный» или «вымышленный» производителей так или других процессов, и на русский язык многие из них могут быть переведены лишь с помощью причастия [Смирницкий 1965: 180] И если сочетания страшный человек, obviously, то «страшный спящий» по меньшей мере не употребительно, а эквивалентного английскому слову «счастливый» в русском языке нет.

Может быть, эквивалентное употребление как раз и фиксирует те возможности, которые допускаются логикой связей, но не реализованы языком.

Ср. у Горького разнообразие сочетания со словом *скала*, в которых качественные прилагательные обобщаются в характеризующей функции не только с другими качественными (маленькой, гладкой, большой, желтой), но и с относительными прилагательными (каменная): «Когда-то и вода текла нежною по гладкой скале этого края. Теперь эти скальные горы кажутся мне еще более пустынным» (Горький 1962: 269). «От него (Варавки) ведал маленькой скалой, усталостью, ослепительным» (1, 186) «Море воюет по камню, как и думала, – говорила она матери. Это просто большая, желтая скала. Горы – каменная скала, ограненная небом» (1, 178)

В этих примерах на основе возможных логических и эмоциональных ассоциаций слова созданы вопросы допускаемым языком нормам семантической сочетаемости. Ср. еще: «Наш старый маленький автомобиль катится по горам, прыгает и чихает, вдымая облака пыли» (Горький 1962: 269). «Кому неслыхалось, что в нем тоже пролезуло торжествующее «Ага!», вспыхнула, как искра, полыхнула разноцветным язычком, и среди них мелькнула линия сочувственных Маргариты» (1, 186). «Незнание для себя он раз навсегда определил ценность этих человеческих мыслей словами: «Допустимо, что все это так, а может быть, и не так. Но можно жить и не решая эти вопросы» (4, 345). «Коричневый человек с перепалым лицом, толстый локатор, покрашенный, пошлый, роторный ледяной туман, открытое серым луком, сообщая... Шершавый локатор, покрашенный, пошлый, отвечает...» (4, 469 и 474).

Находится также в языке те единичные случаи, которые ¹⁰⁰допускают наличие контекстуальных лексических ограничений в сочетаемости и для слов свободно-комбинативного значения. Так, в силу своего предметно-логического содержания слово «красивый», казалось бы, допускает сочетаемость со всеми существительными, имеющими датский предельный признак. Однако между дифференциацией сочетаемости синонимичных слов корень и корочестью то есть системных ограничений, не употребительно в языке сочетание коротенькие

глаза (ор также конъюнктивы, а не кератиновые волосы) Аналогично не употребительны в языке сочетания типа «серебряный уло», «серебряная гипотеза» при возможности подобных сочетаний в синонимном «семье» Однако устойчивость позитивного центра, отмеченная В.В. Виноградовым как основа свободной лексической сочетаемости, а также отсутствие помеховых ограничений в связях, отсутствие тематической замкнутости определяемых для указанных прилагательных помеховых и здесь видеть свободно-номинативное значение

Таким образом, приведенные факты позволяют подчеркнуть, что свободнo-номинативное значение не является чем-то самодеятельным, не самостоятельным с несвободными значениями, но в отличие от последних его контекстуальная мотивированность не имеет лексической отмеченности и силу прозрачности тех признаков понятия, которые зафиксированы в лексическом значении слова.

Следовательно все сказанное относительно системных контекстуальных ограничений для свободно-номинативного значения не должно приводить к отрицанию данного типа значения и признакам всех ~~таких~~ слов синонимии.

А.А. Уфимцева в [Уфимцева 1968] справедливо указывает на необходимость установления в каждом конкретном случае основного, свободного лексико-семантического варианта слова, который является наиболее продуктивным, общупотребительным и служит позитивной основой или своеобразным стержнем смыслового выражения В противном случае вся проблема тождества слова будет сведена к механическому дифференцированному сочетанию моделей лексико-семантических связей слова, как это представлено в книге В.А. Звегинцева «Семасиология».

В плане когнитивистики правильная интерпретация типов лексического значения также важна, поскольку эта область знания имеет реализуемую в речи языковую систему или заданную и ориентируется на историю теоретической лингвистики

Косвенным доказательством того, что свобода или связанность значений слов оказывается не самодеятельным фактором в установлении типа свободно-номинативного значения, что характер контекстуальных связей (даже типовых) оказывается в конечном счете обусловленным предметно-позитивной отнесенностью слова, служат и закономерности словообразования, широта словообразовательного ряда качественных прилагательных свободно-номинативного значения, также в известной мере регулируемые характером отношения слова к понятию и позволяющие одновременно дополнить лингвистическую характеристику свободно-номинативного значения

Невозможности словообразования, широта словообразовательного ряда слов несравнимы с типом их лексических значений, усугубляемых В.В. Виноградовым с учетом смысловых связей Свобода или связанность значений слов оказываются в его классификации обусловленным характером отношения значения слова к понятию

Вымысленность логического и собственно лингвистического признаков в значении слова отчетливо выступает при характеристике его словообразовательных связей.

злак, тайное, открытое (голосовыми); круглая (сухомя, состоиши); крушина (рушат, брант); низкий (лоб); мертвая (пестля), мертвая (хваста); красное (мясо); красное (дерево), красный (граф), красный (железняк), красная (рыба), красная (цена) красное (слово), красный (лес), красный (звон), красный (рад), красный (товар); медвежья (услуга), лучистая (спец.) – энергия, кивлый (спец.) – соль, кислые воды, кетчюшка, кислые бражкине, пивный (в спец. терминологии) – л. акция, л. ребра; свободный (сперт) – удар, (спец.) – о.км элемент

Таким образом, характер словообразовательных возможностей качественных прилагательных, категорично регулируемые словообразовательными средствами в специфическом неслышимом различных способов словоприменения, свойственных имени прилагательному, выводится вместе с тем в прямой зависимости от лексического фактора – типа лексического значения. Тип свободно-комбинативного значения качественных прилагательных широко отражается в словообразовательной парадигме, их фразеологически связанное значение не способствует образованию производных.

Литература

1. Амосов В.Н. Слово в контекст // Учен. зап. ЛГУ, № 243 Вып. 40, 1958
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М., 1959
3. Герман М. Жизнь Клода Салюта, тт. 1-4 – М., 1956 (В скобках цифра до запятой обозначает том, после запятой – страницу).
4. Герман М. По Союзу Советов Собр. соч. в 18 томах. – М., 1962 т. 11
5. Пауль-Г. Принципы второго языка. – М., 1960 (Эту мысль подтверждают в результате эксперимента, приводимые Л.Л. Ловинским в статье «Экспериментальные данные к проблеме смысловой структуры слова // Семантическая структура слова – М., 1971).
6. Смирновской А.Н. Лексикология английского языка. – М., 1965
7. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы. – М., 1962
8. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка – М., 1968

1.2.1 6. Экспрессивно-символическое значение слова в ряду связанных значений

В В. Демуровом указывается на возможность системной и функциональной классификации слов по типам их лексических значений. Поскольку свободно-комбинативного, производно-комбинативного, фразеологически связанного, конструктивного – и семантически обусловленного значений строится с учетом характера комбинации типовых контекстов употребления слов и других лексико-системных связей.

Единство этих признаков не выделяется в выделении экспрессивно-синонимического значения, поскольку этот тип лексического значения предлагается у слов, разнородных с точки зрения их позитивных признаков и признаков соотнесенности, парадигматических и т. д. Но поскольку экспрессивность – явление прежде всего семантическое (А.И. Ефремов, Д.Н. Шмелев, М.М. Михайлов, Л.Г. Бардас), поскольку слова, характеризующие со стороны их экспрессивно-синонимических особенностей, укладываются в общую систему лексических значений, формирующуюся на иных, более существенных характеристиках. Одним из семантических признаков, составляющих сферу экспрессивности, служит понятие интенсивности признака. Для качественных прилагательных оно часто выступает одним из дифференциальных семантических признаков, иногда наклонившись на тему, иногда абсолютизируясь и оказываясь единственным определяющим компонентом значения слова.

Однако, обладая тождеством этого экспрессивного момента, качественные прилагательные тем не менее могут оказаться разными по характеру своего лексического значения, зависящего и от устойчивости позитивного центра, и от свободы лексического центра, и от чистоты морфологической структуры слова и словообразовательных связей и т. д., то есть тех признаков, которые в своей совокупности и конституируют лексическое значение, а следовательно, и должны лечь в основу семантической типологии лексемы.

Что же касается качественных прилагательных с экспрессивно-синонимическим значением, например, содержащих тему интенсивности в его структуре, то в одних случаях они реализуют свободно-доминативное значение, в других – фразеологически связное (др., например, слова *изумительный, великий, великий, великосильный, крутой, великолепный* и др.)

Широта экспрессивного значения качественных прилагательных с признаком интенсивности безразличным к характеру качества, делает их свободными по характеру их лексического значения. На базе семантического признака, идущего от свободно-доминативного значения прилагательных отмечено высокой степени качества, возникает семантически синонимичная тема соотнесенных и слов категории состояния в роли единственного заместителя высказывания (*красота и красиво*), хотя само прилагательное в силу своих грамматических свойств лишено функции главного члена в условиях имплицитной номинации.

Таким образом, экспрессивно-синонимическое значение следует выделять в семантической типологии лексемы на каких-то других основаниях (что и учено В.В. Виноградовым), поскольку слова экспрессивного значения своими основополагающими признаками сближаются с иными членами классификации, а тип экспрессивно-синонимического значения определяет во-первых, лишь часть слов системы – тех, которые вступают в синонимическую связь и требуют опоры на нейтральный член и, во-вторых, ориентирован прежде всего на функциональные характеристики лексического значения. Поэтому он будет предметом особого рассмотрения.

1.1.1. Типы лексических значений языка прилагательных разных ЛПР

1.1.2.1 Способы выделения необходимых значений и их границы у одноклассных слов

Типологическая характеристика значений имен прилагательных представлялась рассмотренным у качественных и относительных прилагательных со стемных измерениях в субкатегориальных компонентах лексических значений, которые, как упоминалось, накладывают свой отпечаток на типы лексических значений индивидуальных слов в пределах ряда. Так, качественные прилагательные имеют значения, отражающие их источник в разных видах парадигм (рад-радливый, свинининский, автоинженерский), что объясняет разнообразие лексико-семантического выражения, широкий диапазон типов лексических значений в их структуре. В разной мере и по-разному обуславливаются тип лексических значений предостерженности прилагательных у относительных и качественных прилагательных. Первые – всегда слов производных, деривационно мотивированных прозрачности их внутренней формы компенсирует и объясняет сложность семантических ассоциаций и малый диапазон типов лексических значений.

Синтагматическая возможность относительных прилагательных в синтаксисе лексических значений вообще не были предметом исследования так как их значение вообще объяснимо связью с производимым именем. С учетом значения «комплексных лексических единиц» в типологии значений прилагательных слов (для семантики глагола подходы к анализу обоснованы А.А. Уфимцевой) в анализе качественных прилагательных как исходное имя принималось бинарное противопоставление свободно-компаративного значения значением фразеологически связанному.

Одним в ходе анализа были обнаружены лексические значения, промежуточные между двумя названными типами.

По совокупности признаков (этимологических, парадигматических, синтагматических, морфологических, функциональных) в анализе качественных прилагательных четко вырисовывается промежуточный между двумя названными тип – лексически связанное значение. Он характеризуется относительной прозрачностью конглобатов признаков, отраженных в лексическом значении слова, возможностью быть и опорным, и рядовым членом парадигмы тематической определенности ключевых слов при отсутствии строго послыхных связей, значимостью деривационного признака, опосредующего его связь с исходным значением в смысловой структуре слова. По типу номинации это значение может быть производно-номинативным или переводным, что обуславливает необходимость анализа качественных прилагательных в данном аспекте. Пока известно, что из семантических законов, универсальных способов переосмысления (метафора и метонимия) качественные прилагательные предпочитают первый, наиболее соответствующий их предикатной семантике, выполняемой ими экспрессивной функции. Характерно, что в ряду метафорических значений

как их частные виды рассматриваются значения «имплицитно-производные или косвенно поминативные» [Языкова 1977: 216]. Судя по примерам, приведенным в статье В. В. Виноградова, производно-поминативное значение для автора скорее личное историческое, переносное же – метафорическое.

Анализ типов лексической значимости качественных прилагательных позволил отметить дополнительные признаки их несвободных значений, связанные с индексированием их лексической формы, служащей комбинатором редуцируемой семантической единицы (наличие только полной или краткой формы у периферийных значений, конструктивной обусловленности). В функциональном плане периферийные значения чаще всего статистически маркированы (словарные пометы *кратк.*, *кратк.л.*, *кратк.з.*, *кратк.в.* и др.).

Разсмотрим более подробно признаки фразеологичности связанного значения, обладающего избыточным числом системных ограничений и выступающего сильным, отмеченным знаком в лексическом противопоставлении типов свободных и несвободных значений. Параллельно встает вопрос о признаках выделения словарного материала, содержащего качественно-примыкающие связанного значения.

Выбор материала, vhodного для анализа, предполагает необходимость использования объективных данных, представленных в словарях. В словаре АН СССР (БАС) «путный» нам материал содержится в той части словарных статей, которая включает в себя те, что во вступительной статье в словаре названо «фразеологическими оборотами и идиомами», что употребляется для ограничения фразеологических оборотов и идиомы [Словарь 1948–1965, т. 6: V]. Естественно, материал, который объединяется здесь, неоднороден. Так, указанные относительно «Короткий разговор, короткое шутку» – «О аворых и решительных действико» (оравк. «разговор, шутки» и не идентичное с ними «действия») не даёт возможности говорить о самостоятельном значении прилагательного, ибо повинна значения выступают в результате переосмысления оборота в целом.

Форма толкования фразеологических оборотов в БАС в большинстве случаев позволяет вычлнить особое значение прилагательного в составе этих устойчивых сочетаний. Если в толковании оборота содержится существительное, употребляющееся в составе последнего, то логично допустить, что все прочие элементы толкования предствлет семантическое наполнение прилагательного. В сочетании «Короткая расправа. Быстрая и решительная расправа» видно изменение значения самого прилагательного. Если в предыдущем примере сама «решительность» действия передавалась оборотом, то в данном случае она выступает как присущая только одному компоненту оборота – прилагательному, ассоциативно связанная с «временной» осью (быстрая). Оно имеет здесь фразеологически связанное значение, реализуемое в сочетании с последним перечисленным определяемым: расправа, расчёт. Использование объективных данных словаря предполагает при выделении прилагательных с фразеологически связанным значением уйти от традиционных уточняющих признаков. Самым действительным из них является сопоставление значения прилагательного в составе оборотов, выделенных словарём как фразеологические с тем, которое выделяется у него как свободное. Это сопоставление позволяет в ряде случаев

считать очевидным наличием фразеологически связанного значения в составе устойчивых сочетаний уже без приращения к какому-либо типу дифференциальных признаков: «Крепкий сон. Непробудный, глубокий сон. Крепкие напитки. Спиртные напитки. Крепкие слова, слезы. Бравые, изыскательские выражения». Прилагательное, приведенное в топонимии значения слова крепкой, синонимично ему только в данных сочетаниях, подчеркивая избирательный характер актуализации потенциальных, скрытых сем исходных значений, налагаясь запреты на лексическую сочетаемость. Обособленность фразеологически связанного значения отчетливо выступает при уточнении тех связей по значению, которые обнаруживаются у прилагательного в составе словарных фразеологических оборотов. Со стороны парадигматических, выступающих как связи слов по их собственному значению, фразеологически связанное значение характеризуется обособленностью синонимических и автономных возможностей. Она проявляется в обязательной общности ключевых слов при повторении общих со свободно-номинативным значением синонимов и автономных, в возможности автономии и стержневости и зависимого слова словосочетания (закрытый друг – закрытый враг), в утрате обычных парадигматических связей и возникновении новых, присущих только словам данного типа лексического значения. Ср. ещё: «Тайное голосование, открытое голосование». В сочетании со словом люб прилагательное открытый становится синонимом слова высокий (любя при этом отнесен значения – крутой) и автономном слова низкий. За пределами этого сочетания синонимичное слово открытой и высокой и автономное его с прилагательным низким исчезает. Далее, если прилагательное низкий в подпадающем большинстве значений имеет автономно высокий в разных его лексико-семантических вариантах, то в сочетании со словом поклон оно является этого автономна и приобретает синонимическую связь со словом глубокой. Прилагательное низкий при обычном для него автономном значении «Низкие здания» приобретает автономические связи со словами древнее, мертвые что несомненно ему в остальных его значениях. Эта ассоциация, будучи необычной и маловероятностной, не отмечена у слова новый в «Словаре ассоциативных норм русского языка».

При наличии в устойчивом обороте более одного определенного обособленные синонимические отношения сохраняются при каждом слове, ср., например: «Круглая сумма, круглые отношения. Кружка, значительная сумма, значительное отношение».

Таким образом, анализ связей и соотношения значений прилагательного во фразеологических оборотах, выделенных в ВАС, даёт необходимые критерии для установления фразеологически связанных значений прилагательных. Эти связи и отношения наблюдаются тем, где в словаре приводятся указания на полновую сочетаемость, а потому сам по себе этот признак является очевидным для данного типа значения и даёт основания рассматривать как фразеологически связанные те значения качественных прилагательных, которые резко выделяются в сочетаниях с полновыми указаниями. Ср.: «Крупная ругань, брань; крупные выражения. Очень грубая, оскорбительная ругань, брань,

оскорбительные, грубые выражения. Крушной разговор. Неприятный, речной разговор». «Тёмные дела, делишки. О тёмных, мошеннических делах, делишках». В ассоциативном словаре под ред. А.Н. Леонова есть слово – реакция на стимул тёмный только «тёмно», «тёмнось» «В точном значении, смысле (этого слова). В прямом, собственном значении, смысле (этого слова)».

В ряде случаев множественные прилагательные с несколькими фразеологически связанными значениями выступают бесслитно и принадлежат к сочетательной с ними существительных в общей тематической группе. Кроме того, избирательность по отношению к ключевым словам общей темы проявляется особыми законами соотношения смысла у слов фразеологически связанного значения. Ср. значения прилагательного ниже: «Нижний лёд, Небольшой, узкий лёд. Низкая грудь. Низкая, плоская грудь. Низкая талия. Низко обычной, нормальный».

Уточнения в подборе материала для анализа в виде словосочетаний с последними указанными возникают тогда, когда эти сочетания неоднородны, то есть при наличии своеобразной подсистемы устойчивых сочетаний. Она не представляет опасности при определении типа значения прилагательного в тех случаях, когда одно из значений сочетания освобождено ему как целому и не выводится из значений составивших его компонентов, тогда самостоятельное значение прилагательного – фразеологически связанное – содержится в составе другого значения оборота, выделенного в словаре как фразеологический.

Ср., например, значения оборота «Мёртвая петля», в одном из значений допускающего семантическую различность компонентов:

а) Петля с затягивающимся узлом, который нельзя развязать.

б) Спец. фигура высшего пилотажа – полёт по замкнутой кривой в вертикальной плоскости»

Полное значение ограничено спектральной сферой употребления.

В составе оборота «Мёртвая петля» в одном случае вычленилось фразеологически связанное значение прилагательного: «Хватка у собак и некоторых других животных, при которой челюсти долго не могут разомкнуться», в другом – не вычленилось (ср. в примере: «Охрана сада парала Филофос из Гелиосовых рук, сконструирована в мёртвой хватке Леонов Сеть»). Иной случай:

«Мёртвая природа (патура):

а) Неорганическая природа,

б) В изобразительных искусствах – неодушевлённые предметы (двиг., фрукты, битая дача и т. п.)»

В первом случае прилагательное обладает одним самостоятельным значением, во втором случае – двумя

Следовательно, установление значения прилагательного в составе неоднородных устойчивых оборотов требует учёта признака исключительности значения прилагательного. В рассмотренных примерах этот признак реализован сочетания с прилагательными фразеологически связанного значения и не име-

конец его, во фразеологизмах значение прилагательного входит в целостное значение оборота или имеет иное по сравнению с первым, хотя и самостоятельное значение, как в последнем примере. Указание на равнозначность того, что является определяемым словом, может считаться специфической чертой ряда прилагательных фразеологически связанного значения в атрибутивных словосочетаниях определенных типов.

Появление классифицирующего значения, которое связывает качественные прилагательные с относительными, отмечается у прилагательного «красный» в составе устойчивых сочетаний, абстрагируясь от обозначения цвета и актуализируемых потенциальных смыслов «вид», «сорт»: «Красная медь. Чистая медь, без примесей других металлов. Красное вино. Красные деревья. Красное калино. Красный гриб. Красный железник».

Постоянная роль последнего смысла в появлении классифицирующей функции у прилагательного «новый»: «Новая карта. Учебная географическая карта, без обозначения названий. Новые кино. Незнученное кино». Слово «новому» кино не даёт равности прилагательным «новому» (согласно «Словарю ассоциативных паров»).

Реализация в постоянных связях, классифицирующей функции обусловлена взаимной избирательностью актуализации сем исходных значений, обозначающих качественные прилагательные данного типа с относительными, известная взаимность от семантики ключевых слов, предельно высокой или нулевой уровню ассоциативных реакций – все эти признаки с очевидностью выступают тогда, когда ключевые слова входят в состав одной тематической группы. Так, прилагательное «летучий» приводится в БАС в следующих сочетаниях: «Летучие рыбы. Летучая бабочка, летучая мышь», где определяемые слова относятся к единой тематической группе, называемой животным, птиц ископаемых. Правда, в материалах картотеки словарного сектора ИИЯ РАН (в дальнейшем сокращая: материалы картотеки) представляли словосочетания с пометой «сл.» «летучий летушка, летучий муравей, летучий лисенок, летучий собачка, но в них строго фиксированы. Все другие словосочетания этого прилагательного с существительными называемыми животным, либо полностью переосмыслены (как в случаях: летучий жаба – птица, летучий олень – насекомое), либо содержат прилагательное в свободном значении: «оленьбыный летучий, но исключены строго классифицирующей функции. Примеры из картотеки: саранча летучая, летучие насекомые бабочка, птица летучая, курица летучая, летучий гадюка и, наконец: «Качки и страусы стыдливо и рассматривали летучего грызуна». Архивы. По Уссурийской тайге».

Появление фразеологически связанного значения слова оказывается в прямой связи с полнотой его эмпирико-оперативной сем в таких, например сочетаниях «Неблагородные металлы. Подлежащие окислению металлы. Неблагородный свинец. Одна из равнозначностей свинца» Анализ фразеологически связанного значения качественных прилагательных по материалам БАС, избранного в качестве объекта исследования, позволяет заметить признак, обязательный для реализации этого значения постоянных связей прилагательного при условии ослабленной покативной отнесенности, а также и пре-

ника, выступившие качеством сопровождающих основной. Видимо, ослабленная проницаемая отнесенность может быть мотивована как связь с периферийными признаками концепта, стоящего за данным прилагательным.

По отмеченным признакам как фразеологически связанным может быть классифицировано значительное число прилагательных по отмеченным в тех частях словарных статей, в которых сосредоточен фразеологический материал. Значение этого типа устанавливается для ряда прилагательных, представленных в составе лексических групп, обладающих функционально-речевыми границами в связи с использованием, хотя эти границы и придают разную обусловленность. Наличие языковых границ характерно для терминологической лексики, специализированных слов, сопровождаемых в словаре пометками типа: «в речи моряков» и т. п. Номинативные выписки основные признаки фразеологически связанного значения, как в многих сопутствующих, остаются в силе для прилагательных этого типа выписком у рассматриваемых категорий слов, сопровождаемых здесь и стилистической оценочностью Ср.

Лычатый – «1. Спец. Изготовленный лыжи с перемычками. Лычатая лыжа. Включитель в качестве ключевых слов существительного «лыжа», включитель по значению видовым по отношению к родовому (лыжа), пришло к переосмыслению означая в целом и выражаясь его в качестве фразеологического оборота в просторечии. «Лыжи лычатый. Простореч. О лыжном, лыжном человеке, о шуте, проходе».

Лучистый – «1. Спец. Возникающий вследствие лучеизлучения. Лучистая теплота. Л. Энергия».

Прилагательное привычный в специальном, фразеологически связанном значении указано в БАС в составе фразеологического оборота, хотя по своим признакам ничем не отличается от других спиральных слов, выделенных за пределы фразеологизмов

«Привычный вывих. Спец. Повторный вывих в результате растяжения суставной сумки, вывих после направления порывчатого вывиха».

Ср. сходные с ним прилагательные:

Открытый – «7. Спец. Наружный, не видовой. Открытые горные работы. Открытый способ добычи угля».

Принудительный – «1. Спец. Осуществляемый механически, без участия человека (обычно через переданные трансдукции энергии). Принудительная связь. Принудительная вентиляция. Принудительные торможения».

Серый – «3. В составе зоологических и ботанических названий. Серый гусь. Серый медведь. Серая мышь».

Слепой – «8. В составе зоологических и ботанических названий. Слепой медведь. Слепой мак. Слепая мышь».

Смолстый – «8. В составе ботанических названий. Смолстая кора. Смолстая либрия. Древя смолистая».

Сочный – «8. Названия растений. Сочная оливка. Сочный курай. Курай сочным».

Средний – «В названии растений, животных, птиц, рыб. Средний голубь. Поморник средний. Пырей средний. Средняя рыба».

Кислый – «4. Спец. Вызванный в своем составе кислоту, получаемый при помощи кислоты, дающей кислоту. Кислые растворы. Кислая соль. Соль, содержащая водород, способный заместиться металлом. Кислые воды, источники, ключи. Минеральные воды, содержащие в своем составе углекислоту. Кислые брожения, в результате которых получаются различные кислоты (в отличие от спиртового брожения)».

Последнее указывает темнеетельно: своеобразным элементом для качественного прилагательного выступает относительное. Такая специализированная автономия (в точках таинонимия), видимо, вообще типична для качественных прилагательных рассматриваемой сферы употребления, что еще раз подтверждает базовость относительных и качественных прилагательных данного типа в языке. Эту мысль подтверждает также данный специальный словарь [Ботанический словарь 1962], в котором указание на вид служит как качественным, так и относительным прилагательным к одному супротивительному:

Капусты: цветная, волговая, листовая, кочанная, кормовая, морская.

Акации: желтая, шелковая.

Дерево: красное, кофейное, колбасное, конфетное, лаковое, мыльное, эскиндарное, мыльное, черное, шеноладное.

Подобным же образом качественные прилагательные с фразеологически связанным значением могут выступать в качестве прилагательных, называющих к относительным прилагательным в специальной сфере применения: пилочка для (ска.) выжловочная или, лижирная рабига – (ска.) обыкновенная рабига, обыкновенный извал – (ска.) мужской извал.

Указание на терминологическую область предопределяет сочетаемость прилагательного. Так, указание на математическое для прилагательного свободный даёт сочетание «свободный член». В математике – член уравнения, не содержащий неизвестного с иском, чем в физическом термине, значимым прилагательного. В контекстах, связанных с использованием термичекого фактора, в сферу сочетаемости прилагательного включаются следующие слова: «Свободный аэроплан. Неуправляемый летательный аппарат легче воздуха, применяемый для полета по направлению ветра. Свободный выстрел. Выстрел, не связанный с какой-либо определенной прямой или точкой. Свободная ковка. Способ обработки металла давлением, производимый с помощью кузнечных инструментов и крестовых штампов, не принятующих точечную металл в заданном направлении. Свободные колебания. Колебания в металлической, электромагнитной или какой-либо другой физической системе, совершающиеся при отсутствии внешнего воздействия за счет первоначальной накопленной энергии. Свободное падение».

а) Падение (тела), обусловленное притяжением Земли

б) Падение совершающегося крышом с самолета до момента раскрытия парашюта.

Точно так же в спортивной терминологии рассматриваемое прилагательное выступает в сочетаниях с иными ключевыми словами. Ср., например

«Свободный удар. В спортивных играх – удар по мячу за нарушение правил игры, во время которого противник должен наклониться на определенном расстоянии от мяча». В этом примере одно только указание на сферу, область применения прилагательного уже дает объем его значения и сочетаемость. Важно в то, что существительные, употребляемые в качестве ключевых слов в разных сферах, никак не связаны друг с другом по смыслу, каждое из них обуславливает свое, вполне определенное значение прилагательного. Это безусловный признак фразеологической связанности значения. Помимо словосочетаний на его образование здесь очевидно в «Словаре ассоциативных норм» к слову свободный указаны только два слова с наименьшей частотой (1), реализующие тип фразеологически связанного значения (игрок, код).

Основным методом в установлении типа фразеологически связанного значения количественных прилагательных был метод семантического анализа, дополняемым – учёт контекстуальных и ассоциативных связей по данным картотек и соответствующих словарей.

На материале количественных прилагательных были показаны способы выделения наиболее прозрачного по своим признакам типа фразеологически связанного значения. Но лексика представляет собой сложную организованную систему с множеством переходных явлений, которые тоже требуют своего осмысления и оценки, предполагающей диалектическую подход к языку как возрастностному феномену, допускающему операции с нечёткими множествами. Формирование такого подхода – одна из важнейших задач в обучении русскому языку. Как же проявляется прозрачность в области типологии лексических значений прилагательных слов?

В итоге анализа явных прилагательных разных разрядов можно установить неоднородность лексических значений у однозначных слов с узкой сочетаемостью, их близость к другим полярным типам лексических значений при определенной роли деривационного признака в установлении свободы или фразеологической связанности значения.

Диалектический смысл понятия «переходные» как обладающей признаками, присутствия разным классам единиц, промежуточные [Ахманова 1966: 320] позволяет рассмотреть класс однозначных явных прилагательных в отношении к семантической типологии лексики, допускающей комбинирование в пределах класса признаков свободно-количественного и фразеологически связанного значений у разных групп слов. Недостаточная четкость типологических характеристик однозначных слов породила два подхода к их семантической характеристике. Один из них допускает возможность противопоставления полярных типов значений в кругу однозначных слов (В.В. Виноградова, Н.А. Далекая). Согласно другому подходу любое однозначное слово обладает свободно-количественным значением между отсутствием его обусловленности другими в смысловой структуре слова (Н.Н. Амосова).

Сложности в интерпретации типов лексических значений однозначных прилагательных связаны прежде всего с теми из них, которые обладают узкой сочетаемостью, характеризующей у многозначных слов тип фразеологически связанного значения. Но указанием на долевые связи не завершаются ха-

характеристика данного типа значения в классификации В. В. Виноградова, указанного и на такие существенные черты этого значения, как «распределённость понятийного центра, немотивированность фразеологически связанного значения слов из морфемным составом, неспособность быть опорным членом синтаксического ряда и словообразовательного гнезда».

По справедливому замечанию Д. Н. Шмелева, «каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризуется и определением (в конкретном смысле) его лексического значения: находится и в деривации своих отношениях с другими словами — как по линии смысловых ассоциаций так и по линии словообразовательных (и шире — вообще фонетических) связей» [Шмелев 1971: 10]. Ср.: «Планя позволяет комбинация значений, характерные для многозначности, не дублируются словообразовательными типами» [Алпратов 1974: 193]. Приведя, указав на то, что производные структурные формы обеспечивают слово достаточную смысловую определённость, включая его в определённый парадигматический ряд, не имеет к разграничению с точки зрения типа лексических значений таких слов, как *временной*, *капитальной*, с одной стороны, и *продливой* — с другой. Вместе с тем, признание деривационных связей третьим измерением семантики могло бы служить одним из критериев в отнесении узко сочетаемых однозначных слов свободного значения от фразеологически связанных лексико-семантических вариантов многозначных слов.

Вообще в этом вопросе много субъективного и спорного. Например И. А. Долгих, считая значения слов *фуражный* (кожа), *курить* (глас), *разнуть* (фот) узко-лексическими, то есть доминантными, прямо выделенными отрезки действительности, видит их особенность в узости связей обозначаемых этими словами явлений. По мнению автора, «субъективное значение большей частью или непременно или отчасти воспроизводимое то есть отрываемое от значения, бывшего для него исходным. В тех же случаях, когда существует связь между производным значением и его производными, ограниченные константой качества признаком фразеологически связанного значения» [Долгих 1960].

На сопоставляемых материалах кажется, что Д. Н. Шмелев не признаёт различия между однозначными словами узкой семантики и многозначными словами и их периферийным, фразеологически связанным значением, отнеся и те, и другие к сфере фразеологической семантики».

И. А. Долгих, разграничивая эти явления, не считает деривационную значимость обязательной для выделения слова за рамки фразеологии. Более того, её отсутствие признаётся признаком сублексического значения, существенной для которого оказывается только индексальная мотивированность, что, конечно, тоже не превращает типа лексического значения одноклассных слов узкой семантики.

С другой стороны, признание Д. Н. Шмелевым деривационных связей достаточными для включения слова в определённый парадигматический ряд противоречит факты недифференцированного рассмотрения им как обладателей фразеологической связанности [Шмелев 1970] слов типа *горный* (дорога, путь), *привинной* (лещик), *кружной* (путь), которые, действительно, пред-

отраслей в академическом словаре синонимов в составе синонимических рядов и других – временный (ид, враг, тьма), заклятый (враг), шепелявый, с трудом выговаривающийся, и парадигматический ряд и отсутствующая в словаре синонимов Очевидно, прилагательные, которые имеют прародительную изустную форму, то есть деривационную значимость, должны быть вынесены с точки зрения типа их лексического значения, входящего их в четкие парадигматические ряды, чем те, которые отличаются от них в деривационном и парадигматическом отношении, несмотря на общность синтагматического признака – отнесенности своей основой к определенным числительным.

Трудность споры на синтагматические признаки создается и тем способом толкования однозначных прилагательных, который принят в БАС, в котором многие из них являются, действительно не слово однозначны, ибо синтагматические признаки в лексическом значении своей не дифференцируются в тематических типах «Относительное к...».

Постому, например, **лабильный** – однозначно, хотя иллюстративный материал отчетливо показывает различия значений прилагательного в сочетании с весы (признак предвзятости) и л. торговля (способ торговли)

Лавинный. Отп-ся к лавашу, л. тесто

Рассмотрению синтагматических признаков в содержательной структуре однозначных прилагательных препятствует и разная эволюция значений слов одного словообразовательного гнезда (то отвлеченное, то отвлеченно-тематическое, то широкое)

Лавинализированный. Спец. Под-организм лавинализации, противопоставлен с лавинализацией. Л. глаголы

Лавиальный – Спец. Относ-ся к губе, губам, губной Л. согласные. Подобен губе, губам, изломанной губы Л. органы чувств у насекомых. Л. вулканы (в речи геолор – концы называют их трещинными или лавиальными, т. е. губными)

Лавиентальный – Спец. Губно губной О-звука Л. согласные

Вряд ли подтверждает факт однозначности прилагательных эволюционно-лексическое соотношение относительный, также свидетельствующее о незначимости к синтагматическим различиям

Лабораторный. Отп-ся к лаборатории Л. посуда Л. техника. Производный и лаборатория Л. исследования Л. работа. Л. опыты.

Дискредитация синтагматической позиции ведет иногда к крайней погроте представленной семантикой однозначных слов

Лагунный. Отп-ся к лагуне Л. реф. Именский лагуну (во 2-м значении)

Л. острова.

Лакричный. Относ-ся к лакрице, се-мый ей. Л. листья Л. корни, приют из лакрицы, с лакрицей. Л. порошок.

Лакерный. Отп-ся к лакеру, се-мый ему. Шум л., л. палатка, л. обор

Лампадный Отп-ся к лампе Луч л., Л. масло то же, что деревянное масло

Ладонный Отп-ся к ладони Л. поверхность

В то же время в характеристике отлагательных однозначных прилагательных нет этого общего указания котировки к какому-то глаголу, а представлен иной способ толкования, учитывающий регулярную множественность отлагательных прилагательных и синтагматические процессы в лексическом значении Ср. Ламбятный. Спец. Произвольный, способный к лавине

Таким образом, однозначные прилагательные не обнаруживают последовательности представлений в своем составе парадигматических, синтагматических и деривационных признаков, отмеченных для фразеологически связанного и свободно-неоматричного значения. Некоторые группы этих прилагательных при узкой сочетаемости имеют достаточно четкую парадигматическую завершенность и входят в состав синонимически парадигмы АСС (прямой, кружной, животворящий) – признак свободно-комматричного значения. У других групп однозначных узко сочетаемых прилагательных ослаблены парадигматические связи (так, прилагательные временной, заклятый, пунтыный отсутствуют в составе синонимических рядов АСС, что обобщает их со словами фразеологически связанного значения).

Промежуточность семантической позиции подобных слов, проявляясь в их типологии в поларных семантических типах, требует введения третьего измерения в характеристику типов лексических значений однозначных прилагательных, ибо деривационная значимость может изменять в соотношении между синтагматической и парадигматической завершенностью [Шендан 1973: 280]. В лингвистической литературе неоднократно отмечалась непропорциональность характеристики свободно-неоматричного значения непосредственно на основе предметно-логической закономерности, которые опосредуются системными лексическими связями, включающими слова в различные виды группировок, в том числе и по типам лексических значений. Споры на истинностно-статистические факторы для свободно-комматричного значения и системные лексические в установлении фразеологически связанного не расширяет семантической специфики однозначных слов как переводного класса. Системными регуляторами типологических характеристики однозначных прилагательных узкой семантики выступают деривационные отношения. Отношения внутрисловной, или семантической деривации и отношения межсловной деривации маркируют разные типы лексических значений. В первом случае эти связи выступают как сигнал внутрисловной максимизации лексико-семантического на рамках, семантического сдвига, детерминированного диффузностью компонентов смысловой структуры, связанных с формальной общностью и с определенной синтагматической позицией. Ср. замечание С.Д. Кардельсона: «известие звуковой формы существительным образом воздействует на смысловое содержание слова, вторгаясь в сферу семантики» [Кардельсон 1965: 61]. Отсутствие формально-семантической самостоятельности в разных плановых кодах в сферу фразеологической связанности прежде всего периферийные значения многозначных прилагательных. Известие складывается с ними в семантических признаках обнаруживают однозначные прилагательные с прототипной деривационными системами типа омертвения (мерть), безразмерные (чулок, носки), обложной (доща), светолюбивый (бумага, плетка).

интерпретирующий (вопрос), дварелистный. (В назв. раст.: слеза, жид, то-валл). Но самостоятельность формы и структуры производных слов, часто категориальные соотношения с исходными, что связано с множественным уровнем деривационных отношений, лишает признак фразеологической связанности единичные прилагательные, даже предельно ограниченные в сочетаемости. Лексема и лексема-семантическая вариант, очевидно, должны различаться по типологическим характеристикам. В данном случае обнаруживается семантическая значимость формальной самостоятельности единичных прилагательных и со стороны категориальной формы, и со стороны словообразовательной структурной организации. Близость подобных слов к словам свободно-комбинативного значения подтаждности и свободой значения слова, мотивирующая хотя бы в частично результативные единичные прилагательные (споро, размер, обложка, туфельчатый, свет, живо трепетать). Прозрачность деривационных связей относительных прилагательных при крайней замкнутости их семантики последовательно отражена в словарях толковых их основного свободно-комбинативного значения

«Завялый - 1. Провял, к жид, 3. вялым, 3. пропало» ,

«Звонкий - Прозв к звонк (в 4 знач.) 3. звонко,

«Подписной - полученный по подписке. П. изданий».

Слова при переводе количественных в относительные «Пальчатый (спец.), Покошый на пальц, П. ластык» Выразительность множественных деривационных признаков в лексическом значении прилагательных поддерживает их семантическую устойчивость, включая в круг слов свободно-комбинативного значения и обеспечивая свободную представляемость в синонимических парадигмах, члены которых выполняют классификационную функцию обозначения видовых различий определяемых.

Лазный – Спел, Насыщенный ланца (в 3 значении). Л. культиватор. Ларуан

Ланц – Слов. Изогнутый или распушенный концы разных инстру-ментов, приспособлений; самый инструмент с таким концом Ланца культиватора. Ланца гаргуна.

Характерно, что периферийное значение производящего существительного не присутствует развитием основного, свободно комбинативного значения единичных прилагательных, что естественно связано с множественностью обу-словляющих последнее признаков не сводимых только к зависимости от ис-ходного

Петруше видит, что в толковании существительного уже указана в виде родового обозначения синтагматическая форма прилагательного, т. е. в deriva-ции предпринимается в общем виде и синтагматический производного. Иллюстра-тивный материал даёт субстантивные словосочетания с родительным принадле-жностью, раскрывает пути их трансформации в адъективные словосочетания со значением «характеристика предмета по выходящей у него детали» Ещё более отчетливо связи деривационных и синтагматических характеристик, когда ключевые слова выступают непосредственно составляющими той семантиче-ской темы, которая дана в инициальном однозначном прилагательного

Лестничный – Отн-ся к лестнице. Л. ступени, Л. окно, Л. площадка, Л. клетка.

Ливневый – Спец. Отн-ся к ливню, дождевой, Л. вода.

Классификационная функция относительных прилагательных обеспечивает представленность морфемны преимущественно у слов этого разряда. Ср. **Лобачевый**, Относящийся к лобаче. Л. язык

2.1.2.3. Основные типы свободных значений качественных прилагательных

Лексически связанные значения качественных прилагательных как промежуточный тип между двумя полярными оказываются диффузными по своим признакам. Рассмотренные прилагательные обнаруживают ряд черт, из которых они облекаются со словами свободно-комбинативного значения: преобладание характеризующей функции, широтой для ЛПР качественных прилагательных, наличие отглагольных знамен в слове с достаточно широким возможным лексико-семантическим варьированием, правда, без той широты и разнообразия референтной приложимости, которая свойственна словам свободно-комбинативного значения, значительное роле в лексически связанных значениях реализуется специфицирующая функция, что связано с их преимущественной ориентацией на мир идеальных объектов. Однако в качестве вторичной эта функция представлена и у качественных прилагательных лексически связанного значения.

Лексически связанные значения обычно выступают в слове не изолированно, а сериями, будучи наиболее частотным типом в данном ЛПР. Понятийная четкость и определенность свободно-комбинативных значений, но вместе с тем и уязвимость как дублиров и выражения смысла какой-то одной ЛСТ, приложимость к этому смыслу уравновешивается адресованностью понятийного центра, свободной ассоциацией с разными ЛСТ у лексически связанных значений. Эта их некоторая «необязательность» «малость», связанная с функцией быть средствами вторичной номинации (функцией «дублиров» в каком-то смысле), обеспечивает их большую гибкость, предрасположен к множеству различных субъективных моментов. Известная «раздвоенность» лексически связанных значений свободно-комбинативная обуславливает эгзистенциальную, субъективную ориентацию значительной части этих значений и при наличии, и при отсутствии таковой у исходных для них свободно-комбинативных значений.

Функция спецификации облекает лексически связанные значения и со свободно-комбинативных, и с фразеологических связанными. В результате именно лексически связанные значения становятся основой арной мнурасловного взаимодействия качественных и относительных прилагательных обнаруживая семантическую диффузность этих разрядов. В отличие от свободно-комбинативных значений, специфицирующая функция которых охватывает лишь периферию значения, лексически связанные значения могут охватываться ею, как исходит из приведенного материала, в полном своем объеме, как и значения фразеологически связанные. Однако в отличие от последних специфици-

рующая функция не так жестко разведена с характеризующей у прилагательных лексически связанного значения, являясь для них вторичной ввиду того эгоцентризма, субъективной ориентации, с которыми речь шла выше. В силу отмеченных особенностей лексически связанные значения характеризуются широтой и разнообразием парадигматических обликов: хотя в минимумах, чем у свободно-комбинативных значений. Можно сказать, что смысл типов лексически связанных значений выступает в слове способом отражения субъективно-реальной семантики, свойственной ряду качественных и относительных прилагательных, что говорит в пользу функционального родства разных типов аналитической семантики, отражаемых в слове. Лексически связанное значение обливается с другими типами значений ввиду действия общего закона соподчиненности смыслов, ибо у слова *жужж* в системе номинативной обозначаются и его синтагматический связок [Уфимцева 1968: 229].

Противоположный, замкнутый характер лексически связанных значений отражается и на особенностях их синтагматизации. По сравнению с тем, чем у свободно-комбинативных значений, она представлена гомогенными, тематически замкнутыми ключевыми при отсутствии полных ограничений в сочетаемости. Эта особенность лексически связанных значений находит широкое отражение в способах их лексикографической интерпретации в словарях: дефиниции включают указание на тематические группы ключевых, в пределах которых обрывается значение лексически связанного типа.

Сквознойный —

«2 Не испытывающий волнения, тревоги и т. п., находящийся в состоянии душевного покоя. О человеке

3 Отличающийся спокойствием характера; уравновешенный. О человеке

4 Проявляющийся не бурно, сдержанный. О чувствах, переживаниях и т. п.

7 Ряд: Улюбный. Об одежде, мебели и т. п.

8 Приятный для глаза, но раздражающий. О цвете, свете

Тяжелый —

«2 Грубый, массивный, прогнивший или влажный металл. О человеке, о животном.

4 Личный легкости, быстроты, неуловимый. О поведении, движении. П Тяжелый, мрачный, густой. О чувствах, переживаниях и т. п.

Мертвый —

«3 Личный призрачно живая, пустой, бесплодный. О земле, равнине и т. п. // Личный движения; отсутствующий. О доме, улице и т. п.

4 Паря. Взорный, аллюзийный, тусклый. О свете. // Не образный, не выражающийся; безразличный. О словах, речи

5 Паря. Осторожный, дальний от жизни, бесплодный. О науке, знании и т. п.»

Тонкий —

«4 Очень небольшой по количеству, объему, состоящий из мелких или мельчайших частиц (обычно о сыпучих телах)

6. Высокий язычный, уточненный звук, знак и т п О пише, делье и т п. // Высокий, язычный О слове, выражении и т п.

Низкий –

«7. Простой, не торжественный; простонародный. Противопол. Высокий О стиле речи, жанре художественного произведения.

8. Густой, небольшой высоты. О звуке, тоне, голосе и т п. Противопол. высокой »

Ограничимся приведенными примерами, поскольку данный признак лексически связанных значений уже был предметом особого внимания в ряде предыдущих разделов работы.

Изоморфность синтагматических и парадигматических марбров типа лексически связанных значений особенно ощутима при синонимическом способе толкования, когда свободно-доминативный характер значения синонимы в толковании четко определяет синтагматику толкуемого, как при адгнате, так и при отсутствии синтагматических марбров.

Широкий –

«1. Не обделанный, просторный свободный Об одежде определенного покроя, фасона.

3. Занимающий большое пространство, обширный

4. Размахистый, свободный, крупный. О движении рук, походке, шагах и т п.»

Далее не всегда в толковании лексически связанных значений представляется синтагматические марбры, наиболее прозрачно выходящие тип значения. В подобном случае типизация ключевых осуществляется на уровне родовых сем тематических групп. Однако это не единственная возможность группировки родовых у прилегающих лексически связанных значений. Принадлежность единиц системно-структурных измерений типа лексического значения позволяет приблизить к такому рабочему критерию в анализе, как «размерность толкования в пользу синтагматических компонентов значения, выступающих эксплицитным выражением его типа. Этот прием позволяет обнаруживать внутренние механизмы смыслового согласования, не столь очевидные при отсутствии синтагматических марбров, проследить их действие на уровне не только родовых сем ключевых, но и на уровне субкатегориальных, индивидуальных (актуальных и потенциальных) в менее очевидных случаях. Типизация ключевых на уровне не только родовых сем у слов лексически связанных значений облегчает на первый взгляд не поддающуюся систематизации картину отбора определяемых для данного лексического значения. Результаты использования названного приема представлены выше в последовательной синтагматической аргу ментации «конструктивно» лексически связанных значений.

Рассмотрим другие примеры, где отсутствуют синтагматические марбры лексической связности значения. Дефиниция ряда значений прилагательного колданный позволяет выявить вторичными семы определения и определяемого

«3 Не излучающей тепла, не вызывающей ощущения тепла.» Сама «степлоизлучающая» предопределяет в синтагматике название источников тепла: «о солнце, луне, звездах, об огне, о свете, блеске, сиянии»

«4. Угнетенный теплоту; осыпанный вьетт просушительной названии того, что раньше было тѣплым – нагревательные приборы, предметы обихода, продукты питания.

Толкование «7. Палео закардидаций от холода, неутоленный» – предвещает в синтагматике название продуктов человеческой деятельности, предвещающих для защиты от холода (строительство, постройка, обмывание, одевая)

Рассмотрим семантические признаки, по которым объединяются ключевые у ряда лексических связанных значимой прилагательного члсткой:

«5. Имевший свободную, неограниченную поворота // Перен. Свободный, отщепеный от кого, чего-нибудь // Не имеющий морщин, прыщей и других недостатков – кожи // Не зашпаклеванной, не искусственной для письма, рисунка и т. п.»

При всём разнообразии ключевых их объединяет то, что это название предметов имеющих поворота, то есть локальная семы. Сама граница, конфигура, направление объединяет ключевые по значению

«7. Чѣткой, ясно очерченной, не расплывчатой Ч круг, профиль, манд, корд... Обычно о ветри (жизн)»

Лицо, его эмоционально-волевая сфера, «б» выражения, система артефактных категорий составляет содержание ключевых по элементно

«9. Врассветленно безупречный; правдивый, честный, бескорыстный»

Высказываемый параметр лица объединяет ключевые это значение

«12. Рязг. Липовый всего, не имеющий денег – копушество»

Лицо по темпераменту, интеллектуально-волевым признакам, убежденным – синтагматическая зона значения:

«13 Ч. сангвиния, гетельник, образец русского характера»

Абстрактная лексика синонимно-квалификационного содержания включает синтагматическую зону значения

«14. Только в и ф. рязг. Самый истошный, не дивящий возможности сомневаться в подлинности, искренности чего-нибудь»

Наконец, семы «стичный носитель признака, раскрываемая в предикативной функции, объединяет ключевые, определяемые словом «чистый» в значении:

«15. Только в полной ф. Простореч. Подобный кому-, чему-нибудь, совершенно чуждый из кого-, что и Ч заур, ч. порох, ч. Пашинин»

Во многих случаях семы количества, меры, степени проявления признака, связанная с представлением о качестве, ограничивает круг ключевых по лексическим связанным значениям

Таким прилагательным характерен в значении «3. Достаточно большой, значительный по количеству, количеству, основательный, солидный: х. урожай, дом, жалованье достатки, дело. // Достаточно большой по своей силе, интенсивности х. моря, крик и шум. Х. затер, затрещина. // Целый, полный Х. со-

на тонах, нефальной – «2 Нематематичный по содержанию, значению, качеству, силе» В синтагматике – лемма, объединенная субкатегориальнойемой абстрактности, допускающая количественную оценку выражаемых ею признаков содержания, значения, качества, силы. Смысл роли в этом, видимо, истрит способность каждого типа лексического значения качественных прилагательных называть качественной признак безотносительно к его количественной градации

По итогам анализа лексически связанных значений качественных прилагательных следует заметить, что их синтагматика в достаточной мере регулярна и предсказуема, о чём свидетельствуют не только экспансивные синтагматические маркеры в словарных дефинициях, но и рассмотренные выше способы интерпретации амбивалентных синтагм, подпадающих обобщению на уровне субкатегориальной и индивидуальной, а иногда и родовых сём ключевых. Синтагматические семы прилагательных, имея коммуникативную устремлённость, выражаются через классы слов, семантически согласуемые с прилагательными по определённым смысловым моделям, отражающимся в различии типов лексических значений сём. Эти различия и были предметом преимущественного внимания в настоящем разделе. Исследование свободных значений прилагательных в активном языке привело к любопытным выводам, что качественные прилагательные – основной центр развития свободных значений (76% общего количества устойчивых сочетаний), чаще всего – те, которые обозначают физические признаки человека и признаки, связанные с его отношением к другим людям [Чернецова 1981: 310] В русском материале преобладают лексически связанные значения, образованные в духовном мире лиц

Современные синтаксические представления свидетельствуют в пользу единства действия законов согласования смысла на уровне слов-синтагмем и слов-лексем. По наблюдениям Г.Я. Солганик [Солганик 1981: 61], на синтаксическом уровне отмечается отклонения обратного подобия распространяемого и распространяющего слова. «интенсиональная сема распространяемого слова как бы зеркально отражается в распространяющем». С точки зрения Г.А. Златовой [Златова 1981: 49], преобразование лексемы в синтагмему превосходит по высшему уровню абстракции, «отвлечение категориально-семантического значения от индивидуально-лексического, или, точнее, поднятие индивидуального значения на категориальную ступень» Такие категориально-семантические значения как значения подкласса конкретных индивидуализированных предметов лиц, явлений природы и т. п. оказываются релевантными и в установлении синтагматических характеристик качественных прилагательных в связи с необходимостью определения типа их лексических значений

Своеобразие типа лексически связанных значений обнаруживают способы создания у них синтагматической обусловленности значения, которые для качественных прилагательных здесь наиболее разнообразны и в некоторых отношениях общи с глаголом Широко представленная система субъектной ориентации лексических значений качественных прилагательных приводит к необходимости искать дополнительные средства размещения значений с общим или особым синтагматическими возможностями, и в этих случаях их

помощь денные приводит к выводу: Смысловые обусловленные (как и текстуально обусловленные) значения количественных прилагательных можно рассматривать как средство преодоления диффузности, прозрачности лексических значений в смысловой структуре слова.

Так, значение «12. Ряд. Личный всего не выходящий денег, изумство» – у прилагательного частый выдвиг диффузности синтаксических зон по целому ряду значений требует введения сверхфрагментов текста. «(Плехин садится утомлённой): – Готово Теперь чист мандат всё заложил что только было А Осер. – Ну, милашка, теперь мы вместе чиста будем, – объявил Горный Вострыга, – ушкин будет... Всё по манету продадут Мам – Сиб »

Эта ментальная, очевидно, обозначает редукцию текста до той формы, которая прояснит значение, снимает его неопределённость. Образуя на себе внимание в примерах в такой момент синтаксической обусловленности как основополагающее прилагательного в краткой форме в предельно низкой позиции. Только эта позиция, но с редукцией уже краткой формы отнесена и для других синтаксически обусловленных значений этого прилагательного:

«13 Только в п ф ряд Полностью соответствующий кому-, чему-н. по своим свойствам. Я был частый сытник; женой, женщиной и в то же время застывший С Ано ... он ещё оставался частотным гителльцем. Плехинко Дед Сынко был частотным образом русского характера. Паустово;

«15 Только в п ф Просторен. Подобный кому-, чему-нибудь, совершенно покойный на кого-, что-нибудь, Из Меташинского оно (кошотинное) сделало чистого зера Пыма. – В суходоле все соорилко?.. Голубе все были – частый порок Буши У тебя, брак, такое горно! Частый Шалтин. Камеране

Утрата вариативности формы способствует семантической стабилизации слова в необходимом значении то есть принимает форму как бы выходящего в содержательную характеристику типа лексического значения. Прилагательное серебряный, имея серию предельно характеризующих по своей функциональной устойчивости значений, определяет внутреннее качество человека и способы их внешнего выражения, тем не менее имеет лишь одно синтаксически обусловленное значение, требующее реализации в сверхфрагментном фрагменте для ограничения его от смежного

Ср.: «6. Сосредоточенный, частый вымысл-либо мысленно; задуманный, несомный // Выразительный мудрость, сложность и «7. Ряд Строгий, суровый, выскательный – А уж какой был сурыйный – боже мой! Мы дружили уж подводу к нему лету. Гл. Уси. – Вот ты про Аричкова чел... Он бы нам казал законн... – Верно! – добрытелно сказал вырак... – Тот сурыйный был Корю И интерес с флангического корабля дорно отменялся с нбн: – Серебряный адмирал в сирвадский, Нем.- Пробой. // Выразительный строгость суровость. (Фомусов): А дала! Что твой князь? Что граф? Сурыйный взгляд, красный нрав. Грб.»

Диффузными в пределах двухосевых семантик с признаками лиц мы ступает значение «7. Перен. Незаконный, некультурный, неграмотный» и «8 Перен. Непорочный, неблагословный» – прилагательного тёмный, ку-

дающиеся в текстовых ситуационаторах предложительского или сверхфразового уровня

Ср. «Это была тёмная личность, с которой ходили самые разноречивые слухи. Свидетельствовали, что знали его в Тамбовской губернии, что он спускал три больших сосиски и теперь живёт карточечно проку. Салт. Больше всех овладел свободой перушки Арзамасский – личность довольно темная, едва ли не шулер. Куур. Сучила, зато много, Варварина мужа, она и боится. Не верно ему Тёмный он человек. А. Толст.»

Для данного значения прилагательного нужно *оценить*, считать исключительным в качестве субъекта местоимение 1-го лица, возможное для реализации значения 7-го

Лексическое значение значения прилагательного темной. «? Обладающий хитрыми манерами, деликатный, уступчив» – реализуется обычно в позиции сказуемого при условии проницаемости существительных человек, дама, об их десемантизации свидетельствует инверсия с переноской ударения на определительное слово. Этим содержится отрицание в характеристике человека по его исключительным свойствам от указания на фантозмические признаки.

Семантически обусловленным предстаёт и значение прилагательного учёный «? Получивший урок, приобретший опыт в чём-либо, прочувствовавший. Ряз. в. Оно реализуется в предложительной функции в пределах сложного предложения или сверхфразового фрагмента, часто с местоимением 3-го лица, текстовыми актуационаторами (частными уж, уж, детерминантами), вводными в ситуацию, откуда и текстуальная привязанность значения

Прилагательное свободный, субъектно ориентированное по ряду своих значений, реализуется одно из них как лексическое связанное в условиях интуиции – или сверхфразового контекста, по преимуществу в предложительной функции и с указанием на причины в условиях проявления свободы

Последнее проявляется и за счёт уточняющих лексических указаний (в заключении, в шеп, под арестом), и за счёт привлечённых разных средств создания речевого контраста (сентенциальности и лексической): «? Находящийся на свободе не в заключении, не в шпору и т. п. Свора, но размеренный, в стил свободным. Миря. Я еду в Омск, – там моя родина.. Чувствую себя свободным, только что вспоминаю дымку. Куйбышев. (Семён): Он свободен. Он оказался включившимся в том, в чём его обманывали, и мы его отпустили. Света. Он всё ещё не мог освоиться с жизнью человека «не столь отдалённых мест» и посетил, как прежде, когда был свободным. Мам.-Сиб. Свободный, а в знач. сущ. Нет такого процесса, в котором, при столкновении интересов, свободный не брал бы верх над сильными. Чех. // Связанный с полуживым человеком, не заключённый в заключение шпору, под арестом и т. п. Не так ещё давно одна добродельная следственная жена приводилась на предель преступника, в настоящее же время присутствии женщины свободного состояния стало типическим для женщины Чех.»

Ср. критическая обусловленное значение этого же прилагательного «? Не связанный с кем-л. какому-л. отношению (любимым братным и т. п.),» – реализующиеся в текстовых указаниях на параметризмично лиц по

воду, предполагающих контекст предложения-высказывания или текстового фрагмента.

В отдельных случаях указание на текстуальную обусловленность значения просматривается в самом толковании: *подобный* – «2 Такой, как тот о котором шла, идёт речь». По этому способу образования синтаксической обусловленности (участие в средоточии соотнесения межфразовой связи) прилагательное облекается в глаголом. Облекает их и использование в ряде служебных слов: «*Подобный*... В знач. сравнительного союзного слова. В составе союзного сравнительного союза».

Синтаксическая обусловленность лектически связанных значений развивается также в случае многословия лектически связанных значений. Слободно-комбинативное значение прилагательного *сравнительный*: «1 Точно установленный, обобщенный; такой, который может быть определен, обозначен» – допускает в синтаксисе широкий круг определителей, но семантически субъекторными семантически существительных, но позиционно предлогически квалификация в соответствии с какой-то заданной программой: «а. мста, свет, талант, порядок фитнес-программы». Эпитетологическое значение «4 Предположительный известия; тот или иной, который» – только указывает на неопределенный признак, не требует его квалификации. Демонстрация прилагательного в условиях двусловного сочетания при сходной со свободно-комбинативным значением синтаксисом ведет к необходимости текстуальной обусловленности свободного значения.

Синтаксическая обусловленность значения качественных прилагательных может быть связана с расположением их в ряду однородных членов, где они принимают на себя часть семантической нагрузки оборота, не реализуемой в том же лектическом сочетании как синтаксическая парадигма: *золотой* – «9 *Золотым* ковшом, страдающим от холода. *Холодный* и *голодный*. О том, кто терпит нужду. Кто идет от столба прямо, тот будет голоден и холоден. из деревень тянулись без конца голодные и холодные люди». Таким образом, диффузность семантически зон ключевых у качественных прилагательных разрабатывается введением синтаксических ограничений и актуализацией дополнительной текстовой мотивации значения. Словное взаимодействие синтаксических факторов как способ дополнительной мотивации значения выступает общим свойством прилагательных слов – проявляется по своему коммуникативному предназначению, хотя виды синтаксической обусловленности различны и в зависимости от категориальной природы прилагательного слова, и в зависимости от типа его значения по лексическому измерению. Субституция на базе исходных лектически связанных значений также обнаруживает свою специфику по отношению к аналогичному явлению на базе однородных типов лексических значений. Для качественных прилагательных лектически связанных значений, в целом склонных к данному способу derivации, не характерно семантическое обертывание в предельно субституируемые единичных ключевых (тип «4 *Косой*, в знач. существительного Народное Поет О майне») Они тяготеют к обобщению, кондесации и субституции семантически близких ключевых исходного, обертывающих семантически родового или субъекторного ряда. Многие из таких суб-

стигматов имеют субъектную ориентацию, становятся назывными «параметризованного» субъекта. Ср.

Красные – «2. // Красные, в знач. сущ. Выг. Сторонники советского социалистического строя, коммунисты, революционеры; советские революционные воины»

Левый – «2. Левый, в знач. сущ. Тот, кто придерживается более радикальных, прогрессивных взглядов»

Правый – «2. // Придерживающийся более реакционных консервативных взглядов, чем основная масса членов партии или представителей политического, философского направления. Правые, в знач. сущ. // Враждебный политике коммунистической партии внутри своей партии. Правые, в знач. сущ.»

Старший – «4. Старший, ая, в знач. сущ. Лицо, обладающее как угодно большою властью, влиянием, гласностью»

Сильный – «4. Мощный, могущественный. Ирон. Сильные мира (сего). Сильный, в знач. сущ.»

Тёмный – «8. // Непонятный, недомыслие, подростковый Тёмный, в знач. сущ.»

Тонкий – «2. // Худой, тонкий, узкий в кости. Тонкий, в знач. сущ.»

Чужой – «2. Неродной, не связанный родственными отношениями. Чужой, чужая, в знач. сущ. 3. Не состоящий в близких отношениях с кем забыл, похоронил. Чужой, ая, в знач. сущ.»

Тяжёлый – «13. // Сильно, глубоко поражающий. О болезни, ране и т. п. Тяжёлый, тяжёлая, в знач. сущ.»

Дорогой, ая, оя, не – «2. В знач. сущ.»

Кривой – «4. Лицавший одного глаза; ослепший на один глаз. Кривой, ая в знач. сущ. о человеке»

Как показывают примеры, сама личь, представленная даже в оттенках значения, оказывается актуальной для субъективизации. (ср. активно используемый в разговорной речи субъективизат «сбрывало» с негативной, психоаналитической коннотацией)

Довольно продуктивным выступает в тип субъективизатов, возникших на базе основы отвлечённости, абстрактности личковых исходных прилагательных лексически сплавившего значения

Дорогой – «2. Любимый, близкий, милый; сердцу. Дорогой, в знач. сущ.»

Красивый – «2. Отличающийся красотой своего внутреннего содержания или формы. Красивое, в знач. сущ.»

Прекрасный – «3. Превосходное, в знач. сущ. То, что возмущает красоту, соответствует идеалу красоты»

Пустой – «6. Пустое, в знач. сущ. Что-л., не заслуживающее внимания, бесполезное, неважное»

Хороший – «6. Достигающий удовольствия, радости. Хорошее, в знач. сущ.»

Плохой – «6. Не представляющий хорошего, не удовлетворительный, печальный. Плохое, в знач. сущ.»

Серьёзный – «3. Значительный по теме, характеру, содержанию, не легкомысленный. Серьёзное, в знач. сущ.».

Известный – «3. Определённый, установленный... Известное, в знач. сущ. В математике – данная величина. Противополож. неизвестное, неизвестное».

Ср. «**Он** субъективный по usualному выде значение прилагательного **чужой** – «2... Чужой, в знач. сущ.».

Таким образом, качественные прилагательные лексически связанного значения обнаружили ряд признаков, по которым они в силу своей промежуточной позиции сближаются со словами свободно-номинативного значения преобладающе характеризующей функцией, характерной для ЛПР качественных прилагательных, наличие отнесенности значения в связи с достаточно широкими возможностями лексико-семантического варьирования (явно и с меньшей степенью референтной приложимости). Качественные прилагательные по своему лексически связанным значениям исключаются в парадигме, устанавливаемой по свободно-номинативным значениям слов ЛПР и тем самым переводят сложную схему связности, по комбинации свободно-номинативных и лексически связанных значений в смысловую структуру слова выступают способом связности и реальной реализуемости разных ЛСГ представленных в ЛПР качественных прилагательных и в лексической системе языка. Таким образом, изучение типологических значений слова позволяет глубже проникнуть в способы системной организации словаря через взаимодействие разных ЛСГ, но всегда опутное вне исторически-лексического установления. Лексически связанные значения качественных прилагательных обычно выступают не изолированно, а сериями, будучи наиболее частотным типом в данном ЛПР. Известная эмпиричность связанных значений свободно- номинативными как прямыми выразителями когнитивного содержания ЛСГ обуславливает акцентированную (в оценочных, синтагматических и др. маркерах) субъективную ориентацию значительной части этих значений и при наличии, и при отсутствии таковой у исходных для них свободно-номинативных значений.

Ср., например, гибридный:

«4. **Перек. Стойкий, непоколебимый; верный своим убеждениям. О человеке.**

5. **Перек. Неповторимый, неповторимый.** В синтагматике – абстрактная лексема, наивысшая степень эмоционального влияния, интеллектуальной деятельности человека.

6. **Устойчивый во штыкѣ**

В синтагматике преобладает абстрактная лексема с общей осмой способности быть основанным, опорой, примером.

«7. **Устойчивый, не колеблющийся, уверенный. О походке, движении.**

и т.п.

8. **Ясный, отчётливый.** О знаниях, сведениях и т.п. // Отчётливо представляющийся, хорошо знакомый кому-чт. что л.

9. **Резкий, прямой, отчётливый.** О чертах человеческого лица. // Прямой, ровный, уверенный. О почерке, рисунке и т.п.»

Серия лексически связанных значений, ориентированных относительно субъекта, развивает многие прилагательные, например, *мягкий, колючий, гибкий, свободный, тяжёлый чёрный* и т. д. (ср. падание или активизированность значений *чёрные следы/отпечатки, чёрные концы, чёрная магла, чёрный паук* Виноградской; предвосхищаем типичари ключевых в установлении типа лексически связанного значения выступает индивидуальный способ организации субстантивных парадигм и связанный с этим возможность параметризации субъекта (по его физическим, нравственным, социальным, профессиональным, возрастным и т. д. признакам), ассоциировано качество живых и неживых предметов в связи с кодами из этих параметров. Специфицирующая функция у качественных прилагательных лексически связанного значения представлена как вторичная в связи с их основной релятивной ориентацией. Эта функция обеспечивает связанный заголовок и со свободно-комбинативными, и с фразеологически связанными. Именно лексически связанным значением становится основной ареной внутрисловного взаимодействия качественных и относительных прилагательных, обнаруживая семантическую диффузность этих разрядов. Отличительное обуславливает и достоящую широту и разнообразие парадигматических объектов, хотя и меньше, чем у свободно-комбинативных значений (в количественном и качественном отношении). Смысл таких лексически связанных значений выступает в слове способом отражения субъектограмматической семантики ШП прилагательных, свидетельствуя в пользу активного вмешательства лексических факторов в грамматику. Производный, зависимый характер лексически связанных значений складывается на особенностях синтагматики, достаточно регулярной и предсказуемой, о чем свидетельствуют не только эксплицитные синтагматические маркеры в словарных определениях, но и возможность типичари ключевых и на уровне родовых сем, и на уровне субкатегориальных, индивидуальных (актуальных и потенциальных) сем.

Так, прилагательное *тихий*, в своём свободно-комбинативном значении сочетается с названными звукообозначениями, в лексически связанном значении характеризует лиц, производимых ими действия, движения, внешне проявляемых душевных состояний:

«2 Не производящий или почти не производящий звуков, бесшумный. // Не сопровождающийся звуками, протеканием без шума. // Бесшумный, бесшумный»

Ср. ещё лексически связанные значения этого прилагательного

«5 Бесшумный, спокойный, без тревог, пограссений» В синтагматике — обозначение эмоциональных состояний лица, его жизни, судьбы, в отсылках — места, времени, ситуации: // Мирный, без борьбы, волнений в обществе Т край. Т пара. // Тихий, который не претендует на превосходство, не требует большого внимания Т время Т дело Т Работа»

«6 Крепкий, смелый, спокойный // Выражающий спокойствие, крепость, смелость» В синтагматике — название лиц и живых существ, черт характера, их внешнего проявления»

«10. Валик, вобойки. О делах, торговле и т. п.»

«11. Совершенно тайно, незаметно для других»

В синтагматике – языковых действиях, поступках людей. Способность типа лексически связанного значения обнаруживается способом создания синтагматической обусловленности значения, наиболее разнообразное по данному типу значение у качественных прилагательных и в некоторых отношениях общее с глаголом. Утрата вариативности форм как признака синтагматической обусловленности служит способом стабилизации слов в несвободном значении, включая формальные признаки в содержательную характеристику типа лексически связанного значения. К синтагматической и текстуральной обусловленности лексически связанных значений качественных прилагательных предрастворивает необходимость предложительских и текстовых указаний на параметризацию субъекта, не всегда заданную в рамках двудольного словосочетания. Качественные прилагательные лексически связанного значения типичны к конденсации и субституции семантически близки ключевых, связанных смыслах рядового или субинтертекстуального ранга.

Преобладающий способ действия лексических закономерностей, связанный с широким ассоциативным сплывением смысла, объясняет возможность обнаружения признаков поларных типов лексических значений на участках максимального ослабления внутрислового смысла. На этих участках качественное прилагательное редуцирует признаки, создающие их «мысленный» статус, в частности, способность образовывать единичное высказание, синтагматического уровня; здесь она максимально приближена к компонентам фразеологии по способности создавать целостные комбинации, но ещё сохраняет статус слова (мертвый сон; темные дела, делания; крутая брава; проницательный взор, взгляд, тупая боль; «Фрунчак» немолк; армянской дуть, киска улыбка, усмешка).

По всем признакам, отнесенным для свободно-комбинативных значений, значения фразеологически связанные как поларный тип представляют собой вырожденные формы. Это относится к тужесть функциональной перестройки качественных прилагательных с их ориентацией преимущественно на специфицирующую тематическую функцию и вообще на разделение функций в выражении определительных отношений. Специфицирующая функция фразеологически связанных значений, будучи ориентированной на тему, движок, а не приписываемый предмету в акте предложения признака, включает возможность субституции уточнений признака и субъекта движком парадигматическим от копийной до разнородных, двудольно-сложнозначимых, редискуемых в строго подсловных связях. Качественные прилагательные данного типа значения с оценочно-характеризующей функцией входят в узкие по составу члены тематические ряды с ассимилированной синонимно-итероимическими связями, занимают периферийное положение в гетерогенных рядах (в АСС: беспробудный, непробудный, беспробудный). О планшета, планшета. 2. Взбитый, приторванный, торный. С сущ. путь, дорога, колея, русло и т. п.: не отличающийся своеобразием, оригинальностью). Вырождение свободы значения ощущается и в синтагматике фразеологически связанных значений в связи с их строго подсловными связями, со смысловым согласованием на уровне потенциальных или актуальных сем самого низкого ранга у ключевых. Дифференциация фразеологически свя-

ных значений не осуществляется на уровне категориальных, субкатегориальных, родовых сем ключевых. Субстантивация, как отражение сдвига значения закоммерности внутрисловной и межсловной деривации, имеет у качественных прилагательных фразеологически связанного значения ту специфику, что предстаёт способом сфразеования предельно узкого круга ключевых. Тенденция к стабильности, устранение множественности признаков выводит фразеологически связанные значения на позицию периферийных для ключевых по своей природе качественных прилагательных.

Таким образом, в явлении субстантивации отражаются основные способы типизации ключевых исходного прилагательного в соответствии с типами самостоятельных ему значений.

2.1.1.3. Основные типы несободных значений относительных прилагательных

Далее, качества, ведущего, главного члена противостоятелю ЛПГ столь сильно, что обуславливают среди значений относительных прилагательных много «экзотричности» для ряда качественных значений. В целом же лексически связанные значения, как не это указывалось при анализе качественных прилагательных, – основная зона взаимодействия ЛПГ со всей сложностью и разнообразием отношений, которые при этом возникают. Часть лексически связанных значений, подобно свободно-номинативным, ориентирована на основную функцию разряда:

Колхозный –

«1. Основывающийся на колхозах, колхозной форме сельского хозяйства.

К. деревня К строй.

3 Направленный на создание колхозов К путём

Материальный –

«1. Имеющий осязаемую форму, вещественный, предметный.

3 Только в и ф. Натуральный; связанный с материальным собственностью с доводами или заработком, с деньгами

Полетический –

«1. Относящийся к полетике (в 3-м знач.). П. заключенный, осыльный, осылка, тюрьма, пашнина. Полетический, –и в знач. суф. з

Плановый –

«1. Осуществляемый по заранее выработанному плану (во 2 знач.); основанный на планировании. П. строительство, снабжение, руководство, хозяйство

3 Предусматриваемый планом (в 1-м и 2-м знач.), определяемый планом (во 2-м знач.) П. площадь посева, ремонт, предложение, система

Рабочий –

«1. Производящий плановую работу, используемый для производства плановой работы. О животных, насекомых.

3. Приводящий что-либо в действие, обеспечивающий действие, функционирование чего-либо

Другая часть выполняет только вторичную функцию характеристики, причём различие это может затрагивать смысловую структуру одного и того же относительного прилагательного

Бумажный –

«2. Бюрократический, чиновничий, канцелярский.

3. Сделанный из бумаги (в 4-м знач.) Б. шапка, шляпка

Каменный –

«2. Сделанный, построенный из камня, кирпича. 3. Перен. Неподвижный, устойчивый, безмятежный. К. раздумье, лицо, чистых дум, сердце...»

Ледяной –

«2. Очень холодный, холодный, как лёд

3. Перен. Безразлично холодный, приводящий в оцепенение

4. Похожий на лёд с трещинами. О сердце стужа и издрывах на него»

Школьный –

«Сделанный со школьником, школьником.

3. Перен. Не отличающийся самостоятельностью, ученической, не подкреплённый жизненным опытом»

Многие лексически связанный значения склонны к семантизации функций с развитием количественной качественности, диффузности качественностно-относительных значений.

Сельский –

«2. Такой, как в селе, не городской С. население Севериано с. характер (храм, герольд)»

Семейный –

«2. Относящийся к семье, связанный с жизнью семьи, в семье С. обязанности, жизнь, воспитание, узы, счастье, радость, драма, комедия.»

Высший –

«3. Предназначенный для высшего общества, принадлежащий, вышний (о платье, обуви и т. п.)».

Металлический –

«3. Свойственный металлу, такой как у металла. М. звук, вкус, блеск, голос...»

Музыкальный –

«2. Способный к музыке, тонко понимающий её М. слух. очень м. Ма. хит, м. душа, он музыкант»

Национальный –

«2. Свойственный данной нации, народности, выражающий её характер, особенности. Н. тип, характер, культура, чувства и убеждения, одежда, цвет, манера, язык»

Северный –

«2. Относящийся к народам севера, свойственный им по виду, характеру, быту, культуре и т. п. С. равнодушны, с. тип, вид»

Южный –

«2. Относящийся к народам, свойственный им по виду, характеру, быту, культуре и т. п.»

Домашний –

«2. Семейный, частный. Д. традиции, воспитания, о плетях, обуви и т. п.

3. Часто бывающий у кого-л.; свой, близкий. Д. человек»

Замужней – «1. Относящийся к замужеству. 3. жена»

Общность с количественными прилагательными в сфере лексически связанных значений порождает субъективную ориентацию многих из них.

Бесной –

«4. В просторечии. Бойкий, энергичный. Б. пареня»

Братский –

«3. Товарищеский, дружеский»

Гражданский –

«1. Относящийся к солидарному гражданину, свойственный ему»

Детский –

«3. Перед. Небрежный, наивный»

Дипломатический –

«1. Принадлежащий, свойственный дипломату (во 2 м. знач.), уклончивый, двумысленный. Д. выражения. Д. болтовня»

Часто сохраняется сорейность лексически связанных значений, с включением разных «направлений» лица, субъекта (физического, морального, интеллектуального и др.):

Нарейный –

«2. Относящийся к передовым идеям, передовой»

5. Ряз. Не связанный с личными выгодами, интересами, бескорыстный»

Железный –

«3. Перед. Сильный, крепкий»

4. Перед. Неповзвешенный, непреклонный, твердый»

5. Перед. Жесткий, суровый»

Мерныйный –

«2. Соответствующий требованиям морали, отличающийся высокой нравственностью»

3. Только в и ф. Связанный с духовной жизнью человека (противополож. физической)»

Массовое овладение относительных прилагательных в их лексически связанных значениях приводит слова к включению в типичные для качественных прилагательных парадигмы (иногда сразу в 2) в роли периферийных членов и проясняет сам характер этих парадигм, специфических по преимуществу, связанных с предельно широким применением свойства; человеческий вклад в парадигму обозначенной прилагательного лица по его отношению к людям (опытка лица с точки зрения моральных норм)

«3. То же что неволевым, гуманным»

В смежные парадигмы относительных прилагательных, сложившиеся на основе сходства производимого значения, вкладает прилагательное «близкий» по своим лексически связанным значениям

«4 То же, что шелковистый: Ш волосы, бумага, мурина // Перен: Риз Милый, нежный. Ш расположение духа, сердце у тебя м.

5. Перен: Риз: Кропоткий, послушный. О человеке.

Ср. ещё лексически связанные значения, по которым относительные^С прилагательные входят в оценочные парадигмы, ориентированные относительно субъекта

Стальной –

«3 Перен: Крепкий, сильный. С мускулы, судачка, нервы. // Непреклонный, непоколебимый, стойкий. // Твёрдый, упрямый О голосе. // Жёсткий, холодный, недружелюбный О взгляде»

Солнечный –

«4 Перен: Светлый, радостный // Выражающий весёлое, радостное настроение»

Творческий –

«2 Способный творить (в 1-м знач.), творческий, создающий»

Туманный –

«3 Перен: Склонный к идеалистическому или романтическому восприятию и истолкованию окружающего, иллюзий вольное представление о себе»

4 Грустный, печальный, мрачно настроенный»

Многие из относительных прилагательных констатируют цвето-цветовую парадигму, сама совмещённость данных смыслов в одном значении выводит их на периферию ЛСГ качественных прилагательных,

Серебряный –

«3 Перен: Цветом или блеском напоминающий серебро, блестяще-белый»

Солнечный –

«5 Ярко-жёлтый с золотым отливом, похожий цветом на солнце»

Светлый –

«1 Похожий на свет, подобный свету (блеском, блеском и т. п.).»

Туманный –

«2 Лишённый яркости, мутный, тусклый»

5. Непочётливо видный, слабо различимый, неясный, расплывчатый. Т очертания, призрак, силуэт»

Стальной –

«2 Светло-серый с серебристым отливом, цвета стали»

Вторжение качественности в сферу лексически связанных значений относительных прилагательных приводит и к таким особенностям синтаксического поведения, как употребление в предикативной позиции, в ряду однородных членов предложения и в сложном случае и тематической связности высказывания

Ср

«Было что то радостное, приятное, почти не передаваемое словами. Воспоминания о событиях были приятны... Лица были приятны, приятными»

Ледяной –

«4 Половой на лёд с трещинами. О сорте стекла и изделиях из него»

Молочный –

«2 Выжаренный мясом, пшеничный мясом. О исходных ингредиентах»

Нервный –

«5 Только в и ф Полный трюк, бесповторный. О работе, технике и т п»

Ночный –

«3 Расстреливший ночью О расстреле»

Прямой –

«2. Такой, которым человек обладает с самого рождения, врождённый О каком либо качестве, способности». (Ср конкурсовую с синтагматическим предлогом «тесно» указание через уже существующий прилагательный: «3. По рождению принадлежавший к какой-либо местности, стране, сословию и т п исходной коренной»)

Рабочий –

«4. Производящий полезную работу, используемый для производства полезной работы. О животных, насекомых»

Сердечный –

«3. Откровенный, добрый, чуткий О человеке, его деятельности»

Серебряный –

«4. Паря. Мелодично-звонок, высокого тона. О голосе, свисте и т п»

Шёлконый –

«5 Паря. Ряз. Кропот, послушный. О человеке»

Таинственно-истеричные смысл оказываются возможными и при столе стили в толковании синтагматических марбров

Заводской –

«2 Относящийся к заводу (Л. Завод – во 2-м знач.)»

В синтагматике – обозначение западей

Мясной –

«2 Сливочный, приготовленный из мяса, с мясом»

В синтагматике – название продуктов питания, блюд

Музыкальный –

«3 Напоминающий музыку, приятный для слуха; мелодичный»

В синтагматике – существительные с общей семой «музыка

Нервный –

«6 Перывистый, судорожный, рожий»

В синтагматике – слова с общей семой «двигательные

Планиный –

«6 Осуществляемый по заранее выработанному плану (во 2-м знач.), составленный на планирование»

В синтагматике – абстрактная лексика с общей семой «человеческая деятельность

Соседний –

«1. Живущий по соседству с кем-либо

В синтагматике – название лиц;

Трудовой –

«1. Живущий заработком от своего труда, трудящийся, работающий»

В синтагматике – название лиц и их группировок

Коммунистический –

«1. Проникнутый идеями коммунизма, выражающий и осуществляющий

идею

В синтагматике – название социально-политических объединений, организаций

Во всех случаях синтагматическая зона относительных прилагательных согласуется с тем или иным словом производящего и часто не поддается обобщению или опоры на эти смыслы, скрытые или явные. Так, разные смыслы производящего «история» лежат в основе лексически связанных значений прилагательного исторический:

«1. Относящийся к прошлому того или иного народа» (синтагматика организует временной слог производящего)

«4. Изобразивший, описавший людей или события прошедшей поры (ключевые обобщения собой изобразившие производящего)

«5. Изысканий важнее значения» (В синтагматике – не конкретно предметная лексика, согласуемая с одноклассным значением прилагательного возникшим на базе смысла общезначимости у производящего).

«6. Связанный с развитием, непрерывным развитием». В синтагматике – ключевые, реализующие тему процессуальности производящего.

«7. Относящийся к науке о прошлом, с ней связанный». В синтагматике – название того, что может относиться к истории или науке «И Относящийся к истории» (в 1-м и 2-м знач.) как способ исследования». В синтагматике – ключевые, связанные собой «способ исследования» существительного «история»

Таким образом, историческая концепция, выражаемого производящим, так или иначе производится в производном, в том числе и в синтагматике по его лексически связанным значениям Ср ещё:

металлический – «2. Относящийся к металлу, металлам; связанный с обработкой металлов. В синтагматике – ключевые, обуславливаемые собой «сферы» производящего существительного

Аналогично одно из лексически связанных значений прилагательного **серебряный, стеклянный** и др.

Технический –

«4. Связанный с техникой, формальной стороной какого-либо дела, не основной, вспомогательный». В синтагматике – обозначение деятельности и деятелей

«5. Служ. Подлежащий использованному или обработан в промышленности, в синтагматике – название сырья и материалов как необходимого компонента в технике, промышленности.

Местный – «3 Относящийся к отдельной части какого-либо целого, в семантике – отличительное, часто отличительное ключевое с осевой «локального действия» (локальная осевь унаследована от производного).

Семантическая осевь существительного **октябрьский** отражена в лексическом связном значении производного **октябрьский**

«2 Относящийся к Великой Октябрьской социалистической революции в октябре 1917 года»

Ассоциативно-связанная со словом «октябрьский» локальная осевь организует семантику прилагательного **снежный** в значении «2 Покрытый снегом. С равнина, улица, хребты»

Количественная осевь существительного «масса» организует семантику деепричастия **массовый** в значении «4 Производимый, совершаемый в большом количестве, в широких масштабах».

Молочный – «4 Сделанный, приготовленный из молока, с молоком, в семантике – название блюд, кушаний, связанных с осевой «продукт питания» у производного

Семантическая согласованность на уровне субкатегориальных осевь ключевых представлено у относительных прилагательных лексически связанного значения **реже**, чем у количественных прилагательных типа, что также объясняется «связывающими» семантику ключевым производного

Ассоциативно-derivационные связи субкатегориальных с относительными прилагательными лексически связанного значения также отражают конденсацию преимущественно семантических блоков ключевых, **реже** – отдельных **блоком Ср:**

«3 **Домашний**, в знач. сущ. Члены семьи; лица, живущие с кем либо вместе; село, близкое»

«2 // **Состоящий** в партии (во 2-м знач.), **являющийся** её членом **Рег-Партийный, партийный**, в знач. сущ.»

«2 Относящийся к политике (в 3-м знач.) **Политический, политическая**, в знач. сущ.»

«6 **Любимый, возлюбленный Сердечный**, в знач. сущ.

7 **Сердечная**, в знач. сущ. При ласково-сопоставительном обращении к кому либо

«2 **Мясной**, в знач. сущ. Кушание из мяса, с мясом

«Молочное, в знач. сущ; Пшца, кушание из молока, с молоком. **Молочная**, в знач. сущ. Рег

а) Магазины по продаже молока и молочных продуктов,

б) Помещение для переработки и хранения молока»

«2 **Вызывающий** заблуждения **верный**, возникающий на почве расстройства деятельности нервной системы. **Нервный**, в знач. сущ.»

«2 Относящийся к прогрессу **Прогрессивный**, в знач. сущ.»

«2 **Вызванный** перед этим, предшествующий настоящему **Предыдущий**, в знач. сущ.»

«**Сердечное**, в знач. сущ. – связанное с чувствами настроенными, нервными человека»

«3 // Объединяющий и координирующий какую-нибудь деятельность
Центральный, в знач. сущ. Ряз.»

«3. То же, что человеческий, гуманный. Человеческое, в знач. сущ.»

«4. Связанный с действительным в естественных, природных условиях. Полевые в знач. сущ. Проблема и заработной плате...»

До сих пор предметом рассмотрения были в основном те признаки лексически связанных значений относительных прилагательных, по которым они обобщаются с качественными. Однако специфика ЛПР в сочетании с ней является деривационными импульсами весьма также накладывающей свой отпечаток как на характер лексически связанных значений, так и на их отличие от свободно-комбинативных в кругу относительных прилагательных. В этом плане обнаруживается влияние на тип лексически связанного значения места производящего в деривации, отраженная связность значения, суффиксы, элементность характера синтаксических отношений производящего, отражаемых в производном, отсутствие конформации производящих слов как фактора порождения семантически значений относительных прилагательных. Рассмотрим примеры отмеченных значений. Существительное *вбейте*, имея свободно-комбинативное значение тем не менее порождает лексически связанное значение *древятого*.

«3. Имевший отношение к бою, сражению, приближеннейший для бою, тогда как свободно-комбинативное значение прилагательного *боевой* обусловлено глагольным значением»

«1. Имевший отношение к войне, к войску; военный»

Ср. *вой* значение исходных гетерогипонимов (родственный, брат, товарищ, друг) на темологической основе прилагательного *братский*

«1. Принадлежащий, свойственный брату, относящийся к брату; родственный»

2. Товарищеский, дружеский»

Лексически связанные значения по склонности конформировать значения разных, хотя и однородных слов, тем более слов разнородных; те и другие являются то элементом своего значения входят в разные значения прилагательного

Ср. *ширше*
двоянический –

«1. Относящийся к *двоячку*, отраженный об.

2. Относящийся к *двое*»

Творческий –

«1. Способный *творить*, (в 1-м знач.) *творить*, *создающий*, *созидательный*»

3. Относящийся к *творцу*, свойственный ему»

Школьный –

«1. Связанный со *школьником*, *школьничать*»

Растительный –

«1. Живущий, обитающий на *растении*, *растениях*»

3. Связанный с *растур* организмов»

Рабочий –

- «4. Относящийся к **работе**
- 5. Относящийся к **работнику**

Столовый –

- «3. Относящийся к **столу** (в 3-м знач.), предназначенный для питания
- 4. Относящийся к **столовой**, предназначенной для еды.

Как и в свободно-помноженном значении, сохраняется нейтрализация значений производящего по числу. Одно значение производящего может «распределяться» в качестве мотивирующего между разными по типу словосочетаниями значениями относительного прилагательного

Письменный –

«1. Относящийся к **письму** (в 1-м знач.) и **письменности** (в 1-м и 2-м знач.).

- 2. Служебный, предназначенный для **письма**, **писания** (в 1-м знач.)
- 3. Выраженный средствами **письма** (в 1-м знач.); **информационный**
- 4. Свойственный **письменности** **информации**

Человеческий –

- «1. Относящийся к **человеку** (в 1-м знач.), принадлежащий ему
- 2. Свойственный, присущий **человеку** (в 1-м знач.)»

Шерстяной –

- «1. Относящийся к **шерсти** (в 1-м и 3-м знач.)
- 2. Связанный с переработкой **шерсти**, с **торговой шерстью** (в 3-м знач.) и т.п., а также с изготовлением изделий из неё
- 3. Сделанный, приготовленный из **шерсти** (в 3-5 знач.)»

Таким образом, если свободно-помноженные значения относительных прилагательных строятся в основном производящих слов и их значений, то лексические связки подчеркнуты и иной тенденцией – к дифференциации мотивирующих слов и их значений:

Ср. ступ.

лесной –

- «2. Относящийся к **лесу** (во 2-м знач.)
- 3. Связанный с **лесоводством**

Ленинский –

«1. Связанный **В.И. Лениным**, связанный с личностью, жизнью, учением **В.И. Ленина**

- 2. Соответствующий принципам **ленинизма**

Общественный –

«5. Организационный, предназначенный для обслуживания членов общества, коллективов, организаций.

- 8. Относящийся к обществу, общине; **общинный**

Материальный – «4. Свойственный **материальности** (во 2-м знач.)

Отраженная связность значений относительных прилагательных, специфичная для данного ЛПР, возникает как следствие метонимических отношений в смысловой структуре производящего. Так, отнесения включена, пре-

отраженной семантикой значений слова «земля» обуславливает отраженную лексическую связность значений параллельного земной.

ЗЕМЛЯ

2. Только од. Верхний слой земной коры, почва, грунт
4. Ед. и мн. Суша (в отличие от водной поверхности)

ЗЕМНОЙ

2. Относящийся к земле (во 2-м знач.)
3. Относящийся к земле (в 4-м знач.). Противополож. воздушный и водный

В последнем примере ошутимо также и влияние грамматического строения параллельного на параллельно производного в его лексически связанном значении.

Ср. ещё отражение метонимов производного в лексически связанных значениях производного.

Бумажный –

«1. Сделанный из бумаги (в 4-м знач.) В т.ч. также Лексическая связность значения производного свойственна материалу и предназначению этого материала в их обозначении существительным бумага (проба из лозняка)

Западный –

«2. Относящийся к Западной Европе

Мировой –

«2. Относящийся к земному шару, охватывающий весь земной шар, все народы земного шара (обязательно коннотативное значение параллельного соотносено с существительным мир как вселенная)

Ядерный –

«1. Относящийся к ядру (в 1-м, 2-м и 5-м знач.),

2. Относящийся к процессам, происходящим в ядре (во 2-м знач.), связанный с этими процессами.

Партийный – «1. Только в п. ф. Относящийся к партии (в 1-м знач.).

2. Только в п. ф. Относящийся к партии (во 2-м знач.), связанной с её работой» (т. е. в ВКП(б) – КПСС)

Химический –

«1. Относящийся к химии связанный с ней

2. Относящийся к веществам, изучаемым химией.

3. Связанный с применением методов химии в производстве, в различных отраслях хозяйства

Столовый –

«1. Относящийся к столу (в 1-м знач.)

2. Предназначенный для обеденного стола, употребляемый во время еды.

3. Относящийся к столу (в 3-м знач.), предназначенный для питания

Лексически связанные значения относительных параллельных отличает достаточно широкая их представленность и соответствие с первичной функцией

ей спецификации в тематически ориентированных парадигмах, в номинации объективных свойств предметов определённого класса.

Частный –

«2... не общественный, не государственный»

3... **личный**

Экономический –

«2... **хозяйственный**»

Срочный –

«2. Ограниченный определённым сроком, подлежащий определённому сроку. С огула, зёма, вклада, службы» (ср возможность гипонимии со словом **бессрочный**).

Сельский –

«3 Земледельческий, охотско-охотничий Чехословацкий и представлял страной аграрной, охотской»

Семейный –

«3 То же, что **семейственный** (в 3 м зема)»

Палатный –

«2... **дворцово-хозяйственный**

3... **дворцовый**

5 В речи охотников – **охотничий**»

Промышленный –

«2... **промышленный**»

Национальный –

«3 **Государственный**»

Местный –

«2... Не общегосударственный»

Материальный –

«3 **Натуральный**»

Гражданский –

«4 Невосный... военный и гражданский клуб, г служба – **штатская** (в отличие от военной службы)»

Столовый –

«3. В хозяйственном отношении сорта картофеля делат на **столовые, кормовые, заводские** и **универсальные**»

Таким образом, взаимодействие семантики парадигм в сфере лексически связанных значений обуславливает вхождения относительных по исходной ориентации прилагательных в парадигмы разного типа (и синтаксически, и диалектически) по разным признакам

Синтаксис ЛПУ относительных прилагательных в их лексически связанных значениях проявляется и в образовании широкого спектра синтаксических значений производящего, но в отличие от свободно-инвариантных значений с разными случаями их осознанной передачи одним значением производного. Среди семантических равнозначностей порядкительных отношений – определение по обладанию неотчуждаемого свойства.

молочный –

«3 Цветом подобный молоку, белого-белый»

Серебряный –

«3 Перек. Цветом или блеском напоминающий серебро, блестяще-белый»

Снежный –

«4. Похожий на снег, подобный снегу (белый, блеском и т. п.)»

Фруктовый –

«2. Приносящий фрукты (в I-м знач.), с фруктами, ф. деревья ф. сад»

Ср. также субъектно-определятельное значение, накопившееся прилагательным

коллективный –

«2. Производный коллективом общей совместной К. руководства, в работа, договор, контракт»

Общественный –

«6. Производный обществом, общественностью, средой по отношению к чему, чему-либо»

Определяется по значению, цели

боевой –

«2. Имелый отношение к бою, сражению, предназначенный для боя»

Выходной –

«3. Предназначенный для выхода в общество, праздничный (о платье, обуви и т. п.)»

Детский –

«2. Предназначенный, устроенный для детей; обслуживающий детей»

Массовый –

«3. Предназначенный для широкого масс, большого количества людей»

Письменный –

«2. Служащий, предназначенный для письма, писания»

Световой –

«4. Служащий для освещения С. лампы»

Столовый –

«2. Предназначенный для обеденного стола. С. скатерть, сервиз, белая, ложка»

Определяется по количеству, исключительному предмету пищи, молочной, фруктовый (о пище, блюдах)

Определяется по принадлежности

массовый –

«2. Принадлежащий широкой массам, представляющий собой массы»

Национальный –

«3. Государственный, принадлежащий данной стране»

Определяется по сфере действия, состоянию

морской –

«2. Связанный с плаванием по морю»

Общественный –

«2. Отражающий отношения, положение людей в обществе, в их деятельности в процессе материальной и духовной жизни общества.

4. Направленный на удовлетворение материальных и духовных потребностей общества, связанный с обслуживанием политических, профессиональных, культурных и т. п. нужд общества, коллектива.

Палевый –

«2. Связанный с работами в поле, сельскохозяйственной

3. Действующий, употребляемый, используемый в боевых условиях, походный.

4. Связанный с действиями в естественных, природных условиях.

5. В речи сплетков – сплетничать

Практический –

«2. Занимающийся непосредственным делом руководством или, наоборот

На обстоятельстве значимый с помощью относительных прилагательных неясно связанного значения передается временем (ночной, сентябрьский и др.), доказательное

растительный –

«2. Живущий, обитающий на растениях, растениях, воздушный, центральный и др., орудейное

световой –

«3. Производимый с помощью света. С. знаки, с. эффекты // Действующий с помощью света, посредством света. С. сигналы.

Завтрашний –

«3. Действующий при помощи электричества Э подвывает, закон, печь, яхта

4. Служащий для производства аппаратуры, машин и т. п., действующий с применением электричества.

5. Связанный с использованием электроэнергии

Письменный –

«3. Выраженный средствами письма (в 1-м знач.), письменный, значение означения, обусловленности.

взланный –

«2. Основывающийся на волнообразной форме сельского хозяйства К. деревня, к. строй

Научный –

«2. Построенный на принципах науки и социализма, и гуманизма, и творче

Плановый –

«3. Предусмотренный планом; определяемый планом. П. площадь поля, п. ремонт, п. продолговатая, п. система

Нервный –

«2. Только в полной форме Вызванный возбуждением нервов, возникший на почве расстройства деятельности нервной системы

3 Только в полной ф. Связанный с раздраженным, возбужденным нервом Н. настроение, состояние, бесповоротность, возбуждение...»

Как вытекает из анализа материала, и в плане перевода лингвистический материал соотношений производящего на уровень слова лексически связанные значения обнаруживают черты общности и со свободно-комбинаторными (широка охвата лингвистического соотношений), и с фразеологически связанными (стремление к выделению каждого вида лингвистического соотношений и пределы отдельных значений производящего)

Категории употребления относительных прилагательных фразеологически связанного значения запрограммированы пословно, предсказуемы и конечны для данного языкового состояния. Функциональная однозначность фразеологически связанных значений обуславливает редукцию парадигматических связей, выделенные в рассмотренный типологический или диалектно-стилистический парадигмы с основным перечисленным ключевым

Ср в БАС.

молочный –

«5 То же, что молочный (в 3-м знач.) М сок сладость Спец. Молочно-восковая сладость М. губки,

стеклянный –

«5 Стеклоязычные губки Отряд морских животных из класса губок. »,

всемирный –

«2 Физ. Закон всемирного (всеобщего) тяготения,

братский –

«3 Царя Приведенный брату, относящийся к брату (в 4-м знач.), монашеский. Братская община – религиозная община, ограда,

гражданский –

«5 Нижегородский, сибирский (устар.), духовные и гражданские обязанности, духовное и гражданское ведомство. Г. азбука, печать, почта, почтмейстер, шашка, брань,

моральный –

«М кино, м. снимки (машин). Параллель с физическим киносом органы производства подвержены также моральному износу,

революционный –

«3 Спец. Основанный на внезапном скачке, который прерывает постепенное развитие и приводит к качественным изменениям в чем-л. Р развитие превращения, переворота (ср. эволюционный в качестве типичный).

Как видно из приведенных примеров, семное согласование относительных прилагательных фразеологически связанного значения, как и единичных качественных осуществляется по индивидуальным словам ключевых. Семн категоризованного и субкатегоризованного ранга не создает дифференцировки фразеологически связанных значений

Ср еще

выходной –

«2 Отпускной свободный. В пособие. Устар В Классе,

личной –

«4. Выраженной категории грамматического лица. II окончания глагола. II. Местоимство».

местный – «М падеж. Падеж, отвечающий на вопрос: где? в каком месте? (в русском языке употребляемый только с предлогами и потому получивший название предложного)»

Толкование любознательно и как отражение деноминационного характера синонима, и потому, что эксплицирует мотивацию прилагательного исходным суффиксальным (даже в случае фразеологической связанности значения первого)

Относительные прилагательные фразеологически связанного значения, как и качественные, характеризуются максимальным разведением функций, что подтверждается очень редкими для этого разряда случаями реализации релятивной, оценочно-характеризующей функции по данному типу значения:

стеклянный –

«4 Пары: Неподвижный, олимпийский, безжизненный. О глазах, взгляде»;

животный –

«3 Пары: Важный, весьма существенный. Ж. котры, котросяе,

растительный –

«Растительная жизнь, образ жизни, существование. Жизнь без духовных интересов»;

женский – «Немецкая аккуратность. Чрезмерная педантичность в чем-л.»

Еще более уникальны возможности субстантивации по этому типу значения в кругу относительных прилагательных

выходной – «6 личн. суф. – лицо, получающееся выходным» (д. свкт.)

«Выходные, в знач. суф. (о деньгах, пособиях)»

Таким образом, в зоне фразеологически связанных значений семантика ЛПР концентрирует слабо

В характеристике свободно-номинативных значений относительных прилагательных отмечается такое их качество, как семантическая емкость, емкость значения, определяемые взаимодействием разнонаправленных семантических значений производящего с собственно лексическими факторами. Эта семантическая многозначность устраняется во фразеологически связанных значениях. Ее утрата сопровождается с выходом знака отношения не к ряду субстанций, обозначенных производящим (производными), а строго к одной из них, что исключает такой прием создания семантической емкости, как формально-содержательная нейтрализация исходного. Так, фразеологически связанное значение прилагательного электрический ориентируется на основное значение слова электричество (форма электр.) и его скрытую сему «источник энергии: 6. Обладающий органом, производящим разряды электричества. О рыбах. Э. свкт, рыбы, угорь, органы» Скрытая сему «форма светотехники» основного значения существительного содши лежит в основе фразеологически связанного значения прилагательного светочный – «6 Со-

Ср

приводной –

«Д Действующий с помощью привода (в 3 и знак) П. микрот, насос, электродвигатель»

3. Спец. Предназначенный для выведения самолета к заданному аэродрому при отсутствии видимости земли путем использования радиосигналов. П радиостанция, радио»

Ср. в [Словарные материалы – 78] реализацию оружейного значения

попный – «Н. ориентация, система ориентации с использованием потоков воздуха»

Кабельный – «К телевидение. Передача изображений на расстоянии по проводу»

Телевизионный – «Т. сторик. О телевизионном наблюдательном пункте для обнаружения очага лесного пожара»

Цифровой – «Ц телевидение... Здесь цифровой о телевизионном изображении передается с помощью цифрового кода»

В настоящее время мы наблюдаем расширение контактов употребления этого прилагательного и, возможно, изменение типа его лексического значения (ср.: цифровой фотоаппарат и др.), как и в ряде других случаев, связанных с моментом разрыв и их научным представлением. Электронный – «Э был. Эки, созданный на основе электронных устройств и способный измерять звуковые колебания большого остроты»

Отмеченные выше отношения целевого назначения также широко представлены в «Словарных материалах»

Специальный «С. площадь. Специальное место для контейнеров»

Функциональный «Ф. музыка. Музыкальное сопровождение производственного процесса, являющее целью повышения производительности труда»

Структурный. «Ш. структура. Из других синтаксических значений в основном прилагательном фразеологически связанного значения находит отражение значение способа действия программный. «П лес. Лес, созданный по программе, составленной на основе научных данных, экспериментальных моделей и т. п.» (с объектным оттенком)

Стационарный «С. орбита. Орбита, по которой космический объект движется вокруг Земли таким образом, что постоянно находится на одном месте относительно земной поверхности. С. спутник. Спутник движущийся по стационарной орбите» (с временным оттенком)

Широко отражены локальные синтаксические отношения производного, разн. – временные

Космический «К. связь. Связь, основанная на использовании радиодиаграмм в космосе искусственных спутников Земли»

Космическая технология. Совокупность технологических операций, выполняемых в условиях космоса.. К. дозор. Наблюдение, осуществляемое с космических летательных аппаратов. К. измерение. Измерение (с целевыми оттенками). «К метод. Метод, разработанный и применяемый в результате изучения и освоения космоса» (с оттенками объектного значения) «К.

флот. О специально оборудованных кораблях, обеспечивающих непрерывность наблюдений за полетом космических аппаратов и связь с ними вне зон радиовидимости с наземными центрами (с дальними отрядами).

Воздушный «В. полководца (земледельца) Работника сельскохозяйственной авиации».

Входной «В. контроль за качеством, осуществляемый при получении, приеме чего либо» (условно-временное синтаксическое значение производящего с локальным оттенком)

Ср также отклонение отклонений обусловленности. Эпитетический «Э. посылками Вурукуны кончилась, утверждающая бессмысленность классовой борьбы перед лицом якобы неизбежного эволюционного кризиса. Э движение. Широкое общественное движение, направленное на борьбу за исправление био-сферы Земли»

Таким образом, и в ориентации на синтаксические значения (в основном обстоятельство-связного характера) фразеологически связанные значения относительных прилагательных противопоставляются значениям свободно-комбинативным. В целом же типология качественных значений прилагательных вносит свои уточнения в общую типологию качественных значений полных прилагательных слов

1.1.1.4. Возвращаясь к характеристике типа

свободно-комбинативного значения качественных прилагательных

Свободно-комбинативное значение качественных прилагательных по своим конституирующим признакам соотносимо с типами несвободных значений, их внутрисловная структура, вытекающая в этом соотношении, также обнаруживает черты общности. Свободно-комбинативное значение качественных прилагательных может дробиться на ряд оттенков (традиционно этот признак приписывается фразеологически связанным значениям). Эта способность обеспечивает непрерывность разрабатывания смысловой структуры глубина по семантике качественных прилагательных, служит нуждам лексико-семантического варьирования и сохранения синхронного тождества слова, открывает широкие коммуникативные возможности данного типа значения в связи с его прямой направленностью на классы высказыватель действительности. Для свободно-комбинативных значений качественных прилагательных характерны в связи с этим тенденции к перебору деонотаций ключевых, следствием чего является "мерцание" сем самого прилагательного. Свободно-комбинативные значения обнаруживают общность с несвободными в механизме семного согласования

Но непосредственность номинация, разнообразие вариантов деонотативной приложности приводит к тому, что в рамках общего закона согласования смыслов синтагматические возможности качественных прилагательных свободно-комбинативного значения оказываются чрезвычайно разнообразными, включая в предельную амплитуду значений для уже отмеченных, созданных для узкой зоны референтной приложности слов, и тематическую гетерогенность ключевых как типичный случай свободы значения, и возможности тема-

паческой гомогенности (серьезный. О человеке, шустрой. О заместителе, осу-
де)

Ранг итеративных сем ключевых также может иметь широкий диапазон варьирования от категориальных до индивидуальных, очерчивающих границы лексической сочетаемости. Так, прилагательные, имеющие в значении семы пространственного расположения (внутренний, дальний, крайний), относятся к семантике для ключевых с актуальными или потенциальными локальными семима. Слова сильный, могучий, мощный, молодой, старый, характеризуют живые существа по их физическим и возрастным признакам, имеют интегративной в синтагматике сему одушевленности. Прилагательные свободно-комбинативного значения, входящие в ядро ЛСГ качественых, регулярно сочетаются со словом часть, ограничивая синтагматическую зону контрастно-предметными значениями. Свободно-комбинативные значения качественных прилагательных, по которому они включаются в данный ЛСГ, обнаруживают тенденцию к разнообразным парадигматическим образованиям, отражающим широту функциональной парадигмы данного разряда и указанного типа значения как видущего варианта семантики ЛСГ в части речи в целом. Качественные и количественные значения прилагательных, его вариативность обуславливает включение качественных прилагательных в синонимические и антонимические парадигмы, при этом антонимический способ толкования наиболее последовательно представляет свободно-комбинативные значения. Указанные типы парадигм связаны с первичной, семантно-характеризующей, семантическим ориентированной функцией качественных прилагательных. Но качественные прилагательные как сильный член противопоставления лексико-грамматического разряда актуализируют в себе и те функции, которые свойственны категории в целом и представляют их прежде всего в словах свободно-комбинативных значений. Поэтому качественные прилагательные свободно-комбинативного значения включаются и в родовые, тематически ориентированные парадигмы, выполняя в качестве вторичной функцию спецификации, типичную, первичную для прилагательных относительных.

Эта бифункциональность объясняет сохранение в словах разных разрядов единой категориальной основы качества, а также внутрисловное единство значений качественных и относительных прилагательных, что позволяет говорить о диффузности, проницаемости семантики разных разрядов, их взаимосвязи и единстве.

Свободно-комбинативное значение качественных прилагательных, как функционально наиболее широкое, служит типичным выразителем представительных отношений в тех модификациях, которые им свойственны. Свободно-комбинативное значение обладает наиболее разнообразными возможностями для перебора синтагматических признаков качественных прилагательных в парадигматических признаках субстантивата, и в этом плане обнаруживая свободу морфологических деривационных образований.

Исследование смысловой структуры качественных прилагательных показывает, что наименьшее число собственно языковых ограничений, широта и разнообразие способов включения в лексическую систему, самая прямая связь с

другими типами языковой семантики присущи свободно-комбинативным значениям.

2.2.2.5. Парадигма относительных прилагательных, объединенных типом свободно-комбинативного значения

Задача создания общей типологии парадигмы, выдвинутая Э.В. Кузнецовой в одной из последних ее работ [Кузнецова 1988] предполагает пристальное внимание к тем ее частям, которые организуются категориальными и субкатегориальными смыслами частей речи в их взаимодействии с парадигмами категориально-лексического уровня. Последние представляются, например, группировками слов по типам их лексических значений, выделяемым по совокупности смысла семантических, системно-структурных и функциональных признаков [Султанов 1983].

В разделе предпринята попытка оценить семантическую специфику лексико-грамматического разряда относительных прилагательных с учетом одного из основных, но недостаточно изученных в системе разных частей речи типов лексических значений - значения свободно-комбинативного. Несмотря на кажущуюся точность своих лингвистических характеристик, оно обнаруживает семантическую неоднородность по ведущим признакам как с несвободными значениями, так и со свободными значениями слов других лексико-грамматических разрядов (ЛГР).

По некоторому ряду признаков относительные прилагательные свободно-комбинативного значения обличаются с количественными того же типа, переносность одной из функций (специфицирующей) при возможной бифункциональности, широта лексико-семантического варьирования предвещают в возможности создавать отглаголы по преимуществу в пределах основной функции, широта варьирования контекстов употребления от предельно узких до надтематических, функциональная обусловленность вхождения в определенные виды парадигм, следящие признаки субстантивации. Однако природа этих общих признаков имеет свою специфику в том, что они в обязательном порядке регламентированы сокращением корня или мотивирующего слова. Свободно-комбинативные значения относительных прилагательных представляют семантическое ядро разряда и потому, что они максимально приближены к значениям словосформ относительных моделей, и потому, что выражает первичную для ЛГР функцию спецификации, которая отражается и в отглаголах свойственных как многозначным, так и однозначным относительным прилагательным, достаточно многочисленным в пределах данного ЛГР.

Средним образом отглаголы в значении относительных прилагательных с сокращенным в них функцией спецификации:

Морской – «Относящийся к морю (в 1-м значении), свойственный морю. В синтаксисе - названия производных изделий. » // Производный, большой из морю. В синтаксисе - названия событий, происшествий. » // Совершаемый по морю, производный в море. М. путешественник М. кузница, вахта // Обита-

зидий, живущий в море. М животное В называем жидотных и реотендифе, где упоминание на специфицируемую функцию подчеркнута словом «в называемко».

Местный – «1. Относящийся к определенной местности, краю. М, тип; широт, заречье, говоры, обычай, края климат // Исконный изотопический в данной местности адетный, неприкосновен. В синтаксисе – называем омыря, продуктов и результатов труда человека. « // Здепный, не приелной. О жителях, населения»

Таким образом, в кругу прилагательного и его вариантов отмечается также общие признаки свободно-номинативного значения как широта классических связей, тематическая преуроченность ключевых по оттенкам значения в связи с разнообразием сфер денотативной приложимости и соответственно «идеоматичность» ключевых у значения в целом. Наряду с этим вольности и предельно узкая сочетаемость при ограниченной зоне референтной приложимости свободно-номинативного значения

Столовый – «1. Относящийся к столу (« 1 знач) С Ланко».

Исторический – «1. Относящийся ко времени, от которого сохранились памятники быта, культуры и т. в Противоположностерический И Времени, перюд»

Рабочий – «Работающий, живущий своим трудом. Р народ, человек, женщины, поле»

Относительным прилагательным свободно номинативного значения, непосредственно представляя категориальное значение качества (в отличие от всеобъемлющих значений), как и количественные, имеют возможность быть бифункциональными. В их подраж в качестве вторичной отмечается функция характеристика, приводящая к диффузности количественно-относительных признаков уже в основном значении, этим (наряду с наличием соответствующих значений производного) определяется возможность их сочетания по основным значениям. Лексикографические сигналы «вторичности» качественных, особенно характеризующих признаков в свободно-номинативном значении относительных прилагательных различны оттенка с помощью «шпери» (единичные случаи) и без нее, толкование с помощью слов типа характерный, свойственный, типичный потенциальных качественных сем в соседстве с качественными прилагательными в однородных рядах

Ср проявление бифункциональности свободно-номинативных значений, их потенциальной качественности

Математический – « // Парен. Точный аспект, как в математике М смысла, парадок, точность».

Завтрашний – « // Неизбежный, сильный. Э, потрясения, действия»

Завтрашний – « // Парен. Относящийся к ближайшему будущему З работа, коммунал». Потенциальная качественность значения эксплицирована пометой «шери»

Другой способ проявления бифункциональности значения обнаруживают примеры

туманный – « // Относящийся туманам, характеризующийся наличием тумана. Т родина, т. осень, утро»

Октябрьский – «1. Относящийся к октябрю (1-м числ.), свойственный ему О. холодная погода, теплой о. вечер Малой, как шум, о. дождь»

Женский – «Относящийся к женщине, женским Ж воспитание // Принадлежащий женщине, женским Ж сердце, ж. украинка // Свойственный женщине, женским... что-то женское, женское; чарующая женская мягкость»

Особенно отчетливо бифункциональность значения выступает при сопоставлении указанной на отношение и свойство (ср.: октябрьский), а также в возможностях употребления прилагательного в однородном и неоднородном ряду определений (ср.: женский), в случаях факультативной однородности. Потенциальные качественные отглагольные, не отглагольные и истинноотносительного прилагательного, иногда «проясняются» в стилистических дериватах по свободно-доминантному значению

Ср.: осенний – «Относящийся к осени, бывающий происходящий осенью О ветер, дождь, лес В осеннем, осенне-желтая трава, осенне-белый набоксил По-осеннему, жарко Как осенью, так в осеннее время». Слово как в этих случаях имеет двойную смысловую нагрузку, указывая на постоянство признака, выражаемого относительным прилагательным, и на момент сравнения, допускаемый потенциальной качественностью относительных прилагательных. Иногда параллельно уточняются характеризующие признаки отвлеченно на типовых контекстах употребления прилагательных

Домашний – «1 // Приготовленный дома, домашней. О кушаньях и вещах. Об одежде, тканях и т. п. домашнего, тонкого полотна»

Земной – «Относящийся к земле. В долгий земной вечер»

Таким образом, учитывая возможную бифункциональность свободно-доминантных значений относительных прилагательных, можно лишь с большой долей условности говорить о переходе относительных прилагательных в качественные, ибо потенциальная качественность содержится в неволе, относительных по своей основной ориентации значений прилагательного, что приводит к диффузности качественно-относительных признаков уже в основном значении. Этим предопределяется возможность их осуществления по связанным значениям прилагательного и исключается момент неопределенности процесса. Но специфицирующая, тематическая функция как первичная для свободно-доминантных значений относительных прилагательных обуславливает широкую представленность слов этого разряда, неизменно постоянные характерные, внутренне присущие признаки предмета в терминологических подсистемах, в социальной сфере употребления. Этим же определяется промежуточная представленность относительных прилагательных свободно-доминантного значения в парадигмах глаго-глаголосемического типа. Относительные прилагательные в соответствии со своей парадигмой функционируют и градуальной противоположности: **былое** – **градуальное**, **вещный** – **материальный**, **материалистический** – **материалистический**, **материальный** – **материальный**, **объективный** – **объективный**. Гипотетически связь относительных прилагательных лежит в основе многих порождаемых ими элементов. **научно-**

технический, мясо-молочный, физико-математический, англо-русский, сердечно-возрастелый, осенне-зимний, учебно-воспитательный.

Тапнологическая общность свободно-номинативных значений количественных и относительных прилагательных обуславливает у них сходные возможности порождения субстантивных с последующей в их пределах и единичных ключевых, и объединённых в те или иные тематические блоки по значению в целом или по отдельным его расчленённым

Мясная – «В знач. сущ. Лавка по продаже мяса и мясных продуктов»

Серебряный – «В знач. сущ. Серебряный рубль»

Контрольная – «В знач. сущ. Разг. Проверочная письменная работа в школе»

Заводской, за – «В знач. сущ. Рабочий»

Городской – «Городские, в знач. сущ. Жители города»

Вчерашнее – «В знач. сущ. То, что было, происходило, делалось вчера, в недавнем прошлом»

Таким образом, несмотря на различие функциональной предличительности количественных и относительных прилагательных свободно номинативного значения обнаруживается ряд существенно общих признаков, выходящих от их относительности к той общей лексико-семантической категории, какой выступает тип лексического значения.

В характеристике законов семного согласования количественных прилагательных отмечалась возможность кодирования менее ожидаемого параметра через более ожидаемый для установления типа лексического значения, что обычно сопрягается с возможностью опоры на связь не только по содержанию, но и по форме. Для характерных типов лексических значений относительных прилагательных таким формально-содержательным «спандармом» выступает мотивирующее слово, обязательно имеющее представительство в семантическом мотивированном. Свободно-номинативное значение относительного прилагательного отражает самые различные смысл, семантические позиции и связанные с ними значения производящего в структуре тех семантических единиц, в которые оно входит. Возможность семантического, конкретизма значений объясняет одну из причин эффекта домысливания [Никитин 1974: 212], который возникает при восприятии семантики производного слова, каковы являются относительно прилагательное

Относительное прилагательное свободно-номинативного значения способно выражать разнообразные виды определительного значения в пределах одного слова, что отчетливо выступает в трансформациях с включением производного. Одним из наиболее распространённых синтаксических значений, от расхождений в производном относительном прилагательном данного типа является значение определителя по области когнитиваемого свойства, качества, признака. Например,

световой волни (свет распространяется в виде волн, волны света), энергия (свет – один из видов энергии, энергия света), момент (свет – состояние переходящее, «моментальное», момент света)

почтой: тьма, звезда, прохлада, чьим (тьма, звезда, прохлада как признак ночи, тьма, звезда, прохлада ночью; чья как время суток указывает определенным часам)

Другие синтаксические значения – определение по обладателю предмета: заводской – здание, оборудование (здание завода, завод имеет оборудование);

личный – собственность, поле (собственность, поле личного),

морской – дно, воздух, вода,

земной – шкура, кора.

Срещаясь определение по неотчуждаемой органической принадлежности детских – глаз, голена.

В рамках свободно-комбинативного значения относительных прилагательных может передаваться и значение определения по субъекту действия или состояния:

контрольный – орган, пункт, акт (те, которые контролируют),

детский смысл (дети смеются);

женский – воспитание, работа (женщины воспитывают, работают),

коллективный (жизнь коллектива)

Из других видов относительных значений в системе личного личного типа представлено определение по назначению, функции: контрольный – система, работа, лампочка, книга (предназначены для контроля); книжный – шкаф, рынок лавки фруктовый – пом, лавка; полевой – droga, школа. Определены по отношению к чему-нибудь, исключенности по что-нибудь: школьный – врач, сторож, учитель. Определены по связанности с кем-нибудь или происхождению от кого-нибудь: парламентская, президентская – программа, мысль.

Наряду с собственно определительными синтаксическими отношениями, реализующими специфицирующую и факультивно – оценочно-характеризующую функцию, относительные прилагательные свободно-комбинативного значения могут передавать всю гамму обстоятельственных синтаксических значений.

Например, локальное: морской – дно, воздух, вода, полевой – городок, ветер, дороги, цветы (те, которые бывают, находятся, растут в поле). Темпоральное: дневной – жар, светлая, сумер (те, которые бывают днем); крапивный – дни, годы, времена (те, которые были прежде); ср также прилагательные земной, летний, утренний, ночной, сегодняшний и др.

Выше отмечалось в целом значение. Значения причины, основания, повод, стимула, условия: трудовой – герань, агиткины, язык, подвиги (труд выступает как стимулятор основанной в поступков); суеда, ласоты, шум, пот (труд выступает как причина явлений, обозначенных перечисленными), досада, хлеб, заработок, деньги, пах (то, что выступает следствием труда); воспитанка, школа, включая (труд является средством, основанием существования данных явлений); экономический – положение, отношения, борьба, процессы (отмеченные явления возникают из-за экономики – причина, основание)

Следует еще выделить значение средства, способа действия музыкальный – образ, исполнение (выраженные средствами музыки), ядерный – след, вытисн (оставленные ядром)

В первом диалектическом определительном значении ориентиром послужили в основном данные «Русской грамматики» [Русская... 1980, Т.2], где представлено еще одно из них, достаточно типичное для анализируемых прилагательных, – определенное со стороны сферы действия, состояния телаческий – интеллигентный, силы, взаимодействующий – персонал, управленческий – часть, Шурваловский, плахиловский, строгий – фронт, научный – сфера, вопрос, работа, кружок, работник.

Как известно из приведенного материала, свободно-комбинативное значение относительных прилагательных отражает обычно не одно, а несколько смежных значений, проявляющихся часто в серии отглаголов, в разных синтаксических позициях исходного в разных лексических синтагмах, отражающих взаимодействие синтаксической и собственно лексической семантики.

Таким образом, декодировать смысл пометы «относящийся к...», обычно маркирующей свободно-комбинативное значение относительных прилагательных, невозможно без анализа тех синтаксических значений, которые свойственны мотивирующему слову и отражаются в мотивированном, в своей совокупности создавая представление о признаках, по которым с помощью относительных прилагательных проводится спецификация предмета, явления, события и на которые накладывается количественно-ограничительный оттенок.

Отмеченная семантическая емкость свободно-комбинативных значений относительных прилагательных сопряжена с тем, что они конденсируют в себе не только элементы свободно-комбинативного значения соответствующего производящего (что наблюдается почти без исключений), но также элементы других значений производящего и даже разных слов, связанных по форме. Сопоставление с этим значением прилагательного возможно лишь при условии отвлечения от всей совокупности семантического содержания исходных слов, при условии абстрагирования их формально-семантических различий.

Письменный – «1. Относящийся к письму и письменности»

Боевой – «1. Находящийся отношении к войне, к воюющему, воюющей»

Дипломатический – «1. Относящийся к дипломатам, дипломату (в 1-м знач.)»

Студенческий – «Относящийся к студенту и студенчеству»

В этих случаях секретным значением прилагательного создается нейтральная формально-содержательная различий мотивирующего слова, об этом явлении в высказании писал О.М. Соколов [Соколов 1970: 243]. Достаточно часто выявляются различия, связанные с формой числа исходного слова, но наиболее показательны в плане создания семантической перспективы анализируемых значений их абстрагирование от более чем одного значения мотивирующего слова.

Туманный – «1. Относящийся к туману (в 1-м и 2-м знач.), состоящий из тумана, образованный туманом»

Жизненный – «1 Относится к жизни (р 1-м, 3-м, 5-м, 6-м, 7-м знам), о ней семантика».

Слодные особенности в своем свободно номинативном значении обнаруживают прилагательные: действительный, критический, шерстяной, школьный, письменный, производственный, квадратный, трудовой, научный, педагогический. Таковы те основные направления и способы отвлечения деривационных связей относительных прилагательных, которые выносятся своей отличительной чертой на тип их свободно-номинативного значения на этой основе обнаруживая их семантическую специфику по отношению к прилагательным качественным. Избирательность относительных прилагательных в своему составу производящего свидетельствует не только о возможностях производящего, но и о потребностях производящего. Поэтому наиболее удачным представляется такой способ экспликации значения относительных прилагательных, который так или иначе отражает семантическую зону прилагательного, семантически-семантически прослеживая в его действительное значение.

Национальный – «1 Только в и ф Относится к нации, народности, связанный с их общественно-политической жизнью, интересами» (в семантике – название понятий, явлений общественно-политической жизни)

Искусственный – «1. Только в и ф Связанный рукой человека. Противоп. естественный» (в семантике – название артефактов).

Общественный – «1 Относится к обществу, порожденный, создаваемый обществом осуществляемый в обществе» (в семантике – абстрактная лексема со значением действия, процесса, результата)

Таким образом, производный характер относительных прилагательных, связанный с образованием их семантики и форма, семантически связь с несколькими производными (значениями или словами), т. е. наследие пришло из отношения к ряду существительных, создавая семантический допуск и качественную свободу семантического выполнения относительного прилагательного, причём всего производится в типе его свободно-номинативного значения. Система координат, языковая и семантической сфере производящего обнаруживается в семантическом согласовании относительного прилагательного с его качественным свидетельствуя о согласованности действия разных факторов, обуславливающих тип лексического значения. Выявить развитие специфицирующей способности в рамках свободно номинативного значения у прилагательных качественных и отчасти-модально-характеризующих – у прилагательных относительных, свидетельствует об онтологическом родстве функций и реализующих их ЛПР, связанных одним значением качества.

Семантически своеобразные относительные прилагательные, их отличие от других категорий производных слов объясняется их объективной связью с производящим, выходящей своей отличительной чертой на все производные тематические характеристики слов данного ЛПР. Эти характеристики обнаруживаются также и регулярно в продуктивно протекающих процессах семантизации относительных прилагательных. В связи с преимущественной изученностью относительных прилагательных в словообразовательном аспекте речь о них идёт, как правило, без учёта особенностей их смысловой структуры, как о

словам однозначных. Одним из таких типов свободных им лексических значений упоминает на неоднородность их семантовой структуры и структуры разряда в целом, создаваемую различием типа лексических значений входящих в него слов.

Максимум метаграмм «слова», наиболее глубоко и разнообразно представленное сам исходного обнаруживает свободно-номинативное значение относительных прилагательных, лексикографически маркируемое пометой «Относительный к...». По данному ряду признаков относительные прилагательные данного типа значения объединяются с качественными того же типа, близость одной из функций при возможной бифункциональности, широта лексико-семантического варьирования с созданием отклонков по преимуществу по основной функции, широта варьирования контекстов употреблений от предельно узкого до надлексематических (ср. «отличный мастер» и «отличной зина», «побед, завоеваний», а также представленные в синтаксисе прилагательного названия животных, растений, сооружений, построек, местностей, регионов, орудий труда); функциональная обусловленность вхождения в определенные зоны парадигм, сходные приемами субстантивации. В ядрах свободно-номинативного значения пометается вторичная функция характеристика, приводя к диффузности качественно-относительных признаков уже в основном значении, тем самым исключая исключительность осмысления во вторичном значении. Функция спецификации, отклонка первичной для свободно-номинативных значений относительных прилагательных, обуславливает их представленность в парадигмах гипо-гиперсемантического типа, синонимические объединения, очень ограниченные у относительных прилагательных, помет дублетный, донотативный характер (жанровый, бытовой; номинальный, ивоческий). Типологические связи относительных прилагательных лежат в основе многих порожденных ими словосочетаний (научно-технический, осенне-зимний, англо-русский). Типологическая общность свободно-номинативных значений качественных и относительных прилагательных обуславливает у них сходные возможности порождения субстантивации с координацией в их пределах и единичных ключевых, и объединенных в те или иные тематические блоки по значению в целом или по отдельным его расчленениям (контрольная, прогрессивные, вчерашнее, вчерашнее). Формально-содержательным «плацдармом» в характеристике значения семанто-составов относительных прилагательных также выступает метаграммное слово, обязательно имеющее представительство в семантике метаграммного. Свободно-номинативное значение относительного прилагательного отражает самые различные синтаксические значения, свойственные прилагательному в структуре исходной синтаксической единицы, причём парадигмы имеют тенденцию к совмещению разных видов этих значений. Семантическая близость свободно-номинативных значений обобщается также отражением в них нескольких производных значений слова и даже разных слов, объединенных по кругу. Выведение признаков из отношения к ряду субстантив, создавая известную свободу семантического нахождения относительного прилагательного, причём всего проявляется в типе его свободно-номинативного значения.

Соотнесение разноименных лексических значений качественных и относительных прилагательных (прежде всего в кругу основных типов лексических значений) приводит к следующему выводу:

Система прилагательных слов (как часть лексической системы, образуемой полисемичными словами) предстает как полевая структура с дюрхаими, свободно-примыслимыми значениями, обеспечивающими ее стабильность, и периферийными, фразеологически связанными значениями, обеспечивающими ее изменчивость и подвижность, лексически связанные значения располагаются между этими крайними полюсами и совмещают ту и другую функцию [Сулейманов 1983]. Отмеченное подтверждается явлениями периодичности, связанными с развитием характеристик, в норме сложившихся для конкретных значений, с семантизацией [Сулейманов 1984] и закономерностями развития семантических единиц.

Анализ типов лексических значений по совокупности семантологического, системно-структурного и функционального признаков, выделенных в качестве основных, проведен на материале имен прилагательных. Качественное своеобразие лексических значений слов одного ЛК, выступающих в таких их лексических значениях выискивается в соотношении с другими типами лексической семантики, отражающей в прилагательном в отличие от других категорий признаков слова. В этом соотношении ЛП в пределах имени прилагательного обнаруживают разную степень близости к своему признаковому партнеру глаголу, что связывается с различием коммуникативной предзнаменности качественных и относительных прилагательных, историей их становления и одновременным тенденциями развития качественности и ценности. Предиктивная семантика качественных прилагательных, объединяющая их с глаголами, создает предпосылки появления у них типа синтаксически обусловленного значения. Качественные прилагательные широко используют механизмы метафоризации при создании лексически связанных значений, что объясняется выраженной субъективно характеризующей, релятивной по преимуществу ориентацией качественных прилагательных внутриязычными объектами по синтаксическим признакам. Семантический закон метонимии здесь действует в системе создания несобственных значений относительных прилагательных в связи с их ведущей тематической ориентацией, передачей объективно характеризующих признаков как постоянных, а не преходящих предметов в акте предикации, где они выступают в объеме деиктики. Связь с производным, обязательность признаков выраженных относительными прилагательными, сравнительно узкий круг смысловых ассоциаций, ограниченной семантической объем, обуславливают стабильность формы в выражении типа лексического значения. Наличием субъективно-объектных ассоциаций ведет к появлению качественных значений, связанных с именностью подлежащего качественного признака, сопровождающемуся часто варьированной формы [Шрам 1979].

Общность по предельно абстрактным семантическим признакам, грамматически категоризальному и лексически категоризальному (значение качества и тип лексического значения), обуславливают черты близости в таких лексических значениях качественных и относительных прилагательных. К общим при-

знакам свободно-номинативного значения относится первичность одной из функций в выражении определительных отношений (субъективно-определительная характеристика у количественных и спецификация у относительных прилагательных) при возможной баифункциональности, широта лексико-семантического выражения с созданием оттенков по преимуществу в пределах основной функции, широкий диапазон синтагматических связей от предельно узкой до надформатической, максимум представленности (количественный и качественный) в парадигмах, связанных с распределением между разрядами их функций в выражении определительного значения. Различные возможности типизации ключевых отражаются в субституции по свободно-номинативному значению как способе одновременного проявления синтагматических и ассоциативно-деривационных характеристик исходного прилагательного. Свободно-номинативное значение прилагательных по своим конституирующим признакам соотносится с типами несвободных значений, обнаруживая выходящее за пределы собственно языковых ограничений, широту и разнообразие способов включения в систему, наиболее отчетливую связь с другими типами лексикой семантики, отраженной в слове.

Признаки полноразного типа фразеологически связанного значения, во многом общие у количественных и относительных прилагательных, обнаруживаются на участках максимального ослабления внутрисловных связей, ставящего их семантический ранг на грань с фразеологическим как сверхлексическим наименьшим. По всем признакам, оптимальным для свободно-номинативных значений значения фразеологически связанные представляют собой вырожденный случай первых. Они характеризуются сужением функциональной перспективы в выражении определительных отношений, с ориентацией преимущественно на спецификационную, тематическую функцию и вообще на разделение семантических равнозначностей определительной функции. Функциональная однонаправленность фразеологически связанных значений ведет к максимальному ослаблению парадигматических связей прилагательных в пределах замкнутой парадигмы с исходными и предельными составом ключевых у их членов. Преобладают объяснения генеро-синонимического типа.

Семное огнивоование осуществляется со строго фиксированным кругом ключевых на уровне потенциальных или актуальных их осей семного языкового ранга, семи родного, субинтернарального, интернарального ранга не обладающего разрешенной многозначностью связей. Субституция по фразеологически связанным значениям предстает способом свертывания предельно узкого круга ключевых.

Четыре области лексически связанных значений качественных и относительных прилагательных сводятся к сорбитности значений данного типа в смысловой структуре слова, возникающей на базе метонимических или метафорических формул переноса или совмещения этих формул в зависимости от функциональной ориентации значения в выражении определительной семантики. Лексически связанные значения выступают основной зоной взаимодействия ЛПР, что обуславливает достаточно широкий круг их парадигматических связей с учетом парадигм и синтагматического, и деривационного типа. Своб-

образе типа лексически связанного значения обнаруживают способы создания у прилагательных синтаксической обусловленности значения, возможные в условиях совмещения относительных прилагательных, но наиболее разнообразные у прилагательных качественных и в некоторых относительных образе и глаголом (лучшая текстуральной связности). Многие лексически связанные значения исходят качественными или относительными прилагательными ориентированы на мир субъекта, его и тех абстрактных сущностей, которые так или иначе связаны с жизнью, деятельностью, эмоциональной, интеллектуальной, волевой сферой субъекта. Поэтому важнейшие предикативные типологии ключевых в установлении типа лексически связанного значения выступают конкретный способ организации субститутивных парадигм и связанные с этим возможность параметризации субъекта (по характеру свойственных ему признаков). Семантически лексически связанного значения достаточное регулярна в предикативах, о чем свидетельствуют не только словарные указания на тематическую определенность ключевых, но и возможность их типизации в семантических блоках на уровне родовых, субкатегориальных, а также индивидуальных сем (актуальных и потенциальных). Субститутивны, образованные по лексически связанным значениям типологии к структурно семантическим блокам ключевых, связанных семантически индивидуального ряда (родовых, субкатегориальных).

Результативно лексико-грамматической природы разрядов имен прилагательных, особенности их субкатегориальной семантики также отражаются в типах лексических значений качественных и относительных прилагательных. Качественные прилагательные свободно-комбинативного значения, представляющего элемент разряда в целом, по которому они и включаются в данный разряд, входят в самые разнообразные парадигмы (синхронические, диахронические, гно-хиперонимические), отражая широту функциональной переносимости данного разряда и указанного типа значения как ведущего варианта семантики ЛПР и части речи в целом. Ядро семантического поля «качественности» создается прилагательными в их свободно комбинативных значениях, они же активно связаны с категориальным значением качества. Качественные прилагательные как сильный член грамматического противопоставления ЛПР наиболее полно аккумулируют в себе функции, свойственные категориям в целом и представляют их в своих свободно-комбинативных значениях, тем сохраняется единство категориальной основы качества и создается предпосылка внутрисемантического единства значений качественных и относительных прилагательных. Возможность развития специфицирующих наслоений в рамках свободно-комбинативного значения и прилагательных качественных и относительных-характеризующих — у прилагательных относительных свидетельствует об онтологическом родстве родовых функций и реализующих их ЛПР, связанных с тем же значением качества, о диффузности самих ЛПР (см. об этом [Виноградов 1972]).

Таким образом, единая семантическая основа ЛПР прилагательного подтверждается общностью типологических характеристик их лексических значений. Качественные прилагательные фразеологически связанного значения, со-

характерно ведущую для ЛПТ характеризующую функцию, входит в узлы по составу членов гомогенные ряды с исключительной синтоном-агглютинативной связью, занимают периферийные позиции в гетерогенных рядах, отличаясь этим от прилагательных свободно-номинативного значения своего разряда и от относительных прилагательных.

Семантическое своеобразие относительных прилагательных содержится их обязательной связью с предидентивом, накладывающей свой отпечаток на все производные синтаксические характеристики слов данного ЛПТ. Максимум мотива влияния является, наиболее глубокой и разнообразной представляется сам исходного обнаруживает свободно-номинативное значение относительных прилагательных, оно же оказывается максимальным объяснением со значением словообразовательной модели, представляя «семантическое ядро» разряда. В узлах свободно-агглютинативного значения помещается вторичная функция характеристизации, приводит к диффузности качественных-относительных признаков уже в основном значении, тем самым исключая несомненность осуществляемая во вторичных значениях. Повторяющиеся качественные признаки, не отмеченные в употреблении относительного прилагательного, «проецируются» в отдельных дериватах по свободно-номинативному значению. Гипотетическое ядро как типичный вид парадигматических объяснений относительных прилагательных лежит в основе порождаемых ими сложнейшей преимущественно по свободно-номинативному типу значения исходного. Свободно-номинативное значение относительных прилагательных способно отражать самые различные синтаксические значения производящего и структуре тек синтаксических единиц, в которые последние входят, имея тенденцию к омонимии разных видов синтаксических значений (определятельных, обстоятельственных и др.). Семантическая связность свободно-номинативных значений относительных прилагательных содержится также отражением в них не только однородного, но сразу нескольких лексических значений производящего и даже значений нескольких слов, объясняемых по корню. Неизбежность относительных прилагательных в самом производящего свидетельствует не только о возможности производящего, но и о потребностях производного. Выделение признаков из отношения к ряду субстантив, охватывая семантической допуск, уже всего производится в так свободно-номинативного значения относительного прилагательного.

Общность качественных и относительных прилагательных по предметно-абстрактным семантическим признакам – грамматический категориальности (качество) и лексически категориальности (тип лексического значения) – обуславливает большое сходство относительных прилагательных с качественными и по типу фразеологической связности значения. Фразеологическая связность значений относительных прилагательных как выделенный случай свободы значения также характеризуются суммированием функциональной персоналии, в подлинном своей большинство реализуя функцию спецификации как первичную у разряда в целом.

Лексикографическим выражением тематической ориентации этих прилагательных ставится их семантической разн на грань с фразеологическим, выступают пометы типа «В извлечении...», указывая на специализированную сферу

употреблены в пословные связи (черный – «В плавных животных, птиц, горный – «В спец. терминологии. Г. мидаль. Г. воды. Г. Союз»)

Функционально-одноплановость фразеологически связанных значений обуславливает редукцию парадигматических связей и дозированный с пословыми и предельными составом ключевых. Самное согласование относительных прилагательных фразеологически связанных значений, как и единичных качественных, осуществляется по индивидуальным семам ключевых фразеологически связанных значений относительных прилагательных в отличие от их свободно-поминативных значений ориентирован на более узкий круг передаваемых ими синтаксических значений производного, имея тенденцию к однородности, определенности передаваемых синтаксических отношений. Двойной ряд мотивационных отношений, введенным значением деривационного признака в системе относительных прилагательных объясняет выделенность фразеологически связанных значений слов разряда (особенно общим тономашным (Виноградов 1977)) из значений составляющих слово частей, хотя в языке такой признак не характерен для фразеологически связанных значений.

Разно предметом рассмотрения были признаки, по которым объединяются качественные и относительные прилагательные фразеологически связанных значений, потому сами эти признаки могут рассматриваться как признаки типа фразеологически связанных значений признаков слов. Но специфика ЛГР накладывает свой отпечаток, создавая и черты различия, выходящие в сопоставлении относительных прилагательных фразеологически связанных значений и с качественными по типу качественными, и с относительными прилагательными свободно-поминативными значениями. В этих сопоставлениях особенно дает себя почувствовать производный характер относительных прилагательных, обуславливающий двойной ряд мотивационных отношений для фразеологически связанных значений – и со стороны внешней, и со стороны внутренней мотивации, при этом и первая, и вторая часто смыкаются между собой, что повышает относительных прилагательных передко носит отраженный характер. Поэтому по большей части фразеологически связанных значений прилагательных относительных выступают как мотивными значениями свободно-поминативных, часто со специализацией сферы применения. Очевидно, этим объясняется и сохранение первичной дифференцирующей функции у данных слов и их фразеологически связанных значений. Таким образом, повышенная значимость деривационного признака обуславливает соответствие периферийных значений основному названию ЛГР. Этим же объясняется прикладная выделенность значений данного типа из значений составляющих слово морфем.

Категориально-грамматическая и категориально-лексическая общность относительных прилагательных лексически связанных значений с качественными обуславливает у них черты сходства несмотря на отнесенность к разным ЛГР. Основное различие в значениях семного согласования у относительных прилагательных в сравнении с качественными для разнотипных значений связано с наличием актуальных или потенциальных сем производного

Сближающим фактором оказывается и ассоциативно-деривационное связь субстантивов с прилагательными лексически связанного значения.

Однако специфика ЛПР и связанное с ней явление деривационных выводов слова накладывает свой отпечаток в плане влияния на тип значения места производящего в парадигме, отразившей сложившегося значения, акцентом характера синтаксических отношений, отражаемых в производном; отсутствие контаминации производящих слов как фактора порождения синкретизма значений относительных прилагательных.

Важнейшим семантика разраба в сфере лексически связанных значений обуславливает восприятие относительных по исходной ориентации прилагательных в парадигмы разного типа (к синтагматическим, и деривационным). В плане перевода синтаксических отношений производящего на уровень производного слов лексически связанные значения относительных прилагательных обнаруживают черты общности и со свободно-комбинативными значениями (широта охвата синтаксических отношений), и с фразеологически связанными (стремление к экспликации каждого их вида в пределах отдельных значений прилагательного).

Подводя некоторые итоги, касаясь проблемы типов лексически связанных форм прилагательных в более широком кругу признаков слов.

1. Исходя из признаков лексического значения слова элементом семантической системы словаря, одним из направлений в исследовании типологических основ характеристики слова как единицы лексической системы (для классов слов) следует считать последнее его значение под предельно абстрактные категории лексической семантики, якими выступают типы лексических значений.

2. К типологически значимым относятся совокупность признаков, определяющих реальность существования лексемы как системы – парадигматическая, синтагматическая, ассоциативно-деривационная (функционалистическая) – её динамика и взаимосвязь эксплицируемо в исходных связях (в системе и в тексте). Эти связи служат способом объяснения типа лексического значения и потому подлежат наблюдению.

3. Типология лексических значений предельно как их классификация, учитывающая системно-структурные и функциональные аспекты обусловленности лексического значения и основанная на совокупности признаков, высту-пающих в соотноении лексических значений, обусловленных основными способами организации системы словаря и её функциональным расщеплением.

4. Типы лексических значений прилагательных как признаков слов, выделяемых в обобщённых ориентациях, обнаруживают некое соответствие (в композиции, в свойствах отдельных типов) с общей типологией лексических значений, сложившейся бесспорно⁹ и распространяемой слов по лексико-грамматическим классам, что объясняется иным уровнем лингвистической абстракции в системе признаков слов и дополнительными характеристиками, им предполагаемыми.

5. Типы лексических значений прилагательных определяют меру исключительности в лексическую систему языка. Слова свободно-комбинативного значе-

или обнаруживает самую высокую меру включенности в лексическую систему и обеспечивает её стабильность, составляя ядро класса принаказных слов в пределах структурно-семантического типа полноточных. Слова фразеологического связанного значения в категории принаказных по совокупности выделенных характеристик представляют крайний случай вырождения свободы значения при сохранении словом его комического рита на грани с единицей сверхсловоного рита – фразеологизмом, характеризующимся обобщенно целостным значением модификации словесных свойств комбинацией. Принаказные слова фразеологического связанного значения, находясь на периферии лексической системы и её преломления на внутрисловном уровне, обладают минимальными возможностями включения в лексическую систему, обеспечивают динамику лексико-семантических процессов, а также единство лексико-фразеологической системы. Предикательные лексемы связанного значения по всем описанным признакам занимают промежуточное положение между рассмотренными полноточными типами.

6. Принаказная природа слов предопределяет отчётливое выражение связанности значения, повышенную заметность синтаксического компонента, включенно категориальных и субкатегориальных сем в типологические характеристики, также виды обусловленности значения, которые не отмечались в общей типологии (текстуальная связанность), наличие минимальности синтаксических факторов, реализован в зависимости от лексико-грамматического класса в ЛТР, в который входит слово. В кругу относительных прилагательных развитость лексических значений во многом определяется влиянием синтаксических структур, включающих производные слова, способом перевода их на уровень производного. Качественное оформление типов лексических значений прилагательных выкалывается с опорой на особенности выполнения ими не только предикативной, но и определительной синтаксической функции в двух её семантических разновидностях (суб-категориально-оценочной характеристикой и спецификацией).

7. Обшира категориально-грамматическая основа обуславливает общность в проявлении характеристике единичных лексических значений качественных и относительных прилагательных. Специфика типов лексических значений на уровне лексико-грамматических разрядов связана для качественных прилагательных с их предикативной, рематической функцией как первичной для разряда, объективной их с глаголом; для относительных прилагательных наряду с их тематической ориентацией как основной определяющую роль в типологических характеристиках значений играет обязательная связь с производным.

8. Выделение функционального аспекта в типологии лексических значений прилагательных слов позволяет выделить типы лексических значений, базирующихся на статистическом расхождении системы словаря и типизировать функциональные свойства развитых лексических значений, выделенных по системно-структурным измерениям. При разведении системно-структурных и функциональных аспектов типологии лексических значений принаказных слов любой из типов, выделенный по первому измерению, подводится под тип ста-

лексически нейтрального или стилистически отмеченного (экспрессивно-стилистического) значения, выделенного по функциональному критерию

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. — М., 1974.
2. Ботанический словарь. — М., 1962.
3. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. — М., 1972.
5. Достах Н.А. О фразеологичности связанных значений // *Russko-české slovní / Slovník ruské školy pedagogické v Praze. Jazyk a literatura*, 1960, XI.
6. Золотова Г.А. О конститутивной синтаксической структуре // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, 1981, т. 40, № 6.
7. Кардишев С.Д. Содержание слова, значение и обозначения. — М. Л., 1968.
8. Кузнецова Э.В. О двух типах парадигмы // *Типы языковых парадигм. Тип. доклад и сообщения*. — Свердловск, 1988.
9. Пашкина М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. — Владимир, 1974.
10. Новое в русской лексике. Словарные материалы-78. — Л., 1981.
11. Русская грамматика. В 2 тт. — М., 1980. Т. 2.
12. Словарь современного русского литературного языка, тт. 1-17. — М., 1948-1963 и сокращения. — БАС.
13. Соколов О.М. О нейтральности в лексике // *Вопросы языка и литературы*. — Томск, 1970.
14. Солганик Г.Я. О природе синтаксических значений и связей // *Русский язык в школе*, 1981, № 6.
15. Сулякская Н.Е. Распад полисемии у глаголов и прилагательных в свете типологии их лексических значений // *НДВШ, ФН*, 1994, № 1.
16. Сулякская Н.Е. Типы лексических значений прилагательных слов в современном русском языке. Дис. д-ра филол. наук. — Л., 1983.
17. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М., 1968.
18. Чернышова Н.В. Имя прилагательное с несободным значением в современном английском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. — Л., 1974.
19. Шмелев Д.Н. О понятии «фразеологическая семантика» // *Книжечный язык в школе*, 1970, № 1.
20. Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики // *ВЯ*, 1971, № 2.
21. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973.
22. Штрам А.Н. Очерки о семантике качественных прилагательных. — Л., 1979.

23 Schmidt W Lexikalische und akustische Bedeutung // Berlin Akademie-Verlag, 1963

3. КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

3.1. Имена прилагательные в коммуникативном пространстве текста

Коммуникативное пространство в самом общем виде может быть определено как совокупность сфер речевого общения. Последние же представляют собой определённые наборы типовых ситуаций, обслуживаемых разными типами дискурсов. С понятием сферы общения соотносится также интерпретация функционального языкового стиля. Таким образом, коммуникативное пространство, во-первых, предстает как единство коммуного и инвариантного, даже как их на себе, а во-вторых, – и само это пространство и модели ситуаций, с ним связанные, и обслуживающие те или иные сферы общения стили и дискурсы неизбежно имеют когнитивную природу, отражая индивидуально-специфические представления носителей языка о сферах речевого общения и нормах речевого поведения в них в соответствии с требованиями той или иной культуры. Не случайно Ван Дейк связывает коммуникум текста с воссозданием модели ситуации, а понятие дискурса – с понятием возможного мира. А.К. Жолтыковский рассматривает дискурс с когнитивной точки зрения, как «реализацию в речи ментоупорядочен и живых позиций» [Жолтыковский 1995: 190]. Рассматривая концепт как элемент дискурса, Р. Фрумкина определяет дискурс как «опекал способ говорения, выражаемый в корпусе текстов и достигающий достаточно обьективного знания на основании этого корпуса» [Фрумкина 2002: 139]. С деятельностных позиций определяется дискурс и Н.Д. Арутюняной: это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей в социальных их созидании (дегитивных процессах)» [АС 1990: 136-137]. Когнитивно-дискурсивные концепция обосновывает стратегический подход к изучению коммуникативного пространства и связанных с ним ситуаций, при этом коммуникативные и когнитивные стратегии не представляются возможным разделить в силу их взаимообусловленности в реализации авторской программы.

Выделение значимых черт ситуации связано с деятельностью правого полушария, способного переработывать огромные массивы информации и представлять её в целостном виде (отсюда перспектива интернета, ориентированного и на образную систему правополушарного мышления). Идеальным когнитивным моделя метафоры и метонимии также опираются на свои или в пределах одной ситуации, или на моделирование разных ситуаций по принципу аналогии, на основе целых фреймов при сохранении некоторых узлов истинного фрейма в сознании. Дискурс образует своё связь и с ситуацией, и с хронологией тех практик, которые развернуты в разновременных и в разноразностных контекстах, на что указывал М.М. Бахтин, используя термин хронотон. Если ситуация в-эдак-сейчас, когнитивная в-сперетичеке, содержащая аттрактор будущих состояний системы, возмощает прежде всего хронотон востановления, момента речи, то дискурсивная семантика обращена и к другим

типом ситуаций, как известные место, так и прогнозируемы. Имена ситуации и прогнозируемая функция языка, и внимание к ситуации как последовательному объекту, оправданному, в частности, и виртуальной реальностью.

Семантика слова в одном из прочтенных этого термина выступает как компонент линейной синтаксической единицы, проявляющейся на уровне и вычленимости, и текстового фрагмента, и целого текста. Следовательно, лексическое значение текстового слова является компонентом значения другой единицы – текста в рамках его целостности – и несет свой вклад в текстостростные обусловленные авторским заданием. Напомним, что не только значение слова в тексте не тождественно лексическому его значению на уровне высшей лингвистической абстракции – в словаре, но и «образ автора», как любой образ, предстаёт как одна из содержательных форм концепта, имеет концептуальную основу и проявляется в тексте как авторская концепция.

Учитывая три способа существования языка (язык-система, язык-способность, язык-текст), лингвисты выделают соответствующие три типа ассоциативных организмованных полей: семантическое поле, ассоциативное поле и текстовое ассоциативно-семантическое поле (см., например, [Чурилина 2002]). Каждое из них последовательно вбирает в себя те или иные признаки предыдущего, обнаруживая и здесь, в достроенных иерархиях полей, признаки «основой следствия», не предполагающей обязательного повторения всех элементов входящего в derivation, образующих к иной среде существования слова, лишь в систем виде содержащих информацию коннотационного характера. Сказанное относится к текстовому использованию в различных видах дискурсивных практик даже такого явления, как знаменитость. Сказанное тем более относится к такому лексикоцентричному явлению, как многозначность текстовая диффузность значимой целостности обнаруживается с помощью разных актуализаторов, вызывающих воспоминание о тех ситуациях, которые порождают неопределённость смыслов.

Это могут быть ситуации реальных исторических событий «Россия готова к новому уровню отношений, но молодая безбашенная Америка и умирающая Европа – нет» (АиФ, 2007, № 48) (вычленившись буквального смысла – без башен-башенцов – здесь не присутствует даже текстовая автономная мода – умирающая).

Кроме того, в основе следствия текстовых смыслов и метафорических полей, с ними связанных, могут лежать и сложные, виртуальные сюжеты, как в следующем текстовом фрагменте статьи С. Якимовича «Но почему же именно: «Я и сейчас, потеряв катастрофическое поражение в «следовой войне», Россия не пропала. Она (страна Европы – Н. С.) даже вызывает к справедливости; нечестно, дескать, думать, что на такой претерпевшей переке развалился бараном один Иван. Впрочем посторонний забраться на тану почку будет сейчас не так-то просто, вокруг неё на всякий случай был возведён ракетно-ядерный забор; Европа хоть и дурак дураком, но за эти годы все же кое-чему научилась...».

Далее автор с опорой на генитальны источникового фрейма выстраивает целевой фрейм, группирующийся вокруг концепта «судьба»: «Возможно, лишь

печка и наша труба как раз станут нашей национальной судьбой (курсив автора – Н. С.) – по крайней мере на время, необходимое для переживания. Многие этому удивляются, не желая прощаться с «сырьевой» практикой. Однако если трезво рассмотреть реальные альтернативы, «сырьевая» судьба превратится не столь страшная: лучше уж труба, чем «судьба и палуба». Возможно, мы и в самом деле оказаны рожденью, чтоб сказку сделать былью (здесь и далее прямое указание автора на связь сказочной и реальной ситуации – Н. С.). Только не ту сказку, которая припоминалась когда-то маме интеллигентки, которая была мажоритарна из чужого фольклора, а свою собственную – русскую народную.

Текст обнаруживает не только истоки авторской истыкательной деятельности, рефлексия над словом, но и прогностическую функцию слова и текста в целом: роль мифа и ключевого для предельного и целого текста слова труба в организации текстового ассоциативно-семантического поля, исключительного разнородные лексические значения количественные и относительных прилагательных. Свобода их использования для выстраивания разных концептуальных признаков определяемого, ограничительная функция по отношению к обозначаемому им классу свидетельствует в пользу семантического единства разрозненной и категоризированной основы связи прилагательных (ср.: национальная судьба, не столь страшная судьба, сырьевая судьба и сырьевой практикой, ракетно-ядерный забор при морятанном спите, холодная война, собственная «русская народная сказка»).

Текстовое ассоциативно-семантическое поле обхватывает по смыслу и те слова, которые в лексической системе обложены прежде всего по форме – члены одного словообразовательного гнезда, паронимы и омоформы, способствуя созданию когезионных речевых актов, выделенных способов мышления и психологические особенности персонажа, как в следующих текстовых фрагментах: «Говорит, например, с ним какой-нибудь хитрец и выдает в речь, например, слово «дуванность». А Лёва стоит и так чуть замкнуто выкивает – но не потому, что осмывается, а потому, что входит в ритм, как самофониет, который собирается вступить».

И вступает неожиданно мощным баритоном

А в играх в кулонари видел дуванную говядину

Как... - Завоюет двадцать в сторону твое рта, когда один хор анше со-вокупуется с другим хором на нашей стороне. – Вы не ошиблись. Лев Семёвич?

- Да нет – не должен был

Могает быть, донимается наборник всего светлого, – дуванную (курсив автора – Н. С.) говядину?

- Да... какой-то момент был. А в чём разница?

Лёвин собеседник пару секунд вперёд намеревается разъяснить разницу, а потом осмывает, что разговор уже целиком состоялся; корневая морфема как адро-слова вытаскивается мародером и основной концепта.

Моделирование текстовой ситуации задаёт и специфику текстового ассоциативно-семантического поля, всё разнообразие и направления использования

и нём психокогнитивных связей. Стратегический подход к коммуникации, к организации коммуникативного пространства позволяет заметить, что в авторских построениях предметом рефлексии становится и буквальный облик слова, когда речь идёт о его детальном восприятии: «Слово это (комедия – Н. С.) премудро – таёвное, как сладком, комед как медведь» (А. Приставкин Парный день – последний день творенья)

Разные уровни языковой компетенции, а также разные стилистики языковой свободы объясняют внутри и внеязычную форму слова и стратегию ее манипуляции словом, построения языковой лингвистической компетенции: «Просто у каждого человека свои разговоры, оно потому и называется разговором, то есть группа людей, которых объединяет один язык. На самом деле странна другая сторона явления – большинство русских людей понятия не имеет, что такое настоящее чужеземное общение и что такое наш настоящий изобретённо-вымышленный разговор. Они полагают, что на славянские темы распространяются только герои Достоевского, а в жизни всё обходится десятком глаголов в повелительном наклонении, мотом, междометиями и заречным «считай!» (И. Пильчук. Поэт и замарашка). Историческая примативность настоящего отсылает к протопитиетическим признакам последующего крибуствено-субстантивного комплекса.

Искусство и художественный текст как одно из его проявлений – это форма познания и освоения мира в ряду других, то есть когнитивная функция обобщает искусство с наукой, философией, предметно-практической деятельностью и т. д. Кроме того, все эти формы познания ориентированы на культурную среду как систему более высокого порядка, причём «спереди» здесь может быть осмыслен и как ключевой концепт энергии, противостоящий хаосу и выполняющий интегральную для разных жизненных практик функцию само-познания гармонии. Парадокс поэтической речи складывается прежде всего с её метрической основой, единым метрическим пространством поэта и слушателя, целостной звуковой материей, однако её, эта основа кристаллическую решётку, образуют слова. Метрическая структура может быть отчуждена от словесных значений, но ничем, кроме слов и связей слов их взаимного притяжения и отталкивания она образоваться не может [Губайловской 2004: 144]. Имена праимитивные включаются в передачу, в том числе и метафорическим способом, авторского видения гармонии. Текстовый фрейм-цель попадает в поле когнитивного притяжения фрейма – источника (кристаллическая решётка), что объясняет взаимодействие качественных и относительных праимитивных и выполнение образного задания. По словам автора, здесь ассоциативная свобода поэта не странна, а интеркоммуникация поэта – это ситуация воронки, которая «материализует слушателя».

Исследуя когнитивную базу языковой способности укажем эту базу с единой нейронной матрицей мозга, когнитивная устанавливает иерархию взаимодействующих ситуаций, лежащих в основе сопряжения сознания, подсознания и сверхсознания. В этом случае сенсорным и языковым система, транслирует в наш сознание, работает параллельно, но у разных людей доминантным оказывается какой-то из этих базисов Г.С. Воронков [Международная 2006. 236-237] утверждает здесь подтверждение павловского учения о двух сигнала-

ных системах и учения о двух типах мышления. О смысле сознания в сторону ощущения говорит и предельные тексты, отражающие данную картину мира «справа и чувство, в сознании, во чувством, сознанием выполненного долга и т. п. О различной степени абстрактности восприятий, например, представляющей на их пути к конкретным знаниям в своё время и лингвисты (П. В. Чесноков и др.). Кстати, одна из коммуникативных стратегий СММ, связанная с различными формами речевой ирреции, – «защита читателя, активизировать его восприятие и тем самым заставить уйти от преднамеренной фальши».

Не случайно образ, понятие, символ признаётся содержательными формами когнитива. Когнитив же формируется на базе когнитивной формы слова, того первичного образа, который лёг в основу номинации, в том когнитивном пределе, который сложился в рамках типа дискурса. Согласно определению С. Американа, «Смысл есть образ, он есть язык, выделенный всей организмом языка, комплексивной множественностью образов... Прямой образ и глубинный смысл выступают в его структуре как два полюса... Переход в символ, образ становится апроприативным, смысл просчитывает систему него, будущи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая колоссального «вложения» в себя» [Крыжак 1996: 826]. Тем самым когнитив выступает единичной национально-специфической картиной мира, на которой замыкаются и дискурс, и ситуация, и коммуникативное пространство слова и текста. Так, понятие языковой ситуации предопределяет включённость в сознание языковой личности знака и образа знака, а также образа объекта окружающей среды: слова же относятся к ему замещающей знаком объект окружающей среды [Международная 2006: 56].

Характерной особенностью современной прозы признаётся её полидикурсивность. Это связано с многообразием ситуаций и художественном тексте ситуаций, с обширностью его коммуникативного пространства, с когнитивным многообразием выстраиваемых в нём возможных миров. Ситуаций, которые движут сюжет, более чем достаточно и в детективных жанрах, но не они определяют лицо современной художественной прозы. Многообразие, актуальная среда в её представлении лексической структурой текстов отличает прозу В. Пелевина, Б. Акунина, метафизический дискурс пронизывает историю и прозу И. Бродского. Однако полидикурсивность была характерна и для классической художественной прозы, и особенно для таких вторичных жанров, как комедия, дневники, письма. Так, уже в письме Ф.И. Тютчева 1847 года представлены элементы железнодорожного дискурса, актуального в прозе и поэзии серебряного века. Ср. «Железная дорога является в Нишине, в 24 милях от Франкфурта. Препятствую сесте в движении – я, Боже мой, какой дальности! – И это после железной-то дороги... Мирский дальности что и говорить! 24 мили мы едем целых двадцать часов» [Наш современник, 2008, № 13].

Один из видов дискурса в построении художественного текста – дискурс персонажа, рассматриваемый как лингвистический экоррект черт душойного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме её социальные, этические, психологические, эстетические составившие [Карау-

лов 1987: 71]. В этом типе дискурса персонаж выступает как модель реальной языковой личности (Т.Г. Вишневур).

Язык как система ориентирующего поведения предстаёт именно в различных типах дискурсов и связанных с ними стилей, где соединяются индивидуальные особенности личности и когнитивно-коммуникативная предикционность языковой системы. В свете тенденции к укрупнению научных объектов исследования вслед за Ч. Филлмором всё чаще говорят о дискурсивной семантике» (В.В. Чернышова), включая язык в систему более высокого порядка — культуру, о дискурсивных мифах, дискурсивных операторах (В.Г. Берботько), интердискурсе (А.А. Кабыр), дискурсивных смешениях (И.В. Салышева и др.). Задача современного образования также видится в формировании мультимедийной ориентации в информационном пространстве, культуре юм, природы, социальное, мультимедийное жизнепространство. Жизненное пространство в таком истолковании предстаёт как совокупное пространство жизненных ситуаций, в которых действует, то есть проявляет разного рода активность, языковая личность, говорящая о мире. При этом действительность принимается как способ удовлетворения своих потребностей, мотивов, целей с опорой на старое знание и добавление к нему элементов нового ср. рассмотревши корни слова, его внутренней формы как зародыша концепта (В.В. Коссов), символ как череду размытых линий будущего текста, как своеобразного атлетского гонца [Лотман 1999: 145], артефакт как того проформа, который последовательно подвергается дифференциации по мере развития мышления и языка [Шерак 2004]. На этот колдовской окрикетизм образа указывает, в частности, рефлексия над библейским текстом, инкогнитоном местоимения в функции смыслового индекса (Н.К. Шведова): «*И воззвал Господь к Адаму, и сказал ему: где ты?*» (курсив В. Вранкова и его ссылка на Книгу Бытия — Н.С.)... творец даёт человеку возможность самосредствиться, запуская механизм рефлексии, и требует от него выражения своей сущности в осязающей речи. Разумеется, это вопрошательное наречие *где* (слова автора — Н.С.) относится не к ориентации тела в пространстве, а к неопознанию души и мира и означает вопрошание дальше и глубже: *кто ты теперь и как измерен мир?*». В синкретическом пространстве мифа, на которого вышла литература, говорящий держит речь за всех. Такая фигура, как актер, просто бессмысленна в источнике литературы. Таким образом, литература в конечном предельно не что иное, как немая акустическая и стремление к возрождению коллоты бытия. Так было — и в определенном смысле — так будет всегда. Литература — это праствук по метафизике. Всё прочее — «визуальная словесность» (Нильсман Ермаков. Речь, которая лучше молчания. Смерть автора и воскрешение героя). Выделенные прилагательные в соответствии с семантической разрядом, в который они входят, выполняют функцию классификации, ориентируя как указывая на степень определенности приёма предмета в качестве первичной при общем значении качественной характеристики.

Особый аспект анализа текстового поведения прилагательных — действительносторечевая основа квалификатора как семантического новшца в языке и тексте.

Явление семантической деривации подвергалось изучению в различных аспектах: номинативном, словообразовательном, в аспекте типологии лексических значений с учетом комплекса значений для слова признается

Детально-информативный, коммуникативный аспект модели семантической деривации предполагает исследование языковой речевой многозначности, реализации стилистических и текстовых потенциалов отдельных словоизменений и их совокупности в соответствии с речевым заданием, мотивом обращения к использованию семантических дериватов

Коммуникативная основа семантической деривации отчетливо выступает при обращении к новообразованным, системным и текстовым. Так, в системе признаковых слов отмечается тенденция расширения смысловой структуры слова преимущественно за счет развития языковых значений, причем словоность носит, как правило, глобальный характер, проявляясь в когнитивно-семантологическом, – семасиологическом и – функционально-стилистическом отношении.

Наиболее распространенным видом речевых единиц семантически новых признаков выступает признак пригодности языкового средства для выполнения ситуативного задания, его коммуникативной гибкости и приспособляемости к заданным условиям общения, своеобразия языка его права на исключение в речевую действительность субъекта речи. При ориентации на индивидуальную речевую систему виды и функции речевых единиц образуют язык наиболее разнообразие: это и способ выражения разных видов текстовой информации, и элемент языковой игры или мотив-отказа от участия в ней, и элемент словообразования. Так, речевой единице может подвергнуться способ художественного выражения, на базе чего складывается оригинальная философская концепция «Красный, белый, квадратный укус – божье имя, кто это написал? Какой-нибудь декадент? Постимпрессионист? А определенное душевное состояние геометричностью пропорций, жестами, цветами: синий с желтыми полосками обоям, узкий размер всего номера! Уж не абстракционист ли это? И, конечно, не спиритист, но с моей любительской точки зрения, Толстой, отрядивший вешетский полк, в своем произведении даже опередили и Чбы-го и Бодлера, и Верлена, и французскую живопись конца XIX и начала XX века, и дошедшего до кубизма Пикассо (квадратная комната, соотношения света и подсвечника, квадратный укус!» (Н. Калашов. Обширный старичок)

Как видим основой текстообразования здесь выступают относительные и близкие к ним по значению цветные прилагательные, воспроизводящие колоритный эффект содержания определяя и определяемому в «языковой сущности», ср. хотя бы интересное новообразование «квадратный укус» на фоне нормативного «квадратная комната». Оперу на спиритизма, спиритический язык цветных прилагательных привлекаются кребутивные словоизменений специальной форме, сохраняющих преимущественно относительные прилагательные, характеризует стилистической прагматике создания новых смыслов (подверженность человека как единицы Космоса его воздействию, ритмам, энергии, беззащитность перед ними) в яном тексте В. Калашова «Все, кому не лень, послалит в мою душу, в мой мозг свои сигналы, свои интегральные при-

ма, как бы управленца языком на расстоянии все эти душюары, туманности, астероиды, белые и красные карлики, солнечный ветер, магнитные поля, северные сияния, вся бесшумно гремущая вокруг меня бесконечная и безначальная Материя, ведь этот космологический «бурлеск» (Кубань). В последнем случае особенность обозначения языком содержит онтологического определенного. Специальным употреблением слова в языке может делиться и внимание к способу выражения персонажа, на базе чего возникают дополнительные текстовые осмысления образноупотребительного значения и его места в семантической структуре слова. «У нас вульгарный пансионферт», – сказал Илья Давыдович – Лебе красочный порок почки».

Внимание Вероники зацепилось за слово «вульгарный». Она думала, что вульгарные могут быть только люди, а не болезни. Как человек, работавший со словом, она отметила, что «вульгарный» – в прямом значении этого слова: примитивный, обычный. И значит, вульгарный человек – это человек обычный, почти не примечательный» (В. Токарева, Длинной цела). Недостаточность лексических значений слова в системе языка дала основу созданию нового смысла слова по отношению к свойствам человека.

Привлекает внимание противопоставление значениями одного и того же явления как противоположные смыслы во времени жизненных ситуаций и опытов. Само это противопоставление ритор и одновременности содержит возможность разной их квалификация адресатом. «Всю свою жизнь с молодости отец возмнил с таском, как он. Теперь их называют трудными. А тогда они назывались безприторными» (В. Амслонский, Оправдан будет...). При явном противопоставлении (тогда – теперь) окупимо и объяснение текстовых смыслов, выражаемых прилагательными, и по собственно языковым ассоциациям (безприторный – беззащитный, потому и трудный), и по приоткрытой известной разобщенности детей и родителей в словесных условиях современной жизни. Ср там же: «Некоторые науки были запрещены в зародыше. А землетрясение развилось пышно в биологии. Впрочем, когда оно развилось, само слово «летельные» воспринималось как семантически». Здесь мы сталкиваемся с широкой речью прилагательного в порядке определенного социально-психологического опыта, с дискретацией слова как обозначения чуждых, якобы несущихся понятий. Отрицательная определенность прилагательного передает заблуждения людей в поисках звуковой истины, отсутствие непродуманной границы между знанием и незнанием. Сейчас слово «летельные» поменяло свое коннотация, обозначая один из передовых рубежей современной науки.

Учет коммуникативных потребностей говорящих, фактора адресата и адресата при выделении семантических зонной обнаруживает системы языковых предпосылок и способностей создания дериватов. К их числу следует отнести ситуационно-речевую опору на разные виды системных отношений в лексике (группировки по разным типам лексических значений, гетеро-гипонимические, синонимические, мотонимические, исключительные и др.), частичную или полную неслышимую потенциальность сем исходных для деривата значений, актуализацию всего спектра коннотативных сем (особенно функционально-стилистических, дольных, идеологических, символических, образных), использо-

вание в иллюстративном материале лексических словарей элементов энциклопедической информации, описание ситуации употребления слова, контекстные указания на мотивы выбора нового значения. Сигналы описаны семантического деривата служат помещением его в однородный или примычный для говорящего ряд слов с общими знаменными значениями, прямое и косвенное цитирование (речушечность или полемическая заостренность), аперсифы необычного средства на общедоступный способ выражения, замкнутость слова, использование в равных структурах осложненного предложения в качестве объясняемого члена, апелляция к новому обозначению как способу аргументации излагаемой информации. Низовские аспекты представляются семантическими кодами, значительная доля которых приходится на прагматические, рассмотрены на текстовом материале иллюстраций лексического словаря [Сушицкая 1994].

Таким образом, если признать вслед за Ю.Н. Карауловым, что за каждым текстом стоит языковая личность, следует признать множественность языковой и коммуникативно-языковой, а также - и культурной компетенции от владения системой языка и нормами словопользования. Последние в значительной мере определяются лексикосистемными и речевыми характеристиками слов, включая также прагматические, а также типами дискурсивных практик, в которых они используются. Уместно здесь привести высказывание И. Вайтгенштейна, говоря о создании современным лингвистическим и – шире – лингвистическим представлением «о человеке и языке». «Выбранный термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорение на языке представляет собой компонент некоторой деятельности, или некоторые формы жизни» [Вайтгенштейн 1986].

Литература

1. Вайтгенштейн Лео. Философские исследования // НЗЛ Лингвистическая прагматика. Вып XVII – М., 1986
2. Губайловской В. Голос поэта // Новый мир, 2004, № 10
3. Жолковский А.К. Извещения. – М., 1995
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990
6. Лозина Ю.М. Внутри мыслящих миров – М., 1999
7. Международная конференция по когнитивной науке – СПб., 2006
8. Первая Российская конференция по когнитивной науке. – Казань, 2004
9. Символ // Краткая литературная энциклопедия – М., 1986, т. 6
10. Сушицкая Н.Е. Антропоцентрические аспекты научного дискурса Учебное пособие. – СПб., 1994
11. Фрумкина Р. Люблю отшельника, но страстно люблюлю // Новый мир, 2002, № 3.
12. Чурилова Л.Н. Лексическая структура художественного текста. принципы антропоцентрического исследования. – СПб., 2002

3.2 Функциональная обусловленность рассмотренных значений языка прилагательных в их текстовые функции

3.2.1. Функциональный критерий в типологии лексических значений

Мысль о единстве собственно семантических и прагматических характеристик слова в иных терминах проводилась в исследованиях стилевых и в целом соответствует современным положениям дискурсивной семантики. Правомочность введения стилистического измерения в типологию лексических значений подтверждается стилистическими исследованиями последнего времени, отмечающими единую природу собственно семантической и стилистической характеристик слова, исходящих из которых информируют и об актуальных смыслах, и о способе мышления, и об отграничении определенных форм общественного сознания говорящих, выступающих в той или иной социальной роли. Вся эта информация о разных видах дискурсивных практик отожествляется и в характеристике разных функциональных подсистем языка.

Продуктивной при проведении типологии лексических значений представляется мысль о том, что стилистически отмеченные средства языка в отличие от стилистически нейтральных, несут информацию об определенном типе речи, сфере применения, сигнализируют и о содержательных различиях, свойственных этим подсистемам [Шмелев 1973: 119-120, Винокур 1980, 1975].

Т.Г. Винокур «выводит стилистический аспект из семантического уровня» [Винокур 1975: 54], справедливо считая, что «стилистическими коннотациями движут смыслы» [Там же: 60], что смыслы, актуальные для одной функции социальной подсистемы, часто непередаваемы на язык другой в силу разных причин. К этим причинам можно отнести абстрактность, «обособленность», терминологичность, аналитичность языковых средств; диффузность, неопределенность, нестремительность (в отличие от научных), семантическую прозрачность, определенность слов нейтральных. Семантическая интерпретация стилистических значений слова позволяет поставить вопрос не только об обусловленности типа лексического значения местом слова в функциональном расчленении языка, но и обратный: об способности типологии лексических значений (по собственно семантическим признакам) слов разной сферы употребления. Признаки функционально-стилистика признаков слова типологически релевантным признаком лексического значения позволяет заключить, что организованная на функциональной основе стилистическая парадигма дает свои прояснения в типологии лексических значений. Эти парадигмы обуславливают противопоставление на высказывательском уровне стилистически нейтрального и стилистически отмеченного типов лексического значения, по-разному комбинируемых в составе синтаксических рядов как микросистем в пределах микросистемных образований типа семантических полей. Стилистически отмеченное значение потенциально содержит указания на типовые возможности, направления и пределы узуального употребления слова, а также служит основой класси-

дуально-авторских новаций, смешанного употребления слова в иноязычной среде. Такова функциональная основа расхождения лексических значений по типам, двойня протипа в систему Функционально-отмеченными, по В.В. Виноградову, служат типы лексических значений, связанные с прагматическим в лексическом значении слова специфическим черт функциональной ориентации (экспрессивно-синонимическое, предиктивно-характеризующие). Экспрессивно-синонимический тип значения (устанавливаемый в микросистеме синонимического ряда с нейтральным опорным членом, как он представлен у В.В. Виноградова) выступает как один из проликативной стилистически отмеченного типа значения (устанавливаемого по отношению к микросистеме стилистического расхождения слов) в его противопоставлении, охватывающем всю лексику, стилистическая нейтральному типу лексического значения. Это разделение реализуется у В.В. Виноградова о взаимосвязи лексического значения от экспрессивной и стилистической окраски слова. Термины, указывающие на функциональную ориентацию всего лексического словообразовательного к словам в микросистемах синонимических рядов, представляются более адекватно отражающими типологический статус лексических значений и используются также в анализе текстовых функций относительных и количественных прилагательных. Экспрессивно-стилистическое значение предстает специализированным способом выражения модальности и прагматической установки текста – признаков, вы у кого не называющих компоненты при самом критическом отношении к функционирующим определенным текстам.

Исследование функциональных, динамических, поведенческих основ типологии лексических значений требует внимания к субъективным факторам, элементам субъективной модальности, связанным с функциональными условиями говорящего, с прагматической направленностью в употреблении слов.

Иностранная функциональная обусловленности типов лексических значений прилагательных как прилагательных слов реализуется и связана с тремя основными представляемыми (традиционно-стилистическим, когнитивно-прагматическим, коммуникативно-лингвистическим), содержательные слов накладывают на типологию лексических значений, выстраиваемую по системно-структурным основаниям.

Далее систематизируется функция прилагательных в связи с разными типами их лексических значений, выявляемые в текстовых ситуациях. Как уже отмечалось, основанием для выделения типа экспрессивно-синонимического значения (В.В. Виноградов) выступает прагматическая дифференциация лексики на основе и в единстве ее функционально-стилистических и иных экспрессивных качеств. При разведении системно-структурных и функциональных характеристик типов лексических значений любой из них, выделенный по первому из названных оснований, может оказаться как стилистически нейтральным, так экспрессивно-стилистическим.

Функциональная обусловленность типа лексического значения создаётся отражением в структуре значения, в основном составе условий употребления слова, контекстом и широким смыслом. Семантически новации выражают единую коммуникативную процедуру предметно-логическая, рациональная, диспозитив-

ных и функционально-стилистических, прагматических, коннотативных компонентов содержательной структуры слова.

И способ переноса (деривационный признак), и вхождение слова в новую парадигму (парадигматический признак), и его линейные связи (синтагматический признак) коммуникативно заданы в самом акте возникновения нового значения, обуславливая определенность его типа. Деривационная функция, переносимая у слов научной и производственно-технологической сферы, составляющих основную массу новообразований в языке НТР выступает усилением вхождения от конкретного прилагательного в классификационную генеро-гипонимическую парадигму, замыкает пределы возможных линейных связей слов в новом значении. В его тематическом укладе на функциональные условия часто выступает гиперонимом и для круга ключевых супростантивных, в пределах которого они варьируют очень ограниченно. Новые значения, в момент своего возникновения опосредуясь другими, приобретают в массе своей с учетом указанных признаков тип фразеологически связанного значения. Этот тип лексического значения является ограниченным в семантических процессах: он фиксирует момент возникновения нового значения и момент отрыва одного из значений в случаях распада полисемии. Это объясняется признаком, содержащим нестабильность смыслового объема слова, неясность сапификата (в случаях терминов и угазок), опосредованность более стабильным в лексической системе значением, близость от производящего слова, ограниченность сферы применения.

«Языковой вкус эпохи», актуальность для говорящих новых символов ведут к изменению терминологического статуса старых значений слова, относительно их новым. Пришло считать, что свободно-поминативное значение слова является обусловлено синтагматически. Но если синтагматизму понимать широко, как уклад не только реализация, но и осознания значения в системе языка, то свободно-поминативное значение и синтагматический наиболее обусловлено, закреплено в лексической системе. Оно допускает свободу как сфер применения так и минимальных контекстов, требуемых усм или иным образом.

Разнозначность свободно-поминативного и фразеологически связанного значения коммуникативно оправдана: первое обуславливает стабильность слова в системе языка, второе – его изменчивость. Коммуникативные потребности, различная дискурсивная практика объясняет наличие многозначного слова на разных по типу или однотипных, но функционально равноплановых значениях.

Функциональная обуславленность развития новых типов лексических значений связана с с расширением возможностей слова в кругу социального употребления, и с выходом слов за пределы социальной сферы.

Сопоставление семантических новаций в системе относительных прилагательных с особенностями типов их «традиционных» значений позволяет видеть строгую регулярность в системной обуславленности при формировании и распределении типов лексических значений в семантической структуре слов.

Таким образом, в настоящем разделе рассматриваются типы лексических значений, связанные с принесением в лексическое значение слова специфических черт функциональной ориентации, а также систематизируются функции прилагательных как прилагательных слов в связи с разными значениями лексических значений, выявляемые в текстовых ситуациях.

3.2.3. Текстовые функции родственные по лексическому значению качественных прилагательных

Определением в области коммуникативных свойств слова является установление «отношения средства выражения к выражаемому» [Булаковский 1955: 7]. Этим открывается возможность исследовать текстовые функции разнообразных категорий языковых средств с учётом присутствия им семантических признаков. Требования исходить из содержания расширяются не только на категорию лексика, но охватывает и общую направленность текстового языка других категорий средств, в том числе и определенных грамматических разрядов слов. Способы их текстового поведения не вполне раскрыты. Обращение к грамматической семантике позволяет говорить о функциональных возможностях в самом общем виде: «В языках прилагательных наблюдается режим разных качественной окраски. Языки прилагательных качественно допускают возможность широкого распространения владениям отнесенности качества. В них ярко выступают разные виды качества или субъективной оценки степени качества по отношению к максимальной его норме» [Виноградов 1947: 326].

Стилистические оценки прилагательных в «Справке по стилистике русского языка» А.Н. Гвоздева, сделанной в анализе от общего семантического строения этой части речи, означают одностороннюю неполноту.

Следовательно, в установлении текстовых функций языка прилагательного нужно исходить из тех различий, которые складываются в пределах грамматической категории на основе семантических и грамматических признаков, концентрированных в анализе употреблении.

Грамматическое прилагательное, которым определяется связь с существительным, общим для качественных и относительных прилагательных. Вопрос изучения одного из разрядов языка прилагательного, реализующего общедомашнее качество, с точки зрения принятых в характеристике лексических значений слов семантических различий по типам лексических значений, открывающих семантические связи.

Напомним, что вопрос о типах лексических значений не имеет еще однозначного решения. Широко известная концепция Н.В. Виноградова убеждает не всех учёных, о чем свидетельствуют работы В.Н. Голосенко, Н.Н. Амосовой, Т.Н. Смирновой и других. Семантическая структура прилагательного не позволяет ограничиться свободно-номинативным и фразеологически связанным типами лексического значения. Лексическим связным значением является промежуточным между этими полярными типами. В понимании Н.Н. Амосовой тип лексическим связного значения оказывается чрезвычайно широким вследствие обращения автором свободно-номинативного значения и нуждается в уточне-

или От свободно-комбинированного значения лексически связанное отличается отсутствием прямой, непосредственной направленности на предмет (достоверностью основным значением) и той свободой сочетаемости, которая присуща основному значению слова (правда, свободы относительной, обусловленной в конечном счете этимологией, исторически и предметно-логически).

В отличие от фразеологически связанного значения, независимого от семантики ключевого слова, реализующегося в сочетании с узкой, строго фиксированной группой слов (чаще всего с 1-2 словами), не всегда мотивированной по смыслу, лексическое связанное значение ограничено сочетаемостью с некоторыми лексическими рядами (иногда это группы с небольшим числом компонентов, иногда достаточно пространные). Как правило, эти ряды поддаются семантической или стилистической интерпретации, часто пообразительны к тем или иным категориям определенных слов, как конкретность - абстрактность, одушевленность - неодушевленность и т. п., и на частном лексико-семантическом подуровне. Качественно привагитально с лексически связанным значением семантически соединяются или только со словами определенных тематических групп, или преимущественно с ними.

Обусловленность коммуникативных возможностей привагитальных тематик их лексических значений предполагает наличие лексических значений одного слова в связи с семантикой других слов с точки зрения относительной и выражаемого содержания и других критериев, которые выступают в силу при оценке использования языковых средств в языке художественного произведения.

В работах советских лингвистов (Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, Е.А. Ларина, Л.С. Козуна и др.) выявляется диалектика общего и отдельного в языке писателя, обосновывается связь индивидуальное творческого использования лексических средств с характером общепринятого употребления.

Под указанным углом зрения материал художественной литературы может рассматриваться при выделении общезначимых закономерностей. Способность в использовании лексических средств возникает на базе типового (что будет видно при дальнейшем анализе конкретного материала), всякое отступление от нормы конкретизирует самую норму, которая допускает только мотивированные отклонения. По словам Л.С. Козуна, недостаточна пока разработанность этих мотивированных отклонений, «творческих приемов каждого из писателей» [Козун 1957: 81], на фоне которой исследовать мог бы анализировать значения описываемых им слов, усугубляет трудность словарного и тематического анализа.

Практика статистического анализа художественных произведений пока знает, что комплексное исследование индивидуального, особенного без сопоставления его с тем, что представлено в лексической системе языка. Это и понятно, ибо художник слова оперирует тем же материалом, что и народ, говорящий на данном языке, преломляя, деформируя этот материал в соответствии с идейно-художественными задачами, стоящими перед ним. Иное дело, что лексика, попавшая в художественный контекст оказывается подчиненной ему, испытывает влияние всей образной ткани произведения, что, естественно, в

первую очередь оказывается на смысловом переопределении слова, на тек семантически единиц, которые у него возникают. Однако эти отклонения оказываются вторичными по отношению к языковой семантике, возможными лишь на ее основе. Поэтому изучение лексического материала в языке художественного произведения служит не только выведению индивидуального своеобразия писателя, особенностей в использовании им той или иной категории языковых средств, но и установлению тех возможностей, которые заложены в языковой системе, то есть задачи путем поиска особенно уточнить общец.

Слово с его структурно-семантической сложностью является тем материалом, переработанном литературой, качеством которого обуславливают возможности создания словесного образа: «В основе всех разновидностей формы и стилей современной русской речи лежит единая структура русского языка с ее функциональными вариантами [Виноградов 1947: 5]. Отмечаясь В.В. Виноградовым закономерность действует в языке объективно, независимо от того, осмыслил это писатель или нет. Материалом произведений Горького представляется особую ценность при исследовании системных закономерностей, ибо их автор вымеренно, сознательно и целенаправленно использовал те возможности, которые заложены в семантике слова. О последовательности во взглядах зрелого Горького на принципы отбора языковых средств свидетельствуют многочисленные его высказывания по вопросам художественного мастерства и письма в произведениях писателя. Характерную литературу как «искусство писательского изобретения посредством слов», М. Горький требовал употребления слов «с точностью самой строгой». Он видел в языке «сверхэлемент литературы», тот материал, «из которого делают стихи, рассказы, романы, и, осознавая, что «из такого материала хорошую вещь не сделаешь, так определял отношение писателя к языку: «Всякий материал - а язык особенно - требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть, - всего, самого яркого, звучного, и - дальнейшего, доброго развития этого лучшего [Русские писатели 1954]. Сам писатель в пору спелой творческой зрелости искусственно следовал выдвинутым требованиям

Вопрос об условиях, возможности употребления качественных прилагательных разных типов лексических значений, выделение смысловых компонентов, возникающих при их использовании в художественном произведении, предполагает особое внимание к контексту, если ¹⁰⁰ под последним понимать «не полную формально фиксированных условий, при которых однозначно является содержание какой-либо языковой единицы» [Косманский 1959: 47], «Формально фиксированные условия» выделенные значения прилагательного являются его сочетания с существительными, в зависимости от которых различаются в том же лексическом значении прилагательного. Это связано и с семанто-синтаксической характеристикой прилагательного как части речи, качество предполагает наличие субстантив, им обладающей, определение - включение определяемого слова. В большинстве случаев ключевое слово (существительное) позволяет однозначно определить прилагательное. Таким образом минимальным контекстом для прилагательного служит его сочетание с существительным (двухсловное сочетание). В двухсловном сочетании семанти-

за прилагательного представляется в «чистом» виде в отличие от трехсловных и других сочетаний, где значение прилагательного оказывается связанным с его поясняющей, уточняющей функцией, обусловленной более широкой контекстом и семантическим контролируемыми разнообразными текстовыми парадигмами (ср. у Горького «фарфоровый блестящий белос; сияющий фарфор веселых глаз»). Однако в ряде случаев прилагательные трехсловных сочетаний в вообще более широкого контекста при анализе прилагательных все же можно.

Важная роль не только выражение мысли говорящего, но и языковая форма, имеющая в виду слабую устойчивость - восприятие. Это с максимальной отчетливостью проявляется в художественной речи, где прямая функция языка осложняется особой целевой направленностью, а критерия оценки языковых фактов приобретают иной характер. Однако «индивидуальное» выражение расчитано на «общую» восприятие. Эта двусторонняя обусловленность - еще один аспект в отношении индивидуального и социального. Для Горького, как и для всякого писателя, выбор языковых средств во многом продиктован стремлением сформированным образом воздействовать на читателя. Горький указывал: «Мне нужно, чтобы каждое слово, каждая фраза попадали бы в твою, к месту, чтобы в каждой отдельной фразе, по возможности даже вытой отдельно от других, слышалось отражение главного мотива, центрального, так сказать, построения [Русские. 1954: 431]. Поэтому усиление смысловой насыщенности слов, анализ направленностей, по которым идет предложение возможностей языка, и основные признаки такого предложения особенно важны в случаях особого социального переосмысления общеупотребительных элементов языка в тех приемах «скрытой» риторики, которые широко свойственны М. Горькому в смысле ее современной ему интеллигенции.

Так, например, прилагательное «бородатый» в его значении «броский бородач» [Словарь. 1948 - 1965, в сокращении БАС, последующие издания даны в основном на это издание] не имеет специфического характера. Использование слова Горьким позволяет заметить, что из 17 употреблений 14 относятся в сочетании с существительными, называющими людей, особенно аркадий Самыку (Бородатый солдат, мужик, пивачик, марксист и т. п.) Указывая на внешнюю деталь, прилагательное приобретает в широком контексте специфическую, отрицательную окраску: «Неприятен был и бородатый студент...»; «Он решил немножко пошутить себя бородатому марксисту и серьезно проговорил...»; «Неудачник пошел на фронт солдатом и тем глухом, утреннем раздражении против бородатых солдат пластинкой, вперев. В этом раздражении было нечто уже враждебное людям, как бы не были одеты они - в рубашки запятого цвета или в колпак и сапоги. В конце романа прилагательное, будучи помещенным в однородный ряд с аллитерацией зубчатый, выражает определенную ненависть сочетаясь с грубым по своей эмоциональной коннотации словом «рожи»: «Шлошники усаживались за стол, и ряд бородатых лиц напоминал Самыку с зубатыми, бородатыми рожами за стеклами окна в ресторане станицы Новгорода». Прилагательное «безграмотный», употребленное в романе, приобретает в ряде случаев оттенок презрительности. Хотя также использование прилагательного и не является специфически горьковским, оно приобретает лишь в широком

контексте «Или из страха выигрывает оттого, что безграмотные люди начнут рассуждать»; «Страна безграмотных мужиков нуждается в реформе, а не в революции» (в это же речи). Социальный «приматус» приобретает это прилагательное, оказавшись в узком контексте с другими словами того же, социального плана: «Безграмотный дел на свете нет Прудон и Маркс доказали это герардо обстоятельной, чем можно отны перели, гуманности и прочие безграмотные души» (Бердяков – Н. С.); «А наш промышленник – безграмотное животное, князю, кралюбер Недовно вычитал из книги крестьянского права и все еще раба (машинер Поном – Н. С.) В двух последних примерах необходимостью выражения социальной оценки во внутренней речи и диалогических речах персонажей предпринято расширение обычной сочетаемости прилагательного

Полносмысл слова, отражае широкое количество семантического варьирования, служит одним из основных историчеких расширений, развития многообразных стилистических возможностей и приемов, сохраняя память о тех дикурсивных практиках, которые сформированы Она создает, по словам А.А. Потебни, элементарную поэтичность языка, которая во много раз превосходит образность, создаваемую стилистическими средствами. Именно нейтральная общепотребительная лексика обладает максимумом потенциальных стилистических возможностей, которые остаются до сих пор недостаточно исследованными.

Анализ коммуникативных возможностей прилагательного позволяет заметить, что неоднородные семантические единицы объединяемые в составе полисемантических слов, относятся к разным по типу лексическим значениям группировкам, обладают различным коммуникативным потенциалом. Некоторые качественные прилагательные содержат в своей структуре все типы лексических значений, что дает возможность самой разнообразной сочетаемости и передачи тончайших смысловых оттенков Горький, владеет словом во всем богатстве его смыслового содержания, использует эти его возможности в целях художественного выражения. Прилагательное «высокий», данное в слове в 6 значениях, употребляется Горьким в 5 значениях, ситуационным оказывается то из них, которое несет преимущественно положительную экспрессию «3 Перевосное Достигший значительной степени развития, совершенства» Это отчасти связано с общей коммуникативностью эпитетно-оценочной лексики в авторской речи

Из 49 употреблений Горьким прилагательного «высокий» 25 реализуют свободно-комбинативное значение, 14 – лексическое связанное (стокий, приземельный, рекий; высокий тонкор, высокий голос, высокая нота; заманчивый значительное общественное положение, обидчивый большой властью, высоким (о человеке) высокий гость); 10 – фразеологически связанное (поднимающийся вверх, выходящий, выходящий высокий бост, высокая гора, значительный, важный, почетный, ответственный – высокий чество, обильной, открытой – высокий лоб и фразеологически связанным значением, реализуемое в сочетании с членом высокой личности)

Неоднородность семантической структуры прилагательного обуславливается также отразилась в использовании его Горьким. Свободно-комбинативное зна-

чаще отмечено в художественном тексте у этого прилагательного в сочетании с определяемыми: кипава, борода, трюхины, кивы, сугробы, содрина, ручей

Лексическая связность другого значения этого прилагательного – «о-веренный, полный, предельный» предполагает сочетание слова с довольно обширной группой существительных степенного значения, большая часть которых назовет явления, связанные с человеческой жизнью. У Горького: «глубокие» (-ой, -ая, -ое), мысли, сон, интерес, задумчивость, уверенность, чувства, раздумья, опреские. Значение «низкий, грубой», реализуется в сочетании со словом «голос», – фразеологически связано, использовано Горьким с указанием на характер голоса: «глубокий бас»

Прилагательное «большой» используется и в его свободно-комбинативном значении в сочетании с 33 существительными смыслами разнообразных тематических групп и в лексическом сочетании – «значительный по силе, по воздействию, сильнейше» – в сочетании с степенными существительными, называющими явления внутренней жизни человека (большой интерес, большое удовольствие, март, знамянка, любопытство, печаль)

Лексическим связным является и 4-е значение этого прилагательного «при существительных, характеризующих человека по основному качеству, по способности, имеет усичительный смысл, соответствующий по значению словам: в высокой степени, надвычайно, замечательный» – ср у Горького «в большие пылашки вышло»

Устаревшее, фразеологически связанное значение – «высокий» реализуется в сочетании «большой свет» Любопытно, что разнотипность, неоднородность смысловой структуры предостережена в романе Горького у семантически определенной части прилагательных: высокой, глубокой, большой – со значением размерной величины, которое таит в себе возможности разнообразных, разнонаправленных семантических вариаций. На смысловую гибкость подобных слов указывает Г. Пауль: «Пространственные отношения и процессы могут переноситься в сферы подространственных отношений» для выражения временных отношений, «могут явиться основой для обозначения интенсивности, для выражения оценки» [Пауль 1960: 116], характерны нечисловые переживания. Роль пространственных отношений в концептуализации мира стала предметом пристального внимания лингвистов и ныне для (ср. хотя бы сборник по серии «Логический анализ языка, высший парадигматический «Язык пространства», исследователи А.В. Кравченко, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелева, Д.А. Шумковой, В.Ю. Прокофьевой и ин. др.)

Большая часть прилагательных в их использовании Горьким реализует следующие типы лексических значений:

3.2.2.1. Коммуникативный потенциал качественных прилагательных со значением свободно-комбинативного типа

Индивидуальность использования, выступающая на первый план в художественной речи, создает большие трудности классификация текстовых возможностей. Согласно концепции В.В. Виноградова, прилагательные в свобод-

но-показательным значением ограничены в своей сочетаемости с существительными по преимуществу предметно-логическим, хотя это положение и не бесспорно. Поэтому сочетание со словами не свойственного им предметно-логического ряда, предметиванное авторскими задачами нарушения предметно-логической соотносительности обозначаемых ими явлений, становится одним из стилистических приемов, обусловленных характером семантики этих прилагательных. Иная, совмещенная несовместимого с целью создания особых стилистических или особой экспрессии — одно из направлений текстового использования или слов свободно-элементарного значения. С другой стороны, свободная сочетаемость прилагательных указанного типа позволяет в рамках этого типа значения путем подбора для прилагательных соответствующего словесного окружения, целенаправленной связи с существительными определенной семантической сферы создать необходимый эстетико-эдиционный эффект (даже у тех слов, которые в нормальном употреблении не предназначены для этого). Такими, как показывает материал М. Горького, два основных направления, по которым реализуется коммуникативная возможность прилагательных в свободном коммуникативном значении.

В отклоненных конструкциях порядка Г Пауль усматривает возможность выходящими «утраченного» значения слова, не отрывая, таким образом, их от традиций языкового развития: «Возможность, или, лучше сказать, необходимость изменений значений вытекает из того факта, что значение, приобретаемое словом в каждом отдельном акте употребления, не обязательно должно совпадать со значением, присущим слову как таковому согласно утрате» [Пауль 1960: 93]. И далее: «в подавляющем большинстве случаев значением утраченного значения вытекает из ряда изменений окказионального употребления без всякого участия сознательного намерения в этом процессе» [Там же 106], что, однако, по его мнению, не исключает возможности успеша попытки сознательного изменения значения. Эти соображения подтверждаются данными современной лингвистической науки — исследования о создающей роли хаоса, случайностей, согласованных с потребностями сложной самоорганизующейся системы, о флуктуациях, распадающихся стабильности системы, о малых резонансных воздействиях и т. п.

В плане использования первой из указанных выше возможностей интерес представляют прилагательные «белый», «слепой», «бессмысленный» и группа слов, включающая те прилагательные качества, которые реально для них невозможны

Прилагательные «белый», сочетаясь с существительными самых разнообразных тематических групп, не употребительно, в силу предметно-логической несовместимости, со словом «глаза». У Горького это прилагательное в сочетании «белые глаза» («На угли пристально белыми глазами на корынку смотрел Томши...») приобретает особую выразительность, так как является коммуникативным обобщением других определенной в предшествующем ему контексте, где выражаются идеи возмущения, гнева в основе образа: «Глаза у него были необыкновенные: на белых мутно-молочного цвета выпуклые, золотистые зрачки казались наклеенными», «Клим видел сбоку фарфоровый бле-

станный белок. Это напомнило ему мертвый глаз доктора Сокина» Сочетание белых глазки зашплет свое место в одном ряду с другим, включением в свой состав изюбрико относительное прилагательное: «оживленные глаза» (доктора) и «фарфоровые глаза» Индустриализма для всех трех прилагательных становится в то же время признаком неподвижности, безжизненности (ср.: «...лицо Томсона потеряло сходство с верблюдом с образом Христа. Только фарфоровые глаза остались неподвижны». В приведенных текстовых фрагментах качественные и относительные прилагательные оказываются функционально объединены. В лингвистической литературе часто говорится об объединении относительных прилагательных, но не указывается на близость и относительным прилагательным группы качественных со значением цвета, тем более по отношению функционально соединенных тел и других в характеризующей функции. Ср. еще аксиологический аспект в сочетании «белые солончаки» при описании природы, как бы предвещающей трагическую гибель Бориса Варвары, тонущего в ледяной реке; при создании текстовой параллели сиреневых, объединенных одной своей «мертвенностью, изюбрико: «В неподвижном, заморозковом либо белом солончаке торжественно описывало короткую кривую, и камушек, что вышло от этого обезжизненного солончака на землю льется безжалостный холод». Сближение семантического асимметрии в прилагательном «белый» или в рамках сочетаемости его с категориями конкретных существительных, что в действительности в основном этому прилагательному в обычном употреблении. Расширение валентности за счет приращения существительного, обозначающего приращение внутренних переживаний человека (улыбка) создает особые экспрессивные оттенки, усиливающие яркую цветовую гамму произведения. «Маленькие бронзовые лица покров, подпернутые большими улыбающимися, блеском зубов и сияющими фарфором веселых глаз...».

Реализуя свободную валентность прилагательного «зеленоватый» в сочетаниях: зеленеватая вода, зеленеватые глаза, зеленеватый мох, зеленеватые искры, зеленеватый цвет, зеленеватый... кутник, автор прибегает и к противопоставлению обычному представлению сочетаемости: «зеленоватые реальности». Индивидуальное осмысление возникает как результат выхода определенных слов за рамки категории неодушевленности, предметно-логически обусловленной для них в сочетании с данным прилагательным. Такой выход художественно оправдан, ибо служит цели создания образа, помогающего раскрыть «критиче-скую болевую индивидуальность Самгина - «белевизм» восприимчивого аппарата, который становится все более тупым, выжатым и, все менее четко воспринимая внешнюю бытие, вызывает, так сказать, общую анестезию интеллекта» [Горький 1953: 58]. В восприятии Самгина, характеризующегося из-за гримасы, прошедшей мимо многих русских людей оказываются положение друг на друга, «как спящие, отсюда и фиксация их в сознании как только внешних, цветовых (по признаку цвета формы) пятен: «серые гимназисты, зеленеватые реальности, шемолодые гимназистки». Такой же безжизненней «зеленоватой» только (опорно) сочетание «зеленоватые глаза» возникает в чертовой дуге Самгина и его жена Варвара, но вызывая повсюду живых чувств

Иллюстрируемым является употребление прилагательного «гиблый» в пестром значении (атрибутив црств). Возможности такого употребления вскрыты В.В. Виноградовым: «Большая часть прилагательных, обозначающих цвет, выражала следствие с предметом по окраске. Круг тех языковых единиц, от которых производятся прилагательные, велся в истории языка, и не все из соответствующих имен прилагательных были одинаково способны к широкому обобщению своего качественного значения» [Виноградов 1947: 185]. Указание сочетания тонкая художественная деталь в тексте передающим атмосферу разложения, загнивания армян, вступающей бессмысленную войну, особенно при использовании в том же фрагменте и обычного для прилагательного словосочетания, усиливающего негативное впечатление: «Перед ним по булыжнику упали шагалы малюки люди в солдатской гимназии црств оджде не по росту, а некоторые были еще в своем школьном походе. Шагал был как будто нехот и не верил что для того, чтобы идти убивать, необходимо особенно четко читать по булыжнику или по гимназии торшам».

Обширными сочетаниями, тип лексического значения оказывается особенно значимыми в оценке авторского использования прилагательных, представляя собой, с одной стороны, фон, а с другой стороны, критерий, выделяющий стилистический индивидуальный В самом деле, прилагательное «обезжалостный» в силу предельно логического содержания (абсолютный сострадания, жалости и т. д.; жестокость) сочетается по преимуществу с существительными, обозначающими категорию лиц. Однако это значение Приобрело оттенок эффецированный в слове с пометой «эпическое» и иллюстрируемой строками: «И он убил, и взял мотилой. Как тот певец, певодомый, по мотил... Сраженный, как и он, безжалостной рукой (М.Ю. Лермонтов. На смерть поэта), что является случаем переноса свойств человека на часть его тела. Иное мы встречаем у Горького - ср. обезжалостный человек, обезжалостная сила, где представляем сочетания со словами отвлеченного значения. Возникают соответственно окказиональные оттенки смысла «очень сильный, резкий», и эротизма, губительный В основе нераскрытых отрицательная экспрессия, присущая слову обезжалостный Оба сочетания связи, необычны но не иллюстрированы от образных средств самой языковой системы, что отчетливо выступает при сопоставлении с синонимичным прилагательным «жестокый» (крайне суровый, беспощадный, бесжалостный), которое свободно вступает в связь с существительными отвлеченного характера (жестокая участь, жестокие формы и т. д.). Таким образом, автор в создании контрастных оттенков идет по пути выявления различий в сочетании слов, выступающих в языке как синонимы, обладая тонкими смысловыми различиями «обезжалостный» термин слова но с особенностями психики человека, что делает его более удобным при выделении психических свойствами неодушевленных предметов. Ср. аналогичное употребление прилагательного «обезжалостный» в сочетании «обезжалостный ветер» Таким образом, тактично реализованное оказывается не только связь, соотношения качественных и относительных прилагательных, но и в пределах одного радра - качественных прилагательных - возникает новые окказиональные смысловые связи: в художественном произведении комплексные предельно

символических отношений и связей. постоянно расширяются по сравнению с общепринятой семантикой» (Виноградов 1959: 237).

При создании художественного образа оживляются соотносимыми и те слова, которые представляются в речевой практике как выражающие несоответствие в смысле физического восприятия с помощью органов чувств классике названия цветного предмета при слове «голубое» (у Горького «глубокая теплота»), цветного предмета при слове «темное» («глубокая тьма»), указание на запах при слове «тепло» («дрожит тепло») и т. п. Эти связи между складываются в процессе общения, мотивирующим их употребление «они (глаза) стали более выуклыми и скупо выщипы, погасы их глубокая тьма» «бывшую ослеплость», выходящая образ подчеркивает семантическое индивидуально-стильное обобщение глагола «выщипы» и «погасы», в основе которого принцип, общий для слов со значением в цвета, и света, и «ослепел» принцип уже соотносимыми с «темное» Таким образом, позволяющая характеристику психологических переживаний персонажа в «физической» плане с помощью сочетания «глубокая теплота»

Сочетание «глубокая тьма» расширяется в контексте как тьма окружающей Смуты природы Швейцария - гор, покрытых «глубокой тьмой», «чистейшего снега», озера С помощью этого необычного сочетания создается семантический образ, активизирующий одновременно и зрительное, и слуховое восприятие читателя; прием сам по себе не новый (ср. у Некрасова «зеленый шум»), он несет здесь, помимо образной функции, диссонансную языковую нагрузку. В гармонии с другими деталями пейзажной зарисовки этот образ создает картинный мир, где «природа с полной точностью воспроизводит разорванные почтовые открытки, мирок, имитирующий Смуту, заставляющий его подумать о России революционной поры: «А зачем нужен мне этот клонивший, горбатый мир?»

Принцип соединения в физическом плане несоответствия, уйдя семантического значения семантики лежит в основе сочетания «одинокое тепло», прообразом в следующем текстовом фрагменте «Солнечный свет... наполнил гостиную душистым туманом осеннего воздуха. Одна открыта, но глаза не колебались, листья цветов на подоконниках поодиночке». В слове для этого прилагательного со значением «ароматный, пахучий» представляется семантическая связь с существительным конкретного значения («дрожит трава, душистые цветы и растения»). Используя ее в сочетании «одинокий запах», Горький вместе с тем расширяет валентные свойства прилагательного «ароматный» в сферу его семантической семантического существительного «аромат», сужающее в данном случае свое значение.

Одним из приемов соединения несоответствия («ср., например «горькая сухость», «жаркий туман»), они выходят за пределы семантической предположимых их семантической характеристикой в слове. Но словосочетание «густая тьма» (у Горького) уже традиционно, прилагательное «густой», функционируя в связи со словами пар, туча, дым и т. п., приобрело смысловое значение зафиксированное в слове в качестве общепринятого оттенка значения («непроницаемый для света, плотный»), отражающего

уже не свободная, а связанная сочетаемость этого слова, подбрасывающую психолингвистическую реальность явления системы как способа создания целостности образа при освоении мира человеком с помощью различных органов чувств.

В анализируемых сочетаниях прилагательные, обозначающие физические признаки, связаны преимущественно с отвлеченными существительными. В сочетаниях же «вкусовые десувинки»; «вкусовые губы» выдвигается возможность семантичного переосмысления прилагательного в рамках семантического соглашения с конкретными существительными: в первом случае - за счет переноса свойств предметов, обозначаемых вещественными существительными, на отвлеченное существие; во втором - на предмет, лишенный вещественного значения, контактным синонимом здесь у прилагательного «ароматный, вкусный, мягкий, соболистый»». Первоначальные тактовые смыслы рождаются в итоге семантического зарожения существительных другого лексико-грамматического разряда на основе слоготипа производного числительного, благодаря актуализации первоначального семантического признака прилагательного - «адекватной удовлетворения». Заметим, что значения производного тоже содержат указанный признак в качестве потенциального, ибо вкус может быть хорошим и плохим, человек может быть со вкусом (то есть иметь хороший вкус), и у него может не быть вкуса. Такая амбивалентность не свойственна прилагательному «вкусовой», одновременно позитивному по своим коннотациям в противоположность синониму «безвкусный».

Итак, в рассматриваемых случаях текстовые функции прилагательных, создавая особый оттенок значения и экспрессия порождается новым неожиданным связью слов.

С употреблением Горьким прилагательных в свободно-комбинированном значении связано повышение тактивно-оценочных смыслов у слов, лишенных их в нормативном употреблении, или изменение характера коннотаций у тех прилагательных, которые ими обладают. Представляет интерес случай тактового слова в качестве художественного произведения в реальном виде экспрессивной оценки тогда как фиксированным, обычным для них является иное определенное как оценки (ср., например, «бывалый», «веселый», имеющие положительную экспрессивно-оценочную характеристику). Прилагательное «вкусный» наряду с обычным употреблением (вкусный народ, вкусный человек, веселый человек) в сочетании со словами «студент», «институт», «молодой человек по роду его деятельности», употребляясь при них в роли постоянного эпитета, становится синонимом определенной с отрицательной экспрессивной оценкой типа «некрасивый», «некоммунистичный», что особенно отчетливо наступит в таком, например, тактовом фрагменте: «Самостоятельно невозможно было приставить, что такое простое, скромное лицо, сколько-нибудь умеренное в своей силе, могут пойти за веселыми студентами и какими-то неуловимыми частотами». Отрицательную оценку приобретает это прилагательное и в сочетании со ставлеческим сложным словом «бывало», которое как бы «старшего» определяет слово этой коннотацией, делая его экспрес-

ожились синонимы прилагательного «регулярный» «Дронин шел на работу и там до полудня шел тихо с веселыми бабками».

Прилагательное «слабый» в соединении со словами, обозначающими неодушевленные предметы, лишено возможности выражать отрицательную оценку. В сочетании с определенными, называющими одушевленные предметы, оно реализует оттенок преобразования, особенно в минимальном контексте (с существительными особой стилистической окраски - «человечек», «бабушка»), или в более широком контексте (ср. характеристику Давыдова Самылина в одном случае «слабышкой» человек и далее - «блаженная женщина»). Прилагательное «обгорелый», также обладающее свободной валентностью, в значении «тускло-красный» со слабым синтаксическим отношением и общепринятым употреблением нейтрально, лишено такой бы то ни было оценочной окраски. В тускло-красном тоне в силу реализованной отчетливости оно приобретает отрицательную эмоциональность, которая служит решением разных задач. В одном случае это средство выражения авторского отношения к описываемому персонажу. Считаясь с определенными лингв. класс: «обгорелое лицо Варавки» «обгорелые плечи» - у него же, «обгорелое лицо ахмата» - одного из «модей» во фразе - слово приобретает оценочную фразеологическую связность значения, становится эмоционально близким слову «грубый», отрицательно окрашенному Показательно, что оно выступает в описании людей чуждой Герарку социальной типа и ни разу не встречается в описании духовно близких ему людей. В других случаях это прилагательное соотносится со словом «словесный», что обусловлено эмоционально-посланными, возникшими у слова в отношении триггерного мотива гибели Бориса Варавки (ср. «обгорелые тучи», «обгорелый огонь»). Иная, второй из видов тематизации функций, выполняемая словами свободно-комбинативного типа лексикона, - создание необходимой эмоционально-оценочной коннотации прилагательных за счет использования возможностей свободной их отчетливости, реализованного соотношения с существительными определенного семантического плана.

3.1.1.1. Коммуникативный потенциал качественных прилагательных со значениями фразеологически связанного типа

Функциональная дифференциация лексемы происходит или ограничивается сферой употребления части ее по сравнению с общеупотребительной, нейтральной лексемой, что отмечается, например, для терминов и вообще книжной лексики, или ограничивается хронологическим планом (слово с пометой «устарелое», «историческое»). Между двумя аспектами характеристики слова (семантической и функциональной) нет непреходящей грани, что особенно отчетливо выступает при анализе прилагательных реализующих тип фразеологически связанного значения. Среди относительно небольшой группы слов с этим типом значения прежде всего представляется стилистически отмеченная лексика (терминологическая, книжная, устаревшая). И это не случайно, ибо стилистически специализация лексемы так же как и выход слов из упо-

гребенки, сопровождается ощущением их употребительности, круга их сочетаемости с другими словами и изменением их значения [Сорокин 1965: 11].

Специфическая стилистическая отмеченность обнаруживается у таких прилагательных с фразеологическим связанным значением, как благородный бранный, великий, белый, верный.

Для прилагательного «благородный» в сочетании со словом «металлы» (в талько с этим словом) в словарной статье указаны отнесен значения: «благородные металлы – металлы не поддающиеся окислению даже при высокой температуре с ограниченнойшей полостью: во словарной научной терминологической Любопытны могут использоваться этого прилагательного в терминологической функции в художественном тексте, где его стилистическое значение соотносимо с основным. Принцип стилистического обозначения терминологического и основного значений – стойкости устойчивости и воздействию, то есть тот семантический процесс, который, видимо, и является исходным в формировании терминологического значения у этого прилагательного. Су в тексте. «Благородными металлами называют те из них, которые почти или совсем не окисляются. Благородные, душою стойкие люди тоже не окисляются, то есть не поддаются ударам судьбы несчастиям и вообще...».

Прилагательное «бранный», имеющее ограничительную помету «в книжной речи», реагирует значением своего разграничиваемой, «белый», «верный» только в сочетании со строго выделенными словами («белое тело», «белые пятна»), хотя закономерности логики допускают и более широкую его сочетаемость. Ограниченность лексической связи соотносима с функциональной ограниченностью прилагательного. Употребляясь в книжной речи, это слово приобрело своеобразную функциональную окраску, которая особенно отчетливо выкажется при перенесении его в необычную для него сферу употребления – в речь разговорную, что используется Горьким в речевой характеристике «выживающего» человека (оппортюнистическое употребление), утратившего былые связи, мучающегося душою Лютова, у которого все было искусственно, во всем обманывалась действительность, особенно обманывала его вычурная речь. Сопоставление лексика разных стилистических планов и служит задачей показать действительность вычурность речи персонажа, за легкой иронией скрывающегося душевный разлад «Друг мой, ты глуп, как овечка, – продолжал Лютов. – Ведь я не картину шлущаю, а простираюсь перед женщиной, с которой не только все браннее то-то, но и глядяще друг моя жаждет слиться».

Стилистически отмеченным является и фразеологическое связное значение прилагательного «великий». В сочетаниях «великий князь Сергей», «великий князь Борис Владимирович». Выступая как составная часть титула князя императорского дома, это прилагательное имеет помету: «историческое». Специальная сфера применения отмечается у этого прилагательного и в сочетаниях. «Петр Великий», «Фридрих Великий» – «почтительный эпитет некоторых выдающихся по значению и исторической роли лиц», здесь реальное значение прилагательного отступает перед его лексической функцией. Это значение своеобразно сочетается пометами с историческим использованием синонима – де-

топонимических связей: «Какой-нибудь Петр, большой или маленький, пишет мне к Европе поворачивать»

Прилагательное «белый» в названиях некоторых животных служит указанием на их биологическую разновидность (в словарной статье слово Белый медведь - полярный медведь). Эту функцию оно выполняет, например, и в сочетании «белая мышь», которое особо используется в художественном тексте: «Сперва, Варя, отличалась от острых своей только тем, что морала постоянно и не так часто, как Любовь, вертелась на глазах Клема. Младшую Варягу прозвал Белый Мышью. Белое лицо ее казалось омытым мукой, голубовато-серые, жемчужные глаза пряталась в розовых подушечках опухших век, бесцветные брови почти невидимы на коже очень выпуклого лба, длинные волосы лежали на чертах, как приклеенные, она зашатала их в сменившую косичку, с желтой лентой на конце». Характерную функцию выполняет оба компонента сочетания: в первом актуализируется фоновый признак, подтверждающий существующие социальными, организующими текстовую парадигму, и словом - актуализируется потенциально-социальное приращие (мука); второй элемент актуализирует потенциальную тему подвижности (пр. слова - актуализаторы «мертвец на плахе», «костяк» и др.).

Прилагательное «серый» имеет значение: «высокий», употреблено как музыкальный термин в сочетании «серыйя ноты». Часто повторяема фразеологически связанный значения в терминологической лексике и является под чертаем важности функционального критерия в его выделении.

Широкие возможности текстового использования предоставляет и общепотребительные качественные прилагательные с фразеологически связанными значениями. Эти возможности реализуются прежде всего путем расширения лексико семантического отношения. В общесловесном плане у прилагательного «завистливый» отнесен значения «завистливый зависть» проявляется лишь в сочетании с двумя словами глаза и взгляд Горький прибавляет в сочетании «завистливая жалоба», переданному не столько характерный для слова отнесен «завистливая зависть», сколько неканоничный жалоба, вынесенный значение «Вспомнилась завистливая жалоба. «Меня жемчужки не любят. Вас жемчужки, любят»

Прилагательное «деловой», помимо основного значения «спокойный и умный в работе; предприимчивый; деловой», имеет также отнесен значения, созданный на основе метонимического переноса «свойственный деловому человеку» - «серьезный, деловой», созданный в сочетании со словом «отосняк» «отосняк». Представляет интерес особенно на этом фоне сочетание «деловитая ласка» (значения ласки известной за плату женщины (Маргариты)).

Необходимо отметить такую видоизмененной фразеологической связности от общепотребительных употреблений в типичных образных употреблений. Так, значение прилагательного «кажись» в сочетании «кажись слово» для Гоголя было находкой, выключенно обыгранной, но у Горького это уже традиционное образное употребление, представленное в словаре как фразеологическое сочетание: «кажись слово - о словах, способных разжалобить»

Возник в арсенал типовых выразительных средств и сочетание «маленькие глаза, сморщенный носик» – со слабым блеском глаза. Типовым же этого сочетания в БАСе подчеркивается иллюстрациями из произведений по-настоящему авторов. У Горького: «глубокие-серые, жидкие глаза. Иногда по-казательное связность значения прилагательного вообще и фразеологической связности в частности служит словарная помета на значении существительного, охватывающая случаи субстантивации прилагательных, которая в конечном счете является следствием сужения сферы их сочетаемости, поставленного употребления со строго определенными словами. Слово «красильщица» в значении «достигший зрелости, вышедший из детских или отроческих лет» – сочетается и с существительными возрастной группы (женщина, женщина, девушка и т. д.), и с другими, например, существительными, принадлежащими родство (мать, дочь и др.). Но в случае субстантивации (помета - «в запч. буре») оно означает «человек, достигший зрелого возраста» и, оказавшись в роли прилагательного с соответствующим значением, может употребляться лишь в связи с существительными «человек», «люди». Ср. у Горького «красильщица человека красильщица люди». Правда, достаточно распространенными в последнее время, разрушающими фразеологическую связность значения прилагательного стали употребления типа «красильщица человек».

Итак, качественные прилагательные со значениями фразеологически связанного типа в значительной части утрачивают стилистически отмеченной лексикой, используемой или в приписках ей стилистических функциях, или с целью создания текстуральных смысловых единиц. Прототипический эффект общепотребительных прилагательных с указанным типом значения возникает в результате расширения круга слов, сочетающихся с ними в общем употреблении.

Однако словарные статьи не всегда дают достаточно убедительный материал для отрицания индивидуальной связности от общелексовой. Например, для прилагательного «дремучий» в БАСе указывается значение «испаржающий, густой, обильно растущий». Его сочетаемость с СУ представляется только с существительным «лес». Но академическая словарная статья содержит также указание на распространительное употребление прилагательного «в волосах, о листьях и т. п.», однако иллюстрируется оно только одним горьковским примером «...а дремучей берде стел, что лишает возможности достоверно квалифицировать этот факт как общепотребительный».

3.1.2.3. Коммуникативный потенциал качественных прилагательных со значениями лексически связанного типа

Прилагательные с лексически связанными значениями обладают текстурными потенциалами, характерными как для слов со свободно-комбинативным значением, так и для прилагательных с фразеологически связанным значением. Сферами их роднит возможность создания семантических отклонений на предельной той сочетаемости, которая является стилистически допустимой, со вторыми – наличие у ряда слов стилистической отмеченности, что делает эти слова

особенно стилистическим средством. Именное сочетание прилагательных с лексически связанным значением широко используется при характеристике человека.

Фигурирующим переносным значением для прилагательного «внутренний» служит «забытый, грустный, забытый», проявляющееся в основном в сочетаниях с отрицательными словами (слово, память, авторитет, успех и т. д.). Включение в круг его сочетаемости слова «внутри» служит созданию дополнительного смыслового оттенка, прозрачного в контексте «Вспоминается люди без внутреннего стержня Дашкевич люди».

С прилагательным «важный», для выражения значения «важнейший, важнейший нос, играющий крупную роль в чем - либо» сочетается слово, обозначающее осмысленную роль человека, выполняющее это по роду его деятельности и т. п. (инженер, левый, квартирник). Подозревание этого лексического ряда словом иной тематической группы обусловлено у Горького словом «проца», сарказма. «Умыливая бураками Варовый жиды! проца. А у нас, в Питере, на Стрелке, монументальная статуя, напоминающая «дугу, как будто важного покойника провозила...» (слова провоза парадных богатых экипажей во время парада в Бульварном саду).

Своеобразное переосмысление этого значения прилагательного в автономной паре «важный актер - невнятный актер» в плане часто вышней сочетаемости без нарушения обычной сочетаемости также достигается разными сложными образами: «Один из них (актеров - Н. С.) был важный: седоватый, интростый, с отвисшими щеками и все презирающий взглядом строго мучительных мутноватых глаз человека, утомленного славой. Он выполнял роль бархатную интригу...»; «...другой актер был не важный: лысенький, с безубылым ртом...». Дальнейшее употребление этих автономов, как бы уже переклещенных в плане часто вышней, почти «официальной» важности, в роли постоянных эпитетов становится замечательным средством «скрытой сатиры». Лексическая связность значения многих слов возникает в результате их сочетаемости с определенными чувствами, переживаниями и другими видами психической жизни человека. Средством создания контекстуальных смысловых нюансов для этих прилагательных становится отождествление психических признаков с движениями «официального» плана, чем достигается пластичность, рельефность, «официальная опутанность» изображения.

Проводно-комбинативное значение прилагательного «внутренний» (относящийся к психической деятельности человека; происходящий в психике человека) реализуется в связи со словами, обозначающими явления психики (страх, волнение, сила, достоинство, у Горького «внутренняя свобода», «внутренняя жестина»). На фоне этих признаков сочетаний особую выразительность приобретают также восходящие, как «внутренняя монотонность», «внутренняя милитарность», «внутренний уют». В этих случаях они оказываются невозможными за счет переносного осмысления существительных, называющих явления «внешнего» порядка (милитарность - признак физической выносливости, «убога» - недостаток человека, имеющий физическое проявление). Сочетание «внутренний уют» имеет особенно выкое созвучие, охватив дугу

шлепную гармонию, душевный покой, которых лишился выдуманный обеим человеком с «пустой, душой» – Клямы Самойн «Дома у меня – нет... Его нет не только в смысле реальном: жена, дети... – нет у меня дома и в смысле идеальном, в смысле внутреннего уюта. Аутентичны реальный – идеальный подталкивают мотива обликания слов «внутренний» и «уют»

Обращает на себя внимание и то случаи творческого использования предельных указанного типа, где своеобразная материализация идеальных и идеализирование материальных осуществляются с помощью переносного осмысления не существительного, а прилагательного. Например, мной по сравнению с нормативным значением оттенок смысла получает прилагательное «бесноватый» в сочетании «бесноватые души». Это не абсолютная редкость человеку (обычная сочетаемость – с лексикой отвлеченного, количественного плана – бездельное любопытство, бездельное ожидание), а «осторожный»: «Всего любопытнее были выдрогно красивые, бездельные руки учителя. Первые два товарища Клямы думал, что Томичин полуснай, он видит все вещи не такими, каковы они есть, а крупные или мелкие, оттого он и прикасается к ним так осторожно. Прилагательное «бесноватый» с оттенком значения «отвлеченный парадокс, бессмысленный» выступает в семантическом согласовании с отлагательными существительными, выражающими действие человека («сидели тихий, рубка леса»). В сочетании со словом «души» это прилагательное приобретает оттенок в семантике, ставшая синонимом слов «беснотные, несообразительные, отрицательные». Семантика слова «души» допускает подобную сочетаемость в ироническом контексте «Он погружена в поток бесноватых душ»

Выше рассмотрены некоторые случаи индивидуального переносного осмысления прилагательных допускающего в сочетании существительные, выходящие за пределы тех группировок, которые указаны для них в словаре Наряду с этим прилагательные используются Горьким и в тех переносных значениях, которые отражены в словарях, а ряде случаев они и являются исходными для текстовых семантических новообразований.

Прилагательное «зной» в просторечии употребляется в переносном значении «краской, забрызганый. О табаке, горчице, хрене и т. п.» Слово его использование в сочетании: «зной запах хрена» (трагедия, с точным указанием на тот отвлеченный признак, по которому слово общестественно переносит свое основное значение – «жидкая») В языке установилась связь прилагательного в этом значении лишь с ограниченной группой вещественных существительных.

Целью художественного выражения служит и необычная сочетаемость определения и определяемого слова, употребленных без переноса, и на опытных значениях, связь их устанавливается прозрачной в широком контексте. Так, логическая связность значения прилагательного «сверчливый» – «свойственный ворчливому, содержащий ворчание, пеленовый, раздраженный», явилась результатом сочетания его с группой существительных «сверчливого» характера. Многочисленные примеры у Горького отражают эту системную связность «сверчливая речь», «сверчливое возмущение»; «сверчливый голос», «сверчливый гуд», «сверчливое замечание Веранды»; «сверчливая жалоба». Связь со

«звук», которая, как лесозащитный экран, исчезает в сочетании «сгорченная тревога», явным индикатором, восстанавливается при обращении к контексту: «Улицы наполнила верховная тревога, перед лавинами съездов пришло тонокисе, раздраженно покрививая, сердитые, расстрелянные женщины, на улицах небольшие группы мужчин стояли плотно друг к другу, бормотали о чем-то...».

Приведенный материал позволяет заметить, что контекстуальное применение значений прилагательных рассматриваемого типа в двусловных сочетаниях создается как за счет расширения круга слов, допускаемых сочетаниями с данными прилагательными, так и в результате расширения значения самого прилагательного.

Лексическая связность значения прилагательного в ряде случаев сложилась на базе стилистической его отнесенности (или вместо последнего своим следствием): такие прилагательные, служащие собственно стилистическим средством требуют мотивации использованием.

Далеко не то, что в составе стилистически отнесенных прилагательных с лексически связанными значениями наряду со словами иных стилистических классов значительное место занимает разговорная и просторечная лексика, что мало характерно для прилагательных с фразеологически связанным значением, предостерегает по преимуществу книжные и официально-деловые слова. Это обстоятельство подтверждает мысль о влиянии обусловленности семантизации и собственно стилистической приращенности слова.

Лексическая связность значения прилагательного имеет разный характер. Иногда она результат стилистической отнесенности сочетательного слова — еще одно свидетельство единства семантики и функции слова. В этом плане интерес представляют прилагательные «здоровый» и «благенный». Слово «здоровый» приобрело значение «крепкого словесия, Сильный, могучий. О человеке; сочетать лишь с группой существительных разговорного характера (мужик, пареня), оно и само имеет в этом значении стилистическую коннотацию разговорности У Горького «здоровая баба».

Прилагательное «благенный» употребляется в просторечии в ряде существительного со значением «глуповатый, чуждыватый». Как прилагательное оно реализует это значение главным образом в соединении с существительными просторечного характера: у Горького «благенные погоданки», «благенный старик»; индивидуальное употребление «благенная васька» о человеке. Речь стилистического момента в формировании лексической связности значения здесь отчетливо.

Для других стилистически отнесенных прилагательных лексическая связность значения может быть обусловлена иными причинами.

Прилагательное «глухой» в значении «неуслухный, неуместный, бессмысленный» (с выражением досады, неудовольствия отрицательного отношения) реализуется в разговорной речи в сочетании со словами, называющими неодушевленные предметы: «глухая стена», «глухое поклокитие», «какие глухие слова: ничего подробного», «глухой роман», «глухие книги».

Прилагательное «добрый» в разговорной речи приобрело связанное значение: «хороший, похвальный (о времени, возрасте)» «добрый десяток лет».

Значение прилагательного «замечательный» - хорошего качества, отличный (с пометой - «красн.») - иллюстрируется в академическом словаре советского определения с существительными конкретного значения: восток, борщ. (Ср. у Горького: «замечательные приказы»).

Прилагательные, выходящие функциональные ограничения, используются Горьким в присутствии им стилистических функций. Например, прилагательное «замечательный» с оттенком значения «амбиций силу, амбициозный», которое квалифицируется в словаре как устарелое, используется Горьким в естественной для слов этого типа функция яростической остроты: «Близкий ты стал значительная персона», - колоду Дроню - Нашел свою тропу... очевидно»

Прилагательное «блудный», употребляется по преимуществу в религиозной сфере, приобрело «эпитетный» характер. Автор использует его в тексте, касаясь религиозных вопросов, но так, что слово переосмысливается в плане метафизическом, философском «Религиозные настроения и вопросы метафизического порядка никогда не волновали Смыгина, к тому же он видел, как быстро религиозная мысль Достоевского и Лова Толстого потеряли свою остроту, снижались к бардакскому пустословию Морозовского...»

Эпитетным является употребление термина «блудный», отмеченного пометой «муз.», сочетающегося с довольно широкой группой слов, имеющих определенную по смыслу (музыкальное проведение, его компоненты): «Всадник выдвинул трубы солдатского оркестра громоздко и нестройно выдувая блудный марш»

Прилагательное к расширению круга сочетаемости слов с лексически связанным значением может служить характер примера, заключенной в них. Так, прилагательное «героический» с оттенком значения «самоотверженный героизм» соединяется с существительными отмеченного значения, положительными отрицательными или нейтральными (вздох, борьба). Сочетание его с отрицательными в эмоциональном аспекте словом «железо» (в фигуральном смысле) порождает яркую «Он типичный амбициозен, но неудачник, и вполне естественно, что в своем стремлении к позе героической, он погиб так жестоко»

Для прилагательного «благославный» сочетаемость ограничена и функционально - стилистически, и эмоционально-оценочно «благославный мальчишка», «благославные девочки»

3.2.2.4. Текстовый потенциал качественных прилагательных как результат контаминации значений разных типов

Важным Горького к порокам контаминации смыслового выражения, заключенным в структуре многозначных слов, является множество исследований (Л.С. Комарова, М.Б. Борисовой, Ю.С. Янковой, Ф.А. Комаровской Г.А. Липин и др.). Поскольку отдельные значения многозначных прилагательных могут относиться к разным типам лексических значений, в тексте наблюдается смешивание, перераспределение их лексических значений по типам.

Прилагательное «голый» имеет прямое свободно-комбинативное значение «незастывший связкой, обнаженный, голый» и производно-комбинативное «за-

стиль, без примесей, реализующееся в сочетании с отмеченными словами юдея, фант, прада, котине и подобными. Сочетание ключевые мысли, контрастирующее эти значения, как нельзя лучше передает культурно-материалистическую позицию философа-эссеиста Томаша: «Клим ощущает, что мысли эти давят другот его своей грубой обихаживенностью, которую можно было понять как бесстрашие и как бесстрадание. Смысл текстового значения прилагательного циничные, упрощенные - с обихаживенно-запрещенными отглаголами (ср. обихаживенную синонимично слову «толстый обихаживенный» в их свободно-номинативном значении); какой интеллектуального парадигмы становится почти чувственно заплясываемые: «Иногда эти глупые мысли Клима представляли себе в форме ключья сдвояго дыма, обихаживен обихажив, они разлетаются в толком воздухе тальной коматы и строй, гравитацией пыля обихаживают книги, стены, стекла окон и своего мыслительного».

Сочетание «жидком талом» также вызывает ассоциацию с основным, прототипическим значением прилагательного «жидкий» и отглаголом другого значения «жидкий, неустой» Отглагол этот реализуется обихажив в сочетании со словом «дым, обихажив и т.п.» Оказательное значение прилагательного в тексте естественно воспринимается на фоне синонимичных сочетаний «жидкое, бесформенное тало», «жидкожидкое тало свое», соотносится по смыслу с выраженным «бульбужающий смысл», создавая целостный, почти опутанный образ Буржуазии Все эти определения входят в текстовую ассоциативно-семантическое поле номинации «талом», вызывая оценку читателем персонажа как неустойкой личности. Семь «жидкости» объединяет члены текстовой парадигмы, вычленившиеся в атрибутивной функции.

Значительную роль в упрощении понимания читателем, в формировании его картины мира играют метафорические коллокационные слова, контрастность между прямым и переносным значением, предполагающая активную активность читателя, семантический отглагол допущения. Наблюдения над материалами Горького позволяют говорить и о том, что инверсированные контрастности ключевой своеобразия их континентализма служат привлечением единства и неинверсированности отглагола за словом «жидкость», своеобразия его концентрированных признаков, вычленившихся во всех видах текстовых связей, организующих ассоциативные поля ключевых, семантических слова, текстовые парадигмы.

Переносные, лексически сокращенные значения «жидкой» у прилагательного «жидкий» обихажив проявляется при употреблении в качестве определения при существительных язык, голос, звук. У Горького оно обихаживается различными отглаголами номинативных значений: так, в сочетании «жидкий, удивленные куланные языки» оно соотносится с основным значением «содержащий много жора, насыто», в другом соединит в систем виде значение «глухой, толстый, ушпаканный. О людях и животным»; «жидкожидкий жидкий голос», «жидкой жидкий бас» Такое восприятие создается в контексте (ключевое слово - «толстый»), сокращенном образе «Толстый человек в старомодном свитке, поддерживая руками живот, гудит глухим, жидким басом. Или «он дышал дыра пр языка большущий, толстый человек и жидким, опутанным голосом, с аростоно жидким. по мере того, как Родашко все более раздувался, толстое

лицо его побуждало кричать, и неистовый крик превратился в рев «Хааа...» В основе толкового ассоциативно-семантического поля – метонимический перенос в обозначении физической слабости его фигуры, неспособности на характеристический жестокое по модели «собственный голос» человеку.

Для прилагательного «дремлющий» с оттенком значения «не осмысленный» не прирученный, живущий на воле» возможна сочетаемость только с названиями птиц и животных. Индивидуально-художественное осмысление его строится без выхода за пределы сочетаемости со словами, обозначающими одушевленные предметы, с опорой на общепринятое значение.

«Есть люди домашние и дикие, я - дикий» Антонимическое прилагательное проясняет исходный момент смыслового сдвига, контекстное семантическое наполнение, соотносится лексически связанным значением с другим: «странный необычный» - оказывается очень близким в ближайшем контексте «Людям жовит среди людей коняину справляю» Целем против служит ассоциация к прямому значению прилагательного «гибкий», в переносном значении (умно и одновременно проявляющийся к обстановке) «гибкогого в сочетании словом полетика, руководство и т. п. Ср.: «Гибкие люди. Ходит по елкам, как по восточкам» Здесь определенно оказывается близким по значению слову «обсидианшище», связываясь с прямым значением «способный легко гнуться».

Прилагательное «дневной», употребленном переносно, переключается в наш предмет с помощью синонимизирующегося с ним в прямом значении прилагательного «Распишите вы себя на прощанье, дешевое дело (переносное значение - шитоное, пустое, забытое - Н. С)

Невыгодное, - описывает Туробоев. Я понимаю, что выгорел при строя себя к жизни с левой ее стороны, но - уны! - не способен на это. Осмысление слова «дневной» в его прямом значении, игра слов отражает разницу в мироощущениях оптимиста большевика Кутузова и скептика Туробоева.

Контрастность значений создает особую семантическую ёмкость, которая воспроизводится в тексте, особенно служит выразителем содержания образа. Отсюда сравнительно ограниченные материалы, характеризующие этот прием использования прилагательных, на фоне более или менее многочисленных иных употреблений тех же прилагательных.

Прилагательное «беззвучный» только в одном случае совмещает в себе два значения: «безмолвный» и «лишенный звука», так же «Барышня была как-то беззвучная», когда речь идет о подпольщице-революционерке (ср. там же: «становившаяся барышня»). В других случаях использованные слова не связаны с отсутствием от нормы («беззвучный рыдания», «беззвучный смех», правда, «беззвучное слово» - ситуативная метафора, выходящая за пределы прилагательного в значении каноничной метафоры за пределы тематической группы рыдания, плачу). Прием контрастности довольно широко используется в группе качественных прилагательных с приставкой «без», что, видимо, обусловлено прозрачностью их словообразовательного типа, позволяющего легко совместить в сознании новый, качественный признак прилагательного с породившим его значением прошедшей модели «без + существительное».

Таким прилагательное «бесцветный», которое в сочетании со словом «глаза» воспринимается не только в переносном значении: «интенсивные яркости, выразительности, но и с намёком на прямое: «тусклые, не выходящие определённого цвета»: «...лица наша горючая, таящая, глухая, с выдернутым носом и бесцветными глазами». В этом контексте оно соотносится по смыслу с определёнными «мутные, пыльные»: «он протянул над столом левую руку с бокалом вина в ней, и бесцветные глаза его смотрели в лицо Самгина испорченно, как будто вымывавшее». Если данное прилагательное в прямом значении допускает трансформацию - без цвета, то его синоним «бескрасочный» уже лишился или почти лишился возможности трансформироваться, ибо используется «обычно в образном и переносном употреблении». Горький осознаёт это слово, ассоциируя его с исконным значением: «Комнату занимал исправно рассказывав, бескрасочный свет солнца, спрятавшего в бескрасочной пустоте за окном», здесь определённое ближе по значению слову «серый». Прилагательное «бесцветный» и «бескрасочный» выполняет в художественном тексте важную функцию: они раскрывают характерную особенность мировосприятия Самгина, обозначая «ли» краски, сводя «ли» из многообразия к одному, тусклому цвету, что, в свою очередь, подчёркивает эстетическую бедность Самгина, его духовное убожество.

Таким же функцией качественных прилагательных в языке типологии лексических значений выделяет нам по итогам анализа произведения М. Горького «Жизнь Клима Самгина» и «По Слово Советов» Получившие в итоге анализа текстового поведения качественных прилагательных в романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» выводы во многом подтверждаются при рассмотрении в нём функций относительных прилагательных [см. Нефёдова 1988].

Данные произведения Горького представляют особую ценность для подобного исследования, поскольку их автор намеренно, сознательно и целенаправленно использовал те возможности, которые заложены в семантике разных типов лексических значений, что с особой отчетливостью выступает в реализации одного и того же прилагательного, в романе «Жизнь Клима Самгина» и в очерках «По Слово Советов» в связи с необходимостью выражения разных социальных оценок (слово гордый, ботушный, деревней), с жаровой и стилевой спецификой текста.

Понимание слова, отражая широко возможности семантического и функционального варьирования, даёт основу стилистически разнообразного использования многозначных слов, полного отражения содержательного потенциала качественных прилагательных в рамках одного произведения (такова в использовании Горьким группа пространственных прилагательных). Необходимым по типу расширения смыслового объёма слова часто обладает речитивной стилистической характеристикой, разными экспрессивно-стилистическими значениями и соответствующими им возможностями текстового использования.

Наблюдения над сочетаемостью качественных прилагательных в связи с типами их значений приводит к выводу о том, что функциональные возможности реализуются в расширении сочетаемости, сложившейся в общелитературном

употребления, в текстовых смещенных смысловых отношениях определении и определяемого. Это касается и свободно-номинативных значений за пределами логически соотносимых понятий, или неравносмысл, с объективными расширениями их семантической потенциала, и лексически - и фразеологически связанных значений чем также подтверждается системно-структурная обусловленность разных по типу лексических значений

Качественные прилагательные в свободно-номинативном значении представляются в основном общепотребительной, нейтральной лексикой. Из стилистически функции порождается или нарушением общепринятой сочетаемости за счет сопоставления несопоставимых понятий, оправданного авторским заданием сделать в предметно-логическом смысле или в результате целенаправленной сочетаемости с одноклассными в таком либо отношении существительными, что создает оригинальную экспрессию, необходимую экспрессивную и стилистическую единицу

Свободно-номинативное значение прилагательного не предполагает ограничений в сочетаемости, устанавливаемых lexically или по тематическим группам, поэтому ограничения в сочетаемости, созданные предметно-логическими связями, очень трудно установить, опираясь на признаки, соотносимые с лексическим значением определяемых слов (ср. у М. Горького сочетание «управный дождь, выхлупнутые глаза, выхлупнутые люди, острый шум, черной вой, слава тешинка»)

Как правило, стилистически выделены существительные, связанные по своим общим признакам. Особый интерес в плане реализации стилистических возможностей прилагательных свободно-номинативного значения представляет группа качественных прилагательных по значению цвета, как наиболее ясно выражающая стилистические посылки слов данного типа значений (ср.: «белая улыбка, зеленые-голубые ресницы, фиолетовая кровь, желтые слова»). Тематическое объединение качественных и относительных прилагательных в сочетании с одним определяемым, ситуационная потенциальная сем позволяет видеть не только возможность образования качественных значений у относительных прилагательных, но и стилистическую однородность смыслов, передаваемых прилагательными разных ЛТР («фиалковый блестящий белый; серое, вымешное лицо, таволга, дубовая дырка»)

Высоким в стилистическом использовании оказывается и коннотация или обрисуемых различий в сочетаемости семантически однородных или противопоставленных прилагательных («добрая ведьма, или пять повестей»). С употреблением Горьким прилагательных в свободно-номинативном значении связано явление метафорично-символической окраски у слов, лишенных ее в нормативном употреблении, или комбинации ее характера у тех прилагательных, которые ее обладают (прилагательное «звездный» в роли постоянного эпитета при обозначении социального статуса лица – «звездный студент Макаруев», «звездный писатель»)

Качественные прилагательные фразеологически связанного значения в произведениях М. Горького в значительной части представлены стилистически отмеченной лексикой («благородные металлы», «верные шотлы», «черной об-

однако, «ступенчатое стекло») Функциональная их окраска однообразна, лексика терминологическая, книжная, устаревшая встречается в естественных для нее стилистических функциях. Специальная лексика преобладает в очерках «По Сказку Советам» как публицистическим произведением, предположительно выделено элементов научного стиля. Стилистические возможности обшрнотребительных качественных прилагательных с фразеологически связанным значением реализуются путем повторения («желтые слова», «жидкие пламя») или целенаправленного расширения их сочетаемости («красный калымбур») При включенной для анализа материале позволяет подчеркнуть различия между окказиональной фразеологической связанностью значения и общеязыковой.

Промежуточное положение типа лексически связанного значения обуславливает для прилагательных в этом значении функция, связанная со значением и свободной-внимательного значения и фразеологически связанного. Изменение сочетаемости прилагательных с лексически связанным значением широко отражено в творчестве М. Горького при характеристике человека («Есть люди домашние и дикие Я – дикашка, «важный покровитель», «волосяной уток, уловки», «мутная милосердность»).

Средством создания контекстуальных смысловых нюансов для прилагательных, сочетающихся со словами, называющими явления общественной жизни человека, является сочетание неканоничных признаков с явлениями «фразеологического плава», чем достигается пластичность, «фразеологическая округлость» изображения; темные изменения лексически связанным значением прилагательных создаются как за счет отхода от сочетаний прилагательных с существительными определенными тематическими групп, так и в результате «расширения» значения самого прилагательного («красная женщина» и о ней же – «красная острая», «выдуманная фигура» – лейтмотив романа; «голое лицо» как признак близости, «железнодорожности»). Функциональная окраска прилагательных с лексически связанным значением разнообразна, чем слов фразеологически связанного значения. Качественные прилагательные разнотерного, просторечного и др. характера используются в естественных для них стилистических функциях («идеологическая баба», «блуждающий стариком блуждающие негодяики», «буржуазный марш»)

Разнотерность лексических значений лежит в основе такого приема создания смысловых нюансов, как контаминация значений качественного прилагательного: «Глубоко люди Ходят по идеям, как по лестницам.» «Беспредельные глаза» «бесшумная барышня» (о подпольщице-революционерке), «черные слова», «р. р. р. р. р. – «золотые слова», «голые мысли» (примечание)

При использовании полисемии, по словам С. Ульмана, на конотическом счете достигается эффект «замысленности семантически» [Ульман: 1980: 39]

Тематские функции качественных прилагательных, отмеченные по итогам анализа произведений М. Горького, предстают типовой между той объективной основой, на которой они возникают, между их обусловленности типами лексических значений слов. Ср., например, сходные приемы использования слов данного разряда у других авторов: «Маму называли «красным спиральным» Это определение очень к ней подходило Всегда собираемая, одетая

скрыто, но безупречно, с логикой, мама была человеком волевым и «оубежденным», как подчеркивает есаулковский. (А. Алексин. «Рядом изумствана») Ср парочку на провансальскую алогичность сочетания у Д. Гранина («Обратный билет») с опорой на свободу-номинативное значение прилагательного «Мы едем и вернулись освещены на дно памяти умершего слова... – Белая сыма, – прошепс Андриан, а что это такое, Белая сыма, не помню?» У А. Иванова («Вечный жем»: «Сидите уже индковатыми, разблещеными лучами обильно груди разгороченной жемлы, отсвечивало в стеклах кружилось кабын жемла терев жемловыми мелкими поблескивало на отполированных лонгитх жемло-ковом» (тестовые приращення смыслов на базе лексически связанных значений) Рванутинные значения прилагательного «мерзлый» используются у В. Астафьева («Последний покорм») в создании экспрессивного поэтика, папи фонии образ: «Обветривающиеся черны пиды бабушки коротко и хрипло вскрикнули, ушла средь двора, забилась на земной тверди – она, видно, до этого черного часа, до самого ровного известия еще на что-то выкалывалась, верела в чудо...». Ср у него же измененное значение уже означенного одноклассного прилагательного в связи с неожиданным контрастным контрастом – «ско-ропоставный огороде» (наскоро устроенный, неухоженный)

Литература

1. Буцаковский Л.А. О слове как предмете изучения // Русский язык в школе, 1955, № 3
2. Венюградов В.В. О языке художественной литературы - М., 1959
3. Венюградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. - М. Л., 1947
4. Горький М. Жизнь Клыма Самыкина. // Полн. собр. соч. в 25-ти тт. - М., 1974-1975, т. 21-24
5. Горький М. О литературе. - М., 1953
6. Колтуш Л.С. О построении словарной статьи // Лексикографический сборник. Вып. 1, - М., 1957
7. Кошманский Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания, 1959, № 4
8. Нефёдова Н.А. Текстобращение поэтики относительных прилагательных (на материале романа М. Горького «Жизнь Клыма Самыкина») Автореферат канд. филос. наук. - Л., 1988
9. Пауль Г. Приращення истории языка. - М., 1960
10. Русские писатели о языке. - Л., 1954.
11. Словаре современного русского литературного языка АН СССР в 17 тт. - М.-Л., 1948 – 1965
12. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка М. - Л., 1963.
13. Удман С. Стадиология и семантика. // Новое в зарубежной лингвистике во Лингвистическая. Вып. 9 – М., 1980

3.2.3 Текстовые функции развитых по лексическому значению относительных прилагательных

Полнота ряда текстовых функций позволяет говорить о них как об общем свободном относительных прилагательных, predetermined типами их лексических значений. К числу таких обротов относятся функции создания предмет времени, передачи колорита эпохи, причем前者 подчеркивают особую важность этой функции языковых средств и передаче света времени и колоритной, и сохранение памяти о прошлом своей страны.

Рассмотрим текст повести Д. Гранина «Обратный билет»: «Мы почему-то незлобно и редко изображаем предметность нашего бытия. В русской литературе предметность описания была свойственна и Пушкину, и Гоголю, и Тургеневу. По «Благословенную Святую» можно представить, как представлялась, что за поезда были упряжены, веревками и как звали их пассажиров. Это passenger нужно для социальной, для семейной характеристики. И в нашем быту вещи меняются, они отмечают конкретное время, уровень жизни, среду, поколение, моду» [Гранин 1980: 91].

В повести в воображении бег времени примет прошлого (особенно по контрасту с настоящим) значительная роль принадлежит относительным прилагательным в их свободно-номинативных значениях, непосредственно выделяющим конкретно-исторические признаки предметов, явлений, событий материальной, социальной жизни общества. «Все земля этого древнейшего русского города сложена из праха мостовых, домов, печей, погребов, она хранит берестяные грамоты, обломки монет и горшков... дюрных багетов... архаических вазарь». Особенно часто в воображении старой провинциальной России используется прилагательное *деревянный*:

«А я вспомнил гудую свою мальчишескую обязанность заходить в толгу, божья отаривать те жерновые ворота на лыковых петлях, затем выкладывать их деревянной щекоткой...», «Большое поминание по лоду, а сама Лежневка, ее разношерстные деревянные рельсы, чьясь лопатки, впрокормленные и выкопанные. Еще ручная дрезна, на которой мы носились по главной магистрали - железной узкоколейке».

Часто слово *деревянный* используется в порядке разного рода контраста: «Все унивалось, ныли на то, что в кабинетах стулья эстрадически изогнутой спинки, звонкие телефоны и вместо прилавков деревянными косячек счетов потряхивали арифмометры и даже электронные калькуляторы»; «Платформа была не деревянная, а асфальтированная»; «Деревянный дом с мезонином, с фальшивыми балочными (как полюбившийся историком) наглядно примерно так же, как и до войны, ...но плечи во дворех блестяли «Жигули», мотоциклы, на крыльях виселись телевизорные антенны»; «Центр - это каменные дома, а подальше, и в Ильинской улице, акустические деревянные. Но не деревянные, нет, это дома-дети с парадными, балочными, балочными, изукрашенными, в тон деревням, обязательно с садом, а в саду беседка. Песочнику деревянный - символ деревенской, старой России, введение этого прилагательного в обиход современного города потребовало от писателя раз-

вернутой аргументации. Так создается в произведении конкретность образа и точность деталей, без которой нет художественной правды. Ср. функцию бытовщины в описании примет времени в той же повести Д. Гранин: «Музыкалы ходили в желтых кожаных крагах, в калошах, а женщины в фетровых высоких ботинках или топе в калошах с набитуками. Поминали мыловозов. Все большое было велосипедов. По улице ехали женские моторолеры в белых гимнастёрках, а левый в шивелок с бахилками. Надели позавчерашние драги, белые, но были и черные, с разнокими колёшками, велосипеды классные. Существовали красноватые джипы, мы ходили туда с бабками и брали отдельно в бутылочку бензин для разжигания привусов или дегаурит... Привусы составляли целую эпоху городского быта, это были целые отрасли, системы, стиль. Были еще такие красновки, были дурные утки, доживали самосвалы, их растапливали на термом ходу. Были утары от пачки, от утары свисали миллиардные спурты. Все это бытовая техника нынче вспоминается с жалостью. Как видно из приведенного фрагмента, тематическая функция относительных прилагательных как параметров для них и основная для их свободное-комбинативных значений, хорошо согласуется с описательной направленностью текста. Не создают и те качественные прилагательные, которые наиболее близки к относительным как обозначения естественных качества предметов или специфицирующие предметы разных классов (цветовые прилагательные в свободном и связном значении).

Аналогично анализирует прилагательные М. Горький (Горький 1974-1973) при объективизации описания окружающей обстановки: «Часовня примыкала к стене дома Ладца, в шпалом его этаже помещался «блестящий вычурнейшим принадлежностей и кустарных изделий; рядом с дверью в магнати выступали на пилель три каменные ступени, над ними - дверь морского дуба, без ручки, без скобы, посередине - медная дощечка с чёрными буквами «И.Т. Мурыскава. По чугунной лестнице, соприкасающейся от работы типографская машина в нижнем этаже, Самгин вошёл в большую комнату. Включая субъективного плана персонажа может достигаться актуализацией лексическим связанным значений относительных прилагательных с потенциальными качественными основами (их взаимодействием с собственно относительным значением и значением качественных текстовых оснований типа: золотой, цвет иудубайной кожи - желтый), помещением относительного прилагательного в ситуацию контраста и др.: «Дом был старей каменногого вида, без украшений по фасаду, желтая окраска его стен протысилась приобрела цвет иудубайной кожи, солнце раскрасило обькы свои в фаслетовые тона. И над полуоткрытым окном этого дома нарпретно было видеть золотые слитки. «Клим край». Промачность обстановки и контрастность является редкими подчеркнутыми двусмысленным употреблением прилагательного «золотой». Ср также контраст гипонимов каменный - деревянный (с уточнением его временных потенциальных характеристик с помощью качественного прилагательного старый) в передаче конкретнейших умовстройств Самгина, не способного верно осмыслить происходящее в жизни изменения. «Клим сонтра на каменные дома, построенные Варавкой за двадцать пять лет, таких домов было десятка

три, в старом, деревянном городе они выступают резко, как заплатки на изношенном кафтане, и казалось, что они только уродуют своеобразно красивый городок, обитатели которого и влюбленного в прошлое историка Колованя. Эффект присутствия точки зрения персонажа достигается отдельными характеристиками оценочных качественных прилагательных в общедоминантно-отрицательной тональности и широким применением относительных прилагательных свободно-номинативных или близкого к нему лексически смешанного значения «Блажи в тумане осторожно и медленю, останавливаясь у уютного дома и четыре окна с парадной дверью, под новеньким желтым занавесом, в металлических между окнами, выложены были глянцевые плитки странного цвета, и весь фасад украшен алмазными доской, геркулесовых цветом. Прошли во двор, там к дому примыкал деревянный флигель с три окна с черными, в глубине двора, замаскированного сугробами снега, возмущались белыми деревья сада».

Ср. композиционные светообразующие функции относительных прилагательных, их способность отсылать к самым общим признакам предметов одного класса без излишней детализации в мемуаре романа А. Иванова «Вечный зов» [Иванов 1980]: «В один из зимских дней 1908 года в студенческой камере при Томской городской мастерской находились двое... Сидели, в нижней рубашке, за рабочим столом пил чай. Было жарко, ого фарфоровый кувалда брызнула на спящие стула. Косоротов прислуживаясь, через руку у него вышло похотище, и вообще похотище на тракторного пологого. Из сопоставления фрагментов произведений разных авторов отчетливо выматывает установка на объективность изложения, оправдывающая отбор и сочетание относительных прилагательных по преимуществу в их свободно-номинативных значениях.

Другой типовой функцией относительных прилагательных, как было отмечено, следует признать их способность отсылать к самым общим признакам предметов, как бы намекая на то многообразие им производящего, с которым связана семантика производного прилагательного. Эта функция связывается с условным характером художественной точности, не сводимой только к буквальной передаче, фотографированию изображаемого. Смысл этой функции для Ф. Абрамова - в усугублении информационных перегрузок, избыточного детализированности, она как бы противопоставит функции конкретизации и вместе с тем связана с ней (Абрамов 1982): «Но в радости сразу же приблизилась и тревога, догадаться ли Фанка сложить сею в стог? Фанка не Гельда. Это та глазуля-зарнула вверх и рату все покая, а Фанка в левом посылке возраста - откуда ей в крестьянской грамоте разбираться?»; у Д. Грыкина.

«Подробности забыты, но существа в том, что отца Хохракова везали по крупицам земли...»; «А может, и мед, вывешенному тогда дучше существовать отдельно от моего детства, юности, от внешней моей жизни?»

Продуктивность этой функции отражается в развитии оценочных словопотреблений, актуализируемых преимущественно сами производных. «А в универсаме стояли дучше коньяки, шампанское, тобай, вермут и прочие мила виноградных стран» (здесь актуализирована сама производящего «место происхождения»); «После сверхчисто-рассчетливых месяцев жизни научных че-

конца, которые разнотипны по всему, кроме своих дел, после бескорыстных литературоведов, подчитывающих печатные работы и оплачиваемые листы после огорченного, побитой-садромом, подлинников на собрании сочинений, бездельничая футбол, турнира с роскошными шестыми заданиями, автомобильности, филателистик, городничиков он производил впечатлительное впечатление и счастливого безумца (позитивный эффект, в частности, строится на несовместимости свойства определяемого чиняника даже с потенциальными семант. слова «жук»; на выписывании, претенциозностающих группировки лесей по роду заботы и интересам авторской композиции «экзотичной безумца»).

В текстовом упрощении может актуализироваться не один, не два, а целый пучок сем. производного в его свободно-комбинативном значении: «Риса была отдаленной страной со своим населением: бакинскими, индустриями рыбацкого, рыбаками. Люди на реке узнавали друг друга глазами. Они отличались истеричностью. Речные люди были вылитыми, наблюдательными (река – место жизни, работы, источник средств существования, стимулятор развития определенных органных и духовных черт Н. С.). Сладкий прием у Б. Васильева [Васильев 1982] «Тыкал после каждой буквы учительской ручкой в чернильницу, пытаясь носом и очком боласа, что печатные двужки, известные своей наклонностью, обязательно выгонят его, но для деликатности, потому что на часах было уже без десяти шесть». Как и у других писателей, эффект преемственности нового словоочинения здесь строится за счет расширения коммуникативного потенциала свободно-комбинативных значений относительных прилагательных, параллельно оно сопровождается метафоризацией существительного: «Начесанный сверкающий дождиком топаком таракан в стекле, остепенная мисочка» «Сотелка Шустрик в Соверженном, и не только не заглажили они друг друга, а сошлись в конуру силу, раную двум стариковским мощностям»; «И если до этого жилая его плавил косяком, погу за погу пошла, то теперь засоснула бодрой стариковской рыбой»; «Работа не так пошла деду Глушкова, как персональная наука, которой ругательный Садромо очко даже горделиво».

Типичным приемом является использование смысловой емкости свободно-комбинативных и близких к ним лексически связанных значений относительных прилагательных в связи с отвлечением в них разнообразных синтаксических значений производного. Рассмотрим активно, сюжетно обусловленное использование Д. Приказов прилагательного лесной, связанное с позицией автора в родные места: «...не помню названия, как мы с отцом бывали здесь, но все же, значит, проехали, трясина на тылах по отцовским лесным делам, ничто бы не изменило от трех часовых - Цемника, Садика, Бельво...» («в последнем прилагательном отвлеченная лексика и объектив сама производного; ср. словоочинения: дала в лесу, дала по окраине и разведение леса, по использованию – дала – Н. С.); «Сильно, робкие попытки отца провалить меня к лесному делу. В то время модны были другие спички...» (объективная сем. сем. сферы действия – Н. С.). То же сем. в словоочинении «лесное клещество, истеричность в тексте».

На указанные семи часто называют качественными, субъективными оттенками, потому чтоковые смыслы не всегда поддаются однозначной интерпретации. «Легкие прихватывают слезы или куда-то в самую даль, в пяти-четырёхметровую перспективу. Где-то там пребывала, а это чувственная, рассказывающая о том, как и как жидкая и смолотуром лесные почки...», «Августовский его (лес.- Н. С.) запах напоминал мне летние лесные дорожки-лесенки, по которым выловили лес с глубинных лесосеки, «И чем был смысл всех хлопот ота насчет леса, его забот, его лесного отшельничества, его беспорядочной доброты?».

Особенно многообразны смыслы, перенесенные в оценочном словосочетании «классные люди» (ср. ранее текстовый глаголом «речные люди»). Но здесь используется языковая способность относительных прилагательных передавать устойчивый, постоянный признак предметов. Авторскому выделению предается характер объективного, субъективного значения предстает как текстовый констатация объективных свойств, спецификация лица по совокупности выделенных признаков: «Но зато, много ли есть сейчас в этих местах «классных людей». Раньше было их много. Они жила лесом и жили в лесу. Отдыхали от мирским лесом или чужим его, но знали, как правильно ходить, наоборот, всяким чужим».

Объективность и постоянство признаков, предназначенных для интерпретации такой ментальной структуры, как концепциональное знание, делает относительные прилагательные своеобразным указанием того или иного качества, обусловленным использованием в сравнительных оборотах и вообще в качестве объекта сравнения: «Рассказывая, старик беряло ота спорт, палея полосатый пиджак, поводя на женскую кофту, а затем начал вытаскивать сокровища ми сокровища, «Он вытолкнул карандаш из-под корешка бумажку сложившую как аптекарский пакетик порошок...»; «Самым подумал, что говорит она, как провинциальная актриса в роли светской дамы» (М Горький).

Семантически близок к этому присы контактного употребления качественного и относительного прилагательного с целью указания признаком обычно ассоциируемых со значением относительного прилагательного, о чём речь шла выше.

Но уникальна и такая функция относительных прилагательных (включая и слова фразеологически связности значения), как быть приметой отнесения кисти героя к определенной профессиональной среде, системой ее понятий, ее речевым кодом. Используется способность термина быть свернутой логическим определением или единицей той или иной номенклатуры. «Это делал из осыпи лучшую драпку, а пошло, с каким трудом ота вылавливал дравничные стержни в колоде, да ота зотти находить рогачом производство из колоде обсып»; «И сосиски называются кельскими, а есть еще врусничные, а есть черничные, есть багульникковые... А пва, ие-то жарничная, из которой палея и коринька и мюбеля. Виде заготовили яву колма для кожаненных злато».

Д. Граня использует термины как сигналы определенных социально-психологических установок, сигнал современности, престижности профессии

(не без иронического по отношению к себе подтекста) «В то время модны были другие специальности, я перебрал самые, мне казалось, нужные, перспективные: электротехника, автомеханика, гидротехника. Нам платили рефры, рамки, терманы: перлый блэф, явные нагрузки квантили разрывания мощности, сети и системы... Ажурные высоковольтные опоры - это было сложно - ажурные опоры, пестряще, переведенные; деревья же были просты, однообразны и ничего не стояли»

Ср. примеры текстовых смещений в употреблении специальной лексики как способа выражения авторской позиции у Б. Васильева. «После шестидесяти лет со свадьбы Адамы начинают несомненно рыться свои Ея, а Вам экспериментальным путем устанавливаются связи Адамы»; «Наиболее урожайными были два периода: послевоенный и послерабочий. Послевоенное время дало много молодых подбочья, но модно подделывало кефирномолочные (о бутылках - Н. С.), рыбки на мышипресном том пустыр, как матерые бороздки. Вечерняя стража аккуратно поставила важно-важную тигру, и дед кодил за вазо с копейкой, как по грабли... Дед.. всегда удивлялся, почему же он рылше-то никогда ничего не обнаруживал, кроме битой посуды? Тут было нечто мистическое, но дед Глушков твердо знал что бога нет. И оказался прав абсолютю: пригласил в кошке кошке обрета материнскую структуру и вытрясая деду таким словом: «Так вот какой вредной гад колоски с моего поля скучивать!» В сфере массовой информации, делового общения, подготовки в светском дискурсе как дискурсе власти и в известной мере интеллигент в языке бюрократии до сих пор и определенным стереотипам языкового выражения, копируется такая особенность свободно-повествовательных и некоторых лексически смещенных значений относительных прилагательных, как их обобщенность, экзактность, стандартность. В художественных текстах эти качества становятся сигнальным способом мышления персонажа, его общественной позицией, используются как средство социально-речевой характеристики в формах прямой и несобственно прямой речи: «Действие совершить надо, действие! Это какой гуманизм бюрократический, а или действительный. Самостекий гуманизм в действия - читай в газетах? Он, и темные же вы деды!» (Там же); «Ему казалось, что вторгшиеся посторонних людей в эту сферу, никому до конца не понятную, чаще всего бесполезно, а порой и безразлично... Бракоразводные дела граждан» [Амстаский 1981]. В данном случае убеждение судьи Малюка отражает несоответствие с профессиональным подходом к делам. Ср. у Д. Гранина текстовые указания на ограниченность «доказательного» подхода. «Начальник же коммунального отдела товарищ Л. свое мостик через Малюку... Если бы сам Достоевский или любой другой классик писал этот мостик, был бы на нем, встречался со своими единомышленниками, что было бы подтверждено документом, тогда и споры нет, мостик стал бы исторической правдой, подтверждаемая и охраняемая. Без этого мостик как таковой не представляет никакой необходимости, и людям ко-то его поднимать шумо (здесь идет о мостике, изображенном в «Братях Карамазовых» Н. С.)

Таким образом, несмотря на свою кажущуюся «прозрачность», относительные прилагательные обладают довольно разнообразными текстовыми

функциями, во многом predeterminedными типами соответствующих словом этого ЛПФ значений. Категориальность общности с качественными прилагательными, общность типов их лексических значений порождает в ряде общих черт в текстовом поведении слов разных разрядов, особенно в зоне основного их взаимодействия – в ориентированных относительно психологической сферы субъекта лексически связанных значениях. Отсутствию жесткой границы между разрядами по типу лексическими значениями относительных прилагательных, возможность расширения каждым типом тематичной, специализирующей предельной функции объясняет однородность текстовых функций слов, реализованных по лексическому значению, и в этом смысле их проявлений единства организационной семантики.

Как известно из проведенного анализа, текстовые парадигмы относительных прилагательных вытекают в определенных отношениях с системно-классовыми.

Текстовые парадигмы как динамическая речевая микросистема в пределах текста обнаруживает черты целостного объекта. Его элементы, их отношения и функции.

Закономерности построения текстовых парадигм могут изучаться с опорой на систему понятий и категорий собственно лексического уровня, на микроуровневые связи лексики и грамматики, а также с учетом композиционно-речевого фактора, в котором отражаются авторская интенция и концепция в целом. Подобное разделение оправдано в когнитивных целях, при обращении же к конкретному тексту известные факторы обнаруживают комплексное, совместное действие.

Границы, типология текстовых парадигм, как и функции составленных их элементов, во многом predeterminedны языковой парадигматикой, организационной рамками по уровню абстракции смысла. Наибольшей опосредованностью в выражении текстовых смыслов характеризуются парадигмы, организуемые категориально-грамматическими смыслами, хотя они наиболее близки по составу элементам Мера предсказуемости текстовых функций, общей направленности построения текстовых парадигм возрастает с конкретизацией интегральной семы (например, в границах группировки слов по субкатегориальной семы – в лексико-грамматических разрядах). Так, текстовые парадигмы относительных прилагательных преобладают в текстовых ситуациях тематической функции, обусловленные их семантикой, связанной прежде всего с передачей безотночных значений, когда, перифразируя высказывание Н.Д. Арутюновой, можно сказать, что субъективное мнение (лучше и канонизированного субъекта) не выделяется за объективные свойства предмета. Следовательно, специфика прилагательных разных разрядов порождается реализацией таких ментальных структур – как заявлено и мыслено, и их ролью в констатировании мери (эргативной и объективации уже известного, рационально интерпретированного, с одной стороны, и выражении отношения субъекта – с другой), что не всегда требует рациональной аргументации со стороны говорящего. Ср хотя бы частотное употребление слова *страшный* во внутренней речи Клема Сажкина, далеко не совпадающее с авторской оценкой описываемых явлений. Отсюда классифика-

принимая, специфицирующая функции и тематическая по преимуществу ориентация относительных прилагательных, их сократительная роль в выражении нематематического качества. С этими свойствами объективности, точности повествования, создающей эффект достоверности и образности в тексте, их место в участвии текста, вводных в ситуацию; роль в бытовании, в создании примет времени. Проекция семантического значения производного в значение относительного прилагательного позволяет различать, в самых общих чертах, представлять признаки, избегая излишней детализации. Однако распределение указанных и других функций относительных прилагательных в текстовых парадигмах связывается с таким важным лексическим регулятором, как тип лексического значения. Группировки разнотипных по лексическому значению слов разных частей речи и ЛПР предполагают выделение⁸ определенных коммуникативных заданий и ограничивают объем этих заданий. Подобная ограниченность дает себя почувствовать и на композиционно-речевом уровне, в распределении разнотипных значений по тем или иным текстовым позициям.

Относительно искусственным является текстовое парадигмы, ориентирован на такие лексическим объединения, как группировки слов по содержательным и формальным признакам, по социально-территориальным, функционально-стилистическим, хронологическим и др. Исключения в построении текстовых парадигм могут быть связи разных значений многозначного слова, отдельные его словоизменения и даже отдельные⁹ различия этих словоизменений. Но далеко не всегда объединение слов в текстовых парадигмах поддается объяснению с опорой на жестко понимаемую системность.

Признавая вероятностный характер лексического значения, активность человеческого фактора в речевой деятельности, наличие выходящего за пределы только воспроизводящей, но и производящей функции контекста ставит перед необходимостью изучения, с одной стороны, нестандартных семантических отношений в лексике, а с другой стороны, - способов их проявления в текстовых парадигмах. В решении этих задач большую помощь оказывают словарь-дескриптор «Русского семантического словаря», материалы РАСа и правила логики семантического плана (Ю.Н. Караулов), объясняющее описываемые семантические связи слов и в словаре, и в тексте.

Одно из пониманий текстовой парадигмы исходит из такого признака ее члена, как обязательное наличие хотя бы одной общей семы. Понимать таким сема обнаруживается у разнотипных единиц, текстовая парадигма обобщается с функционально-семантическим полем (ср., например, множественные вода), с семантическим типом текстового фрагмента (Г.А. Золотова). Разные представления о текстовых парадигмах объясняются их близостью к общей сущности, в них признаваемой, - к целостному тексту, манифестирующему и реализующему возможности языковой системы.

Рассмотренные выше материалы позволили отметить, что анализ текстового употребления прилагательных с точки зрения значений, выраженных ими, создает возможность характеристики лексических средств не только в функции описательно - стилистическом, коммуникативном плане, но и собственно семанти-

чекое, лексикоцентричное, связанное с рациональной сферой познавательной деятельности

Наблюдения над смысловой сочетаемостью прилагательных в связи с типами их лексических значений приводит к выводу о том, что текстовый потенциал реализуется в расширении сочетаемости для тех слов, которые в общепользовательском употреблении ограничены, и в сужении функций некоторых до роли постоянных эпитетов. Это касается в первую очередь свободной - номинативных значений за пределами логически соотносимых в данной культуре полей, или выражаемых, и дискурсивно и фразеологически связанных значений - в любом случае собственно семантическом, функциональном, мотивно-оценочном

Прилагательные в свободной-номинативном значении представлены в основном общепользовательской, нейтральной лексикой. Из особой текстовой функции порождают или нарушают общепользовательскую сочетаемость за счет сопоставления предиктивно-логически не сопоставимых значений, или в результате диспаритетной сочетаемости с одноклассными в каком-либо отношении существительными, что складывает определенную, обусловленную авторской композицией оценку

Функциональная маркированность прилагательных с фразеологически связанным значением однообразна, для этой группы слов мало характерна лексика разгворная и просторечная. Лексика торжественно-высокая, книжная, устаревшая встречается в основном для вне-стилистических функций

Промежуточное положение типа лексического связанного значения обуславливает для прилагательных в этом значении функция, общие со словами в свободной-номинативном значении, и фразеологически связанного. Часто собственно семантическая и стилистическая ограниченность смысловых, оказываясь лексикообусловленной и свидетельствуя в пользу продуктивности интергранного подхода к изучению языка и его единиц, классными выступают и имена прилагательные

Текстовые функции разных по типу лексического значения относительных прилагательных ярко отражают субкатегориальную природу слов данного ЛГР, они специфичны по сравнению с функциями прилагательных качественных, хотя и выступают в той же обусловленности такими лексическими значениями

При всей своей ярочности относительные прилагательные обладают широким диапазоном текстовых возможностей несмотря на узость их смыслового объема по сравнению с качественными

Обязательность, точность номинатива, созданный эффект достоверности изображаемого, обуславливают место относительных прилагательных свободной-номинативного значения в участках текста, выходящих в ситуацию (имени, начале новой темы и т. п.) С этим качеством связана роль относительных прилагательных в бытовом языке, в создании примет времени

Процесс синтаксического значения производного в свободной-номинативном значении относительного прилагательного позволяет лексикологу, в своих общих чертах представить призыв, лишь намекая на его связь с той или иной субстанцией, избегая подробностей, что важно в художественном

тексте с его условной точностью Шарота и абстрактность свободно-комбинативного значения относительных прилагательных объясняет его способность к интеграции фрагментов текста в слог с необходимостью в их пределах конкретизировать свой содержание.

Функция спецификации, первичная для относительных прилагательных используемая обычно в строгих функциональных подтекстах, в художественном тексте становится сигналом смысла типа новообразования, средством передачи профессиональной принадлежности персонажа, научного способа мышления, создания эффекта современности. В художественном тексте используются и фразеологически связанное значение относительного прилагательного, обычно терминологическое, специальное, создающее стилистический эффект связности в языковой среде.

Наслаждение культурной среды обуславливает использование специальной лексики на разных уровнях знания с ориентацией в основном на свободно-комбинативные значения слов, наиболее прозрачные для не посвященного в тонкости предмета читателя.

Способностью расширения сочетаемости за счет нарушения общепринятой логики связей (для слов свободно-комбинативного значения) и границ семантической темы (для слов лексически связанного значения) относительные прилагательные объясняются в своем текстовом поведении с другими категориями признаков слов. Стилистические потенции прилагательных и глаголов связаны с возможностью расширения границ лексической сочетаемости обусловленной типом их лексического значения.

Слова свободно-комбинативного значения представлены в основном общепотребительной, стилистически нейтральной лексикой, их стилистическая функция в тексте порождает или нарушается общепринятой сочетаемостью за счет обособления «осознанных понятий, расширения семного потенциала, или в результате целенаправленной сочетаемости с одноклассными в каком-либо отношении существительными, что создает определенную экспрессию, требующую специальную оценку.

Прилагательные фразеологически связанного значения в значительной своей части представлены стилистически отяжеленной лексикой. Лексика терминологическая, книжная, устаревшая, отражающая данный тип значения, присутствует в естественных для них функциях. Кроме того, текстовые функции прилагательных фразеологически связанного значения порождает целенаправленным расширением их лексических связей.

Промежуточные полярные типы лексически связанного значения обуславливают у слов, им обладающих, текстовые функции, общие и со словами свободно-комбинативного, и со словами фразеологически связанного значения. Экспрессио-стилистическая функция у слов лексически связанного значения разнообразна. Прилагательные разговорного, просторечного и др. характера используются в естественных для них стилистических функциях.

Текстовая перспектива признакового слова в заданной типом лексических значений обуславливается увеличивается со всей совокупностью текстообращающих факторов, с необходимостью создавая целостности и связности текста,

расстановки лексических сигналов для ориентации адресата в авторском ментальном пространстве. Абстрактность значений анализируемых слов, сопровождаемая их связностью, проявляется в текстах, направленных не столько на описание событий, сколько на концепцию этих событий, их квалификация. Необходимые, логически связанные значения прилагательных широко используются как средство передачи психологических, нравственных, эстетических пронаunts, состояний, оценок, что связано с их ориентацией на мир познающего субъекта, на позицию наблюдателя.

По этой же причине они становятся средствами текстовой параметризации субъекта, участвуют в разных формах субъективизации повествования. Лексическая связность и синтаксическая обусловленность значений как способы интерпретации идеальных сущностей подтверждаются фактами видения дуальной лексической связности в тексте. Разные функциональные ориентиры свободно-комбинативных и лексически связанных значений, сформировавшиеся в системе языка, обнаруживаются в тексте через взаимодействие прилагательных разных ЛСГ при условии разнотипности их лексических значений в пределах текстового фрагмента.

Ни один из текстообразующих факторов сам по себе не является единственно определяющим в выборе слов того или иного типа лексического значения. Эти факторы находят в отклонениях взаимодействия с выделенным того или иного из них на первый план в соответствии с макро- или микроперспективой текста. Прагматическая установка поднимает себе арсенал типов лексических значений с дифференциацией их по частным функциональным заданиям в пределах общего. Это особенно ощутимо при использовании одного и того же слова или слов одной ЛСГ в разных по типу лексических значениях в пределах общего фрагмента текста.

Функциональные факторы определяют не только ведущую стилевую тональность текста, но и контрастную жанров, объясняющую обилие по типу лексических значений слов, свойственных разным функциональным подсистемам языка, разным типам дискурсов и дискурсивным практикам.

Литература

1. Абрамзон Ф.А. Рассказы // Новый мир, 1982, № 5.
2. Амелинский В.И. Возвращение брата. // Над рекой Кюлер - М., 1981
3. Васильев В. Вы чье, старичье? // Новый мир, 1980, № 5.
4. Венгурс Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. - М., 1980.
5. Венгурс Т.Г. Синонимы в функционально-стилистическом аспекте // Вопросы языковедения, 1975, № 5
6. Гранин Д.А. Обратный билет. // Собр. соч., в 4-х тт. - Л., 1960, т. 4.
7. Герасим М. Жизнь Клема Самгина. // Полн. собр. соч. в 25-ти тт. - М., 1974-1975, т. 21-24
8. Иванко А.С. Великий зов. // Собр. соч., в 5-ти тт., - М., 1980, т. 3
9. Шмелев Д.Н. Проблемы синтаксического анализа лексики. - М., 1973

4. НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОЛКОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОЛОГИИ

4.1 Прилагательные в нормативном толковом словаре

Словарь «от Пушкина до наших дней» в представлении семантики имён прилагательных решает многие проблемы, актуальные для современной лексикологии.

Лексика словаря используется здесь в своём синкретичном смысле для обозначения и словарного запаса носителей языка указанного периода, и как компонента синхронизованного лексикографического издания (БАСа).

По справедливому замечанию Э.М. Петровой, «ССРЛД, охватывающий период «от Пушкина до наших дней» включает в себя весь период XIX в.» [Словарь 2009, 11 п].

И хотя по вопросу о том, был ли словарь XIX века дифференциальным, высказываются различные точки зрения, от сугубо оптимистических до скептических, ясно одно: именно в XIX веке сложилось стабильное ядро лексической системы современного русского языка, обусловленное общими законами развития языка, а его представление в БАС в общем отвечает требованиям современной научной парадигмы, как она складывается в лексикологии XX-XXI века. «Русский литературный язык называется от Пушкина и сохраняет свой принципиальное единство в течение уже почти двух столетий» [Там же: 135]. Не случайно ключевые проблемы современной лексикологии рождаются с привлечением материалов академических словарей, и прежде всего БАСа, воплощенного достижения культуры XIX в., основополагающим образцом для наших современников, особенно в условиях кризиса духовных ценностей. Как бы то ни было, насыщенность иллюстративного материала БАСа текстами XIX века отнюдь не помешала ему служить источником материала и лексикографической основой в разработке важнейших проблемы современной лексикологии как в её истоках, так и в нынешнем состоянии, тем более что язык художественной литературы в одной из своих функций выступает как образцовый языковой материал для исследования общезначимых закономерностей.

С лексическими играми, сложившимися в XIX веке и автоматизировавшим ядро современного словарного состава языка, связаны важнейшие аспекты лексического учения о слове («в отличие от «грамматического учения о слове» изложенного В.В. Виноградовым в его книге «Русский язык»).

Слованное относится прежде всего к постановке проблемы типологии лексических значений, тесно увязанной В.В. Виноградовым с лексикографическим обеспечением её решения. Проблему типологии лексических значений автор включал в контекст построения синонимных, исторических и сравнительно-исторических лексикологий разных языков, а начало движения в этом направлении видел в составлении «точных, адекватных языковой действительности толковых словарей современных языков» [1: 162]. Многие лексикологические положения статьи связаны с лексикографическим размышлением ав-

тора, а иллюстративный материал черпается прежде всего из источников XIX в., когда сложилось ядро лексической системы современного русского литературного языка. Ср.: «Основные коммуниктивные значения слова, особенно те, которые принадлежат к основному словарному фонду, очень устойчивы... коммуниктивное значение слова - опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [Виноградов 1977: 171]. Если пользоваться терминами когнитивной лингвистики, речь здесь идет о прототипическом значении слова как репрезентанте концепта, который оно представляет, что не позволяет рассчитывать смысловую структуру слова: «В системе языка коммуниктивно-производное значение слова (так же, как терминологическое, научное) не может быть оторвано от основного свободного» [Там же: 172]. Прототипический эффект, иллюстрируемый при формировании производно-коммуниктивного значения, иллюстрируется употреблением слова *знамя* в текстах Греббедева, Пушкина, Тургенева, что не мешает установлению типологического статуса этого значения в современном русском языке.

С производным лексическим значением как редуцированным концептом, связанным знаком, соотносится у Н.В. Виноградова истолкование лексического значения слова как «общественно закреплённого содержания». Будучи как однородным, так и разнородным, оно включается в смысловую структуру слова при условии внутренней связи между различными предметно-смысловыми составляющими содержания слова. Смысловая разнородность значений имеет когнитивную основу «Разные виды значений слов по-разному служат ориентиром и закреплению в языке успехов познавательной деятельности народа» [Там же: 189]. В этом смысле надо понимать, что в сфере многозначности слова представляет собой продукт разных эпох» [Там же: 175], то есть отражает разные стадии развития концепта в его содержательных формах (образ, понятие, символ) [Колесов 1999, 2002].

Поскольку *знамя* о мире предстает как культурное *знамя*, с когнитивными аспектами слова тесно связаны лингвокультурологические. Разрабатывая типологию лексических значений с привлечением словарного материала XIX века по преимуществу, В.В. Виноградов постоянно прибегает к историко-культурному комментарию, призванному важнейшим в автороцентрической парадигме, отнюдь не выходящей за жесткие рамки лингвистических и лингвокультурологических знаний, рассматривающей языковые явления как один из видов знаний о мире. Поскольку XIX в. характеризуется формированием художественного метода реализма, многие исходные значения слова, обращённые к миру, знакам и имеют прототипическое значение, иллюстрируемое в текстах классиков XIX в. и организуя/отделяя другую часть лексикона языка и языковой личности. В названной статье В.В. Виноградова, с одной стороны, утверждается необходимость системно-структурного рассмотрения лексика, а с другой - постоянно преодолевается лингвистический изоляционизм.

Это проявляется в указании на коммуниктивные функции слова, и на его диалогичность потенциально, и на историкокультурную память слова, элементы которой за ним культурологической информации, слово «отражает понимание сущности действительности» и его отношений к другим элементам той же дей-

отдельности, как они осознавались или осознаются обществом, народом в известную эпоху и при этом с широкой возможностью подменить пересмысленный первоначальный значение и оттенок» [Николаева 1977: 163]. В качестве иллюстрации, например, приводятся следующие пересмысленные значения глагола *наслаждаться*, возникшего на основе некогда существовавшего предлога *насладити* о подходе: «Включенность слова в общую широкую картину жизни позвала на примере развития значения слова «наслаждаться» в рамках продуктивного для XIX в. типа словообразования с суффиксом *-я(-а)*, с указанием на истоки появления слов в авторитетном языке - профессиональных терминология рабочего печата. Всё большую актуальность приобретает понимание о тесной связи между словарём науки и словарём бытия в аспекте составления научной и общественной картин мира. «Вода» даёт так называемые точные науки до сих пор удивляет в своём словарях термины, вышедшие из общепринятого языка (жизнь, работа, сила, тепло, звук, свет, тепло, отражение и т. п.). Ещё большие значения имеют народное мышление и созданный им терминология для наук общественных и политических» [Там же: 65]. Известно, что «метафизический» язык у нас сложился именно в XIX в. Историко-культурный аспект содержит анализ многих примеров из произведений XIX в., иллюстрирующих разнотипность лексических значений:

По существу все типы лексического значения слова наследуются с предельными образцами текстов XIX века. Это относится и к типу фразеологически связанного значения (*чреватый, безальтернативный* - по сравнению с уже предметным значением этого слова, как и другие: *преклонный* и т. д.); и к типу экспрессивно-оценочного значения (*облава, прикинуть, пошлый*), и к типу стилистически обусловленного значения (*жёлтенький*); и к типу конструктивно обусловленного значения (*отказаться на ком-чём; о ком-чём*)

Тексты Д. Давыдова, Гоголя, Тургенева, Чехова, Гончарова, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Достоевского позволяют различить между типами образных применений слова (*безразличный, белугный*) и сложившиеся у него в системе языка типы фразеологически связанного значения

Элементы культурологической информации, связанной с народной культурой, приводятся для расширения исходного и сложившегося в современном русском языке фразеологически связанного значения слова *арый*: «В современном русском языке *арый* - за пределами народноэтимологических форм (слова *коса арюга*) - обычно употребляется в сравнительном кругу фразеологических сочетаний: *арый поклонник чего-н., арий стороны, арий победитель ч-н* в значении «страстный, усердно преданный чему-н., неустойчив» [Николаева 1977: 171]. Вообще когда речь заходит о несободных значениях слов, ставятся ожидаемым тот факт, что «общечеловеческие, неязыковые, логические» в них образуют со всех сторон своеобразные формы и высказывания стилистически национального творчества данного народа» [Там же: 189]

Таким образом, семантические нормы, сложившиеся в русском языке в XIX веке и представляющие ядро его лексической системы, отсюда же проистекает язык постановки и решение ключевой для современной лексикологии проблемы типологии лексических значений

Для современной лексикологии далеко не безразличен принцип «естественной» дихронии языковых средств» [Сорокин 2003: 5], сикронной их дихронии. Настала в этом плане не согласиться с мнением Л.И. Сиверцова о том, что большая потеря для современной лексикологии, которые алгебры за собой откид от словарного списками стабильных элементов системы, устоявшихся в прошлом состоянии и являясь обычными для современного литературного языка, именно потому, что они составляют его ядро. Ср.: «Вариативность (хронологическая, семантическая стилистическая, социально-профессиональная и др.) естественное состояние живого языка и диалектической нормы в ней переосмысливается и переосмысливаются явления синхронии и дихронии, проявляется сама природа диалектической системы литературных норм во времени» [Словарь 2003: 183].

Вместе с тем, сама эта вариативность не равноудалена семантического тождества связи самому себе являя прототипического характера основного его значения замыкающего на себе те культурные координаты, которые сложившиеся в русской культуре и сформировавшиеся в ней вопреки языкологическому диалекту.

Открыта на этот тип языков даёт возможность говорить о типовых образных употреблении и типовых переносных значениях, связанных, с одной стороны, с особенностями лексической системы языка, а с другой - с литературными традициями, направлениями и школами, особенно значимыми в русской культуре и языке XIX века. Этот вопрос важен не только в аспекте номинативной и образной, но и в аспекте когнитивной метафоры (пр. лингвистика метафор у Н.Д. Арутюновой [Русский язык 1997], связанной с базисными операциями сравнения, аналогии, отрицания, характеризующими речемыслительную деятельность человека. Поэтому в характеристике метафоры с когнитивной точки зрения когнитивны признаки живой или мёртвой образности, создаваемой или воссоздаваемой двойлишностью. Вместе с тем этот признак очень важен в характеристике типовых образных применений слова. Не случайно при рассмотрении образных парадигм XX века Н.В. Павлович отталкивается от тех моделей образности, которые сложившиеся в XIX веке [Павлович 1995, 1999].

К типовым линиям развития образной семантики в поэтическом языке автор относит следующие: 1. Новый образ - это острый или перадритический дошедший новыми семантическими признаками (цветы - перья/осенние цветы - белые перья, окна - глаза/замочковые окна - слезные глаза) 2. Новый или в уже существующей образной парадигме (душа, месяц - серп/полнолуние, или как осан; душа - лед, центр (раствор) 3. Сравнение «забрать уже известную парадигму (х - у/у - х). 4. Новая парадигма (жизнь, восход солнца - цветы/роза, мать/корова, рыба, трава).

Таким образом, в рамках реалистической художественной традиции и были разработаны, и выработаны духовные вербальные символы, культурные коды, культурные координаты, а культура и представляет собой совокупность таких символов, правил их использования, ипостасных норм, выступая формой социального наследования. Это касается и народной, и церковной, и светской культуры, элементы которой закрепились в словопотреблении XIX века. Ко многим из этих элементов язык возвращается и в наше дни, с тем самым неадекватностью толкований и многих понятий БАСа, не всегда соответствующих

языковой реальности и отраженных языковой идеологизацией. В новейших словарях она преодолевается как язык истории России советского периода и принудительной трансформации того языка, который сложился в истории русской культуры.

Продолжая разговор об актуальности языка XIX века для решения задач современной лексикологии, следует отметить, что основные типы метафорических моделей, как они предстают в исследованных когнитивистом, уже сложились в XIX веке и отмечены в толковых БАС и иллюстративных материалах из текстов XIX века. Отражая основные способы когнитивизации действительности, метафорические модели проявляются в словаре в пометках «перен.» и в типичных образных употреблении. Это также метафорические модели (по их источнику), как

1) антропоморфная - ласковый - «2 Перен. Нежный, ласковый Там было весной и душ тёплый, ласковый ветерок. Час. Ветер. Вечер был ласковым тёплым Юго-восточный ветер. только слегка нахлынул прохладу. Корса В Крыму,

2) зооморфная - львиный - « // перен. Напояивающий ч л. льва, такой, как у льва. Л грива: ...повелоры, голова и т. п. О густых, пышных волосах... Григор Профи. дорожн. // Перен. Словный с к-л. свойством льва (для обозначения важной стороны чего - л.) ...Львиный талант ...Ставова

3) фитомерфная - львиный - «1 // Перен. Подобный волосам льва, напоминающий по мягкости, цвету волоку льва. О волосах. Улыбка, локони пыльные, Дрожька, голос, лёгкой шаг, Во в Ольга - Пушкин В.О.»

4) конкретно-предметная, бытовая - львиный - « // перен. Ностальгия О человеке... гладкой, румяной, гибкой и легкой, он пользовался удивительными успехами у женщин. Тург. Дядя

5) необычайно разнообразны ориентационные метафоры, сказанные в своих источниках об осевой тела человека, с её горизонтальной, вертикальной и сагиттальной осью, определяющей важнейшие концептуальные оппозиции: вперёд - назад, справа - слева. Они касаются и субъактивной, и глагольной лексики, отражающей направленное и сравнительное ориентации в пространстве, по типу которого осмысливаются абстрактные, идеальные сущности. Это относится, например, к переводным значениям слов востанца, ленин, круг, лететь, лететь, лечь и двигаться, лить и литься, менять и меняться производим от них производными.

Это, конечно, далеко не все метафорические модели, типичные для словоупотребления XIX в. (ср., например метафорическую модель болезни, рваную в слове литературный, или модель разрушения в слове ленивый и др.), но все они сохраняют свою актуальность и для современного русского языка. Таким образом, словоупотребление XIX века определяет решение многих задач современной лексикологии в её системно-структурном, когнитивно-прагматическом и культурологическом аспектах.

Литература

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977.
2. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. - СПб., 1999.
3. Колесов В.В. Философия русского слова. - СПб., 2002.
4. Павлович Н.В. Словари лингвистических образов: в 2-х т. - М., 1999.
5. Павлович Н.В. Язык образов: Парадигмы образов в русском поэтическом языке. - М., 1995.
6. Русский язык: Энциклопедия. - М., 1997.
7. Словарь русского языка XIX в. Проблемы Исследования Персикова. - СПб., 2003.
8. Сорочкин Ю.С. Задача создания исторических словарей русского языка нового времени // Словарь русского языка XIX в. Проблемы Исследования Персикова. - СПб., 2003.

4.2. Прямительные в диалектных словарях

Подмена имен прямительных в словарях общих и региональных вызывает у лексикографов заметными трудностями. Они связаны с паркуто отяреда и тем, что традиция неподвижного истолкования лексических значений качественных и относительных прямительных в пределах общей части речи уже не соответствует современным представлениям о характере их семантики. Это несоответствие особенно ошутимо в лексикографической разработке относительных имен прямительных, которая ориентирована на один из аспектов структуры их значения (деривационный) и оставляет в стороне другие, могут не менее важные измерения лексического значения (парадигматическое, семантикатическое).

Между тем, изучение ономастологической природы призывных слов (Е.С. Кубрякова), их знаковой природы (А.А. Уфимцева) обнаружило существование общие черты лексических значений качественных и относительных прямительных. В отличие от значений субстантивных лексем, которые «семанодоступны и для определения их денотата, и для установления их сигнификата» [Уфимцева 1974: 117], «категориальное значение прямительных выявлено еще особенно четко при их относительности к предмету и „окажетя, обозначенному существительным». Они выступают как призывки призывные» [Кубрякова 1978: 49]. Отсюда вытекает повышенная значимость семантикатического компонента, модели семантикатических связей, структуры лексических сигнификатов [Уфимцева 1974: 153] в семантикатической характеристике призывных слов, которыми выступают имена призывительные.

Абсолютизация деривационной связи в истолковании значений относительных прямительных и связанной с этим отсылочный способ толкования (словарные пометы типа «относительны к...») отражает традиционное представление об относительных прямительных как синтаксических дериватах,

длости не меньшей лексического значения производящего слова. Это положение справедливо оспаривается.

Сложности лексикографической интерпретации семантики прилагательных, связанных, таким образом, с недостаточной ее изученностью на собственно лексическом уровне, либо категоричное заявление обобщает индивидуализируемые лексические значения слов, «Русская грамматика» отмечает подлинность семантически границ между рядами имен прилагательных [Русская 1980: 542], то есть их семантическое единство, которое требует и единства их дикто-графической разработки, отсутствующего в настоящее время. Недостаточно четкие представления о лексико-семантических свойствах относительных прилагательных ведут к подмену одного типа языковой семантики (аксического) другим (словообразовательным) [Сулманово 1981; 1983а: 94-96]. Признак отнесенности к ряду, не реализуемый как дифференциальный: он присутствует и у качественных прилагательных (не только у относительных), и у производных слов иных частей речи, не дифференцируя последице на разряде. Не совсем корректно и попытка ограничить относительные прилагательные на основе признака «истинного отношения» [Иванчикова 1974], поскольку при этом прилагательное отождествляется с атрибутивной формой существительных, а также признака «особого/обычного качества» [Алипова 1972], между тем как, неопределенности этих признаков. Однако недостаточная изученность дифференциальных признаков качественных и относительных прилагательных не должна мешать в отношении этих группировок и замене их противопоставленным конкретным и отвлеченным прилагательным [Данилова 1976].

Таким образом, при описании лексических значений относительных прилагательных важно избежать абсолютизации их словообразовательной мотивации, рассмотрения ее как единственного фактора обусловленности их лексических значений. С другой стороны, нельзя не учитывать, что в сфере данного лексико-грамматического разряда действуют закономерности, связанные с семантикой производного слова. Исследования по словообразованию, ориентированному на синтаксис, открывают новые грани семантической характеристики производных слов, главными выступают относительные прилагательные. В этом плане безусловный интерес представляют исследования Е.Л. Гинзбург, В.С. Кубряковой, О.П. Ермаковой. В частности, для словарного описания значений производных слов важна идея перевода синтаксических структур производящего на уровень производного слова, отражения в нем синтагматических возможностей производящего в разных его лексических значениях, предпринятая в модели смысловых связей производного, границы его смыслового синтагматизма в разных значениях. В настоящее время словарной пометы типа «Относительный к...» не отражает синтагматических структур в реализуемые лексические значения слов. Такой способ толкования не отражает и коммуникативных потенций слова, его приближенности к употреблению в тех или иных текстовых ситуациях, типовых условиях и дискурсивных практиках. С позиций коммуникативной лингвистики, с учетом дательности природы языка Г.В. Колчанский формулирует закон «прямой зависимости контекста и значения»: чем шире значение слова, тем больше его зависимость от

контексте [Колпаковой 1980: 139, 133]. Границы же сочетаемости, разрешения и запреты на лексические связи во многом обусловлены скрытыми, потенциальными смыслами производного, отражаемыми в производном: «Мотивированность производного слова (включаясь информация и о лексическом окружении производного – Н. С.) может зависеть не только от прикладившей возможности объяснить значение одного слова через другое, но и от того, насколько легко восстанавливаются скрытые смыслы и его смысловая структура [Кубрякова 1981: 171]

Можно сказать, что максимум мотивации, наиболее глубокое и разнообразное представление о смысле исходного обнаруживает свободно-комбинативное значение относительных прилагательных. В связи с преимущественной изученностью относительных прилагательных в словообразовательном аспекте речь о них идет, как правило, без учета их многозначности, как о словах однородных в семантическом отношении. Обращает на себя внимание обобщение в толковании типовых словообразовательных значений по преимуществу содержания свободно-комбинативных значений относительных прилагательных с теми же типовыми коннотациями. Поэтому в лексикографической разработке помета «относящийся к...» наиболее регулярно и последовательно сопровождается тип свободно-комбинативного значения. Одна из задач семантизации относительных прилагательных – выявление тех содержательных сущностей, которые определяются в данной пометой на лексико-семантическом уровне анализа. Анализ типов лексических значений относительных прилагательных указывает на неоднородность их смысловой структуры и структуры разряда в целом, создаваемую качественным своеобразием значений входящих в него слов. Выявление путей и способов создания подобной неоднородности, ее системно-структурной маркированности, обусловленности функциональным предминимисным лексико-грамматическим разрядом (ЛГР) в части речи в целом, установление черт сходства и различия качественных и относительных прилагательных по типологическим измерениям их лексических значений – все эти направления семантической разработки слов данной части речи [Суздальцев 1983б] создадут предпосылки более адекватного из лексикографического представления.

Обращение к диалектному слову ставит перед вопросом, соответствует ли его лексикографическая разработка той, которая принята для прилагательных в словарях литературного языка, и должно ли здесь быть полное тождество даже при устранении отмеченных выше лексикографических погрешностей. Наблюдая над описанием прилагательных в «Словаре брянских говоров» [Словарь... 1976-1984] (СБГ) позволяем себе положительно ответить на первую часть поставленного вопроса и отрицательно – на вторую его часть.

В самом деле, в соответствии с традицией разное разрядное производных прилагательных и здесь поддается неоднородно. Так, в использовании относительных прилагательных преобладает отсылочный способ:

бурацком «Прил. к бурацк» (Поместы чомы, сады полн – это старинныя бурацкыя лѣсныя).

бурацкомы «прил. к бурацк» (Бурацкомыя карповыя не масифидны).

арбузный виноград и *арбузы* (Самочья арбузные листья);
арбузный виноград и *арбузы* (Самочья арбузные листья);
арбузовый это же, что *арбузный* (Самочья виноград арбузный)

Как видно, в статье представлены и отсылочный, и описательный, и идентифицирующий способ толкования, очевидно, под влиянием когнитивного истолкования свободной и связанной значений семантически сопоставительных прилагательных и нормативном словаре. Отмеченные противоречия предстают как своеобразная защитная реакция против ужаса лексикографических условий, их условности, известного наследия над обработанными языковыми фактами, получившими разную интерпретацию.

Как уже было сказано, мы сталкиваемся с переносом в диалектную лексикографию приемов нормативной лексикографии, не являясь адекватно отразивших лингвистическую реальность и итоги ее исследования в современной лексикографической и - сфере - лингвистической теории.

В соответствии с традицией отсылочный способ толкования не принят для прилагательных, инфинитивных глаголов, хотя в отглагольных, и отглагольных дериватах выступают производные словами, требующие следных приемов семантизации Ср

веревочный «структур поперечный, поперечный»,
валяный «изготовленный из шерсти путем валяния, обивая в плотную массу»,

зеленый и *зеленый* «обитый, изготовленный из шерсти»,
вареный «приготовленный путем кипячения»,
валяный

1) «прикипный, пухлякый», *валяной* «очень плотной, пропаренной»

Прилагательное с двойственной мотивацией:

валяный

2) «относящийся к образу валяния»

Известна кокусительность в разделение приемов истолкования значений качественных и относительных прилагательных становится случайной в случаях истинного включения качественных, субъективно-характеризующих наложений в значение относительного прилагательного, так как семантика ЛПР кокусительна, диффузна. *адовое* «гриб, к адовое (Наседа адовое жемчуг?)» Отсылочное толкование здесь явно недостаточно. Напротив, наличие редукции при деривационного приема в истолковании значений качественных прилагательных, многие из которых - слова производные, влечет за собой аналогичный способ представления относительных прилагательных того же словообразовательного гнезда.

Ср., с одной стороны, прилагательные качественные с естественным для них редуктивным, синонимическим и идентифицирующим толкованием, с привлечением словообразовательных в словообразовании. *буравный* «веревный, кожаный», *буравный* это же, что *буравный*, *буравный* это же, что *буравный*, *буравный* «использующий свое происхождение» (*буравный* «маленький - *бура* «веревный, буравный»), *буравный* это же, что *буравный*; с другой стороны прилагательное относительное с редукцией деривационного приема в толко-

везде вопреки общей установке, хотя с предостережением в иллюстрациях типичного для относительных прилагательных гносеологического сопоставления (*Бухаровой кочкой*): *Бухаром* являющийся на возвышенных местах (*Тя*, *яма* на *кочке* *каменной* *бухры*, а *бухарой* *клар* из *бухар* *рыльце* *Бухарую* *трапу* *средней* *касты*, *ловкому* *яма* *бухаром*, у *бухарой* *трапы* *яма* *мелким*).

Приведенные примеры свидетельствуют о семантическом родстве, близости разных лексико-грамматических разрядов имен прилагательных, что обуславливает сходные возможности их семантического представления в словаре без привагитой абсолютизации какого-то одного системно-структурного признака. Ср другие случаи устранения из толкования производных качественных прилагательных указаний на деривационные их связи: *буденный* *ангардинский*, *повожденный*, *буденный*, что же, что *буденный* (*Буденная* *адская*, *яма* у *буден* *моя*). Эти связи, будучи несомненно важным признаком значения качественного прилагательных, прокладывает себе дорогу в объяснительных информативах с привлечением производящего. Терминоты эти критичны и при когнитивностематической замене основного слова нейтральным, обнаруживаясь в иллюстрациях.

бросный –

1) *говорящий* *своим* *много* и *попусту*, *болтающий*,

2) *непривлекательный*, *склонный* *во* *лже* (*Бросным* у *яма* и *там*, *Камыслый* *мужик*, *бросным* *душа*, *лодынь*, *бросным* *яма* *ям*, *бросно*)

Ср еще: *бурочный* – *относительно* *недовольный*, *бросающий* (при отращивании в словаре соответствующего значения глагола *бурить*)

Везде отмечаются аналогии с качественным в толковании относительного прилагательного (*Бухаровой*), встречается и обратное явление – толкование производного прилагательного по модели относительного *бурочный* *клар* и *бурья* (*Бурьяная* *баба* у *яма*) от *бурь* *кларность* *ошломость* и *желтым*, *неопривлекательным* *пустым*; *прицур*, *прицурив*

В целом же можно подчеркнуть, что разработка семантики прилагательных в диалектном словаре опирается на лексикологические основы и лексикографические приемы их подачи в толковых словарях литературного языка со всеми их достоинствами и недостатками

Но может ли, а главное, должна ли такая ориентация иметь место во всех случаях? Думается, что нет, и прежде всего с учетом фактора адресанта. В том в другом случае читатель словаря – либо, ориентированный на норму литературного языка. Поэтому связи слов в его системе воспринимаются воспринято легче, чем связи слов в системе диалекта, где и сама системность не столь отчетлива и очевидна. Многие мотивационные отношения не применимы для неположенных, имеют смысл последовательно отобразить их в характеристике производных прилагательных, но абсолютируя их, однако. Так, если связь значения прилагательного *бросный* *шмак* не голый, *шмак* со значением глагола *бросить* очевидна для носителя литературного языка (ср также *зеромый* *красный*, *видный*, *здоровый*), то того нельзя сказать о деривационных связях прилагательного *буренный* *степной*, *грозный* (*Буренный* *яма*) они производятся при обращении к слову *бурд* *существо*, *гроз*, *бурд* *яма*.

грия, сере) Сказанное относится к прилагательному *бронзовый* (чересчур сильный, резкий (о запахе) (ср. *бронз* «едкий дым, запах»), *бронзовый* «опухший, отекший» (ср. *бронза* «стучная, рычавая женщина»), *бронзовый* «прищипывающий» (ср. *бронза* «небольшое возмущение возмущение на коже, прыщи»), *бронзовый* «крутой, сильный (о дожде)» (ср. *брызг* «крупица пылевая соль»), *бронзовый* «беспородный, пугливый, сумбурный» (ср. глаголы *буровать, буровить*))

Столь же значимо отражение в диалектном производном слове сем производящего, которые не всегда записываются в толковании прилагательного. Во 2-м выпуске СНГ приведены слова: *буль* «стойкий» и *листья* «коричневых растений, болота», *бульняк* «ствол соцветия шавки», *бульняк* «зеленолистая трава». Иллюстрация к слову *бульняк* дает основание усмотреть семантическую сопоставимость между данными синонимичными словами. Он также *бульняк* по *бульняк* *бульняк*, *бульняк*

Однако использование прилагательного не отражает сем производящего выходящих ограничений на семантическую толкование слова, ограничивающих его смысловой объем: *бульняк* «обильный в объеме, толстый». С учетом изоморфности парадигматическая и синтагматическая характеристики слова здесь можно было бы ввести синтагматическое ограничение «(о растениях)». В других же случаях отмечается семантическая мотивированность даже при расчленении её с формальной, структурной: вербовой «сравнительно» на концы вербовой (*Вербовая* «разновидность вяза») (формальная мотивированность существительных *верба*, а семантическая – наречия *вербово*). Конкретизация семантической мотивированности во всех случаях кажется более предпочтительной. Так, толкование *вербовый* «деланный из вербы» или *вербовый* «деланный из вяза», выражающее потенциальную сему «материала» у производящего, указывает на синтаксическое значение «предметности» выходят более содержательными, чем, например, толкование прилагательного *вербовый* «относящийся к вербе» или *вербовый* «сприл. к вербе».

Диалектное слово, в силу коммуникативных условий своего существования (посредственная разговорная речь лиц, не являющихся литературной нормой или не являясь ею являющаяся), в силу коммуникативной предметности (облаживающие достигающие стереотипных, в определенной мере выходящих, ограниченных типовых ситуаций), более рельефно очерчено в границах своих лексических связей, связей сочетаемости. Эта особенность диалектного слова отражается в широком использовании помет синтагматического плана в разработке смысловой структуры как однозначных, так и многозначных слов. См., например

бульняк

«крупица, сильный (о дожде)»

бульняк

1) «некрасивый, неприглядный (о внешности, внешнем виде)»,

2) «очень плохой, скверный (о внутренних качествах человека)»,

бульняк

1) «крупица, большого размера, обильной стоимости, достоинства (о денежных знаках)»,

2) «высокой, густой, пышной, дружно растущей (о травянистых и злаковых растениях)»

11 «крутой, пышный, красивый (о престоле)»,

11 «высокой, широкой в поперечном сечении, большой в объеме, в окружности (о дереве)»

3) «копьями, большой (о ветре, дожде, буре)»,

4) «объемной в объеме, толстой (о предметах)»,

11 «грубой, толстой (о ткани)»,

5) «кроткой, здоровой, сильной (о человеке)»

И в выделении связанных значений, и в истолковании их оттенков круг определяемых достаточно обширен и охватывает предельно широкий диапазон значений. Особенно отчетливо специфика деактивного слова выступает в сфере фразеологических связанных значений. См., например (за лексикографическим знаком «уголе», входящим сочинение): *буйный ветер* «ветер из древесных веток с листьями, буйные языки столбчатые языки», *злаковой дождевой* «из суеверия, представляемых: неслетя против магической силы ветра, приносящей несчастье». Эти значения очень последовательно противопоставляются составителями СЕГ от другим видам связанных значений, с одной стороны, и от компонентов фразеологизма, с другой.

Следовательно, в толковании лексических значений отнесенных прилагательных целесообразно опираться на традиции семантизации других многогорой производных слов, стремиться к максимальной прозрачности значения с опорой на комплекс его характеристик, в каждом случае отдавая предпочтение наиболее семантически выразительной для получателя информации. Эти тенденции стали весьма отчетливыми в 4-м выпуске СЕГ (см., например, толкование прилагательных

лободой

1) «продолжающийся, длищийся в течение года»,

2) «обыкновенный один раз в году (о религиозном празднике)»,

дрезушный

«приготовленный из продуктов обработки зерна гречихи (дрюхи, муки)»,

дрюхой

«ассоциативный гримасы (о дожде)» и др.

Они вполне отвечают и когнитивным представлениям о роли корня слова в организации ассоциативного поля в процессах внутрисловной и межсловной динамики как проводника единства признака стового за словом концита. Эта интегральная природа слова, его лексического значения обнаруживается не только в построении семантических полей и их более частых парадигм, но также в представлениях конститутивных признаков через структуру словообразовательных связей, а также через лексическую сочетаемость. Связанные толкования имен прилагательных и должны отразить единство лексико-системных, коммуникативных и когнитивных характеристик слова в их обусловленности ассоциативным ядром как человеческого установления той или иной культуры и входящих в неё субкультур

Литература

- 1 Алымова Н.В. К проблеме семантичности функций количественных и относительных прилагательных *ф* современном французском и русском языках. // Вопросы романо-германской филологии. - Л., 1972
- 2 Давыдова Э.П. Лексико-грамматические разряды прилагательных. // Ученые записки Калининского педагогического института. Т. 161. Калинин, 1976
- 3 Иванникова Е.А. О характере отношения как признака относительных прилагательных. // Русский язык в школе. 1974, № 5.
- 4 Кошманский Г.В. Конструкции семантики. - М., 1980
- 5 Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. - М., 1981
- 6 Кубрякова Е.С. Части речи в семантикограмматическом отношении. - М., 1978
- 7 Русская грамматика. Т. 1 - М., 1980.
- 8 Словарь французских говоров. Вып. 1-4 // Ред. Чаглинова В.И. (вып. 1-3), Козырев В.А. (вып. 3-4). - Л., 1976-1984
- 9 Сушьянцко Н.Е. Текстовые функции относительных прилагательных и глаголов. // Акценты и приемы анализа текста художественного произведения. - Л., 1983 г.
- 10 Сушьянцко Н.Е. Типы лексических значений прилагательных слов в современном русском языке. Автореф. дисс. докт. филол. наук. - Л., 1983 г.
- 11 Сушьянцко Н.Е. Типы языковой семантики в системе имен прилагательных (особенно относительно о глаголом) // Глагол в лексической системе современного русского языка. - Л., 1981
- 12 Уфляцкая А.А. Типы словесных значений. - М. 1974

5. НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Лингвометодические вопросы развития речи и культуры речи выступают обозначенными процессом и результата педагогического воздействия. Это придает существенность для развития речи в динамике требования, определяющие культуру речи в сплитике. Среди них есть опосредованные алименты на стандартизации речевой культуры и непосредственно ее складывание в активной речевой деятельности. К первым относятся правильность (следование нормам при отсутствии вариативности), коммуникативная целесообразность (в условиях выбора предпочтительного варианта), экспрессивность (оптимальный способ выражения, наибольшая действительная сила языкового средства).

Наибольшие критерии активно проявляются в сложной речи и анализе и построении текста, что и определяет второй круг требований к развитию речи.

Отличительным аспектом развития речи учащихся составляет свою значимость при изучении имени прилагательного в школе. Обращение к семантическим особенностям прилагательного в связи с задачами развития речи учащихся диктуется недостаточным их осознанием в школьных учебниках и вместе с тем значимостью осмысления в условиях собственно грамматических тем. Культура речевого использования имен прилагательных невозможна без понимания смысловых основ их поведения в речи, без развитого семантического чувства. Семантической основой имени прилагательного признается понятие признака предмета. «Имя прилагательное - часть речи, которая обозначает признак предмета. Имя прилагательное отвечает на вопросы какой? чей?» [Русский язык. 1973: 198].

Прилагательная природа слов, подпадающих под категорию имени прилагательного - им у кого не вызывает сомнения, но это слишком абстрактной семантической признака, не позволяющей отрицать имена прилагательные от других признаковых слов (например, глагола) и познать смысловые потенциалы самого имени прилагательного, обуславливающие его правильное использование в речи. Не случайно в определении категориального значения имени прилагательного крупнейшие лингвисты (А.А. Потебня, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов) конкретизируют выражаемый прилагательным признак указывая на обозначение качества предмета. Именно качественная природа слова *какой* заставляет думать о качестве, дела основание А.М. Пешковскому считать его идеальным прилагательным и видеть своеобразную нейтральную категорию качества в группе прилагательных прилагательных типа *какой*, близким со значением единичной принадлежности. Между тем в учебнике для 5-6 классов «качество» приписывается только словам одного лексико-грамматического разряда - качественным прилагательным «Качественные прилагательные обозначают такой признак (качество) предмета, который может быть в этом предмете в большей или меньшей степени» [Русский язык 1974: 104] «Относительные прилагательные обозначают признаком предметов по разнообразным отношениям между предметами» [Там же: 106]

Также освещение семантики разряда имени прилагательного затрагивает путь к установлению связующих их признаков в системе одной части речи и крайне неопределенному толкованию значения признака в единичной реальной опорой в его установлении - логическим вопросом. В плане развития речи учащихся этот подход мало перспективен, поскольку не позволяет думать над содержательной общностью слов одного из самых емких лексико-грамматических классов Концепция, признающая качество категориальной основой имени прилагательного, продолжает логично и устанавливает семантическую общность качественных и относительных прилагательных. « Даже и в относительных прилагательных, поскольку они внешне прилагательные, выражается оттенок качественности, а оттенок относительности оказывается вторичным, намечающимся уже внутри категории» [Пашковский 1956: 83].

Это отчетливо обнаруживает материал упражнения № 280 хотя практика в учебнике концепция не позволяет поставить вопрос в заданиях о семантическом различии словосочетаний *красивая женщина* и *счастливая женщина*, *сок из фруктов* и *грустный сок*, *воронах из леса* и *печальный воронах* и т. д. Из-за недостаточной ясности категориальной основы имени прилагательного его формально-грамматическим характеристика преобладает над семантической, этого нехватая последнее в ходе анализа материала.

Ср. образец для рефлексии, предлагаемый для определения разряда имени прилагательного (учебник 3 класса, упражнение № 287): «*звонкий* - имя прилагательное, имеет степень сравнения *звонче*, сочетается с приречным *звонь*, *звонь* лозины, имеет краткую форму - форму *звонко*. Значит, это качественное прилагательное». Приводимые в образце грамматические признаки качественных прилагательных теснейшим образом связаны с передвигаемой или неподвижной качественной опорой на особенности восприятия говорящего, его оценки, мнения, признака, воспринимаемый органами чувств человека, являющийся результатом интеллектуальной оценки предмета. Это обуславливает множественность качественного признака, создает возможность его уточнения во временном плане (*весело колодезь речка*) по степени интенсивности проявления (*очень жаркой день*, *день жарче вчерашнего*), по отношению к лицу (*быстрым мне человек*) и месту (*лучше в этом местех майна*), и причине (*глыми от голода руси*) и т. д. Следовательно, качественный признак вопреки определенно шкельного учебника может изменяться не только в качественном отношении но и в количественном. Характер качественного признака проявляют некоторые упражнения раздела, но они не связываются с семантической основой качественных прилагательных. Так в самых разнообразных случаях представляется в учебнике тематическая группа качественных прилагательных: по преимуществу в их сравнительных функциях. Меньше внимания уделено прилагательным имен тематических групп, хотя контрольные задания требуют их анализа. Ср. (учебник для 4 класса, упражнение № 345, повторительное) «Выпишите из словаря учебника и упражнения прилагательные с непропорционально выделенным обозначением различные качества человека; (учебник 3-6 классов, упражнения

№ 230): «Подберите имена прилагательные, обозначающие такие признаки этих предметов, как размер, цвет, форму...»

Вне указанных примеров находится характеристика относительных прилагательных, соотношения с качественными лишь по формальным признакам. Ср. образец распадающей в упражнениях № 251 (учебник 5-6 классов): «квадратный (кружовый)» - имя прилагательное, показывает отношение предмета к месту, не имеет степени сравнения и краткой формы. Это относительное прилагательное. Поскольку разряды имен прилагательных - частные разряды в пределах общей части речи, должны быть указаны не только их дифференциальные, но и интегральные признаки, создающие семантическую общность. Центристическая сила категориального значения качества проявляется и в случаях перевода притяжательных и относительных прилагательных в качественные, в том же, в их вторичных лексических значениях. Следствием, качественными прилагательными выступают сильным членом оппозиции с выражаемым набором семантических, морфологических и синтаксических признаков, а относительно притяжательные - слабым членом противопоставления с невыраженной семантикой качества, нейтральной значением предметного отношения (далеко не устранимой им)

Поскольку слово выступает центральной единицей языка, обсуждая все его круги, его семантически устройтво крайне неоднородно. Наряду с категориальной и субкатегориальной семой в языке прилагательным присутствуют семантические признаки собственно лексического уровня. Это обусловливает в плане правильности речевого использования соблюдение лексических норм, отраженных в толковых словарях-справочниках

Упражнения школьных учебников содержат интересный и разнообразный материал, позволяющий точно коммуницировать как основное правило употребления прилагательных слов. Сюда следует отнести упражнения, предусматривающие различение признаков и чертословных значений имен прилагательных (упражнение № 510 из учебника 4 класса, упражнение № 258 из учебника 5-6 классов), типовые конструкции их употребления (упражнение № 511 из учебника 4 класса); анализ границ семантического оспосаования (невозможность сочетаний *мелкая вода, молодые юноши и девушки, крысиной лавы, душистый аромат* - упражнение № 515 из учебника 4 класса); различение паронимов (упражнение № 287 из учебника 5-6 классов).

Важную роль разряда качественных прилагательных в системе имен прилагательного ощущается и на лексическом уровне словом этого разряда свойственны отношения семантической близости и семантической противоположности (сложности и активности), анализ которых предусматривается в основном теме «Имя прилагательное» в школьных учебниках.

Правильному и точному, коммуникативно оправданному употреблению прилагательных в речи предшествует их отбор в пределах лексико-семантических парадигм, опосредованное членом гнозисоматических, синонимических, алгоритмических групп по сходным и различающим их признакам, для которого необходим анализ семантического анализа слов. Это направление в развитии речи учащихся наиболее удачно представлено в школьном учебнике. Так,

упражнения № 512 (учебник 4 класса) в увеличительной форме заключает учеников с типичными одноклассными прилагательными (хароний, клаской), требующих своего уточнения за счет наданных обозначений. Оно направлено на предупреждение одной из наиболее характерных ошибок учащихся на начальном этапе освоения лексики. Разнообразие предлогами типичными прилагательными цвета (например, упражнения № 521, учебник 4 класса). Возможности и границы комбинированности синонимов в речи выявляются в упражнениях на подбор синонимов к тем прилагательным, которые даны в тексте: на выделении равнозначных признаков синонимов по качественности качеств (упражнения № 234, учебник 5-6 классов), по сочетательным свойствам (упражнения № 236, 248, учебник 5-6 классов), по функционально-стилистической окраске (упражнения № 280, учебник 5-6 классов), по оттенкам значения (упражнения № 521 - рамка, учебник 4 класса). Особую ценность в плане развития речи имеют задания на последовательное выделение в речь тех или иных обобщенных или противопоставленных слов. На основе описания посурного дня с опорой на авторские прилагательные предлагается изменить текст так, чтобы описать любой весенний день (упражнения № 514, учебник 4 класса).

Субъективно-характеризующая функция качественных прилагательных, признаком которых выражает точку зрения воспринимающего субъекта (его критичность, субъекты, оценочность, вкусовые, оценочны и представления, связанные с объективной категорией персональности, создает предпосылки для активного использования слов данного ряда в эстетической функции, свойственной производным словесно-образного искусства. Индивидуально-авторское видение мира, проявляясь в отборе и использовании прилагательных, отражает высший этап речевой культуры – творческое, самостоятельное использование образительных и выразительных языковых средств. Осмысленное и тактичное использование выступает ведущим направлением в школьных учебниках при освоении имени прилагательного в плане развития речи учащихся. Однако нельзя не видеть и ограниченности такого подхода – художественная речь эстетически трансформирует языковые средства, с чем связано ее насыщение по преимуществу словами одного лексико-грамматического ряда, служащими исполнению образного задания и не столь широко представленными в языке практическом.

Обратная сторона этого явления – отсутствие с вниманием в учебнике к речевым функциям относительных прилагательных, слов безобразных, но не менее важных в выполнении коммуникативной нагрузки, поскольку они выступают точными номинативными объективными качества предметов. Этим объясняется возможность синтаксической замены в обозначении признака, выходящего из отношения к предмету, и границах такой замены.

М.Н. Мурзина указывает на возможность замены относительными прилагательными всех значений, употребляемых для родительного падежа имен существительных в определительной функции. Замена согласованным определением невозможна, если признак согласованного определения не является общим, постоянным свойством своего носителя: *лишь одна ночь – долгие лишь одна во времени ночи* – л [Мурзина 1958: 247]. Этим положением косвенно подтвер-

являет собой относительных прилагательных назвать устойчивые, постоянные качества, присущие предмету как бы вне их отношения к характеризующему субъекту, хотя и они выступают следствием конкретизации мира восприятия данной культуры, отличной от другой. Это не может не отразиться в строении их лексической значимой, полемности, семантических полей, наконец, в явлении лексической (и грамматической) двузначности, присущей одному из сравниваемых двух языков. Отсутствие явной лексической выраженности субъективного начала в характеристике относительных прилагательных обуславливает и бедность их парадигмами, выходящей по преимуществу в гетеронимические группы, члены которых выполняют функцию явочного конкретизатора признака. Последняя легко может быть обнаружена в выражениях школьного учебника, однако задумывая это не предусматривается. Ср. текст упражнения № 304 (учебник 5 класса) в разных типах словарей, упражнения № 307 (в сортах перьев)

Развитие речи учащихся, формирование навыков сравнительного и коммуникативно целесообразного использования прилагательных обеспечивается осознанием ряда грамматических единиц, создающих трудности речевого использования: синтаксическая функция кратких и полных форм качественных прилагательных, их лексико-семантическое, морфологическое и синтаксическое различие, особенности прилагательного управления, нормы и варианты в образовании степеней сравнения, нормы ударения в формах имени прилагательного и др.

Отмечаем в материалах учебника различие в синтаксическом функционировании кратких и полных прилагательных имен слов семантическое обозначение И глагол, и имя прилагательное, будучи признаваемыми частями речи, обнаруживают свою общность в сфере предикативного использования. Краткие формы имени прилагательного, специализируясь на выражении именительного состояния и используя в предикативной функции, приобрели черты действительности, активности, свойственные выражению процессуального признака - глаголу. Краткие прилагательные, как и глагол выступают в роли сказуемого, но эта синтаксическая подомеченность отразилась в морфологических признаках лишь глагола. У кратких прилагательных нет таких специализированных примет. Временной признак мыслится потенциально в любом качественном прилагательном, но эта сама временной приуроченности выражена в кратких прилагательных в их употреблении с сложной связкой. Обязательность элементов структуры предложения (модальность, синтаксическое время и лицо) для краткой формы, их постоянное присутствие отягощает коммуникативную значимость кратких форм, что и ведет к их большой категоричности, определенности выражаемого качества. Форма коммуникативных изгусток не позволяет использовать краткую и полную форму прилагательных в предиках своей прилагательной единицы (ср. упражнения № 337, учебник 4 класса). Большой коммуникативный потенциал кратких прилагательных обеспечивает их использование в разных функциональных подсистемах языка (ср. в письме А.М. Горького детям: «...Будьте всю жизнь чутки и отзывчивы к чужому горю»; в поэтическом тексте (§ 70, учебник 5-6 классов): «А вот белки не бела,

белой коже не была»; в упражнении № 544, учебник 5 класса: «Вторые лошади энергичны, быстры... Тихеловны невозмутимо спокойны, медлительны»)

Большая степень информативности краткой формы оценок используется научным стилем (ср. упражнение № 512, учебник 5-6 классов «Защити робки осторожны, дожны и хитры») При наличии соотносительности с полной формой множественной краткой формы служит средством смыслового усиления, выделения: «слаб больше старик то у нас» (ср. менее энергичную форму слабый). При отсутствии соотносительности с полной формой множественной краткой формы выступает еще и как средство разговорности: «Сила ты силаи сказывайте»

Текстообразующие функции имени прилагательного выражаются уже в первом тексте учебника 4 класса «О дятле» Путем соотнесения двух описаний на одну тему выделяется как первичная образно-характеризующая, вторичная функция качественных прилагательных, их значение в точном обозначении признаков цвета, формы, физических свойств, что и создает целостное представление о птице во всей ее качественной определенности и своеобразии Ср.: «Это черная птица с белыми перьями, а на штылке у нее красные, красные перышки. У птицы сильный острый прямой клюв».

Номинативно-характеризующая функция имени прилагательного рождает слова разных его разрядов, создавая описательный характер текста, хотя и в основных текстах метафорического типа, и сочинениях, даны в учебнике 4 класса лишь прилагательные качественные. Ср., например, подбор имен прилагательных в тексте упражнения № 512 (по В. Бианки): широкая река; молодой, но очень умный заяц; страшный треск; большой кузнечик; крошечный кусочек острова; толстые верные деревья; холодная вода; толстый низкий еж. Нарочитое устранение относительных прилагательных обобщает представление о прилагательных как о части речи, объединяющей слова с номинативной функцией, слова показательные, и о его текстовых возможностях

Несмотря на лингвистическую теорию текста, которая служит важнейшей лингвистической основой развития речи, отмечают те свойства прилагательного, которые означают лишь в пределах словоформного единства. Так, тематическое единство прилагательных может служить семантической основой построения текста, как это видно на стихотворении «Гадюга», конструирована база которого прилагательные претобозначения (упражнение № 52, учебник 4 класса). В упражнении № 248 (учебник 5-6 классов) на основе тематической общности прилагательных, характеризующих человека, предлагается составить рассказ по данному началу Необходимость определенной точки отсчета для актуализации значения прилагательных, их ориентация на субъективную характеристику ведет к тому что значение многих из них остается неопределенным вне текста и не раскрывает своей семантики в рамках высказывания, что служит основой intriguingих заголовков и значений текста, стремлениями интерпретовать, привлечь внимание читателя, особенно юного Ср. упражнение № 520 (учебник 5-6 классов) с его значением: «Средняя полоса России страна необъятная». Основная коммуникативная нагрузка ложит на предельно употребленном множественном прилагательном, требующем дальнейшей

текстовой конкретности Или значит в тексте упражнения № 546: «Иногда приходится прибегать к значительным совабым близородство по отношению к алфавиту, где прилагательное качественно передает признаки, нуждающийся в раскрытии, а прилагательное совабы организует тему рассказа.

Ни анализ, ни построение единого текста невозможно без понимания его функционально-стилевой природы. В теоретической части задний школьных учебников отражена функционально-стилевая обусловленность выбора прилагательных. Но в общем виде требование определять заранее стилизовую природу конструируемого текста (деловой или художественной, научной или художественной и т. д.) не подготовило материалом, отражающим стиливое разнообразие функций качественных прилагательных. Эти функции слабо представлены в текстах, что не дает возможности проанализировать текстосображающие свойства качественных прилагательных, отнюдь существующие для разных дискурсивных практик, а не только художественной, но также значимые и для строгих статей науки и в смысле точности обозначения признака, и в указании на наличие ограничения с помощью употребленных сочетаний типа большой гроб, глубокое место, тихий голос и др.

Односторонность освещения признаков прилагательных, крен в сторону художественного описания может создать неверное представление об исключительно описательной функции качественных прилагательных. Отсюда стойкие мнения о «выразительной речи как изобилующей метафорами и клишеми без учета функциональной пригодности текста. Между тем текст упражнения № 532 (учебник 5-6 классов), являющийся в строгом стиле, содержит множество цветообозначений, выполняющих основную коммуникативную функцию, чем в художественном тексте, ориентированном на создание зрительных образов, являющихся (ср. описание снега или радуги). Здесь детализация цветоных оттенков (даже глаза не карие, а коричневатые) служит для показа защитных свойств окраски зайца-русака. Следовательно, в научном отношении использование прилагательных качественных уже содержит элемент объяснения, рассуждения. Стиливая однородность текста создается в синтаксическом параллелизме конструирующей с использованием прилагательных и предикативной функции с нулевой оценкой, сигнализирующей о настоящем историческом, постоянном. Категоричность признаков, активность, связанная с актуализацией во времени, подчеркнута использованием в сказуемом краткой формы. Образная функция прилагательных синта, допустим повтор (ср текст «У зайца-русака глаза коричневатые, усы длинные большие, усы жесткие. Шерсть у зайца густая, сверху коричнево-желтая, с темными пятнами. На шее она желтовато-коричневая, спинка серо-белая. Цвет шерсти меняется зимой и летом. Окраска помогает зайцу спастись от врагов. Зайцы робкие, осторожные, ловкие и хитрые. Здоровые зайцы всегда спастись бегством от своих врагов».

Функционально-стилевая заданность текста отчетливо выступит перед учащимся при конструировании разностилевых текстов (упражнения № 543, учебник 4 класса).

Тесты упрощений школьного учебника позволили остановиться лишь на некоторых семантических позициях прилагательного, имеющей выход в раскрытие речи учащихся

Литература

1. Мурзин М.Н. Семантика несогласованных и согласованных определений // Учен. зап. Куйбышевского пединститута, вып. 26 Куйбышев, 1959.
2. Петровский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., - 1956
3. Русский язык. Учебник для 4 класса. - М., 1973
4. Русский язык. Учебник для 5-6 классов. - М., 1974

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понимание семантической специфики имен прилагательных невозможно без учета их места в кругу приименных слов как одной из разновидностей структурно-семантического типа наименования.

Приименная природа имен прилагательных раскрывается во всей своей полноте лишь при рассмотрении их как слов со стороны лексической семантики. Недостаточная разработанность этого аспекта приводит как к смешению разных типов языковой семантики в истолковании имен прилагательных так и к абсолютизации их формально-грамматических показателей, что постоянно наблюдается как в лексикографической практике, так и при изучении этой части речи в вузах и школе.

Естественно, внимание к лексической семантике имен прилагательных предполагает включение данной проблематики в современный лингвистический контекст, в общую проблематику словарной грамматики, когнитивистики, текстообразования, лингвокультурологии и т. д.

Предметные пособия носят поисковый характер в изучении указанных проблем.